

ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

НЕГМАТОВА ШАХНОЗА РУЗИЕВНА

**СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ
ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА**

**Специальность 5.6.7. История международных отношений и
внешней политики (исторические науки)**

**Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

**Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор
Мирзоев Ниёз Мирзобадалович**

Душанбе - 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. История становления Центральной Азии как одного из важных геополитических центров мира	
1.1 Эволюция терминологического и концептуального осмысления понятия региона «Центральная Азия»	33
1.2 Особенности инфраструктурной специфики формирования региона Центральной Азии.....	48
1.3 Геоэкономические и политико-культурные основы особенностей внешнеполитического поведения стран Центральной Азии.....	78
Глава II. Особенности современных политических взаимоотношений государств Центральной Азии	
2.1 Особенности региональных стратегий Республики Таджикистан и Республики Узбекистан: ключевые задачи и приоритетные направления.....	92
2.2 Особенности региональных стратегий Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Туркменистана.....	133
Глава III. Вопросы безопасности в Центральной Азии через призму международной безопасности	
3.1 Проблемы конфликтности региона Центральной Азии.....	161
3.2. Современная трансформация вызовов и угроз безопасности Центральной Азии.....	189
3.3 Становление и развитие региональных механизмов безопасности в Центральной Азии.....	212
Глава IV. Перспективы интеграции новой Центральной Азии в систему международных отношений	
4.1 Межгосударственные отношения стран Центральной Азии с Российской Федерацией в условиях трансформации регионального порядка (1991–2025 гг.).....	227
4.2 Эволюция стратегического и многоуровневого сотрудничества между Китаем и государствами Центральной Азии (1991–2025гг.): институционализация, вызовы и перспективы.....	256
Заключение.....	278
Список использованных источников и литературы.....	296

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современная система международных отношений переживает этап глубокой трансформации, вызванной демонтажем прежнего однополярного миропорядка и постепенным оформлением полицентричной архитектуры глобального управления. На этом фоне резко возрастает значение региональных подсистем, каждая из которых приобретает всё более выраженное политическое, экономическое и стратегическое измерение. Центральная Азия, как регион, находящийся на перекрёстке интересов крупнейших международных акторов, становится ареной активного геополитического взаимодействия, где формируются новые механизмы партнёрства, конкуренции и стратегического баланса.

С момента обретения независимости странами региона в начале 1990-х годов Центральная Азия прошла путь от фрагментарных двусторонних связей до наращивания потенциала регионального сотрудничества. Особенно ярко этот процесс проявился в последние годы, что выражается в активизации многосторонних форматов, таких как Консультативные встречи глав государств Центральной Азии, расширении экономических и энергетических связей, реализации инфраструктурных проектов и стремлении к координации усилий в сфере водно-энергетических ресурсов и безопасности. Устойчивое развитие региона невозможно без укрепления внутрицентральноазиатского взаимодействия, которое способно сформировать собственную платформу коллективного реагирования на глобальные вызовы.

Особую актуальность приобретают вопросы координации внешнеполитических курсов стран Центральной Азии в условиях многовекторности и диверсификации партнёрств. Каждое из государств региона — Таджикистан, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и Туркменистан — выстраивает свои внешнеполитические приоритеты, при этом стремясь сохранить региональный баланс интересов и обеспечить устойчивое развитие. Возникает потребность в научном осмыслении не только различий, но и точек

соприкосновения в их стратегических подходах, что имеет особое значение в условиях формирующегося полицентричного мира.

Помимо этого, актуальность темы усиливается наличием системных рисков, обусловленных геополитической турбулентностью, нестабильной ситуацией в Афганистане, транснациональными угрозами, такими как терроризм, религиозный экстремизм, наркотрафик, а также экологическими и водными вызовами. В этих условиях страны Центральной Азии всё чаще прибегают к форматам регионального диалога и совместных механизмов реагирования, включая создание координационных органов, проведение совместных учений, укрепление дипломатических каналов и заключение многосторонних соглашений.

Исследование современной конфигурации международных отношений в Центральной Азии в контексте формирования полицентричного мира, с учётом динамики внешнего давления, внутренних преобразований и регионального взаимодействия, представляется чрезвычайно актуальным. Комплексный анализ исторических предпосылок, современных политических стратегий, вопросов безопасности и перспектив институционализации межгосударственных связей позволит выявить тенденции и закономерности, определяющие место Центральной Азии в глобальной системе XXI века.

Актуальность темы исследования также определяется следующими обстоятельствами:

Во-первых, формирующийся полицентричный мировой порядок радикально меняет характер присутствия и конкуренции внешних акторов в Центральной Азии. Усиливающаяся конкуренция глобальных и региональных акторов в Евразии делает Центральную Азию пространством, где пересекаются не только политические и экономические интересы, но и стратегические модели развития. В условиях формирования новых транспортно-энергетических маршрутов, пересмотра логистических цепочек и изменения роли регионов в мировой торговле возрастает необходимость научного анализа того, каким

образом Центральная Азия может использовать открывающиеся возможности для укрепления собственной автономности и устойчивости.

Во-вторых, государства Центральной Азии, пройдя этап первоначального государственного строительства и выхода из постконфликтных и посткризисных состояний, вступили в фазу качественного обновления внешней политики. Наблюдается переход от преимущественно реактивной модели поведения к поиску собственного места в системе международных отношений, что проявляется в многовекторности, росте инициативности и стремлении к укреплению региональной субъектности.

В-третьих, на фоне сохраняющейся нестабильности в Афганистане и расширения спектра транснациональных угроз возрастает потребность в комплексных региональных механизмах безопасности. Это делает необходимым научный анализ того, насколько существующие форматы сотрудничества отвечают новым вызовам и как они могут быть институционально усилены.

В-четвёртых, углубление экономической взаимозависимости государств Центральной Азии, развитие транспортно-логистических, энергетических, водно-ресурсных и цифровых проектов превращают регион в один из ключевых узлов евразийской взаимосвязанности. От того, как будут выстроены внешнеполитические курсы и координация между странами региона, во многом зависит их способность использовать транзитный, ресурсный и инфраструктурный потенциал в интересах устойчивого развития, а не в логике односторонней зависимости от внешних центров силы.

В-пятых, несмотря на значительное количество исследований, посвящённых отдельным аспектам международных отношений в Центральной Азии, до настоящего времени отсутствуют комплексные работы, в которых бы в единой концептуальной рамке рассматривались эволюция внешнеполитических стратегий всех пяти государств региона, трансформация региональной архитектуры безопасности и меняющийся характер их взаимодействия с Россией и Китаем в условиях полицентричного мира. Заполнение данного научного

пробела и обуславливает необходимость и актуальность настоящего диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы. Проблематика международных отношений в Центральной Азии охватывает широкий спектр исследований, включая вопросы формирования региональной идентичности, стратегий внешнеполитического позиционирования государств региона, а также трансформации угроз безопасности и институционального взаимодействия в постсоветский период. За последние десятилетия в научной и экспертной литературе сформировалась достаточно обширная база источников, освещающих как исторические, так и современные аспекты международных отношений в Центральной Азии.

Исследовательскую литературу, использованную для написания диссертации условно можно разделить на пять основных групп:

Первую группу составляют работы таджикских исследователей. Научная литература таджикских исследователей, посвящённая международным отношениям Центральной Азии, демонстрирует целостный и внутренне ориентированный взгляд на трансформационные процессы в регионе. Исследования охватывают широкий круг проблем — от внешней политики и безопасности до экономической интеграции, трансграничного сотрудничества и идеологической конфронтации. Внешняя политика Таджикистана и региональное позиционирование являются центральными темами в трудах Рахмона Э.¹, Назарова Т., Сатторзода А.², Сайидзода З.³, Латифова Дж.Л.⁴, Мирзоева Н.М., Сангинова Д.⁵ Эти работы систематизируют внешнеполитические приоритеты

¹Рахмон Э. О современном мире и основных аспектах внешней политики Республики Таджикистан / Э.Рахмон; сост.: З. Ш. Саидов (Сайидзода), М. Р. Камолова. – Душанбе : Контраст, 2022. – 226 с.

²Назаров Т. Н. Современная таджикская дипломатия: монография / Т. Н. Назаров, А. Сатторзода. – Душанбе, 2006. – 224 с.; Он же. Таджикистан: горизонты настоящего и будущего./ Пер. на англ. Л. Лапшина. - Нью-Йорк, 1999. - 26 с.

³Сайидзода З. Ш. Таджикистан: межгосударственные отношения в период становления внешней политики: монография / З. Ш. Сайидзода. – 7-е доп. изд. – Душанбе: Контраст, 2013. – 636 с.; Он же. Внешняя политика Республики Таджикистан (1991–2017 гг.) : учеб. пособие / З. Ш. Сайидов. – Душанбе : Контраст, 2017. – 142 с.

⁴Латифов Дж. Л. (общ. ред.) Республика Таджикистан в условиях геополитических вызовов XXI века: монографический сборник. — Душанбе, 2024. — 300 с.

⁵Мирзоев Н. М., Сангинов Д. Национальные интересы во внешней политике Республики Таджикистан // Вестник Педагогического университета. 2020. № 5 (88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-interesy-vo-vneshney-politiki-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 09.07.2025).

страны, прослеживают эволюцию её стратегии от оборонительного нейтралитета к проактивному региональному взаимодействию и подчёркивают значение Таджикистана как конструктивного участника процессов формирования коллективной региональной архитектуры. Региональная политика стран Центральной Азии рассмотрена в труде таджикского исследователя Абдулло Р.⁶ где показаны ключевые направления трансформации межгосударственного взаимодействия. Проблемы политической модернизации в Республике Таджикистан рассмотрены в труде Муродовой Н.С.⁷

Проблематика безопасности и противодействия транснациональным угрозам занимает важное место в работах Рахмонова А.С.⁸, Искандарова К.⁹, Саидова Ш.Ш.¹⁰, Сафарова С.С.¹¹, Рахимова К.Х.¹², Алиевой Р.Р., Раджабовой Г.К.¹³, Мирзоева Н.М. и Комиловой Х.¹⁴, Бахромзода М.З.¹⁵

⁶Абдулло Р. Таджикистан и региональная интеграция в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2007. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tadzhikistan-i-regionalnaya-integratsiya-v-tsentralnoy-azii-1> (дата обращения: 09.07.2025).

⁷Муродова Н. С. Проблемы политической модернизации в Республике Таджикистан // Научные исследования. — 2017. — № 4 (15). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-politicheskoy-modernizatsii-v-respublike-tadzhikistan> (дата обращения: 02.12.2025).

⁸Рахмонов А.С. Роль и место республики Таджикистан в системе безопасности и противодействия современным нетрадиционным угрозам в ЦАР // Вестник ТГУПБП. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-respubliki-tadjikistan-v-sisteme-bezopasnosti-i-protivodeystvie-sovremennym-netraditsionnym-ugrozam-v-tsar> (дата обращения: 05.04.2024)

⁹Искандаров К. Афганистан в период правительства национального единства: политические процессы и проблемы безопасности : монография / К. Искандаров. – Душанбе : НАН РТ, 2022. – 352 с.

¹⁰Саидов Ш. Ш. Исламский фактор в политических процессах Центральной Азии // Вестник ТГУПБП. 2013. № 1 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-faktor-v-politicheskikh-protsessah-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 09.07.2025).

¹¹Сафаров С. С. Общие интересы Центральной Евразии как фактор противостояния новым угрозам безопасности: взгляд из Таджикистана // Постсоветский материк. 2014. № 3 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-interesy-tsentralnoy-evrazii-kak-faktor-protivostoyaniya-novym-ugrozam-bezopasnosti-vzglyad-iz-tadzhikistana> (дата обращения: 09.07.2025).

¹²Рахимов К. Х. Международно-правовые основы сотрудничества Республики Таджикистан с ШОС в сфере обеспечения безопасности и стабильности в многополярном мире // Постсоветские исследования. 2019. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-osnovy-sotrudnichestva-respubliki-tadzhikistan-s-shos-v-sfere-obespecheniya-bezopasnosti-i-stabilnosti-v> (дата обращения: 09.07.2025).

¹³Алиева Р. Р., Раджабова Г. К. Военно-техническое сотрудничество Республики Таджикистан и Российской Федерации в обеспечении региональной безопасности государств Центральной Азии // Society and Security Insights. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-tehnicheskoe-sotrudnichestvo-respubliki-tadzhikistan-i-rossiyskoy-federatsii-v-obespechenii-regionalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 09.07.2025).

¹⁴Мирзоев Н. М., Комилова Х. Обеспечение национальной безопасности Республики Таджикистан как гарант региональной стабильности в ЦА // Вестник Педагогического университета. 2019. № 6 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-natsionalnoy-bezopasnosti-respubliki-tadzhikistan-kak-garant-regionalnoy-stabilnosti-v-tsa> (дата обращения: 09.07.2025).

¹⁵Бахромзода М. З. Позиция Таджикистана по урегулированию ситуации в Афганистане // Русская политология. 2021. № 3 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsiya-tadzhikistana-po-uregulirovaniyu-situatsii-v-afganistane> (дата обращения: 09.07.2025).

Тематика трансграничного сотрудничества, сотрудничества в интеграционных группировках и вопросы водной дипломатии представлены в научных исследованиях Мирзоева Н.М.¹⁶, Комиловой Х.Г.¹⁷, Мухаббатова Х.М.¹⁸, Шарипова А.Н., Назарова Б.Б.¹⁹ и Каюмова Н.К.²⁰

Политические трансформации и внутрирегиональные вызовы анализируются в работе Саидова Х.С., Наими И.Н.²¹. Историография конфликтов и трансграничных инцидентов представлена публикациями Рахнамо А.²², Раджабзода А.Н.²³, Ниязи А.Ш.²⁴, Хамидова М.Б. и Курныкина О.Ю.²⁵ Эти труды опираются на документы и правовые источники, раскрывая динамику пограничных конфликтов, а также инструменты их разрешения.

В целом, научные изыскания таджикских исследователей демонстрируют высокую степень разработанности проблематики международных отношений

¹⁶ Мирзоев Н. М. Таджикистан – Шанхайская организация сотрудничества: векторы сотрудничества. – Душанбе, 2014. – 192 с.

¹⁷ Комилова Х.Г. Центральная Азия в условиях формирования нового мирового порядка / Х.Г. Комилова. Монография. – Душанбе: РТСУ, 2020. – 154 с.

¹⁸ Мухаббатов, Х. М. Водные ресурсы Таджикистана и проблемы водопользования в Центральной Азии / Х. М. Мухаббатов, доктор географических наук, заведующий отделом географии при Президенте АН Республики Таджикистан. – Режим доступа: <https://ecogofond.kz/wp-content/uploads/2019/09/CA.D.250-Vodnye-resursy-Tadzhikistana-i-problemy-vodopolzovaniya-v-Centralnoj-Azii.pdf> (дата обращения: 10.07.2025)

¹⁹ Шарипов А. Н., Назаров Б. Б. Роль водной дипломатии Республики Таджикистан в решении общих проблем современного мира // Вестник науки. 2025. № 5 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vodnoy-diplomatii-respubliki-tadzhikistan-v-reshenii-obshchih-problem-sovremennogo-mira> (дата обращения: 09.07.2025).

²⁰ Каюмов Н. К. К вопросу об обеспечении водноэнергетической безопасности Таджикистана в условиях глобализации мирового хозяйства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 2 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-obespechenii-vodnoenergeticheskoy-bezopasnosti-tadzhikistana-v-sloviyah-globalizatsii-mirovogo-hozyaystva> (дата обращения: 09.07.2025).

²¹ Саидов Х. С. Как таджикская дипломатия развязала «гордиев узел» / Х. С. Саидов // Таджикистан и современный мир. – 2016. – № 7 (50). – С. 261–273.; Саидов Х. С.; Наими И. Н. Республика Таджикистан: проблемы и факторы развития стратегического партнерства / Х. С. Саидов, И. Н. Наими // Ученые записки Российско-Таджикского (Славянского) университета. Серия: социально-гуманитарные науки. – 2024. – № 2 (4). – С. 47–60.

²² Рахнамо А. Таджикско-кыргызские пограничные конфликты. Кто на самом деле агрессор? — 23 ноября 2022 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/security/20221123/tadzhiksko-kirgizskie-pogranichnye-konflikty-kto-na-samom-dele-agressor> (дата обращения: 25.07.2025)

²³ Раджабзода А. Н. Таджикско-кыргызский пограничный конфликт: история, предпосылки и проблемы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.facebook.com/groups/1469126009893987/posts/2304631573010089/> (дата обращения: 25.07.2025).

²⁴ Ниязи А. Ш. Ворух – территория таджикско-киргизского раздора. К вопросу о размежевании предвоенного периода (1928–1941). Часть 2 // Россия и мусульманский мир. 2023. № 3 (329). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voruh-territoriya-tadzhiksko-kirgizskogo-razdora-k-voprosu-o-razmezhevanii-predvoennogo-perioda-1928-1941-chast-2> (дата обращения: 11.07.2025).

²⁵ Хамидов М.Б., Курныкин О.Ю. Национально-территориальное разграничение в Средней Азии в 1920-х гг.: зарождение пограничных споров // Известия АлтГУ. 2023. № 2 (130). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-territorialnoe-razgranichenie-v-sredney-azii-v-1920-h-gg-zarozhdenie-pogranichnyh-sporov> (дата обращения: 11.07.2025); Хамидов М.Б., Курныкин О.Ю. Формирование кыргызско-таджикской границы в Ферганской долине: пограничные переговоры и конфликтный потенциал // Известия АлтГУ. 2024. № 3 (137). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kyrgyzsko-tadzhikskoy-granitsy-v-ferganskoy-doline-pogranichnye-peregovory-i-konfliktnyy-potentsial> (дата обращения: 11.07.2025)

Центральной Азии, включая как общетеоретические подходы, так и прикладной анализ конкретных региональных процессов. Выделяется стремление к комплексному пониманию политико-экономических реалий региона с учётом национальных интересов, что делает эту группу источников значимой для формирования методологического фундамента исследования.

Ко второй группе относятся труды казахстанских, кыргызских, узбекских и туркменских исследователей. Исследования учёных из Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Туркменистана вносят весомый вклад в осмысление процессов региональной трансформации Центральной Азии, формирование механизмов межгосударственного взаимодействия и интерпретацию геополитических реалий с позиций национальных стратегий развития. Для данной группы характерно акцентирование внимания на практических аспектах внешней политики, экономической интеграции, трансграничной безопасности и социокультурных вызовах.

В казахстанской научной традиции доминируют работы, посвящённые вопросам геополитики, евразийской интеграции, транспортной инфраструктуры и многовекторной внешней политики. Историографический и теоретический ракурс проблематики представляет труд Кадырбаева А.Ш.²⁶, анализирующий политические и социально-экономические трансформации стран Центральной Азии в постсоветский период. Фундаментальную концептуальную основу казахстанской государственности и внешней политики представляет труд Назарбаева Н.А.²⁷, в котором определены исторические этапы становления Казахстана, принципы модернизации, приоритеты внешней политики и стратегические цели развития. Широкий политико-концептуальный контекст присутствует в работе Токаева К.²⁸, где осмысливается место Казахстана в условиях глобализации и описываются ключевые направления модернизации внешней

²⁶ Кадырбаев А. Ш. Страны Центральной Азии в постсоветский период [Электронный ресурс] / А. Ш. Кадырбаев. — Режим доступа: <https://www.socionauki.ru/book/files/Monitoring/197-257.pdf> (дата обращения: 02.02.2025).

²⁷ Назарбаев Н. А. Казахстанский путь. — Астана: Елбасы, 2007. — 372 с.

²⁸ Токаев Т.К. Казахстан в условиях глобализации // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2009. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kazakhstan-v-usloviyah-globalizatsii> (дата обращения: 06.07.2025).

политики. Проблематика безопасности и трансграничного взаимодействия в контексте Казахстана исследована в работе Алимжанова С.Д.²⁹.

Значительный вклад в освещение инфраструктурной динамики Казахстана внесён работой Омиргазы Д.³⁰, исследующей комплексную модернизацию железнодорожной системы страны и её влияние на закрепление статуса Казахстана как ключевого евразийского транзитного узла. Исследования Бекмурзаева Н.³¹ направляют внимание на мотивы растущего участия Китая в секторе возобновляемой энергетики Казахстана. Современные тенденции политического сотрудничества между Казахстаном и Таджикистаном представлены в материале Караева С.³², где фиксируется расширение межгосударственного взаимодействия, включая экономическую, гуманитарную и политическую составляющие.

Кыргызские исследователи демонстрируют особое внимание к трансграничному взаимодействию, водной проблематике и безопасности. Существенный анализ угроз внутренней и региональной безопасности проведен Кудаяровым К.А.³³, который выявляет уязвимости Кыргызстана перед трансграничными рисками, внутренними социально-политическими факторами и нестабильностью в соседних государствах.

Институциональный и политический анализ внутренней и внешней политики республики представлен в работе Осмоналиева К. и Карагулова А.³⁴

²⁹ Алимжанов С. Д. Меры по укреплению доверия в районе государственных границ между государствами-членами СНГ и Китайской Народной Республикой // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2009. №1 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mery-po-ukrepleniyu-doveriya-v-rayone-gosudarstvennyh-granits-mezhdu-gosudarstvami-chlenami-sng-i-kitayskoy-narodnoy-respublikoy> (дата обращения: 30.07.2025).

³⁰ Omirgazy D. Kazakhstan Overhauls Railway Infrastructure to Cement Role as Global Transit Hub // The Astana Times. 2025. 19 August. URL: <https://astanatimes.com/2025/08/kazakhstan-overhauls-railway-infrastructure-to-cement-role-as-global-transit-hub/> (дата обращения: 05.07.2025).

³¹ Bekmurzaev N., Hioe B. Why is China investing in renewable energy in Kazakhstan? [Электронный ресурс] // Global Voices. – 10.04.2025. – Режим доступа: <https://globalvoices.org/2025/04/10/why-is-china-investing-in-renewable-energy-in-kazakhstan/> (дата обращения: 25.07.2025).

³² Караев С. Казахстан и Таджикистан вышли на новый уровень сотрудничества// Asia-Plus. – 11.12.2024. – URL: <https://tr.eastera.tj/news/tajikistan/politics/20241211/kazakhstan-i-tadzhikistan-vishli-na-novii-uroven-sotrudnichestva> (дата обращения: 15.04.2025).

³³ Кудаяров К. А. Внутрирегиональные проблемы безопасности Центральной Азии: на примере Кыргызстана // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutriregionalnye-problemy-bezopasnosti-tsentralnoy-azii-na-primere-kyrgyzstana> (дата обращения: 12.07.2025).

³⁴ Осмоналиев К., Карагулов А. Исламский фактор во внешней политике центрально-азиатских государств // Журнал центрально-азиатских и евразийских исследований. 2021. № 4. URL:

Роль Кыргызстана в архитектуре многосторонней безопасности освещена в работе Балтабаева Ж.Р.³⁵ Сотрудничество с Китаем раскрыто в работе Иманалиева М.С. и Джоробековой А.Э.³⁶, где анализируются концептуальные основы кыргызско-китайских отношений в контексте инициативы «Экономического пояса Шёлкового пути». Связь региональной политической динамики и безопасности Кыргызстана рассматривается в исследовании Бостонкуловой М.Т.³⁷ Автор подчёркивает, что нестабильность в соседних государствах, включая Таджикистан и Афганистан, влияет на внутреннюю ситуацию в республике. Отдельное направление исследований посвящено трансграничной инфраструктуре и транспортным проектам. Рахимов Б.А.³⁸ рассматривает политические и экономические условия реализации китайско-кыргызско-узбекской железной дороги, отмечая, что проект может стать ключевым для экономической интеграции Кыргызстана, но сопряжён с высоким уровнем внешней зависимости.

Узбекская академическая школа традиционно сильна в исследовании внешней политики, религиозной безопасности, экономической дипломатии и трансграничного сотрудничества. Одним из значимых исследовательских направлений является изучение основных принципов и структурных элементов внешней политики Узбекистана. В работе Журакулова А.Ф.³⁹ представлен системный обзор институциональных основ, нормативных документов и

<https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-faktor-vo-vneshney-politike-tsentralno-aziatskih-gosudarstv-1> (дата обращения: 12.07.2025).

³⁵ Балтабаев Ж. Р. Место Кыргызстана в развитии сотрудничества в области безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Наука, техника и образование. 2020. № 9 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-kyrgyzstana-v-razvitii-cotrudnichestva-v-oblasti-bezopasnosti-v-ramkah-shanhayскоy-organizatsii-cotrudnichestva> (дата обращения: 12.07.2025).

³⁶ Иманалиев М. С., Джоробекова А. Э. Концептуальные основы взаимоотношений Кыргызстана и Китая в свете инициативы Си Цзиньпина о совместном строительстве «экономического пояса Шёлкового пути» // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-vzaimootnosheniy-kyrgyzstana-i-kitaya-v-svete-initsiativy-si-tszinpinga-o-sovmestnom-stroitelstve-ekonomicheskogo> (дата обращения: 12.07.2025).

³⁷ Бостонкулова М. Т. Политическая ситуация в Центральной Азии и национальная безопасность Кыргызстана // Символ науки. 2015. № 9-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-situatsiya-v-tsentralnoy-azii-i-natsionalnaya-bezopasnost-kyrgyzstana> (дата обращения: 12.07.2025).

³⁸ Рахимов Б. А. Реализация международных транспортных проектов в Кыргызстане: перспектива строительства железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-mezhdunarodnyh-transportnyh-proektov-v-kyrgyzstane-perspektiva-stroitelstva-zheleznoy-dorogi-kitay-kyrgyzstan> (дата обращения: 12.07.2025).

³⁹ Журакулов А. Ф. Внешняя политика Республики Узбекистан // Scientific Progress. — 2021. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-respubliki-uzbekistan-1> (дата обращения: 02.02.2025).

практических шагов страны в сфере дипломатии. Сходные тематические акценты присутствуют в работе Обидова А.⁴⁰, где внешняя политика Узбекистана рассматривается в контексте развития взаимодействия с мировыми и региональными структурами. Исследователь фиксирует эволюцию дипломатического курса в период перехода к более открытой и ориентированной на международное партнёрство политике.

Вопросы обновления внешней политики в период становления «Нового Узбекистана» раскрываются в исследовании Юлдашевой Г.⁴¹ Особое место среди современных работ занимает исследование Мавланова И.⁴², посвящённое трансформации внешнеэкономической политики Узбекистана и развитию экономической дипломатии. Автор показывает, что экономическая дипломатия становится ключевым инструментом интеграции Узбекистана в международные внешнеторговые связи. Работа Кулуевой Ф.Г.⁴³, посвящена национальной стратегии и плану противодействия коррупции.

Экономическая интеграция Узбекистана и её потенциальные направления подробно раскрываются в исследовании Файзуллаева Ш. С. У., Сурковой А. А. и Хайитова Ж. С. У., где рассматриваются экономические интересы и перспективы интеграции Узбекистана в Евразийский экономический союз.⁴⁴ Отдельное и крайне важное направление научного анализа представлено в исследовании Мирзоева С. Т., посвящённом роли Афганистана во внешней политике

⁴⁰ Обидов А. Внешняя политика Республики Узбекистан // Россия и мусульманский мир. 2019. №2 (312). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-respubliki-uzbekistan> (дата обращения: 04.07.2025).

⁴¹ Юлдашева Г. Внешняя политика нового Узбекистана и его особенности // ORIENSS. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-novogo-uzbekistana-i-ego-osobennosti> (дата обращения: 04.07.2025).

⁴² Мавланов И. Стратегия внешнеэкономической политики Нового Узбекистана – трансформация экономической дипломатии. ResearchGate, January 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/390300165_Strategia_vnesneekonomiceskoj_politiki_Novogo_Uzbekistan_a_-_transformacia_ekonomiceskoj_diplomatii (дата обращения: 04.07.2025).

⁴³ Кулуева Ф. Г. Национальная стратегия противодействия коррупции и национальный план противодействия коррупции // Наука, техника и образование. 2020. № 1 (65). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-strategiya-protivodeystviya-korrupsii-i-natsionalnyy-plan-protivodeystviya-korrupsii> (дата обращения: 14.07.2025).

⁴⁴ Файзуллаев Ш. С. У., Суркова А. А., Хайитов Ж. С. У. Экономические интересы и перспективы интеграции Узбекистана в Евразийский экономический союз // Региональная и отраслевая экономика. 2025. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-interesy-i-perspektivy-integratsii-uzbekistana-v-evraziyskiy-ekonomicheskii-soyuz> (дата обращения: 14.07.2025).

Узбекистана⁴⁵. Автор подчёркивает, что стабилизация Афганистана является ключевым элементом региональной стабильности.

Туркменские исследователи, несмотря на сравнительно ограниченное количество публикаций, предлагают интересный взгляд на вопросы нейтралитета, внешнеполитического позиционирования и регионального партнёрства. Стоит отметить труд Мамедова Дж. и Мамедова Б. Дж.⁴⁶, который рассматривает концептуальные основания туркменской дипломатической модели, акцентирует её связь с идеей неприсоединения и самостоятельного позиционирования страны на международной арене. Также интересно исследование Мирзеханова В.С. и Тюльпакова М.В.⁴⁷, в котором нейтралитет Туркменистана рассматривается в динамике постсоветского периода. На материале обширного круга источников уточняются внешнеполитические приоритеты Ашхабада, в том числе на региональном уровне, прослеживаются этапы адаптации первоначальной концепции к трансформирующимся международным условиям, анализируются факторы, обусловившие закрепление позитивного нейтралитета как долгосрочного стратегического ориентира государства. В публикации Реджеповой О.⁴⁸ представлен детальный обзор развития газотранспортной системы страны за годы независимости, включая модернизацию магистральных трубопроводов, расширение экспортных направлений и технологические преобразования.

Таким образом, труды исследователей из Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Туркменистана раскрывают широкий спектр вопросов — от концептов регионализма и безопасности до прагматических аспектов дипломатии

⁴⁵ Мирзоев С. Т. Афганистан во внешней политике Республики Узбекистан // Вестник Педагогического университета. 2019. № 2 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/afganistan-vo-vneshney-politike-respubliki-uzbekistan> (дата обращения: 14.07.2025).

⁴⁶ Мамедов Дж., Мамедов Б. Дж. Концептуальные основы внешней политики Туркменистана как нейтрального государства // Символ науки. — 2024. — № 4-2-3. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnyye-osnovy-vneshney-politiki-turkmenistana-kak-neytralnogo-gosudarstva> (дата обращения: 17.07.2025)

⁴⁷ Мирзеханов В. С., Тюльпаков М. В. Доктрина позитивного нейтралитета и внешнеполитические приоритеты постсоветской Туркмении // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. — 2018. — № 3. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-pozitivnogo-neytraliteta-i-vneshnepoliticheskie-prioritety-postsovetskoy-turkmenii> (дата обращения: 17.07.2025).

⁴⁸ Реджепова О. Развитие газотранспортной системы Туркменистана за годы независимости [Электронный ресурс] // Официальный сайт Туркменистана. — Режим доступа: <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/55378/razvitie-gazotransportnoj-sistemy-turkmenistana-za-gody-nezavisimosti> (дата обращения: 17.07.2025).

и экономики. Эти исследования обеспечивают многогранный подход к пониманию политико-экономической динамики Центральной Азии, позволяют сопоставлять модели национального развития и формируют представление о разнообразии стратегий в рамках полицентричного регионального порядка.

К третьей группе относятся публикации российских авторов. Российская научная школа играет ключевую роль в изучении международных отношений и геополитической динамики Центральной Азии. Исследования российских авторов отличаются глубокой теоретико-методологической проработанностью, широким охватом проблематики — от стратегической безопасности и региональной политики до интеграционных процессов и глобальных вызовов. Наиболее ценные разработки представлены в виде научных монографий, коллективных трудов и научных статей.

Теоретико-методологическую основу анализа составляют работы Воскресенского А.Д.⁴⁹, Суздальцева А.И. и Курковой Д.В.⁵⁰ последовательно развивающих концепции регионализации, региональных подсистем и региональных комплексов. В трудах авторов обосновано, что региональные структуры международных отношений обладают собственной автономной логикой, а их эволюция отражает не только внешние воздействия, но и внутренние ресурсы развития. Содержательное наполнение регионального анализа углубляется в фундаментальном издании по международным отношениям под редакцией Торкунова А.В. и Мальгина А.В.⁵¹ В этой работе рассматривается методология изучения мировой политики, что позволяет

⁴⁹ Воскресенский А. Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. — 2012. — № 2 (8). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-regionalizatsii-regionalnyh-podsystem-regionalnyh-kompleksov-i-regionalnyh-transformatsiy-v-sovremennyh-mezhdunarodnyh> (дата обращения: 01.12.2024).; Он же. Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений // Современные международные отношения и мировая политика: учебник для вузов / отв. ред. А. В. Торкунов; МГИМО(У) МИД России. — М.: Просвещение, 2004. — С. 494–500.

⁵⁰ Суздальцев А. И., Куркова Д. В. Внешняя политика России в Центральной Азии // Россия и Китай в евразийской интеграции: сотрудничество или соперничество? / сост. М. В. Братерский. — М.: Нестор-История, 2015. — С. 116–134. — Режим доступа: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/mkvmlqqjgt/144789099.pdf> (дата обращения: 17.07.2025).

⁵¹ Современные международные отношения: учебник / под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. — Москва: Аспект Пресс, 2012. — 688 с. — URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/ZMx4JpMyRiw_BHTyhSZKTwUzAe7tTnhHO8IE6be7JXX3eo-dWYyaWZzGZAPQd1NkW8VkleeteB58W0550t4VqGQmVHLgbghdgQWgg6wSPR_QHw66z8cWL3g/torkunov_a_malgin_a_sovremennye_mezhdunarodnye_otnosheniya.pdf (дата обращения: 10.07.2025).

интерпретировать центральноазиатскую динамику через призму глобальных и региональных процессов.

Заметное место в российской историографии принадлежит труду Богатурова А.Д., Дундича А.С. и Коргуна В.Г.⁵², где Центральная Азия рассматривается в контексте институционального оформления постсоветского пространства. Особое направление исследований связано с работой Казанцева А.А.⁵³, в которой Центральная Азия представлена как пространство конкурирующих стратегий мировых держав. Автор показывает специфику взаимодействия внешних акторов в условиях неопределённости международных норм и институциональных рамок, предлагая концептуальные модели анализа новой «Большой игры».

Вопросы внешней политики постсоветских государств и эволюции политической идентичности нашли отражение в монографии Шишкиной О.В.⁵⁴. Тема региональной безопасности и трансформации угроз представлена в работе Васенцовой Е.С.⁵⁵, где анализируются радикальные и экстремистские движения Центральной Азии. Автор исследует природу исламского радикализма, его структурные особенности и влияние на региональную устойчивость.

Значительный вклад в изучение политических трансформаций региона внесли труды Медушевского А.Н.⁵⁶, Ларюэль М.⁵⁷ посвящённые эволюции политических режимов Центральной Азии и конституционным реформам. Историко-географические аспекты изучения региона представлены в

⁵² Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: учебное пособие для вузов / А. Д. Богатуров, А. С. Дундич, В. Г. Коргун и др.; отв. ред. А. Д. Богатуров. — Москва: Аспект Пресс, 2011 - 549 с

⁵³ Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. — Москва: МГИМО-Университет, 2008. — URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/559/55956fb39207dbd6dd783339b4b5b7e4.pdf> (дата обращения: 14.07.2025)

⁵⁴ Шишкина О. В. Post-Soviet Foreign Policy Foundations: State Interests vs. Identities: монография / О. В. Шишкина. — Москва: МГИМО-Университет, 2015. — 216 с.

⁵⁵ Васенцова Е.С. Исламистские организации Центральной Азии // КиберЛенинка [Электронный ресурс]. — 2016. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamistskie-organizatsii-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 16.07.2025).

⁵⁶ Медушевский А. Н. Политические режимы Средней Азии: конституционные реформы в рамках авторитарной модернизации // Сравнительное конституционное обозрение. — 2012. — № 4 (89). — С. 45–60. — URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/0fbxmms6jv/direct/67971293> (дата обращения: 22.03.2021).

⁵⁷ Ларюэль М. Внешняя политика и идентичность в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Pro et Contra. — 2013 (январь-апрель). — С. 6–20. — Режим доступа: https://carnegie-production-assets.s3.amazonaws.com/static/files/ProEtContra_58_6-20.pdf (дата обращения: 02.02.2025).

классической работе Шпринцина А.Г.⁵⁸, посвящённой топонимическим обозначениям «Средняя Азия» и «Центральная Азия». Его анализ демонстрирует культурно-языковую специфику формирования региональных представлений и имеет методологическую ценность для исследований терминологической эволюции.

Таким образом, российская научная литература обладает высоким уровнем аналитической глубины и охватывает как стратегические, так и прикладные аспекты международных отношений Центральной Азии. Особо ценными являются работы, в которых предлагается как историко-политический анализ, так и перспективные концепты трансформации регионального порядка. В контексте формирования полицентричной модели мировой политики, труды российских авторов позволяют объективно оценить как роль России в регионе, так и специфику центральноазиатских государств в глобальной системе координат.

К четвертой группе относятся исследования китайских авторов. Исследовательская традиция китайских авторов, посвящённая месту и роли Китайской Народной Республики в Центральной Азии, сформировалась на пересечении нескольких аналитических направлений, в которых обособились собственные подходы к оценке политических, экономических и гуманитарных форматов взаимодействия КНР со странами региона. Наиболее значимые публикации китайских исследователей демонстрируют широту тематического охвата — от внешнеполитических доктрин до практических измерений энергетического, торгового и культурного сотрудничества.

Обобщающие теоретические концепции представлены в «Концептуальном документе по Инициативе глобальной безопасности»⁵⁹, инициированной лично председателем Си Цзиньпином. В документе закреплены подходы к региональной стабильности, взаимному невмешательству, развитию инициативы «Один пояс - один путь» как невоенного, а институционально-экономического механизма регионализации.

⁵⁸ Шпринцин А. Г. Обозначение топонимов «Средняя Азия» и «Центральная Азия» в различных языках // Страны и народы Востока. Т. 18. — Москва: Наука; Издательство восточной литературы, 1976. — С. 281–287.

⁵⁹ Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Global Security Initiative Concept Paper. – Beijing: MFA of PRC, 2023. – 28 p.

Одним из направлений, получивших заметное развитие, выступает анализ трансформации политики КНР в отношении государств Центральной Азии. В работе Ван Цзюньтао⁶⁰ рассматривается эволюция внешнеполитического курса Китая, уделяется внимание становлению институциональных механизмов диалога и усилению политической составляющей региональной стратегии КНР.

Работы Цюй Сюэпина и Ли Синя⁶¹ представляют собой комплексный анализ торговых и инвестиционных тенденций в Центральной Азии, рассматривая регион одновременно как важное звено Евразийских экономических связей и как пространство конкуренции ключевых внешних игроков.

Особое место в изучении китайско-центральноазиатского взаимодействия принадлежит работам, фокусирующимся на отраслевых аспектах сотрудничества. Анализ энергетической дипломатии КНР, представленный Гуаном Паном⁶², раскрывает стратегическое значение Центральной Азии для обеспечения энергетической безопасности Китая.

Важный вклад в изучение региональных процессов внесла коллективная работа Бао И., Сюлин У., Чена Чинсюня, Свенстрема Н., Зеба Р. и Онга Р.⁶³, в которой политика КНР в Центральной Азии рассматривается в широком геоэкономическом контексте. Авторы подчёркивают, что Пекин последовательно расширяет своё присутствие в регионе через инфраструктурные проекты, участие в многосторонних форматах и формирование устойчивых горизонтальных связей между деловыми кругами стран Центральной Азии.

⁶⁰ Ван Цзюньтао. Политика Китайской Народной Республики в отношении стран Центральной Азии // Россия в глобальном мире. — 2021. — № 20 (43). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-kitayskoy-narodnoy-respubliki-v-otnoshenii-stran-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 19.07.2025).

⁶¹ Цюй Сюэпин. Проблемы и перспективы торгово-экономического сотрудничества Китая и стран Центральной Азии на современном этапе // Общество: политика, экономика, право. — 2024. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-torgovo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-kitaya-i-stran-tsentralnoy-azii-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 19.07.2025).; Ли Синь. Экономические интересы России и Китая в Центральной Азии: сравнительный анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. — 2012. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-interesy-rossii-i-kitaya-v-tsentralnoy-azii-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения: 07.07.2025).

⁶² Гуан Пан. Энергетическая политика Китая и обеспечение энергетической безопасности в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. — 2007. — № 6 (54). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskaya-politika-kitaya-i-obespechenie-energeticheskoy-bezopasnosti-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 07.07.2025).

⁶³ Бао И., Сюлин У., Чен Чинсюнь, Свенстром Н., Зеб Р., Онг Р. Политика Китая в Центральной Азии // Центральная Азия в современном мире: внешнеполитические и геоэкономические аспекты развития. — 2007. — Вып. 2007. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-kitaya-v-tsentralnoy-azii-1> (дата обращения: 19.07.2025).

В совокупности представленные труды формируют устойчивую исследовательскую базу, отражающую широкий спектр вопросов: от исторической эволюции дипломатии КНР в 1990-е годы до современных экономических, энергетических и гуманитарных практик. Китайская научная школа демонстрирует стремление к комплексному осмыслению присутствия Пекина в Центральной Азии, подчёркивая взаимосвязь политических установок, экономических интересов и инструментов «мягкой силы». Несмотря на различия в методологических подходах, авторы сходятся в оценке Центральной Азии как стратегически важного региона для Китая, в котором экономические проекты и политическая дипломатия развиваются параллельно и дополняют друг друга.

Таким образом, китайская академическая литература по Центральной Азии отражает глубоко прагматичный, стратегически выверенный и экономически ориентированный подход к региону. Эти исследования существенно дополняют и обогащают дискурс о полицентричности в международных отношениях, подчёркивая значение «азиатского вектора» в формировании нового мирового порядка.

К пятой группе относятся исследования западных авторов. Научные исследования западных авторов по тематике Центральной Азии представляют собой разностороннюю и методологически богатую традицию, основанную на теориях регионализма, безопасности и глобального управления. Особое внимание уделяется геополитике, энергетике, вопросам идентичности, трансграничному управлению ресурсами, а также конкуренции великих держав. Большинство трудов зарубежных исследователей отличаются сравнительным подходом и стремлением вписать регион Центральной Азии в более широкий международный контекст.

Геополитические и стратегические измерения Центральной Азии глубоко проанализированы в работе С.Старр, в книге «Партнерство Большой Центральной Азии для Афганистана и его соседей»⁶⁴, где предлагается

⁶⁴ Starr, S. F. A Greater Central Asia Partnership for Afghanistan and Its Neighbors // Foreign Affairs. — 2005. — URL: https://www.files.ethz.ch/isn/30296/05_Greater_Central_Asia_Partnership.pdf (дата обращения: 12.07.2025)

концепция «Большой Центральной Азии» как контрбаланс китайско-российскому влиянию. Схожую логику развивает А.Кулей в труде «Формирующаяся политическая экономия ОПОП: проблемы развития взаимосвязанности в Центральной Азии и за ее пределами»⁶⁵, акцентируя внимание на рисках долговой зависимости и ограниченности реального суверенитета стран региона в условиях китайской инвестиционной экспансии.

Энергетическая и инфраструктурная трансформация региона рассмотрена в работе С. Робертс⁶⁶ «Спорная плотина в сталинской Средней Азии: соперничество и «братское сотрудничество» на Сырдарье». В ней анализируется, как энергоносители становятся не только предметом торговли, но и инструментом политики. Исследование раскрывает, как инфраструктурные проекты служили инструментами интеграции.

Трансграничные ресурсы и водная безопасность — одна из ключевых тем зарубежной академической мысли. В работе Э. Вейнсала «Водный конфликт и сотрудничество в Центральной Азии»⁶⁷ рассматриваются механизмы урегулирования конфликтов на базе трансграничного водного сотрудничества. Схожую тематику развивают Дж. Сорг, Б. Моселло и др. в статье «Как справиться с изменением водных ресурсов: опыт бассейна Сырдарьи в Центральной Азии»⁶⁸, где показаны возможности региональной дипломатии.

Идеологические и историко-цивилизационные подходы представлены в классической работе С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и передел мирового порядка»⁶⁹, где Центральная Азия трактуется как пограничная зона между исламским и постсоветским пространствами. Аналогично, М. Левис, К.

⁶⁵ Cooley, A. The Emerging Political Economy of OBOR: The Challenges of Promoting Connectivity in Central Asia and Beyond. — URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/161021_Cooley_OBOR_Web.pdf (дата обращения: 01.05.2025).

⁶⁶ Roberts, F. A Controversial Dam in Stalinist Central Asia: Rivalry and “Fraternal Cooperation” on the Syr Darya // *Ab Imperio*. — 2018. — No. 2. — DOI: 10.1353/imp.2018.0030. — URL: https://dspace.library.uu.nl/bitstream/handle/1874/432679/Roberts2018_ab_imperio_controversial_dam_Stalinist_Central_Asia.pdf?sequence=1 (дата обращения: 02.02.2025).

⁶⁷ Weinthal, E. Water Conflict and Cooperation in Central Asia. — URL: https://hdr.undp.org/system/files/documents/weinthal_rika.pdf (дата обращения: 01.05.2025).

⁶⁸ Sorg, A., Mosello, B., Shalpykova, G., Allan, A., Hill Clarvis, M., Stoffel, M. Coping with Changing Water Resources: The Case of the Syr Darya River Basin in Central Asia // *Environmental Science & Policy*. — 2014. — Vol. 43. — DOI: 10.1016/j.envsci.2013.11.003.

⁶⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 603 с.

Виген в книге «Мифы континентов: критика метагеографии»⁷⁰ критикуют европоцентричный взгляд на регионы и предлагают пересмотреть политико-географическое место Центральной Азии вне навязанных границ.

Региональная идентичность и постсоветская трансформация рассматриваются в работах С. Акинер⁷¹ и А. Франка⁷².

Сравнительный регионализм и теория регионности получают развитие в работе Б. Хеттне и Ф. Сёдербаум⁷³. В частности, «Теоретизация роста регионализма» предлагает теоретическую рамку анализа Центральной Азии как формирующегося регионального комплекса в условиях внешнего давления и внутренней трансформации. Авторы подчёркивают, что уровень «регионности» формируется постепенно — от простой географической сопряжённости к стадии политически консолидированного сообщества, что позволяет применить их модель к оценке динамики взаимодействия стран Центральной Азии.

Экологические и технополитические измерения региона затронуты в труде Дж. Обертрейс⁷⁴, в книге «Имперские мечты о пустыне: выращивание хлопка и ирригация в Центральной Азии», где автор поднимает вопрос о роли инфраструктурных мегапроектов в государственном строительстве. Отмечается, что водные проекты становятся инструментами легитимации государственных стратегий модернизации через которые государства стремятся укрепить свою управляемость и продемонстрировать способность контролировать природные ресурсы в условиях региональной конкуренции.

Таким образом, исследования западных авторов, выполненные преимущественно в рамках западной академической традиции, обеспечивают широкий теоретико-аналитический инструментарий для осмысления процессов,

⁷⁰ Lewis, M. W., Wigen, K. E. *The Myth of Continents: A Critique of Metageography*. — Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1997. -344 p.

⁷¹ Akiner, S. *The Formation of Kazakh Identity: From Tribe to Nation-State*. — London: Royal Institute of International Affairs, 1998. — 83 p.

⁷² Frank, A. G. *The Centrality of Central Asia* // *Bulletin of Concerned Asian Scholars*. — 1992. — Vol. 24, No. 2 (April–June). — P. 50-82

⁷³ Hettne, B., Söderbaum, F. *Theorising the Rise of Regionness* // *New Political Economy*. — 2000. — Vol. 5, No. 3. — P. 457–473. — DOI: 10.1080/713687778. — URL: https://www.researchgate.net/publication/233281294_Theorising_the_Rise_of_Regionness (дата обращения: 01.12.2024).

⁷⁴ Obertreis, J. *Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991*. — Göttingen, Germany: V&R Unipress, 2017. - ISBN 978-3-8471-0786-6. — 536 p.

происходящих в Центральной Азии. Они раскрывают специфику региона как арены столкновения интересов, как лаборатории новых форм регионального управления и как объекта глобальных трансформаций. Эти труды являются неотъемлемой частью научного дискурса и формируют важную сравнительную базу для отечественных и региональных исследований.

Объект исследования - международные отношения стран Центральной Азии, включая формирование и становление региона как самостоятельной геополитической подсистемы.

Предмет исследования - процессы взаимодействия стран Центральной Азии между собой и с внешними акторами в условиях становления полицентричного миропорядка, а также региональные механизмы сотрудничества и безопасности.

Цели и задачи исследования. Целью диссертационной работы является выявление особенностей современных международных отношений в региональной подсистеме - Центральной Азии, определение ключевых направлений внешнеполитических стратегий государств региона и проведение анализа их адаптации к условиям полицентричного мира.

Исходя из этого, автором определены следующие исследовательские задачи:

- Проследить историко-концептуальную эволюцию понимания региона «Центральная Азия» от первых географических интерпретаций XIX века до современных политико-научных трактовок, выявив, как смена методологических подходов, научных парадигм и геополитических приоритетов акторов, участвующих в формировании региональной идентичности влияет на изменение терминологии — от «Средней Азии» к «Центральной Азии».
- Сформулировать и эмпирически проверить инфраструктурно-историческую модель «скрытой интеграции» Центральной Азии, показав как инфраструктурные системы стали определяющим фактором формирования региона Центральной Азии как целостного пространственно-функционального и геополитического образования, как формировали устойчивую материальную

основу региональной интеграции, создавая фактическую «географию сопряжённости».

- Проанализировать, каким образом сочетание геоэкономических факторов и политико-культурных особенностей определяет специфику внешнеполитического курса стран Центральной Азии как адаптивного механизма в условиях полицентричного мирового порядка.

- Выявить приоритетные направления региональной политики Республики Таджикистан и Республики Узбекистан, а также специфику их стратегий по укреплению политической субъектности и регионального сотрудничества.

- Проанализировать политические подходы Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Туркменистана к вопросам региональной кооперации, устойчивого развития и обеспечения стабильности.

- Установить общие и различающиеся векторы внешнеполитических стратегий стран региона, раскрывая их вклад в формирование регионального порядка Центральной Азии.

- Исследовать внутренние и внешние причины конфликтогенности региона, а также выявить ключевые современные угрозы, включая транснациональный терроризм, религиозный экстремизм и нестабильность на границах.

- Проанализировать характер трансформации вызовов безопасности в регионе с учетом изменений глобального и регионального баланса сил в XXI веке.

- Выявить особенности формирования и развития региональных механизмов безопасности в Центральной Азии, включая институциональное сотрудничество в рамках СНГ, ОДКБ, ШОС и других форматов.

- Проанализировать межгосударственные отношения стран Центральной Азии с Российской Федерацией в постсоветский период, выявив основные этапы, формы и противоречия данного взаимодействия.

- Оценить характер и динамику стратегического взаимодействия между Китаем и государствами Центральной Азии, включая институционализацию

инициатив (например, «Один пояс - один путь»), энергетическое и транспортное сотрудничество.

- Дать обобщающую оценку текущему состоянию и перспективам дальнейшего укрепления регионализации стран Центральной Азии в условиях формирования полицентричного мирового порядка.

Научная новизна данного исследования заключается в комплексной и системной концептуализации роли Центральной Азии в условиях формирования полицентричного мирового порядка, а также в выявлении внутренних и внешних факторов, определяющих характер политического, институционального и стратегического взаимодействия государств региона между собой и с двумя ведущими центрами силы — Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой:

- Сформулировано авторское понимание Центральной Азии как самостоятельной геополитической подсистемы, обладающей исторически обусловленной идентичностью, институциональной спецификой и развивающейся субъектностью на международной арене, что позволяет рассматривать регион как активного участника процессов глобального переустройства.

- Обоснован переход стран региона от состояния периферийной зависимости к модели стратегической многовекторности, при которой государства Центральной Азии стремятся не только к сохранению баланса интересов внешних акторов, но и к формированию устойчивых каналов межрегиональной и внутрирегиональной координации.

- Выделены и систематизированы ключевые параметры трансформации региональных стратегий пяти государств Центральной Азии, выявлены как общие черты, так и структурные различия в подходах к обеспечению национальных интересов, региональной устойчивости и интеграции в международные инициативы.

- Разработана типология внешнеполитических взаимодействий между Центральной Азией и двумя ведущими центрами силы — Россией и Китаем,

включающая институционализированные, ресурсно-экономические и гуманитарно-дипломатические уровни, что позволило определить характер и глубину взаимовлияния в долгосрочной перспективе.

- Выявлены внутренние механизмы формирования политического и геоэкономического баланса в регионе, включая устойчивую институционализацию форматов сотрудничества (Консультативные совещания, форумы, водно-энергетические соглашения, интеграционные проекты), с акцентом на их потенциал в обеспечении коллективной устойчивости и безопасности.

- Впервые в отечественной науке обоснована идея о формировании в Центральной Азии элементов региональной политической самостоятельности, проявляющейся в наращивании субъектности, выработке общих подходов к трансграничным вызовам и стремлении к институциональному оформлению регионального консенсуса.

- Дано новое объяснение роли Центральной Азии в глобальных энергетических и транспортно-логистических проектах, что позволило рассмотреть регион не только как объект внешней активности, но и как активный узел евразийской взаимосвязанности, влияющий на формирование трансрегиональных конфигураций.

- Показано, что современные региональные механизмы безопасности в Центральной Азии (в том числе в рамках ШОС и ОДКБ), несмотря на различие подходов, демонстрируют тенденцию к институциональной зрелости и практической применимости, что повышает уровень автономии региона в противодействии транснациональным угрозам.

Таким образом, исследование формирует новое научное представление о Центральной Азии как политически значимом, структурно целостном и стратегически востребованном регионе, способном влиять на динамику международных процессов в Евразии в условиях перехода к полицентричному миру.

Теоретическая и практическая значимость диссертации. Теоретическая значимость работы состоит в развитии научных основ анализа международных отношений и региональных процессов в Центральной Азии в условиях формирования полицентричного миропорядка. В работе создана целостная концептуальная модель региона как самостоятельной геополитической подсистемы, обладающей внутренней логикой развития, исторической идентичностью и растущей международной субъектностью. Исследование расширяет теорию регионализма благодаря разработанной авторской модели «скрытой инфраструктурной интеграции», объясняющей механизмы формирования региональной взаимосвязанности через водно-энергетические, транспортные и коммуникационные системы. Выявленные закономерности внешнеполитического поведения государств Центральной Азии дополняют теоретические подходы к изучению многовекторности и адаптивных стратегий малых и средних государств. Работа вносит вклад в развитие теории безопасности, показывая трансформацию угроз и формирование региональных механизмов реагирования. Таким образом, диссертация формирует теоретическую основу для дальнейших исследований международных отношений, геополитики и региональных процессов на евразийском пространстве.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью применения его результатов при формировании внешнеполитических стратегий и программ регионального сотрудничества государств Центральной Азии. Выводы и рекомендации диссертации могут быть использованы государственными структурами при выработке подходов к укреплению регионального сотрудничества, гармонизации внешнеполитических курсов и совершенствованию механизмов коллективной безопасности. Материалы исследования имеют прикладное значение для разработки стратегий международного взаимодействия, планирования транспортно-энергетических и инфраструктурных проектов, моделирования водно-ресурсной дипломатии и оценки рисков, связанных с трансграничными угрозами и внешним

воздействием. Положения диссертации могут использоваться в работе международных организаций, экспертно-аналитических центров и структур по безопасности при подготовке прогнозов, аналитических обзоров и программ сотрудничества. Результаты также могут быть применены в образовательном процессе при разработке учебных курсов по международным отношениям. В целом, практическая значимость исследования заключается в том, что оно предоставляет научно обоснованную платформу для совершенствования региональной политики, укрепления устойчивости Центральной Азии и повышения её роли в системе международных отношений.

Методология и методы исследования. Методологическая основа исследования опирается на совокупность современных теоретических подходов и концептуальных моделей, позволяющих комплексно раскрыть специфику международных отношений в Центральной Азии в условиях формирования полицентричного мирового порядка. Исследование опирается на принципы системности, историзма, объективности и междисциплинарности, что обеспечивает целостное понимание динамики региональных процессов и внутренних закономерностей развития государств Центральной Азии. В работе применяются общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, обобщение), а также специальные методы международных исследований: системный подход, метод ситуационного анализа, геополитический и институциональный анализ, сравнительно-политический метод.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Формирование полицентричного миропорядка оказывает принципиальное влияние на международные отношения в Центральной Азии. Возрастающая конкуренция между глобальными центрами силы приводит к усилению внешнего давления на регион и формирует условия для активной адаптации внешнеполитических стратегий государств Центральной Азии к новой геополитической реальности.

2. Региональные стратегии государств Центральной Азии становятся более прагматичными и многовекторными. Становление дипломатии,

основанной на балансе интересов между основными внешними партнёрами — Россией, Китаем, США, Турцией, Ираном и ЕС — свидетельствует о стремлении государств региона к сохранению стратегического маневра и укреплению национального суверенитета.

3. Развитие регионального сотрудничества выступает ключевым фактором устойчивости Центральной Азии. Активизация внутрирегионального диалога, рост числа двусторонних и многосторонних инициатив между странами региона способствуют формированию единого подхода к решению общих вызовов, в том числе в сферах энергетики, безопасности, водных ресурсов и логистики.

4. Центральная Азия превращается в самостоятельный геополитический субъект, вырабатывающий внутреннюю повестку дня. Переход от внешне навязанных моделей развития к формированию собственных региональных инициатив отражает рост политической зрелости и интеграционного потенциала стран региона.

5. Региональная безопасность Центральной Азии требует комплексного подхода и институционального укрепления. Транснациональные угрозы, включая терроризм, экстремизм, наркоторговлю, водно-экологические конфликты и нестабильность в Афганистане, требуют согласованных действий стран региона и создания механизмов коллективного реагирования.

6. Углубление межгосударственного взаимодействия способствует выстраиванию общей региональной идентичности. Повышение уровня политической и экономической координации между странами Центральной Азии формирует условия для появления регионального сознания, основанного на исторической общности, культурной близости и стратегических интересах.

7. Международные отношения стран Центральной Азии носят асимметричный характер, что усиливает потребность в выработке единых позиций. Различия в ресурсной базе, политических моделях и внешнеполитических ориентирах не исключают возможности выстраивания

согласованной региональной политики через институциональные и консультационные форматы.

8. Центральная Азия обладает потенциалом быть связующим звеном между Востоком и Западом в рамках формирования новой архитектуры международных коммуникаций. Геостратегическое положение региона и участие в проектах, вроде китайской инициативы «Один пояс - один путь», Транскаспийского маршрута и других трансрегиональных связей, придают дополнительное измерение международной роли Центральной Азии.

9. Роль международных организаций в обеспечении стабильности Центральной Азии сохраняет важное значение, но нуждается в пересмотре эффективности. ШОС, ОДКБ, СНГ и другие структуры требуют активизации инструментов практического взаимодействия, особенно в сфере безопасности, развития и гуманитарного сотрудничества.

10. Исторический анализ Центральной Азии как геополитического центра позволяет выявить устойчивые закономерности и циклы региональной трансформации. Изучение исторических этапов формирования международных связей стран региона служит важной основой для понимания современных вызовов и перспектив.

Степень достоверности результатов исследования. Степень достоверности полученных результатов определяется репрезентативностью и комплексностью использованной источниковой базы, корректностью применённых методов исследования, а также согласованностью выводов с фактическим материалом, отражающим реальную динамику международных отношений в Центральной Азии. Исследование опирается на широкий массив официальных документов, международных соглашений, нормативно-правовых актов, данных региональных и международных организаций, статистических материалов, выступлений руководителей государств и материалов авторитетных аналитических центров, что обеспечивает объективность и полноту эмпирической основы. Достоверность подтверждается также использованием многоплановой научной литературы — монографий, статей, аналитических

докладов отечественных, центральноазиатских, российских, китайских и западных исследователей, представляющих различные научные школы и подходы. Такое сочетание источников позволило минимизировать односторонность интерпретаций и учесть разнообразие точек зрения на ключевые проблемы региональной политики и безопасности. Достоверность выводов обеспечивается применением совокупности общенаучных и специальных методов. Их комплексное использование позволило всесторонне изучить как структурные факторы формирования регионального порядка, так и конкретные политические процессы, что усиливает аргументированность результатов исследования. Корректность интерпретации исторических и современных фактов подтверждается воспроизводимостью полученных выводов при обращении к сопоставимым источникам и альтернативным методологическим подходам. Сопоставление исследовательских данных с официальными позициями государств и динамикой региональных процессов показывает соответствие сделанных выводов объективным тенденциям и региональной практике. Дополнительную надёжность обеспечивают результаты апробации основного материала, отражённые в монографии, научных статьях автора, публикациях в изданиях, входящих в перечень ВАК Российской Федерации и международные индексируемые базы, а также в докладах на международных и республиканских конференциях. Обсуждение ключевых положений исследования в рамках научного сообщества подтверждает их научную состоятельность и признание.

Таким образом, степень достоверности результатов исследования определяется всесторонностью источниковой базы, методологической обоснованностью, логической согласованностью выводов с фактическим материалом и положительными результатами апробации, что позволяет считать полученные результаты научно корректными и надёжными.

Источниковедческая база исследования. Для достижения поставленных задач в диссертационном исследовании был использован массив источников, которые условно можно подразделить на следующие группы.

Первая группа включает законодательные акты и официальные документы, определяющие направления внешней политики и политики безопасности государств. Эта группа включает концепции внешней политики, национальной безопасности и оборонной стратегии, принимаемые на уровне глав государств. Они отражают официальную доктрину, рамочные подходы и приоритеты внешнеполитического поведения государств Центральной Азии, а также России и Китая. Эти документы служат методологической опорой для анализа международных позиций и институционального самопонимания государств региона.⁷⁵

Вторая группа включает межгосударственные политико-правовые документы: договора, соглашения, меморандумы, декларации. Данная группа включает в себя юридически значимые акты, определяющие характер взаимодействия между государствами региона, а также с внешними акторами, такими как Россия и Китай. Эти документы фиксируют ключевые вехи политико-дипломатического сближения, экономического сотрудничества, безопасности, транспортной и водной кооперации.⁷⁶

Третья группа содержит выступления и заявления глав государств и министров иностранных дел ЦА, России и Китая. Материалы этой группы отражают текущую внешнеполитическую риторику, официальные оценки международной обстановки и позиции стран по актуальным вопросам. Выступления лидеров и глав МИД имеют ценность не только как политические

⁷⁵ Концепция внешней политики Республики Таджикистан. — Душанбе, 27 января 2015 г. — Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/main/view/988/kontsepsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 08.07.2025); Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Президентом РФ 31.03.2023 № 229 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. — URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 17.07.2025); Постановление Правительства Республики Казахстан от 9 сентября 1996 г. № 1097 «О Концепции региональной политики Республики Казахстан // Online.zakon.kz.URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006601 (дата обращения: 05.07.2025).; Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годы // Президент Республики Узбекистан. 2017. 7 февраля.URL: <https://president.uz/ru/lists/view/231> (дата обращения: 05.07.2025); Указ Президента Российской Федерации от 10.01.2000 N 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17186/ (дата обращения: 30.07.2025).

⁷⁶ Алма-Атинская декларация. «Об образовании Содружества Независимых Государств». Алма-Ата, 21 декабря 1991 г. URL: <https://hrlibrary.umn.edu/russian/cis/Ralmatydecl.html> (дата обращения: 20.07.2025).; Договор между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан об учреждении организации «Центрально-Азиатское сотрудничество», 28 февраля 2002 г. — Электронный ресурс. — Режим доступа: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=6973 (дата обращения: 20.07.2025) и др.

декларации, но и как источники анализа дипломатической тактики и стратегического планирования.⁷⁷

Четвёртая группа включает аналитические труды, статистические материалы, справочные издания, сборники документов, которые обеспечивающие систематизацию фактов, количественные данные и теоретические обобщения. Эти источники используются для сопоставительного анализа, вывода закономерностей и построения концептуальных моделей.⁷⁸

Широкий спектр использованных источников позволил обеспечить полноту, объективность и научную достоверность исследования, а также обосновать сделанные выводы на основе сопоставительного, исторического и институционального анализа.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в монографии и 32-х статьях автора. Статьи также опубликованы в журналах, включенных в Перечень

⁷⁷ Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на 79-й сессии Ассамблеи ООН. — 25.11.2025. — URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/15801/vystuplenie-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-emomali-rakhmona-na-79-i-sessii-assamblei-onn> (дата обращения: 27.11.2025); Бердымухамедов Г. Выступление Президента Туркменистана на Международной конференции высокого уровня «Политика нейтралитета: международное сотрудничество во имя мира, безопасности и развития» (Ашхабад, 12.12.2015 г.) [Электронный ресурс]. — 12.12.2015. — Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tm/en/articles/30> (дата обращения: 05.07.2025).; Выступление Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева на IV Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, Чолпон-Ата, 21 июля 2022 г. // Акorda. 2022. 21 июля.URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-na-iv-konsultativnoy-vstreche-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-2163148> (дата обращения: 05.07.2025).; Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности» // Президент Республики Узбекистан. 2021. 16 июля.URL: <https://president.uz/ru/lists/view/4484> (дата обращения: 15.07.2025); Рахмон Э. На замке: зачем Таджикистану пояс безопасности вокруг Афганистана // Iz.ru. — 13.01.2022. URL: <https://iz.ru/1276106/ekaterina-tiunina/na-zamke-zachem-tadzhikistanu-poyas-bezopasnosti-vokrug-afganistana>(дата обращения: 20.07.2025); Садыр Жапаров выступил на Консультативной встрече глав государств ЦА/https://24.kg/vlast/301639_sadyir_japarov_vystupil_nakonsultativnoy_vstreche_glav_gosudarstvtsa/ (Дата обращения 22.10.2024); Xi Jinping. Build on the Past to Make Greater Strides in China-Kazakhstan Relations [Электронный ресурс]. — 13.09.2022. — Режим доступа: https://bn.china-embassy.gov.cn/eng/zgxw/202209/t20220913_10765710.htm (дата обращения: 25.07.2025).

⁷⁸ Мухаббатов, Х. М. Водные ресурсы Таджикистана и проблемы водопользования в Центральной Азии / Х. М. Мухаббатов, доктор географических наук, заведующий отделом географии при Президенте АН Республики Таджикистан. — Режим доступа: <https://ecogofond.kz/wp-content/uploads/2019/09/CA.D.250-Vodnye-resursy-Tadzhikistana-i-problemy-vodopolzovaniya-v-Centralnoj-Azii.pdf> (дата обращения: 10.07.2025).; Сафранчук И. Российская политика в Центральной Азии: стратегический контекст. Записка Аналитического центра ОБСЕРВО, № 8. — Ноябрь 2014. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/iblock/d8b/d8be9a2679338e37315ca64bfdd064ad.pdf> (дата обращения: 30.07.2025).; Weinthal, E. Water Conflict and Cooperation in Central Asia. — 36 p. -URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/weinthalrika.pdf> (дата обращения: 01.05.2025).; Cooley, A. The Emerging Political Economy of OBOR: The Challenges of Promoting Connectivity in Central Asia and Beyond. — URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/161021_Cooley_OBOR_Web.pdf (дата обращения: 01.05.2025).

рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации, а также в научных журналах, индексируемых Web of Science. Основные положения диссертации представлялись в виде докладов и выступлений на различных международных, региональных, вузовских научных конференциях, посвящённых вопросам региональной политики и безопасности, международного сотрудничества в Центральной Азии.

Материалы диссертационной работы также были использованы при подготовке учебных курсов для студентов и магистрантов по направлению «международные отношения» в Российско-Таджикском (Славянском) университете и филиале МГУ им. В.М. Ломоносова в г. Душанбе.

Диссертация обсуждалась на заседании отдела гуманитарных и социально-экономических наук Научно-исследовательского института Таджикского национального университета и была рекомендована к защите.

Структура диссертации определяется целью, задачами и логикой исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, разбитых на десять параграфов, а также заключения и списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА I. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК ОДНОГО ИЗ ВАЖНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ МИРА

1.1 Эволюция терминологического и концептуального осмысления понятия региона «Центральная Азия»

Термин «регион» является многозначным и непростым для однозначной интерпретации. Его изучение требует привлечения знаний из разных научных дисциплин. Исследователи сходятся во мнении, что невозможно заранее дать универсальное и исчерпывающее определение данному понятию. Во многом его трактовка зависит от исследовательской области, в рамках которой оно рассматривается. Поэтому в научной среде признано, что не существует одного-единственного подхода к определению региона и процессов, с ним связанных. На практике понятие «регион» считается одним из наиболее сложных и неоднозначных в современной науке о регионах и в международных исследованиях.

Сущность региона заключается в том, что он выступает пространством, в котором формируются жизненные смыслы, развиваются ценностные ориентиры и осуществляется согласование социальной деятельности. Сегодня данный термин активно используется в самых разных научных областях, что свидетельствует о его междисциплинарной природе и широкой исследовательской применимости.⁷⁹

Термин «регион» представляет собой понятие, имеющее различные интерпретации в зависимости от контекста. С одной стороны, его употребляют для обозначения внутреннего территориального деления страны, что связано с административно-правовой трактовкой и во многом соотносится с понятием «район». С другой стороны, под регионом могут понимать часть мировой системы, имеющую значение в международной политике, то есть речь идет о внешнеполитическом или геополитическом аспекте.

⁷⁹ Калиев И. А., Темиров А. О. Понятие региона и региональных подсистем в международных отношениях // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2021. №68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-regiona-i-regionalnyh-podsistem-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah> (дата обращения: 06.06.2025).

Кроме того, границы региона могут формироваться на основе набора критериев либо исходя из его ключевой функции в рамках конкретного анализа. В зависимости от исследовательского подхода можно говорить о географических, экономических, социокультурных или геополитических типах регионов.

Таким образом, региональное деление — это способ аналитического осмысления сложных пространственных систем, в котором выбор критериев определяется научными задачами. Следовательно, понятие региона носит конструктивистский характер и отражает не столько объективную данность, сколько продукт научного обобщения.

В политико-терминологическом аппарате понятие «регион» утвердилось относительно недавно.

Исторически регион трактовался как совокупность административных территорий, объединённых общими природными условиями, этапами социально-экономического развития и историческим опытом. Его также определяли как часть пространства, обладающую устойчивыми особенностями — экономическими, культурными, этнополитическими. В некоторых подходах регион рассматривался как «исторический тип», то есть как результат длительного процесса формирования территориальной идентичности и специфики.

С точки зрения физико-географии регион представляет собой достаточно обширный участок земной поверхности, который характеризуется определенными природно-географическими особенностями и четкими географическими границами. Это самостоятельная пространственная единица, выделяемая по совокупности природных признаков.

В экономической науке под регионом обычно подразумевается крупная часть территории государства, обладающая относительным природным и ресурсным единством, а также определённым направлением экономического развития. Такое развитие строится на взаимодействии природных ресурсов с уже

существующей и перспективной инфраструктурой — производственной, технической и социальной.

В широком понимании регион (от лат. *regio* — область, край) — это определённая часть территории, как в пределах одного государства, так и охватывающая несколько стран, обладающая схожими природными характеристиками и специфическими особенностями в организации производительных сил⁸⁰. Эти особенности формируются за счёт сочетания природных ресурсов с материально-технической базой и социальной структурой, а также с учетом конкретного социально-политического контекста.

Шведский ученый М. Гуннарссон считает, что регион - это взаимодействие «акторов» и институтов в рамках данной географической территории.⁸¹ Американский политолог К. Дойч, давая определение региону, считает, что последний представляет собой группу стран, которые по многим параметрам больше взаимосвязаны между собой, чем с иными странами.⁸²

Следует подчеркнуть, что в научном дискурсе всё большую значимость приобретает категория «международно-политический регион». По мнению доктора политических наук, профессора А. Д. Воскресенского, под этим понятием понимается региональная форма международных процессов, опирающаяся на территориально-экономическую и национально-культурную основу. Такая основа формируется за счёт совокупности однородных характеристик — географических, природных, экономических, социальных, исторических и культурно-национальных. Именно они служат мотивацией для выделения данного региона как целостного образования.⁸³

⁸⁰ Политическая энциклопедия. В 2-х томах. Том 1. Под ред. Г.Ю. Семигина. - М., «Мысль», 1999. - С. 331

⁸¹ Gunnarsson, M. Regionalism and Security – Two Concepts in the Wind of Change // Risk and Nuclear Waste: Risk Perceptions and Societal Responses to Nuclear Waste in the Barents Region / ed. by P. Axensten. — Umeå: Cerum, Umeå University, 2002. — Available at: http://www.umu.se/cerum/publikationer/pdfs/NSB_1_00_6_1.pdf (accessed: 15.01.2025).

⁸² Deutsch, K. On Nationalism, World Regions, and the Nature of the West // Mobilization, Center–Periphery Structure and Nation-Building: A Volume in Commemoration of Stein Rokkan / ed. by Per Torsvik. — Bergen; Oslo; Toronto: Universitetsforlaget, 1981. P. 51–93.

⁸³ Воскресенский А.Д. Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений / А. Д. Воскресенский // Современные международные отношения и мировая политика: Учебник для вузов / Отв. ред. А.В. Торкунов; МГИМО(У) МИД России. – М.: Просвещение, 2004. С. 494-500.

Воскресенский отмечает, что международно-политический регион представляет собой специфическую совокупность внешнеполитических и международных взаимодействий, объединённых общей логикой развития и структурой. При этом характер этой структуры тесно связан с историко-географическим контекстом, в котором функционирует данный регион. Таким образом, структура и пространственно-временные координаты его существования находятся в тесной взаимозависимости.⁸⁴

В рамках эволюционного подхода к осмыслению международных регионов шведские исследователи Бьёрн Хеттне и Фредрик Сёдербаум⁸⁵ предложили оригинальную научную концепцию, введя в политологический обиход термин «регионность» (regionness). Этот термин отражает степень зрелости региона как субъекта, способного к самостоятельному выражению интересов и реализации коллективных решений — то, что они обозначают как regional solution (региональное решение).

По мнению Хеттне и Сёдербаума, формирование региона как политико-социального явления проходит несколько стадий.

На первой, пререгиональной фазе, происходит формирование социальной и географической основы потенциального региона — речь идёт лишь о начальных очертаниях будущего единства.

Вторая стадия — этап регионализации, когда появляются устойчивые, пусть даже частично формальные, формы взаимодействия и координации между странами или иными субъектами региона.

Заключительная стадия характеризуется появлением институциональной структуры, осознанием общей идентичности, внутренней легитимности и дееспособности. Всё это превращает регион в полноправного участника международных отношений.

⁸⁴ Воскресенский А. Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. — 2012. — № 2 (8). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-regionalizatsii-regionalnyh-podsystem-regionalnyh-kompleksov-i-regionalnyh-transformatsiy-v-sovremennyh-mezhdunarodnyh> (дата обращения: 01.12.2024).

⁸⁵ Hettne, B., Söderbaum, F. Theorising the Rise of Regionness // New Political Economy. — 2000. — Vol. 5, No. 3. — P. 457–473. — DOI: 10.1080/713687778. — URL: https://www.researchgate.net/publication/233281294_Theorising_the_Rise_of_Regionness (дата обращения: 01.12.2024).

Разработка понятия «регионность» позволила шведским авторам внести системность в дискуссию о природе региона и региональных трансформациях. Регион, по аналогии с другими социальными образованиями, способен переживать различные фазы — от роста и укрепления до упадка и дезинтеграции. В этой связи особое внимание уделяется таким явлениям, как регионализация (процесс углубления взаимодействия в рамках региона) и регионализм (идеологическое оформление этого процесса).

В условиях современного мира регион начинает выполнять двойственную функцию в глобальной системе. С одной стороны, он может стать основой для формирования наднациональной идентичности и способствовать развитию интеграционных инициатив. С другой — служить инструментом защиты национального суверенитета, укрепления изоляционистских позиций и реализации антиглобалистской повестки. Регион зачастую проявляется как пространственно-временной элемент глобального порядка, структура которого выстраивается на основе геополитических, экономических, этноконфессиональных и других оснований. В этом контексте вопросы, связанные с суверенитетом, безопасностью, культурной спецификой и идеологической идентичностью, напрямую определяют модель регионального развития и его взаимодействие с мировыми процессами.

Уже к концу XX века в научной и экспертной среде оформилась устойчивая позиция: для анализа международных отношений необходимо выделять не только глобальный, но и региональный уровень. Это решение стало реакцией на встречные тенденции: стремительное углубление глобализации, с одной стороны, и одновременно усиливающуюся фрагментацию мировой системы — с другой. Появление большого количества международных взаимодействий, обладающих относительной самостоятельностью и спецификой, потребовало отдельного объяснительного подхода. Стало очевидно, что в рамках международной системы действуют региональные подсистемы, развитие которых определяется особыми закономерностями — географическими, экономическими, цивилизационными, этнокультурными и др.

Исследователи⁸⁶ обратили внимание на то, что в различных регионах мира процессы международного взаимодействия имеют уникальные особенности. Эти отличия формируют структуру и логику функционирования региональных и субрегиональных подсистем, объединённых не только территориальной близостью, но и культурно-цивилизационной общностью.

С точки зрения системного подхода к анализу международных процессов особое внимание уделяется рассмотрению региональных подсистем как самостоятельных элементов мировой политической архитектуры, в рамках которых складываются устойчивые формы межгосударственного взаимодействия, отражающие специфику геополитической динамики на данном уровне. В научной литературе сложились несколько основных подходов к объяснению особенностей функционирования региональных подсистем.

Согласно первому подходу, ключевые характеристики и механизмы международного взаимодействия универсальны и действуют одинаково как на глобальном, так и на региональном уровнях, причем региональные подсистемы отражают общую динамику мировой политики в меньшем масштабе.

Второй подход исходит из того, что каждый регион обладает уникальными особенностями, поэтому результаты анализа процессов и закономерностей в одной региональной подсистеме ограниченно применимы для объяснения взаимодействия в других регионах.

Третий подход выделяет региональный уровень в качестве отдельного самостоятельного объекта исследования, подчеркивая, что понимание структуры и динамики международного взаимодействия в одном регионе способно

⁸⁶См.: Воскресенский А. Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. — 2012. — № 2 (8). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-regionalizatsii-regionalnyh-podsystem-regionalnyh-kompleksov-i-regionalnyh-transformatsiy-v-sovremennyh-mezhdunarodnyh> (дата обращения: 01.12.2024); Hettne, B., Söderbaum, F. Theorising the Rise of Regionness // New Political Economy. — 2000. — Vol. 5, No. 3. — P. 457–473. — DOI: 10.1080/713687778. — URL: https://www.researchgate.net/publication/233281294_Theorising_the_Rise_of_Regionness (дата обращения: 01.12.2024); Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 603 с.; Börzel T. A., Risse T. (Eds.). The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. Oxford: Oxford University Press, 2016. 682 p. — Рец. на кн. // Politique étrangère. — 2016. — Winter (No. 4). — P. II–II. — DOI: 10.3917/pe.164.0182b. — URL: https://www.researchgate.net/publication/376914527_OXFORD_HANDBOOK_OF_COMPARATIVE_REGIONALISM_Tanja_A_Borzel_et_Thomas_Risse_Oxford_Oxford_University_Press_2016_682_pages (дата обращения 10.07.2025)

облегчить восприятие закономерностей в других региональных подсистемах, несмотря на их возможные различия и специфику проявления процессов.⁸⁷

Таким образом, региональная подсистема международных отношений представляет собой совокупность устойчивых и специфических форм взаимодействия между государствами и негосударственными акторами, объединёнными общей территориальной принадлежностью и историко-культурными условиями развития. Такая подсистема формируется на основе схожести социально-экономических, политических, цивилизационных и ментальных характеристик, присущих определённому региону.⁸⁸

В современной научной и экспертной литературе⁸⁹ выделяются ключевые региональные подсистемы международно-политических отношений: панамериканская (или межамериканская), европейская, африканская и азиатская. Каждая из них охватывает соответствующие макрорегионы, в рамках которых складываются устойчивые формы межгосударственного взаимодействия. Кроме того, существует и более дробное деление на субрегиональные образования. Так, в пределах европейской подсистемы можно выделить западноевропейский и восточноевропейский регионы; панамериканская система включает в себя североамериканский и южноамериканский (часто именуемый латиноамериканским) кластеры. В азиатской подсистеме наблюдается

⁸⁷ Современные международные отношения : учебник / под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. — Москва : Аспект Пресс, 2012. — С. 103–117. https://psv4.userapi.com/s/v1/d/ZMx4JpMyRiw_BHTyhSZKTWUzAe7tTHhHO8IE6be7JXX3eo-dWYaWZzGZAPQd1NkW8VkleeteB58W0550t4VqGQmVHLgbghdgQWgg6wSPR_QHw66z8cWL3g/torkunov_a_mal_gin_a_sovremennye_mezhdunarodnye_otnosheniya.pdf (дата обращения 10.07.2025)

⁸⁸ Калиев И. А., Темиров А. О. Понятие региона и региональных подсистем в международных отношениях // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2021. №68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-regiona-i-regionalnyh-podsistem-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah> (дата обращения: 06.06.2025)

⁸⁹ См.: Börzel T. A., Risse T. (Eds.). The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. Oxford: Oxford University Press, 2016. 682 p. — Рец. на кн. // Politique étrangère. — 2016. — Winter (No. 4). — P. II–II. — DOI: 10.3917/pe.164.0182b. — URL: https://www.researchgate.net/publication/376914527_OXFORD_HANDBOOK_OF_COMPARATIVE_REGIONALISM_Tanja_A_Borzel_et_Thomas_Risse_Oxford_Oxford_University_Press_2016_682_pages

(дата обращения 10.07.2025); Современные международные отношения : учебник / под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. — Москва: Аспект Пресс, 2012. — С. 103–117. https://psv4.userapi.com/s/v1/d/ZMx4JpMyRiw_BHTyhSZKTWUzAe7tTHhHO8IE6be7JXX3eo-dWYaWZzGZAPQd1NkW8VkleeteB58W0550t4VqGQmVHLgbghdgQWgg6wSPR_QHw66z8cWL3g/torkunov_a_mal_gin_a_sovremennye_mezhdunarodnye_otnosheniya.pdf (дата обращения 10.07.2025)

структуризация на ближневосточный, средневосточный, центральноазиатский, южноазиатский, юго-восточноазиатский и восточноазиатский регионы.

На сегодняшний день Центральноазиатский регион занимает всё более заметное место в системе международных отношений, что стимулирует оживлённые научные и политические споры о его геополитической сущности и пространственных границах. Как указывает А.А. Казанцев, в научной и экспертной среде сохраняется своеобразная «борьба терминов», которая отражает не только исследовательский интерес, но и соперничество внешних акторов за стратегическое присутствие и влияние в данном регионе.⁹⁰

Первое исторически зафиксированное употребление термина «Центральная Азия» в качестве обозначения самостоятельного географического региона связано с именем немецкого натуралиста Александра фон Гумбольдта, который в 1843 году применил его к территории, расположенной к югу от Алтайских гор и простирающейся до северного подножия Гималаев.⁹¹ Однако и по сей день не прекращаются споры по поводу корректного наименования и определения границ этой территории. В научных и политических кругах обсуждаются различные термины — Средняя Азия, Центральная Азия, Внутренняя Азия, Евразия — каждый из которых несёт в себе определённые идеологические, исторические и геополитические импликации.

Эти термины возникли ещё в первой половине XIX века и с тех пор вызывают циклические дебаты, в которых переплетаются научные подходы и субъективные предпочтения, геополитические расчёты и культурные традиции, а также элементы географического детерминизма и концепции «центричности». Влияние оказывают как государственные интересы, так и транснациональные силы, стремящиеся закрепить определённую интерпретацию региона.

Отправной точкой настоящего анализа является очевидный, но важный факт: разнообразие терминов, используемых для обозначения региона,

⁹⁰ Казанцев А.А. "Большая игра" с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия / А.А.Казанцев. - М.: МГИМО-Университет, 2008. - ISBN 978-5-9228-0447-9. – С.63-64

⁹¹ Гумбольдт А. Центральная Азия. Исследования о цепях гор и по сравнительной климатологии: в 2 т. Т. 1 / пер. с франц. П. И. Бородзича; под ред. проф. Д. Н. Анучина; вступ. ст. Д. Н. Анучина и В. А. Обручева. — Москва: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1915. - С. 221. — URL: <https://elibrary.orenlib.ru/index.php?dn=down&to=open&id=3417> (дата обращения: 11.07.2025).

обусловлено не только идеологическим и политическим контекстом, но и особенностями национальных научных школ и традиций. Вопросы вроде «Азия или Евразия?», «Центральная или Средняя?», «Inner или Middle?» («Внутренняя или Средняя?») отражают не просто лексическую разницу — они выводят на уровень эпистемологических и историко-культурных размышлений о том, почему и каким образом пространство без чётко выраженных границ стало ареной концептуальной неоднозначности.

Имеет смысл рассмотреть вопрос о наименованиях с точки зрения «реализма» и «номинализма». Понятие «Центральная Азия», прочно вошедшее в научный оборот, политический лексикон и общественное сознание, сопровождается множеством смысловых интерпретаций и вызывает разнообразные ассоциативные представления. Оно может напоминать о культурных образах Великого шелкового пути и легендарных городах, таких как Самарканд, но также ассоциироваться с авторитаризмом, исламом и экологической катастрофой, как в случае Арала.⁹² Если освободиться от устойчивых штампов и стереотипов, то в рамках академической традиции Центральная Азия трактуется как обширное пространство, располагающееся восточнее и южнее Урала, а также севернее Индии и Китая, характеризующееся стабильными климатическими условиями, специфическими географическими особенностями и общими чертами историко-культурного развития. Эти признаки часто интерпретируются как очевидные, не требующие доказательств элементы региональной идентичности.

Однако в ходе истории взгляд на Центральную Азию сильно варьировался. Для учёных и политиков разных эпох и культур географическое содержание этого термина не всегда было идентичным — оно менялось в зависимости от контекста и идеологических ориентиров. Термин «Средняя Азия» начал использоваться в XIX веке благодаря русским путешественникам, воспринимавшим «центр Азии» как некую условную точку, лежащую между

⁹² Racine, J.-B. *Langues et représentation, identités et territoire. Thèmes critiques pour une nouvelle géographie culturelle* // *Kulturen und Raum: theoretische Ansätze und empirische Kulturforschung in Indonesien. Festschrift für Professor Albert Leemann* / hrsg. von S. Walty, B. Werle. — Zürich: Verlag Rüegger, 1995. P. 118.

Российской империей и Британской Индией. При этом смысловое наполнение этого выражения варьировалось в зависимости от контекста: для географов и естествоиспытателей оно служило как конкретным обозначением территории, так и теоретической конструкцией, отражающей индивидуальное научное восприятие региона.

Следует отметить, что именно политические факторы зачастую формировали стремление к закреплению на карте Центральной Азии строго очерченных границ, соотносимых с административными или государственными делениями. Совокупность мнений о Центральной Азии сегодня представляет собой разрозненное множество интерпретаций — от сугубо научных до идеологических, зачастую противоречащих друг другу и не сводящихся к единому объяснительному подходу. Интерес к наименованию региона обострился в 1960-х годах, когда ученые начали целенаправленно анализировать, насколько адекватны используемые термины в описании Центральной Азии. Исторические споры XIX века в данном контексте опускаются.

Среди первых попыток систематизировать термины можно выделить работы А. Г. Шпринцина⁹³ и Л. И. Мирошникова, работавших в рамках советской школы, а также исследование американского историка Дениса Сайнора. Последний инициировал издание серии ЮНЕСКО «История цивилизаций Центральной Азии», в которой применил понятия «Inner Asia» («Внутренняя Азия») и «Central Eurasia» («Центральная Евразия») и, избегая жёсткого противопоставления «Средней» и «Центральной» Азии.⁹⁴

Исследователь Л. Мирошников⁹⁵ в начале 1990-х годов, не вдаваясь в лингвистические детали, утверждал, что терминологическая пара «Средняя Азия — Центральная Азия» давно закрепились в русскоязычной научной традиции. Особенно чёткое различие между этими терминами прослеживается во втором

⁹³ Шпринцин А. Г. Обозначение топонимов «Средняя Азия» и «Центральная Азия» в различных языках // Страны и народы Востока. Т. 18. — Москва: Наука; Издательство восточной литературы, 1976. С. 285–286.

⁹⁴ Sinor, D. Inner Asia. History — Civilization — Languages: A Syllabus. — Bloomington: Indiana University; Indiana University Publications, 1969. — (Uralic and Altaic Series; vol. 96). 261 p.

⁹⁵ Miroshnikov, L. I. A Note on the Meaning of the Term “Central Asia” as Used in This Book // History of Civilizations of Central Asia. Vol. I / eds. A. N. Dani, V. M. Masson. — Paris: UNESCO, 1992. P. 447.

издании Большой советской энциклопедии.⁹⁶ Аналогичный подход использовал и советский эмигрант Анатолий Хазанов, разделяя понятия «Middle Asia» («Средняя Азия») и «Inner (Central) Asia» («Внутренняя (Центральная) Азия»), что, как отмечает А. Г. Франк, уходит корнями в советскую традицию, а не является оригинальной концепцией самого А.Хазанова.⁹⁷

В 1980–1990-е годы такие исследователи, как Ги Имар⁹⁸ и Милан Хаунер⁹⁹, поднимали вопрос о политической окрашенности термина «Центральная Азия». Вслед за ними Мартин У. Льюис и Кэрен Э. Виген в своём исследовании, посвящённом истории научного конструирования континентов, выделили главу о Центральной Азии, однако базировались исключительно на англоязычных источниках, что делает их анализ неполным.¹⁰⁰

Дискуссия о терминах продолжилась в 1997 году на форуме H-Asia, где обсуждались взгляды Мирошникова, Брегеля и Сайнора. В центре внимания оказался вопрос разграничения понятий «Central Asia» («Центральная Азия») и «Inner Asia» («Внутренняя Азия»), а также включения в регион таких территорий, как Монголия, Маньчжурия, Пакистан и Афганистан. Эти дебаты продемонстрировали растущий интерес к точному определению географических наименований в условиях распада СССР и усиления критики европоцентристских подходов.¹⁰¹

В 1998 году Ширин Акинер посвятила отдельное исследование понятию «Central Asia» («Центральная Азия»), а в 2000 году М. Джалили и Т. Келльнер опубликовали работу, где разобрали значение и происхождение концептов

⁹⁶ См.: Средняя Азия // Большая советская энциклопедия: в 51 т. / гл. ред. Б. А. Введенский. — 2-е изд. — Москва: Большая советская энциклопедия, 1956. — Т. 39: Сигизмунд — Смерч. — С. 342–356.; Центральная Азия // Большая советская энциклопедия: в 51 т. / гл. ред. Б. А. Введенский. — 2-е изд. — Москва: Большая советская энциклопедия, 1957. — Т. 46: Цуруга — Шершень. С. 218–219.

⁹⁷ Frank, A. G. The Centrality of Central Asia // Bulletin of Concerned Asian Scholars. — 1992. — Vol. 24, No. 2 (April–June). P. 50–51

⁹⁸ Imart, G. G. The Limits of Inner Asia: Some Soul-Searching on New Borders for an Old Frontier-Land. — Bloomington: Indiana University, 1987. — (Papers on Inner Asia; No. 1). — 81 p.

⁹⁹ Hauner, M. What Is Asia to Us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. — London; New York: Routledge, 1992 (1st ed. Unwin Hyman, 1990). P. 78–112.

¹⁰⁰ Lewis, M. W., Wigen, K. E. The Myth of Continents: A Critique of Metageography. — Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1997. P. 173–195

¹⁰¹ Sinor D. Inner Asia and Central Asia: Are They Different? // H-Asia Forum Archives. — 1997. — March 12. — URL: <https://h-net.org/~asia/> (дата обращения: 16.04.2025). — (H-Net Discussion Networks); Sinor Denis, 1975: What is Inner Asia? // Asian Studies Research Institut. Bloomington, Ind.: Indiana Univ., Asian Studies Research Institute. 33 p.

«Ближний Восток», «Кавказ» и «Центральная Азия», уделяя внимание их европоцентристской природе.¹⁰²

Важный вклад внёс Андре Гундер Франк¹⁰³, который интерпретировал Центральную Азию как культурно-исторический и экономический центр евразийского пространства, подчёркивая её роль в междивизиационных контактах. Подобную позицию занял Дэвид Кристиан¹⁰⁴, использовавший термин «Inner Eurasia» («Внутренняя Евразия») для обозначения региона. Французский востоковед Венсан Фурньо в своих трудах обращается к исторической топографии Центральной Азии с времён Александра Македонского, сосредотачиваясь на историческом описании, но не давая концептуального осмысления самого термина региона.¹⁰⁵

На фоне указанных исследований можно заметить, что в большинстве академических работ вопросам наименования региона уделяется минимум внимания. Авторы лишь вскользь касаются терминологии, зачастую не задумываясь о её значении и воспроизводя шаблонные формулировки, переходя при этом к основному содержанию.

Согласно определению, предложенному ЮНЕСКО в рамках упомянутого многотомного труда «History of Civilizations of Central Asia» («История цивилизаций Центральной Азии»), регион Центральной Азии охватывает значительно более широкое пространство, включающее Монголию, северную Индию, Пакистан, северо-восточный Иран, Западный Китай, юг Сибири и пять постсоветских республик. Такое расширительное толкование подчеркивает культурно-историческое разнообразие региона.¹⁰⁶ Существуют и иные критерии разграничения Центральной Азии. Один из них основан на этническом составе населения — регионами Центральной Азии в этом случае считаются территории

¹⁰² Akiner, S. The Formation of Kazakh Identity: From Tribe to Nation-State. — London: Royal Institute of International Affairs, 1998. P. 17–25; Djalili Mohammad Reza et Thierry Kellner, 2000: *Moyen-Orient. Caucase et Asie centrale: des concepts geopolitiques a construire et a reconstruire?* // *Central Asian Survey*. Vol. 19. № 1. P. 117-140.

¹⁰³ Frank, A. G. The Centrality of Central Asia // *Bulletin of Concerned Asian Scholars*. — 1992. — Vol. 24, No. 2 (April–June). — P. 65-68

¹⁰⁴ Christian, D. Inner Eurasia as a Unit of World History // *Journal of World History*. — 1994. — Vol. 5, No. 2. — P. 173–174

¹⁰⁵ Fourniau, V. Qu'est-ce que l'Asie centrale? // *Outre-Terre*. — 2006. — No. 16, vol. 3. — P. 15–29.

¹⁰⁶ Sinor Denis, 1969: *Inner Asia. History-Civilization-Languages. A Syllabus*. Bloomington: Indiana Univ., Indiana Univ. Publications. Uralic and Altaic series. V. 96. P.27.

с преобладанием восточнотюркских, монгольских и тибетских народов, включая Синьцзян, юг Сибири, Таджикистан и север Афганистана.

Большой энциклопедический словарь трактует Центральную Азию как физико-географический регион в пределах Китая и Монголии, характеризующийся высокогорными массивами, внутренними равнинами и резким континентальным климатом. В этом определении акцент сделан на природно-географических признаках.¹⁰⁷

В Словаре современных географических названий Центральная Азия охарактеризована как внутриконтинентальная часть Азии, простирающаяся от Алтая и Саян на западе до Хингана и Тайханшаня на востоке, с южной границей по верховьям Инда и Брахмапутры. Площадь оценивается от 5 до 6 миллионов квадратных километров.¹⁰⁸

Геоэкономические справочники, напротив, определяют Центральную Азию через призму геополитики и экономики, ограничивая регион рамками пяти постсоветских республик: Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.¹⁰⁹

Если отвлечься от идеологических клише и сосредоточиться на научной традиции, то под Центральной Азией часто понимается пространство к востоку от Урала и к северу от Индии и Китая, обладающее совокупностью уникальных природных, этнокультурных и исторических черт. Эти характеристики часто воспринимаются как самоочевидные признаки целостности региона.

Во времена Советского Союза регион с подобной конфигурацией официально не обозначался как Центральная Азия. В советский период нередко использовалось обобщающее обозначение «Средняя Азия и Казахстан», охватывающее административные образования в составе СССР. Существенным шагом в переосмыслении данной терминологии стала встреча руководителей

¹⁰⁷ Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова — М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1998. С. 248.

¹⁰⁸ Словарь современных географических названий / под ред. В. М. Котлякова. — Екатеринбург: У-Фактория, 2006. — URL: <https://1657.slovaronline.com/5279-%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 10.07.2025).

¹⁰⁹ Дергачёв В. А. Геоэкономический словарь-справочник. — Одесса: ИПРЭЭИ НАН Украины, 2004. URL: <https://dergachev.org/GeoE-dic.doc> (дата обращения: 10.07.2025)

пяти республик в 1993 году, на которой по предложению Нурсултана Назарбаева была инициирована замена устаревшего названия на более актуальный термин «Центральная Азия», рекомендованный к использованию в международной практике.¹¹⁰

С получением независимости государства региона приступили к формированию собственной геополитической идентичности, определяя направления внешней политики и модели взаимодействия в новых условиях. При этом в западной научной литературе отсутствует единый подход к характеристике региона. Ряд аналитиков выдвинул идею расширенной региональной конструкции под названием «Большая Центральная Азия» (Greater Central Asia Partnership, GCAP), основанную на переосмыслении геополитических положений теории Хартленда, сформулированной Хэлфордом Макиндром.¹¹¹

Концепция «Большой Центральной Азии» была разработана американским исследователем С. Ф. Старром, возглавляющим Институт Кавказа и Центральной Азии в Вашингтоне. В 2005 году он опубликовал в журнале «Foreign Affairs» статью под названием «Партнёрство для Большой Центральной Азии: Афганистан и его соседи», в которой предложил расширить границы региона за пределы постсоветских республик, включив в него также Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР, Монголию, северные провинции Ирана, Афганистан и отдельные территории Кавказа.¹¹²

Российские исследователи А. А. Казанцев, А. Е. Мальцев и К. Е. Мещеряков поддерживают концепцию, сформулированную в 1990-е годы Нурсултаном Назарбаевым, согласно которой Центральная Азия охватывает пять бывших союзных республик. Подход ученых МГИМО (А. Д. Богатуров, А. С. Дундич, В. Г. Коргун и др.) заключается в том, что современное определение

¹¹⁰ Назарбаев Н. А. Казахстанский путь. — Астана: Елбасы, 2007. С. 203

¹¹¹ Mackinder, H. J. The Scope and Methods of Geography and The Geographical Pivot of History. — London: The Royal Geographical Society; The Curwen Press, 1969. URL: <https://scispace.com/pdf/on-the-scope-and-methods-of-geography-59xfue517e.pdf> (дата обращения: 10/07/2025)

¹¹² Starr, S. F. A Greater Central Asia Partnership for Afghanistan and Its Neighbors // Foreign Affairs. — 2005. — URL: https://www.files.ethz.ch/isn/30296/05_Greater_Central_Asia_Partnership.pdf (дата обращения: 12.07.2025)

Центральной Азии включает и Казахстан как полноправного участника региональных процессов.¹¹³

Китайская научная традиция в области политологии не разделяет понятия «Средняя Азия» и «Центральная Азия». В китайском языке существует термин «Чжун-я», который охватывает все пять бывших советских республик, а при переводе может трактоваться по-разному. Это порождает определённую терминологическую неопределённость при взаимодействии с западными и российскими источниками.¹¹⁴

И российские, и китайские аналитики, как правило, ограничивают понятие Центральной Азии пятью постсоветскими государствами. В то время как западные авторы склонны расширять региональную рамку, добавляя к ним Иран, Афганистан, Монголию и даже Кавказ. Эти расхождения особенно актуализировались в свете реализации Китаем инициативы «Один пояс — один путь».¹¹⁵

Геополитически Центральная Азия представляет собой регион без выхода к морям, занимающий около 10% территории Азии и располагающийся в центре Евразийского пространства. С географической точки зрения он ограничен Россией на севере, Европой на западе, мусульманским югом и Китаем с востока. Геостратегическая важность региона обусловлена его ресурсным потенциалом, исторической ролью в евразийской торговле и современным значением транзитных маршрутов.

¹¹³ Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. — Москва: МГИМО-Университет, 2008. — URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/559/55956fb39207dbd6dd783339b4b5b7e4.pdf> (дата обращения: 14.07.2025).

¹¹⁴ Тянь Е. Изучение Центральной Азии в Китае: история, современное состояние, основные исследовательские центры // Международные отношения. — 2019. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-tsentralnoy-azii-v-kitae-istoriya-sovremennoe-sostoyanie-osnovnye-issledovatel'skie-tsentry> (дата обращения: 02.07.2025)

¹¹⁵ См.: Карпович О. Г., Шангараев Р. С. Центральная Азия в контексте современной геополитики на евразийском пространстве // Социально-политические науки. — 2021. — № 6. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsentralnaya-aziya-v-kontekste-sovremennoy-geopolitiki-na-evraziyskom-prostranstve> (дата обращения: 02.07.2025).; Qoraboyev I. Around the Names of Regions: The Case of Central Asia / I. Qoraboyev. — 2010. — UNU-CRIS Working Papers No. W-2010/5. — 35 с. — DOI:10.2139/ssrn.1689110. https://www.researchgate.net/publication/228159527_Around_the_Names_of_Regions_The_Case_of_Central_Asia

Центральноазиатский регион занимает стратегическое положение в Евразии, выступая своеобразным геополитическим «узлом», соединяющим интересы сразу четырех ядерных держав: России, Китая, Индии и Пакистана.

Для понимания причин выделения именно пяти государств как составляющих Центральной Азии представляется продуктивным анализ через историко-технологическую призму. Этот подход позволяет рассматривать регион как результат длительного процесса формирования материальных связей — транспортных, энергетических, водных и коммуникационных инфраструктур, — которые формировали пространство и способствовали созданию устойчивых социальных и экономических взаимодействий.

1.2 Особенности инфраструктурной специфики формирования региона Центральной Азии

Формирование инфраструктурных систем — от железных дорог до энергетических коридоров — стало фактором, принципиально изменившим пространственное восприятие Центральной Азии. Эти системы размывали естественные границы и создавали так называемые пространства потоков, в которых происходили интенсивные процессы обмена ресурсами, людьми и информацией.

Исследователи Т. Миса и Й. Шот вводят понятие «скрытая интеграция», подчеркивая, что важные инфраструктурные связи, формирующие региональную целостность, зачастую не попадают в фокус исторической науки. Эти технические связи, несмотря на свою физическую наглядность, редко интерпретируются как основополагающие элементы транснационального взаимодействия.¹¹⁶

Аналогичный аргумент развивают Й. Шот и Ф. Скрэнтон в контексте Европы, подчеркивая, что инфраструктурные сети играли ключевую роль в формировании европейской идентичности. Их логика может быть

¹¹⁶ Misa, T. J., Schot, J. *Inventing Europe: Technology and the Hidden Integration of Europe* // *History and Technology*. — 2006. — Vol. 22, No. 1. — P. 7-8. — DOI: 10.1080/07341510500037487. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/07341510500037487> (дата обращения: 02.04.2025).

экстраполирована на Центральную Азию, несмотря на иные исторические условия — ведь и в этом регионе неоднократно происходили трансформации границ, этнические конфликты и вмешательства внешних держав.¹¹⁷

Таким образом, история Центральной Азии за последние полтора века может быть проанализирована сквозь призму «скрытой интеграции» и «скрытой фрагментации», обусловленных развитием инфраструктурных сетей. Рассмотрение водных, железнодорожных, энергетических и газотранспортных систем позволяет выявить процессы внутреннего сближения и, напротив, конфликтов, возникавших между сторонниками интеграции и сторонниками изоляции.¹¹⁸

Прослеживание процессов трансформации Среднеазиатского региона — начиная с эпохи империалистического соперничества великих держав в конце XIX века и вплоть до современности — позволяет по-новому интерпретировать этапы его становления. Историческая конфронтация за контроль над этой территорией между Британской и Российской империями, а затем доминирование Советского Союза, сформировали особую политико-географическую структуру, последствия которой продолжают оказывать влияние на региональную динамику. Современные дискуссии, развернувшиеся вокруг развития трансграничной инфраструктуры в сферах транспорта, энергетики и водных ресурсов, представляют собой прямое продолжение исторических процессов. Среди актуальных проектов — китайская инициатива «Один пояс — один путь», а также альтернативные стратегии, продвигаемые Европейским союзом и Индией, направленные на укрепление собственного присутствия в регионе.¹¹⁹

Рассмотрение этих процессов расширяет горизонты понимания Центральной Азии, позволяя интегрировать ее в более широкую

¹¹⁷ Schot, J., Scranton, P. Technopolitics and the Making of Europe // *Technopolitics and the Making of Europe* / eds. N. Klimburg-Witjes, P. Trauttmansdorff. — London: Routledge, 2016. — P. 5 — DOI: 10.4324/9781003267409

¹¹⁸ Högselius, P., Kaijser, A., van der Vleuten, E. *Europe's Infrastructure Transition: Economy, War, Nature*. — London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 47–55.

¹¹⁹ Cooley, A. *The Emerging Political Economy of OBOR: The Challenges of Promoting Connectivity in Central Asia and Beyond*. — URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/161021_Cooley_OBOR_Web.pdf (дата обращения: 01.05.2025).

геоисторическую картину Евразии. Регион предстает не просто как объект внешнего влияния или транзитная зона, но как активный участник формирования трансрегиональных связей и конфликтов. Преобладающие в публичной и политической риторике европейские и китайские подходы часто сводят Центральную Азию к функции коридора — будь то Великий шелковый путь, современные нефте- и газопроводы или высокоскоростные железные дороги между Востоком и Западом. Такая редукция образа региона игнорирует его историческую сложность и внутреннюю субъектность.

Рассмотрим водную инфраструктуру в качестве одного из факторов формирования региона Центральной Азии. Среди всех инфраструктурных элементов Центральной Азии именно водные пути сыграли одну из ключевых ролей в трансформации регионального пространства. Реки региона на протяжении веков претерпевали изменения, порождая как процессы территориальной интеграции, так и моменты географического разобщения. Удобной точкой отсчета для анализа водной организации региона служат речные бассейны, формировавшие естественные сети и субрегионы с различными водными режимами.

Водоразделы речных бассейнов Центральной Азии исторически были строго разграничены: между ними отсутствовало естественное перераспределение водных ресурсов. Главным природным барьером выступал евразийский водораздел, пролегающий в направлении с востока на запад через северные районы Казахстана и северо-западные земли Китая. К северу от этого рубежа реки устремлялись в сторону Арктического океана, в то время как южнее — в направлении Каспийского моря, а также в засушливые степные и пустынные зоны Средней Азии, где воды зачастую исчезали, испаряясь.

Ряд крупнейших рек региона завершал свой путь в солёных озёрах: Сырдарья и Амударья впадали в Аральское море, Или — в озеро Балхаш, а река Нура — в Тенгиз. Северные города Казахстана, такие как Нур-Султан, Экибастуз и Семей, располагались в пределах бассейна, направленного к Арктике, в то

время как Караганда и Актобе относились к зонам внутреннего стока, характерным для Среднеазиатского региона.

Многие водные артерии пересекают современные государственные границы. Например, Иртыш начинается в китайском Синьцзяне, проходит через Казахстан и далее в Россию. Река Или также берет начало в Китае и течёт в Казахстан, а Чу начинается в Киргизии и пересекает границу с Казахстаном. Сырдарья протекает через территорию четырёх государств, тогда как Амударья — через пять, включая Афганистан. Мургаб и Теджен берут начало на афганской территории и впадают в Туркменистан, при этом река Теджен также служит частью границы между Афганистаном и Ираном. Река Урал соединяет Казахстан с Россией и впадает в Каспийское море.

Уже с конца XIX века российские, а затем и советские инженеры и гидрологи начали предпринимать попытки изменить водную конфигурацию региона, стремясь перераспределить речные потоки в интересах развития хозяйства и орошения. Первым крупным проектом стала идея Александра Глуховского — изменить русло Амударьи так, чтобы она текла в Каспий, а не в Арал. Хотя замысел не был реализован при царской власти, в советское время началась реализация схожего проекта — строительства Каракумского канала.

Каракумский канал, начатый в 1950-х годах, радикально изменил гидрографическую карту региона. Он связал Туркменистан с бассейном Амударьи, создав тем самым новую зону водной интеграции, охватывающую также территории Афганистана и Ирана. Таким образом, Ашхабад оказался включен в систему амударьинской логистики.¹²⁰

Советские инженеры мечтали довести канал до Каспийского моря, создав, по сути, водный коридор, соединяющий Амударью с Волгой. Туркменское руководство продолжает рассматривать эти проекты как часть стратегии регионального развития и водного влияния.

¹²⁰ Weinthal, E. Water Conflict and Cooperation in Central Asia. — URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/weinthalrika.pdf> (дата обращения: 01.05.2025).

В условиях обострившегося водного дефицита в 1960-х годах было предложено радикальное решение — переброска части сибирских рек в Среднюю Азию. Одним из первых этапов стало строительство канала Иртыш–Караганда, поднявшего воды на юг благодаря системе насосов. В 1970-х годах планировалось соединить реки Сибири с Сырдарьей и Амударьей, но в 1980-х эти проекты были остановлены.¹²¹

Наряду с формированием водных связей между различными речными системами Центральной Азии, имела место и глубокая внутренняя интеграция в пределах отдельных бассейнов. К моменту вхождения южных территорий Средней Азии в состав Российской империи, местные специалисты уже обладали передовыми знаниями в области водного инжиниринга. Они создали сложные системы регулирования рек, включавшие дамбы, плотины, каналы, подземные водопроводы (карезы) и иные элементы традиционной ирригации.¹²² Эти технологии нередко оказывали влияние на водоснабжение гораздо более обширных территорий, формируя основы устойчивого хозяйствования. После присоединения региона к Российской империи русские инженеры стремились внедрять европейские методы перераспределения речных потоков, ориентированные на жесткое регулирование ресурсов между верховьями и низовьями рек.¹²³ Тем не менее, до начала XX века масштабные инженерные проекты, основанные на западных технологиях, в условиях Средней Азии так и не были реализованы. Их воплощение тормозили как природные условия, так и отсутствие политической воли и инфраструктурных ресурсов.¹²⁴

С начала 1930-х годов советские трансформационные идеи, вдохновленные европейскими инженерными практиками, начали обретать реальные формы на территории Средней Азии. После ряда неудачных попыток, ключевым событием стало возведение Большого Ферганского канала, завершеного в 1939 году. Этот

¹²¹ Feshbach, M., Friendly, A. *Ecocide in the USSR: Health and Nature Under Siege*. — New York: Basic Books, 1992. P.110–115

¹²² Obertreis, J. *Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991*. — Göttingen, Germany: V&R Unipress, 2017. - ISBN 978-3-8471-0786-6. P. 134–187.

¹²³ Peterson, M. K. *Pipe Dreams: Water and Empire in Central Asia's Aral Sea Basin*. — Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2019. - ISBN 978-1-108-67307-5. P. 20.

¹²⁴ Ibid. - P. 21.

270-километровый оросительный канал стал важнейшим сельскохозяйственным объектом, который был построен в короткие сроки и стал образцом для последующих гидротехнических начинаний в регионе.¹²⁵ Проект вдохновил советские власти на реализацию новых систем водоснабжения — не только для орошения полей хлопчатника, но и для городских потребностей. В начале 1960-х годов было внедрено насосное оборудование европейского производства, позволившее перекачивать воду из Амударьи в высокогорные районы, включая Карши и Бухару. Это способствовало включению этих территорий в амударьинскую гидросеть и укрепило связи между бассейнами Амударьи и Зеравшана.¹²⁶

Таким образом, в рамках советской водохозяйственной стратегии особое значение придавалось строительству гидротехнических объектов как средству неявной интеграции союзных республик, в первую очередь Узбекской и Туркменской ССР. Эта политика предполагала не только прокладку крупных каналов, но и создание водохранилищ, а также сооружение инженерных систем для защиты от наводнений, особенно в нижнем течении Амударьи в районе Аральского моря.

Параллельно с этим советские власти активно наращивали темпы возведения плотин, рассматривая их как ключевой элемент устойчивого управления водными ресурсами и экономического освоения региона. Хотя основной задачей таких объектов было водоснабжение сельского хозяйства, многие из них оснащались гидроэлектростанциями. Это превратило их в ключевые элементы программы электрификации Средней Азии, начавшейся в 1940-х годах. Плотины строились как на равнинных участках Узбекистана и Казахстана, так и в горных районах Кыргызстана и Таджикистана.

Одним из самых масштабных объектов стало строительство Токтогульской плотины, завершенное в 1974 году. Она расположена в верховьях реки Нарын, в системе Тянь-Шаня, в пределах территории Кыргызстана. Массивное

¹²⁵ Peterson, M. K. *Pipe Dreams: Water and Empire in Central Asia's Aral Sea Basin*. — Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2019. - ISBN 978-1-108-67307-5. P. 309.

¹²⁶ Oberreis, J. *Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991*. — Göttingen, Germany: V&R Unipress, 2017.— ISBN 978-3-8471-0786-6. P. 328.

водохранилище и связанная с ним ГЭС обеспечили энергией не только Кыргызстан, но и соседние республики, выступив в роли одного из центров региональной энергетической интеграции.¹²⁷

Развитие масштабных каналов и плотин в Центральной Азии привело к формированию устойчивой взаимозависимости между регионами, расположенными в верхнем и нижнем течении рек. В то время как каналы служили в основном для отвода больших объёмов воды на оросительные нужды, плотины выполняли регулирующую функцию, позволяя дозированно подавать воду в периоды наивысшего спроса. Такое целенаправленное вмешательство в гидрологический режим на одном участке реки оказывало ощутимое воздействие на значительные пространства, удалённые на сотни, а порой и тысячи километров вниз по течению. Это, в свою очередь, способствовало формированию устойчивых взаимозависимостей между различными частями региона и укрепляло внутренние связи между союзными республиками.

Тем не менее, уже к 1970-м годам на фоне нарастающего дефицита водных ресурсов начали проявляться острые противоречия между возрастающей зависимостью регионов друг от друга в водохозяйственной сфере и стремлением союзных республик к самостоятельному контролю над использованием водных потоков в пределах своих территорий.. Это привело к нарастанию конкуренции и политической конфронтации среди руководителей республик. Для разрешения кризисных ситуаций потребовалось вмешательство союзного центра — Москвы. В ответ на растущую напряжённость, начиная с 1988 года, был учреждён ряд межреспубликанских комиссий и организаций, координирующих использование водных ресурсов бассейнов крупнейших рек региона. Их задача заключалась в координации и согласованном планировании водозабора и распределения потоков.

Стоит отметить, что процессы водной интеграции выходили за пределы внутренних советских границ. Так, Бассейн Амударьи охватывал и северные

¹²⁷ Peterson, M. K. *Pipe Dreams: Water and Empire in Central Asia's Aral Sea Basin*. — Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2019. — ISBN 978-1-108-67307-5. — P.337

¹²⁷ Ibid. — P. 21.

районы Афганистана, где Кабул, как и союзные республики СССР, стремился использовать её воды для орошения. В связи с этим в 1948 и 1958 годах были подписаны двусторонние соглашения, по которым Афганистан получал право на использование примерно половины объёмов воды, поступающих из Пянджа — важнейшего притока Амударьи. Подобный договор был заключён и с Ираном в отношении реки Теджен, протекающей вдоль ирано-туркменской границы. Кроме того, бассейны рек Иртыш и Или, берущих начало в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, также имели значение для региона. В первой половине XX века водное взаимодействие между Синьцзяном и Советской Средней Азией постепенно усиливалось, особенно на фоне активизации экономического и политического присутствия Российской империи в западных районах Китая. Уже к началу 1900-х годов русские пароходы активно курсировали по рекам Или и Иртыш, доставляя товары вглубь Синьцзяна, а в обратном направлении везли китайское сырьё. Эти водные маршруты стали основой для налаживания устойчивых торговых и ресурсных связей между регионами. В 1930–1940-е годы сотрудничество усилилось: осуществлялись совместные проекты в сфере инфраструктуры, торговли и разработки природных ресурсов.¹²⁸

Новая глава водной трансграничной политики началась в 1990-х годах, когда Китай реализовал крупный гидротехнический проект, напоминающий советские инициативы по изменению направления рек. Верхний участок Иртыша был перенаправлен в закрытые водосборные районы на севере Синьцзяна. Этот проект позволил включить такие ключевые города, как Урумчи и Карамай, в систему водоснабжения Иртыша. Тем не менее, подобные шаги привели к росту напряжённости в отношениях с Казахстаном и Россией, поскольку сокращение объёмов воды в нижнем течении рек негативно отразилось на функционировании ирригационных систем, судоходстве и выработке гидроэнергии.

¹²⁸ Badykova, N. Regional Cooperation in Central Asia: A View from Turkmenistan // Problems of Economic Transition. — 2005. — Vol. 48, No. 8. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/10611991.2005.11050006> (дата обращения: 05.01.2025).

Аналогичная проблема возникла и в бассейне реки Или. Изначально она, как и Иртыш, имела важное значение для приграничной торговли между Синьцзяном и Российской империей. В советский период вдоль Или были реализованы масштабные оросительные проекты, кульминацией которых стало строительство Капчагайской плотины и гидроэлектростанции в 1970 году. Это позволило перенаправить значительный объём воды на нужды аграрного сектора, но одновременно вызвало снижение уровня озера Балхаш. В последующие годы Китай также начал активно забирать воду из Или на своей территории, усилив тем самым дефицит водных ресурсов в регионе.

После распада Советского Союза водная система Средней Азии оказалась в состоянии неопределённости. С целью адаптации к новым реалиям страны Центральной Азии в феврале 1992 года подписали Алма-Атинское соглашение, подтвердив тем самым стремление к совместному управлению трансграничными водными ресурсами и защите общих источников. Документ зафиксировал распределение водных квот между государствами, а также учредил Межгосударственную координационную водохозяйственную комиссию (МКВК), которой были переданы функции прежних бассейновых структур.¹²⁹ Однако в последующие годы процессы кооперации начали ослабевать, уступая место фрагментации. Узбекистан постепенно сократил своё участие в многосторонних водных механизмах, что привело к росту напряжённости между странами верхнего и нижнего течения, особенно в бассейнах Сырдарьи и Амударьи. Ярким примером стал проект строительства Рогунской гидроэлектростанции в Таджикистане, вызвавший серьёзную обеспокоенность в Ташкенте из-за возможного влияния на водоснабжение в регионе. Отдельным источником напряжённости стали водные отношения между Туркменистаном и Узбекистаном. В 1996 году обе страны достигли соглашения о равных долях использования вод Амударьи, что должно было обеспечить более

¹²⁹ См.: Sorg, A., Mosello, B., Shalpykova, G., Allan, A., Hill Clarvis, M., Stoffel, M. Coping with Changing Water Resources: The Case of the Syr Darya River Basin in Central Asia // *Environmental Science & Policy*. — 2014. — Vol. 43. — DOI: 10.1016/j.envsci.2013.11.003.- P. 68; Bernauer, T., Siegfried, T. Climate Change and International Water Conflict in Central Asia // *Journal of Peace Research*. — 2012. — Vol. 49, No. 1. — DOI: 0.1177/0022343311425843.— P. 229

сбалансированное распределение ресурса, однако уже в 2004 году отношения обострились настолько, что границы были закрыты, а туркменские пограничники арестовали узбекских специалистов, находившихся на гидротехнических объектах.¹³⁰

Туркменистан, под руководством президента Ниязова, а затем Бердымухамедова, сосредоточился на национальных проектах. Самым масштабным стало строительство искусственного водоема «Озеро Золотого века» в пустыне Каракумы, которое питается водами Амударьи.¹³¹ В отличие от этого, в бассейне реки Теджен Туркменистан установил трансграничное сотрудничество с Ираном. В 2004 году была завершена совместная постройка плотины Дружбы, которая позволила решить проблему водоснабжения в ключевом иранском городе Мешхеде.¹³²

Рассмотрим Центральную Азию как железнодорожный регион. Железнодорожная инфраструктура Средней Азии складывалась в период Российской империи и позднее Советского Союза, в соответствии с экономическими, стратегическими и административными задачами, без учёта внутренних границ между республиками. Главным ориентиром при строительстве была необходимость обеспечить эффективную транспортную связь между промышленными и аграрными зонами региона, а также с центральными районами страны. В результате в Средней Азии была сформирована единая железнодорожная система, где маршруты прокладывались по принципу наименьшего расстояния, обеспечивая сквозное сообщение в рамках общего инфраструктурного пространства.

Уже с конца XIX века, начиная со строительства Закаспийской железной дороги, стало очевидным, что транспортные маршруты в регионе будут носить трансрегиональный характер. Сеть развивалась в направлении Ташкента, затем в

¹³⁰ Badykova, N. Regional Cooperation in Central Asia: A View from Turkmenistan // Problems of Economic Transition. — 2005. — Vol. 48, No. 8. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/10611991.2005.11050006> (дата обращения: 05.01.2025).

¹³¹ Там же.

¹³² Sinaei, V. Hydropolitics and Human Security: Water Cooperation in Relations between Iran, Afghanistan and Turkmenistan // Iranian Review of Foreign Affairs. — 2011. — Vol. 2, No. 7. — P. 113 — URL: https://irfajournal.csr.ir/article_123395.html (дата обращения: 05.01.2025).

сторону Андижана, Ферганы, Коканда и других ключевых городов, создавая сквозные коридоры между территориями, которые впоследствии стали суверенными республиками. В 1920–1930-е годы развитие железнодорожной сети получило новый импульс благодаря строительству Туркестано-Сибирской магистрали, которая связала Казахстан и юг Сибири с Узбекистаном и Киргизией, сократив путь и устранив необходимость движения через удалённые районы европейской части Советского Союза. В советский период железные дороги Центральной Азии рассматривались как часть единой транспортной системы СССР и развивались в тесной увязке с планами индустриализации, освоения целинных земель и укрепления обороноспособности.

Особенностью проектирования железных дорог в советской Средней Азии было то, что на административные границы внимание не обращалось: линии пересекали территории различных союзных республик, соединяя экономические узлы, независимо от того, где они находились. Например, многие маршруты в южных районах Казахстана вели непосредственно к промышленным зонам Узбекистана, а транспортное сообщение между Душанбе и Ташкентом проходило через территорию Киргизии. Такая модель отвечала принципу экономической целесообразности и укрепляла кооперационные связи между республиками, делая невозможным функционирование каждой из них в транспортной изоляции.

Управление железными дорогами также носило централизованный характер. Регион подчинялся Ташкентскому управлению железных дорог, охватывавшему значительную часть транспортной сети Средней Азии, вне зависимости от того, через территории каких республик пролегали линии. Эта структура позволяла поддерживать единое расписание движения, координировать перевозки ресурсов, кадров и товаров, а также обеспечивать контроль за стратегическими маршрутами, необходимыми для нужд промышленности, сельского хозяйства и обороны. Крупнейшими узлами стали Ташкент, Алма-Ата, Ашхабад, Фрунзе (ныне Бишкек) и Душанбе, связывавшие

регион как с европейской частью СССР, так и с югом — до границ с Афганистаном и Ираном.

Такое инфраструктурное единство способствовало экономической взаимозависимости республик Средней Азии. Регион функционировал как интегрированная зона, где поставки хлопка из Узбекистана, угля из Кыргызстана, металлов из Казахстана и электричества из Таджикистана были неотъемлемо связаны с железнодорожной системой. Эта взаимозависимость обеспечивала устойчивость экономических связей и координацию межотраслевого баланса на пространстве всего региона.

Железные дороги Средней Азии изначально развивались как целостная система, что обеспечивало стабильную межреспубликанскую интеграцию в годы СССР. Этот фактор продолжает оказывать влияние и в постсоветскую эпоху, несмотря на возникновение новых национальных границ и административных барьеров. Прежняя логика построения железных дорог сохраняется в транспортной архитектуре региона как наследие рационального и интегрированного планирования. После распада СССР национальные железнодорожные сети бывших советских республик приобрели самостоятельность, однако остались технически и логистически взаимосвязанными. В результате исторически сложившейся инфраструктуры и сохраняющейся зависимости от транзитных маршрутов соседних стран Центральная Азия сохраняет черты единого железнодорожного региона.

В геоэкономическом контексте Центральная Азия выступает как мост между Восточной Азией, Южной Азией, Ближним Востоком и Европой. Развитие маршрутов Китай — Центральная Азия — Европа, Север — Юг и Транс-Афганский путь делает регион ключевым звеном глобальной логистики, особенно в контексте инициативы «Один пояс — один путь», предусматривающей модернизацию узлов, новые линии и улучшение границ.

Кроме того, развитие железных дорог в Центральной Азии направлено не только на расширение внешних связей, но и на внутреннюю интеграцию. Такие государства, как Казахстан, Узбекистан и Туркменистан, активно инвестируют

значительные ресурсы в строительство межрегиональных железнодорожных магистралей, что способствует укреплению экономических и социальных связей между удалёнными частями их территорий. Одновременно усиливается взаимодействие между странами региона в рамках Организации сотрудничества железных дорог (ОСЖД), Шанхайской организации сотрудничества, а также других многосторонних платформ.

Несмотря на существующие проблемы — такие как различия в ширине колеи на южных границах, административные барьеры, слабая логистика на стыках национальных систем — потенциал региона как железнодорожного узла Евразии остаётся высоким. Конкуренция между внешними акторами (Китаем, Россией, Ираном и странами ЕС) за влияние на транспортные маршруты Центральной Азии способствует модернизации инфраструктуры и политике транспортной многовекторности.

Таким образом, Центральная Азия объективно формируется как железнодорожный регион, обладающий устойчивыми связями внутри пространства постсоветского наследия и одновременно вовлечённый в новые геоэкономические проекты, ориентированные на транзит и экспортно-импортные потоки между Азией и Европой.

Электрификация выступила как часть инфраструктурной трансформации Центральной Азии. После революционных преобразований 1917 года советская власть приступила к системному преобразованию инфраструктурных основ Средней Азии. Одним из ключевых направлений стало внедрение электрификации, которая рассматривалась не только как энергетическая модернизация, но и как элемент социалистической трансформации региона. В рамках реализации плана ГОЭЛРО¹³³ особое внимание уделялось взаимосвязи между ирригацией и выработкой электроэнергии.

¹³³ План ГОЭЛРО (Государственная комиссия по электрификации России) — это первая в советской истории государственная программа комплексного экономического развития страны, основанная на масштабной электрификации. Презентованный В. И. Лениным 22 декабря 1920 года на VIII Всероссийском съезде Советов, план стал ключевым документом индустриализации и символом нового социалистического подхода к модернизации пространства.

ГОЭЛРО предусматривал строительство 30 районных электростанций (в том числе 10 гидроэлектростанций), реконструкцию существующих предприятий, развитие транспортной инфраструктуры, а также организацию

Впервые масштабное обсуждение вопроса электрификации Средней Азии в увязке с водохозяйственным строительством было представлено в знаменитом плане ГОЭЛРО, официально опубликованном в декабре 1920 года. В этом документе Туркестан рассматривался как зона приоритетного развития гидроэнергетических мощностей. Предполагалось, что плотины и другие элементы ирригационной инфраструктуры могут быть переоборудованы под установку гидротурбин, способных обеспечивать электроэнергией сельское хозяйство, промышленность и быт.

В этом контексте особую роль сыграли специалисты, находившиеся на стыке двух дисциплин — ирригации и энергетики. Одним из таких экспертов был Георгий Ризенкамф, инженер-гидротехник, который, начав свою деятельность в сфере орошения, стал одним из главных идеологов комплексного водно-энергетического развития региона. Его подход заключался в синтезе аграрных и индустриальных задач, при котором каждый элемент инфраструктуры обслуживал сразу несколько функций: ирригацию, генерацию энергии, регулирование потоков и транспортировку воды.¹³⁴

Таким образом, электрификация Средней Азии была с самого начала встроена в более широкий технopolитический проект — не просто модернизации, но и подчинения природы нуждам социалистического хозяйства. Это отличало советский подход от западных инженерных школ, которые, как правило, рассматривали электрические и ирригационные системы как отдельные.

После Октябрьской революции в Средней Азии началась реализация крупномасштабного проекта по созданию единой системы электроснабжения региона. Интеграция энергетических и гидротехнических проектов стала одним из приоритетов: возводимые для ирригации плотины одновременно оснащались

новых промышленных районов. Он охватывал все важнейшие регионы бывшей Российской империи, включая Туркестан, где электрификация была тесно увязана с развитием ирригационных систем и водного хозяйства.

В отличие от предыдущих технических инициатив, план ГОЭЛРО исходил из принципа централизованного, планового и научного подхода к освоению территории. Он стал предтечей пятилеток и заложил основу советского типа пространственного планирования. Электричество в этом контексте трактовалось не только как технический ресурс, но и как символ нового мира, создаваемого на принципах пролетарского социализма.

¹³⁴ Obertreis, J. *Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991*. — Göttingen, Germany: V&R Unipress, 2017. — ISBN 978-3-8471-0786-6. — P. 153.

генераторами для выработки электроэнергии. К концу 1920-х годов в советской Средней Азии уже достигались заметные объёмы её производства. Наряду с крупными ГЭС активно строились тепловые электростанции в крупнейших городах региона. В годы Второй мировой войны развитие энергетики ускорилось, особенно в Ташкентском узле, куда было переведено множество эвакуированных предприятий.

В 1940-х годах началось формирование двух региональных энергосистем. Первая охватывала Ташкент и его окрестности, где были построены тепловые электростанции, а также ГЭС на Сырдарье и её притоке — реке Чирчик. Ведущим объектом этой системы стала Фархадская ГЭС, завершённая в 1948 году, которая находилась рядом с границей между Узбекской и Таджикской ССР. При этом само водохранилище, питавшее станцию, географически располагалось на территории Таджикистана, согласно административному делению 1936 года.¹³⁵ Позднее в межреспубликанскую энергосеть были включены Кайраккумская ГЭС (1956 год, Таджикская ССР) и Чардаринская ГЭС (1965 год, Казахская ССР), что окончательно закрепило её наднациональный характер.¹³⁶

В то же время сформировалась вторая энергосистема — автономная сеть Ферганской долины, где преобладали ТЭС и локальная инфраструктура, обеспечивавшая электроснабжение густонаселённого и индустриального региона. На следующем этапе была начата интеграция: узбекско-таджикско-казахстанскую сеть и ферганскую систему объединили с рядом изолированных сетей, что привело к формированию единой структуры с уникальной географией. Эта система, получившая название Среднеазиатская энергосистема (ЦАЭС), охватила электростанции Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и южных областей Казахстана, включая Алма-Ату. Управление объединённой сетью осуществлялось из Ташкента, где был размещён Центральный диспетчерский центр, контролировавший производство и распределение энергии

¹³⁵ Obertreis, J. *Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991*. — Göttingen, Germany: V&R Unipress, 2017. — ISBN 978-3-8471-0786-6. P. 221, 232.

¹³⁶ Roberts, F. A Controversial Dam in Stalinist Central Asia: Rivalry and “Fraternal Cooperation” on the Syr Darya // *Ab Imperio*. — 2018. — No. 2. — P. 117–118 — DOI: 10.1353/imp.2018.0030. — URL: https://dspace.library.uu.nl/bitstream/handle/1874/432679/Roberts2018_ab_imperio_controversial_dam_Stalinist_Central_Asia.pdf?sequence=1 (дата обращения: 02.02.2025).

в южной части Центральной Азии.¹³⁷ Важно отметить, что ЦАЭС не представляла собой простую совокупность отдельных республиканских сетей; таких автономных систем в реальности не существовало. Так, на территории Таджикистана функционировали не самостоятельные электросети, а отдельные станции и линии, интегрированные в общерегиональную систему.¹³⁸ Сетевая структура основывалась на технической и экономической целесообразности, в которой границы между республиками фактически игнорировались.

ЦАЭС получила значительные преимущества от комбинированного использования гидро- и тепловой энергетики в масштабах всего региона. Тепловая генерация обеспечивала базовую нагрузку, а гидроэлектростанции позволяли гибко регулировать пики потребления в течение суток. Особенно крупными объектами в сфере гидроэнергетики стали Нурекская ГЭС в Таджикистане и Токтогульская ГЭС в Кыргызстане. Крупнейшие тепловые электростанции, использующие уголь, нефть и природный газ, были размещены преимущественно в Узбекистане, Казахстане и Туркменистане. Энергетические потоки между республиками носили трансграничный характер и менялись в зависимости от сезонных потребностей. Так, в 1990 году Таджикистан экспортировал своим соседям 2668 ГВтч, одновременно импортировав 3927 ГВтч.¹³⁹

К финалу советского периода республики юга Центральной Азии были плотно «сшиты» единой энергетикой, что породило устойчивую взаимозависимость, нередко обозначаемую как «Южная электрическая Средняя Азия». При этом значительная часть Казахстана осталась вне этой системы. Его крупнейшие ГЭС, прежде всего на Иртыше, были интегрированы не с южной сетью, а с энергокольцом, охватывавшим Омск, Новосибирск и Республику Алтай в России, где казахстанская гидроэнергия использовалась как

¹³⁷ Gleason, G. Russia and the Politics of the Central Asian Electricity Grid // Problems of Post-Communism. — 2003. — Vol. 50, No. 3. — DOI: 10.1080/10758216.2003.11656038. — P. 51

¹³⁸ Ibid. — P. 48

¹³⁹ Wegerich, K., Olsson, O., Froebrich, J. Reliving the Past in a Changed Environment: Hydropower Ambitions, Opportunities and Constraints in Tajikistan // Energy Policy. — 2007. — Vol. 35, No. 7. — P. 3815–3817. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0301421507000353> (дата обращения: 07.07.2025)

относительно дешёвый ресурс.¹⁴⁰ Со временем северный Казахстан был прочно включен — через не менее чем девять мощных линий электропередачи 500 кВ в Осткамень, Павлодар, Петропавловск и Костанай — в Единую энергосистему Советского Союза, которая охватывала большую часть Европейской и Сибирской регионов Российской империи.¹⁴¹

Интеграция с Россией ещё больше укрепилась после тяжёлой индустриализации северного Казахстана, включающей, помимо прочего, огромный атомно-промышленный комплекс, в процессе которой посреди степи были построены многочисленные угольные электростанции. Так возникла Северная Электрическая Средняя Азия. К позднему советскому периоду этот регион потреблял около 70% всей электроэнергии Казахской ССР.¹⁴²

К завершению советского периода Казахстан утратил статус экспортёра электроэнергии в Россию. Вместо этого объединённая энергосистема с Сибирью стала использоваться для импорта электроэнергии в северные регионы республики. В результате предприятия, города и сельское хозяйство северного Казахстана оказались зависимы от российских поставок. Эта зависимость стала особенно ощутимой в 1990-е годы, когда Казахстан, как и другие постсоветские государства, испытывал трудности с оплатой энергоресурсов. В ответ российские энергетические компании начали отключать неплательщиков, что зимой 1995 года привело к масштабным отключениям электричества, оставившим города северного Казахстана без света и тепла в «разгар сибирских морозов».¹⁴³

Кризис 1990-х годов вынудил Казахстан провести реформу в энергетике: север страны впервые был подключён к южной сети, ранее входившей в состав Среднеазиатской энергосистемы (ЦАЭС) и связанной с соседними республиками региона. Таким образом, энергетический дефицит на севере стал фактором временного объединения страны в рамках Южной Электрической Средней Азии. Однако после стабилизации отношений с Россией и урегулирования долговых

¹⁴⁰ Matley, I. M. *The Soviet Approach to Geography*. — Ann Arbor: University of Michigan, 1961. P. 134

¹⁴¹ Gleason, G. *Russia and the Politics of the Central Asian Electricity Grid // Problems of Post-Communism*. — 2003. — Vol. 50, No. 3. — DOI: 10.1080/10758216.2003.11656038. — P. 49

¹⁴² Ibid. — P. 50.

¹⁴³ Gleason, G. *Russia and the Politics of the Central Asian Electricity Grid // Problems of Post-Communism*. — 2003. — Vol. 50, No. 3. — DOI: 10.1080/10758216.2003.11656038. — P. 51

проблем, прежняя связь северных казахстанских регионов с российской энергосистемой была восстановлена.¹⁴⁴

После распада СССР в южной части Центральной Азии возникли серьёзные энергетические трудности. Территория, ранее объединённая в рамках Южной электрической системы, оказалась разделённой между независимыми государствами, что сделало торговлю электроэнергией предметом сложных международных соглашений. Стремясь к энергетической автономии, страны начали сокращать взаимные поставки: с 1990 по 2000 год трансграничные потоки снизились на 75–80%. В 2000-х этот процесс усилился — сначала ЦАЭС покинул Туркменистан (2003), затем Узбекистан и Казахстан (2009), что привело к окончательному разрыву межсистемных связей.¹⁴⁵ На следующем этапе Кыргызстан и Таджикистан, обладая значительным гидроэнергопотенциалом, начали переориентировать экспорт электроэнергии на юг, в первую очередь в Афганистан. К этой же стратегии присоединились Узбекистан и Туркменистан, делая ставку на свои газовые ТЭС. Были построены новые линии электропередачи, обеспечивающие энергоснабжение северных афганских провинций и Кабула. На тот момент, в начале 2000-х годов, только около 5% населения Афганистана имело доступ к электроэнергии.¹⁴⁶ К 2016 году страна импортировала 35% своей электроэнергии из Узбекистана, 30% из Таджикистана и 13% из Туркменистана. Кабул снабжался из Узбекистана, Кундуз — из Таджикистана, а Герат — из Туркменистана.¹⁴⁷

С 2009 года Афганистан получал круглосуточное электроснабжение благодаря этим связям. К 2016 году 30% населения уже имели доступ к стабильному электричеству.¹⁴⁸ Вслед за успешной переориентацией экспорта электроэнергии на южное направление были инициированы новые проекты,

¹⁴⁴ Gleason, G. Russia and the Politics of the Central Asian Electricity Grid // Problems of Post-Communism. — 2003. — Vol. 50, No. 3. — DOI: 10.1080/10758216.2003.11656038P. 52

¹⁴⁵ Badykova, N. Regional Cooperation in Central Asia: A View from Turkmenistan // Problems of Economic Transition. — 2005. — Vol. 48, No. 8. — P. 75 — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/10611991.2005.11050006> (дата обращения: 05.01.2025).

¹⁴⁶ Neifer, R. Islamic Republic of Afghanistan: Power Sector Master Plan. Technical Assistance Consultant's Report. — Stuttgart: Fichtner GmbH; Asian Development Bank, 2013. P. 76..

¹⁴⁷ Amin, M., Bernell, D. Power Sector Reform in Afghanistan: Barriers to Achieving Universal Access to Electricity // Energy Policy. — 2018. — Vol. 123. — DOI: 10.1016/j.enpol.2018.08.010. P. 72.

¹⁴⁸ Ibid. — P. 77

включая CASA-1000, предусматривающий передачу кыргызской и таджикской гидроэнергии в Афганистан с дальнейшей доставкой в Пакистан. В результате начала формироваться новый транснациональный энергетический макрорегион, условно обозначаемый как Новая Электрическая Центральная Азия, объединяющий южные государства региона, север Афганистана и северные провинции Пакистана посредством современных линий электропередачи.

Центральноазиатский регион исторически формировался под влиянием природных и транспортных систем, в частности водных артерий и караванных маршрутов, служивших основой экономической жизни на протяжении тысячелетий. Лишь в конце XIX века в регион проникли железные дороги, а в начале XX века — электрические сети. После окончания Второй мировой войны к числу ключевых инфраструктурных направлений в регионе была добавлена ещё одна стратегически значимая составляющая — газотранспортная система. Её проектирование и развитие курировалось на союзном уровне Министерством газовой промышленности СССР. Формирование сети началось в 1950-х годах, когда в районе Газли, недалеко от Бухары в Узбекской ССР, были открыты значительные запасы природного газа.

Первоначально предполагалось использовать добытый газ исключительно в пределах одного промышленного узла, в котором планировалось развернуть химико-технологический комплекс. Однако масштабы открытых запасов оказались настолько велики, что существующие мощности по переработке не могли в полной мере обеспечить его утилизацию. Вслед за этим было принято стратегическое решение о создании региональной газотранспортной системы, предназначенной для распределения узбекского газа по другим союзным республикам Центральной Азии. Эта инфраструктура не только обеспечивала энергетическую интеграцию региона, но и позволяла рационально использовать местные ресурсы, снижая потребление угля и нефти в республиках. Одновременно открылись возможности подключения к системе газоснабжения менее масштабных месторождений в Ферганской долине, Сурхандарьинской

области и других районах Узбекистана, Кыргызстана и юга Казахстана, ранее считавшихся нерентабельными из-за удаленности от промышленных центров.

Таким образом, формирование газовой инфраструктуры в Центральной Азии стало важным этапом углубления технико-экономической взаимосвязи республик региона и одним из факторов формирования интегрированного экономического пространства в советской Средней Азии.

Газопровод, построенный для транспортировки газа из месторождений Газли, был проложен вдоль северных склонов Алатау, повторяя маршрут древнего Великого шелкового пути. Эта магистральная линия связала крупнейшие города региона — Бухару, Ташкент, Чимкент (ныне Шымкент), Фрунзе (ныне Бишкек) и Алма-Ату (Алматы), формируя единую газовую инфраструктуру. При проектировании границы между союзными республиками практически не учитывались, поскольку техническая и экономическая логика диктовала межрегиональный характер системы. Трубопровод неоднократно пересекал административные рубежи, создавая прочную трансреспубликанскую сеть.

Значимым элементом системы стало ответвление в сторону Ферганской долины, где местные залежи газа использовались для усиления восточной части сети. Благодаря этому решению к газораспределительной системе были подключены стратегически важные города в разных республиках — Ленинабад (Худжанд) в Таджикистане, Фергана в Узбекистане и Ош в Кыргызстане. Это обеспечило высокий уровень энергетической взаимозависимости между союзными республиками региона. В то же время столица Таджикской ССР — Душанбе — изначально оставалась вне пределов этой системы. Энергоснабжение города обеспечивалось за счёт добычи газа на небольшом месторождении Кызыл-Тумшук, расположенном на юге Таджикистана. Однако в последующем этот изолированный участок газовой инфраструктуры был соединён с более широкой узбекско-центрированной сетью посредством трансреспубликанского

газопровода, что окончательно закрепило её включение в единую советскую систему газоснабжения.¹⁴⁹

Дальнейшее освоение узбекских месторождений природного газа, начатое в 1960-х годах, показало, что их запасы существенно превышают первоначальные оценки. Так, уже к 1960 году разведанные промышленно освоенные ресурсы крупнейшего месторождения Газли оценивались в 500 миллиардов кубометров. Некоторые западные аналитики тогда утверждали, что Газли может быть крупнейшим газовым месторождением в мире.¹⁵⁰

В рамках дальнейшего расширения газовой инфраструктуры Министерство газовой промышленности СССР инициировало масштабный проект по соединению газовых месторождений Газли с крупными индустриальными центрами Урала — Челябинском и Свердловском. Протяжённость магистрального газопровода, связывавшего Узбекистан с уральским промышленным регионом, составила более 2000 километров. Первый газ поступил в Челябинск в 1963 году, а два года спустя — в 1965 году — достиг Свердловска, что стало важным этапом в развитии общесоюзной энергетической системы.

Прокладка магистральных газопроводов из Газли на Урал имела значение не только для индустриальных центров России. Она также способствовала включению обширных территорий Западного Казахстана, расположенных вдоль трассы трубопроводов, в формирующуюся газовую систему Центральной Азии. В то же время промышленно развитые районы Северного и Восточного Казахстана оказались вне охвата этой инфраструктуры, что подчеркнуло неравномерность территориальной интеграции в газовой сфере.

Примечательно, что в газотранспортную систему Центральной Азии был интегрирован и север Афганистана. В октябре 1963 года между СССР и Афганистаном было подписано соглашение, открывшее путь для экспорта афганского природного газа в советскую Среднюю Азию. Это соглашение стало

¹⁴⁹ Högselius, P. *Red Gas: Russia and the Origins of European Energy Dependence*. — London: Palgrave Macmillan, 2013. — P. 179. — URL: <https://link.springer.com/book/10.1057/9781137286154> (дата обращения: 07.07.2025)

¹⁵⁰ См.: Газовая промышленность. Журнал Министерства газовой промышленности СССР – 1963. – № 2. – С. 14–18

частью более широкого комплекса советско-афганского экономического сотрудничества. Газ поступал через южные районы Туркменской ССР по специально построенному трубопроводу протяжённостью около 380 километров и далее направлялся в Узбекистан. Реальные поставки начались в конце 1966 года.¹⁵¹

В результате реализации советской газовой стратегии северные районы Афганистана были фактически включены в единую трансграничную газотранспортную систему Центральной Азии. Это обеспечило им интеграцию в обширную инфраструктурную сеть, охватывающую весь регион.

В 1960-е годы формирование пространственной архитектуры газовой отрасли Центральной Азии получило новое развитие за счёт строительства магистральных трубопроводов, направленных из южных газоносных районов Туркменской ССР в европейские регионы Советского Союза, а затем — в страны Восточной и Западной Европы. Эти трубопроводы проходили транзитом через территорию Узбекской ССР и северо-западные районы Казахской ССР, превращая регион в ключевое звено общесоюзной экспортной инфраструктуры. После разведки новых месторождений на восточном побережье Каспийского моря прикаспийские районы также были включены в развивающуюся сеть. Это окончательно закрепило роль Центральной Азии как важнейшего элемента единой газотранспортной системы Советского Союза.¹⁵²

После распада Советского Союза, с установлением международных границ, центральноазиатская газовая система столкнулась с серьёзными политическими вызовами. Новый независимый Кыргызстан, стремясь к энергетическому суверенитету, стал предпринимать шаги по снижению зависимости от импорта узбекского и казахстанского газа. Особенно остро эта проблема проявилась, когда Узбекистан начал использовать энергетические рычаги давления на Бишкек, настаивая на увеличении сбросов воды из Токтогульского

¹⁵¹ Högselius, P. *Red Gas: Russia and the Origins of European Energy Dependence*. — London: Palgrave Macmillan, 2013. — P. 181. — URL: <https://link.springer.com/book/10.1057/9781137286154> (дата обращения: 07.07.2025)

¹⁵² Högselius, P. *Red Gas: Russia and the Origins of European Energy Dependence*. — London: Palgrave Macmillan, 2013. — P. 182. — URL: <https://link.springer.com/book/10.1057/9781137286154> (дата обращения: 07.07.2025)

водохранилища в период вегетации. Таким образом, газ стал инструментом в водно-энергетических переговорах между странами региона.¹⁵³

В аналогичной ситуации оказался и независимый Туркменистан. В 1990–2000-х годах он неоднократно вступал в острые споры с российским концерном «Газпром». Туркменские власти обвиняли российского партнёра в навязывании заниженных цен и в политизации контрактов на экспорт газа. В ряде случаев это приводило к временным остановкам поставок туркменского газа в Россию, что подрывало доверие между сторонами и подталкивало Ашхабад к поиску альтернативных маршрутов экспорта.¹⁵⁴

Таким образом, если в советский период трубопроводная сеть формировалась в логике единой плановой системы, то в постсоветский период она оказалась в центре геополитических споров и энергетического соперничества.

К концу XX века правительство Туркменистана всё более осознавало ограниченность и неустойчивость традиционных маршрутов экспорта газа, ориентированных преимущественно на север, в сторону России. В поисках альтернатив Ашхабад стал активно рассматривать возможности вывода энергоресурсов на запад и юг. Альтернативный маршрут через Иран оказался политически проблематичным из-за санкционной политики США. Тем не менее, Иран и Туркменистан смогли реализовать один совместный проект: в 1997 году был введён в эксплуатацию газопровод, обеспечивший поставки туркменского газа в северные провинции Ирана. Это стало важным достижением энергетической интеграции, сделав север Ирана частью Газовой Центральной Азии. В то же время рассматривался и юго-восточный вектор. Проект строительства трубопровода от туркменских месторождений через Афганистан в Пакистан и далее в Индию получил название ТАПИ (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия). Эту инициативу активно поддерживали

¹⁵³ Gleason, G. Russia and the Politics of the Central Asian Electricity Grid // Problems of Post-Communism. — 2003. — Vol. 50, No. 3. — DOI: 10.1080/10758216.2003.11656038. - P. 47.

¹⁵⁴ Olcott, M. B. International Gas Trade in Central Asia: Turkmenistan, Iran, Russia and Afghanistan // Natural Gas and Geopolitics: From 1970 to 2040 / eds. D. G. Victor, A. M. Jaffe, M. H. Hayes. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — URL: https://assets.cambridge.org/97805218/65036/frontmatter/9780521865036_frontmatter.pdf (дата обращения: 05.02.2025).

международные нефтегазовые компании, включая консорциумы с участием США и Аргентины.¹⁵⁵ Хотя из-за продолжающейся войны в Афганистане проект долгое время считался трудноосуществимым, в декабре 2015 года главы четырёх государств – Туркменистана, Афганистана, Пакистана и Индии – провели церемонию закладки фундамента ТАПИ. Было объявлено о начале строительства, но на момент написания данного текста отсутствуют подтверждённые данные о реальном прогрессе проекта.¹⁵⁶

В случае успешной реализации ТАПИ станет не просто энергетическим проектом, а инструментом региональной интеграции. Он укрепит связи между севером Афганистана и Центральной Азией, а также свяжет западные регионы Пакистана с энергетической системой постсоветского пространства.

Начиная с 2000-х годов, Китай стал одним из ключевых внешних акторов, стремящихся получить доступ к газовым ресурсам Центральной Азии. В отличие от других потенциальных партнёров — таких как Индия, Пакистан или Афганистан — Пекин действовал с заметно большей оперативностью. С начала XXI века Китай сконцентрировал внимание на развитии собственных энергоресурсов, сделав приоритетом освоение месторождений в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Основное внимание было сосредоточено на разработке ресурсов Таримского бассейна, после чего китайские инженеры приступили к строительству магистрального трубопровода, соединяющего Синьцзян с восточными промышленными центрами страны. Газопровод Синьцзян – Шанхай был официально введён в эксплуатацию в 2004 году и стал важным этапом в обеспечении энергетической безопасности Китая. Однако внутренние ресурсы не смогли полностью удовлетворить стремительно растущий энергетический спрос страны. В этих условиях Туркменистан, обладающий колоссальными запасами природного газа, рассматривался как

¹⁵⁵ Olcott, M. B. *International Gas Trade in Central Asia: Turkmenistan, Iran, Russia and Afghanistan* // *Natural Gas and Geopolitics: From 1970 to 2040* / eds. D. G. Victor, A. M. Jaffe, M. H. Hayes. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — URL: https://assets.cambridge.org/97805218/65036/frontmatter/9780521865036_frontmatter.pdf (дата обращения: 05.02.2025).

¹⁵⁶ Anceschi, L. *Turkmenistan and the Virtual Politics of Eurasian Energy: The Case of the TAPI Pipeline Project* // *Central Asian Survey*. — 2017. — Vol. 36, No. 4. — P. 409–410. — DOI: 10.1080/02634937.2017.1391747. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/02634937.2017.1391747> (дата обращения: 06.02.2025).

приоритетный внешний поставщик. В 2009 году при активной поддержке китайского капитала был построен и введён в эксплуатацию газопровод «Средняя Азия – Китай», проложенный через территорию Туркменистана, Узбекистана, Казахстана и Синьцзяна. В этом проекте особое значение приобрели транзитные соглашения между государствами Центральной Азии, что также способствовало укреплению внутреннего регионального взаимодействия.¹⁵⁷

В последующие годы данная энергетическая магистраль была расширена за счёт строительства дополнительных нитей трубопровода, превратившись в один из ключевых каналов газоснабжения КНР. Таким образом, газовая интеграция региона получила новый восточный вектор, дополнив прежнюю ориентацию на север — в сторону Урала и Европейской части России.

На фоне ухудшения условий транзита в западном направлении (включая периодические перебои поставок в РФ, конфликты с «Газпромом» и проблемы с расчётами за транзит) Китай стал более предсказуемым и стабильным потребителем. В результате, к концу 2010-х годов инфраструктура Газовой Центральной Азии приобрела трансформированный облик: иранское и китайское направления стали устойчивыми маршрутами экспорта, в то время как афгано-пакистанское направление оставалось перспективным, но нестабильным и слабо развитым.¹⁵⁸

Масштабные инженерные и инфраструктурные комплексы позволяют взглянуть на прошлое Центральной Азии под иным углом, дополняя традиционное понимание региона новым измерением. Этот альтернативный подход акцентирует внимание на процессе так называемой скрытой интеграции, выражающейся в формировании устойчивых межрегиональных связей, как действующих, так и перспективных.

Рассмотрим, как меняется представление о границах Центральной Азии, если использовать инфраструктурную оптику. Начнем с южных рубежей. С

¹⁵⁷ Xu, S., Klaiber, H. The Impact of New Natural Gas Pipelines on Emissions and Fuel Consumption in China // *Resource and Energy Economics*. — 2019. — Vol. 55. — DOI: 10.1016/j.reseneeco.2018.10.004. P.50

¹⁵⁸ Ibid. - P. 52.

точки зрения политической истории юг Центральной Азии часто отождествляют с исторической границей Российской империи, установленной в результате экспансии в XIX веке и долгое время остававшейся неизменной. Многие эксперты считают эту линию естественным пределом Центральной Азии. Однако при внимательном изучении инженерных и энергетических связей, особенно начиная с середины XX века, такое представление требует уточнения.

Регион северного Афганистана демонстрирует многочисленные признаки включенности в центральноазиатское пространство. Его включение началось еще в 1940-х годах, когда были заключены первые соглашения о водопользовании между Кабулом и Москвой по рекам бассейна Амударьи.

В 1960-х годах Афганистан оказался связанным с газотранспортной системой, простиравшейся из Туркменистана и Узбекистана. Далее, в годы советско-афганской войны, были предприняты усилия по продлению железнодорожных линий до северных афганских городов, создавая устойчивые транспортные коридоры. Уже в XXI веке появление новых ЛЭП, протянувшихся от Таджикистана и Узбекистана до Кабула и других населённых пунктов, укрепило эти связи. Кроме того, обсуждалось строительство газопровода, который обеспечил бы дополнительные потоки энергоресурсов из Центральной Азии в Афганистан.

Таким образом, можно утверждать, что вне рамок геополитических дискуссий и суверенных границ север Афганистана демонстрирует глубокую инфраструктурную связь с соседними республиками бывшего СССР. По логике функционирования сетей, он гораздо ближе к Центральной Азии, чем к странам Южной Азии. Тем не менее, важно подчеркнуть, что само определение региона неизбежно включает политическую составляющую, которая, несмотря на тесные функциональные связи, продолжает разграничивать афганское пространство от бывших советских республик.

Восточная граница Центральной Азии на протяжении десятилетий оставалась предметом научных и политических споров. С формальной точки зрения, линия разграничения между Российской империей, Советским Союзом, а

затем независимым Казахстаном с одной стороны и Китаем с другой была установлена в конце XIX века и не подвергалась значительным изменениям. Однако культурные и этнолингвистические особенности региона, особенно в отношении тюркского населения китайского Синьцзяна, ставили под сомнение строгость такого деления. Многие исследователи обращали внимание на общность религии, языка и традиций между народами Синьцзяна и тюркоязычными этносами Центральной Азии.

Тем не менее, вопрос о принадлежности Синьцзяна к Центральной Азии остаётся открытым и многогранным. Если рассматривать этот регион с позиции инфраструктурного взаимодействия, картина выглядит более сложной. Исторические материалы показывают, что с конца XIX до середины XX века инфраструктурные связи, главным образом по водным маршрутам, способствовали укреплению связей между Синьцзяном и российской частью Средней Азии. Хотя в этот период транспортные и энергетические коридоры ещё не получили широкого развития, совместные дорожные инициативы и водохозяйственные проекты заложили основу для последующей координации.

До 1950-х годов Синьцзян был теснее интегрирован с советской Средней Азией, чем с остальными регионами Китая. Однако этот процесс прервался в 1960-х годах в результате китайско-советского политического конфликта, что привело к ограничению трансграничных инфраструктурных связей и ужесточению контроля на границе.

Только с конца 1980-х годов началось восстановление взаимодействия: были запущены совместные проекты в сфере железнодорожного сообщения, транспортировки природного газа и других ресурсов. Несмотря на это сближение, параллельно наблюдались процессы инфраструктурной изоляции: Китай активизировал проекты по перенаправлению вод рек Или и Иртыш, что вызвало тревогу в Казахстане и отчасти подорвало доверие между странами.

Таким образом, инфраструктурная история указывает на двойственность позиции Синьцзяна. С одной стороны, провинция сохраняет функциональные связи с Центральной Азией, в первую очередь с Казахстаном, Кыргызстаном и

Узбекистаном. С другой — Пекин сознательно интегрирует этот регион в общекитайскую инфраструктуру, стремясь усилить внутреннее единство. Наиболее точным объяснением этого противоречия можно считать одновременное стремление Китая развивать Синьцзян как окно в Центральную Азию, но при этом сохранять над ним полный контроль как над неотъемлемой частью страны.

Одним из наиболее интересных вопросов, связанных с региональными границами Центральной Азии, остаётся определение её северной окраины. Преобладающая точка зрения в научной и политической традиции предполагает, что граница между Казахстаном и Россией служит северной границей региона. Одним из наиболее интересных вопросов, связанных с региональными границами Центральной Азии, остаётся определение её северной окраины. Преобладающая точка зрения в научной и политической традиции предполагает, что граница между Казахстаном и Россией служит северной границей региона.

Однако, в российской академической традиции встречается и интерпретация, согласно которой северные районы Казахстана — особенно приграничные с Сибирью — рассматриваются как часть иного макрорегиона. Это объясняется тем, что с конца XIX века между Северным Казахстаном и югом Сибири сформировалась устойчивая система экономических и инфраструктурных связей, включающая железные дороги, речные маршруты, а позднее — и энергетические линии. На этой основе некоторые исследователи выделяют единый макроинфраструктурный кластер, охватывающий север Казахстана и южную Сибирь.

Однако с позиций современной геополитики и регионалистики Северный Казахстан однозначно входит в Центральную Азию. Это подтверждается как историко-культурной связью с остальными республиками региона, так и участием Казахстана в региональных структурах и инициативах, ориентированных на Центральную Азию. Более того, инфраструктурное развитие последних десятилетий — включая проекты Южного газового коридора,

магистрали «Север — Юг» и модернизацию железнодорожной сети — упрочили связанность северных областей с остальной частью страны.

Несмотря на частичную тяготение северных энергетических сетей и логистических потоков к российской Сибири, в стратегическом и интеграционном измерении Северный Казахстан продолжает оставаться неотъемлемой частью Центральной Азии. Его роль как связующего звена между Сибирью и Центральной Азией лишь усиливает значение республики как транзитного хаба и регионального центра.

В Советское время при проектировании и строительстве новых объектов - железнодорожных линий, линий электропередачи и магистральных трубопроводов приоритет отдавался технической целесообразности и кратчайшим маршрутам. В этой логике прослеживалось стремление создать единую взаимосвязанную систему, в которой административные рамки теряли свое значение.

В результате сложилась сложная и тесно переплетенная сеть межреспубликанских коммуникаций, лишающая смысла попытки отнести ту или иную инфраструктурную ветвь к конкретной республике. В то время не существовало обособленных систем — узбекской железной дороги, таджикской энергетики или туркменского газоснабжения: имелись только совокупности сетей, охватывавшие несколько республик и объединявшие их в единое региональное пространство.

После распада Советского Союза эта устоявшаяся конфигурация подверглась значительным изменениям. Новые независимые государства начали стремиться к переориентации инфраструктуры в пределах собственных национальных границ. Основной целью стало сокращение зависимости от бывших союзников и укрепление собственной экономической автономии. Появились проекты, направленные на создание национальных железнодорожных магистралей, электросетей и водохозяйственных систем, работающих исключительно в интересах каждой отдельной страны. Примером тому стали попытки выстроить полностью узбекские маршруты движения поездов, замкнуть

энергосистему Таджикистана на внутренних источниках и ограничить использование трансграничных вод в Туркменистане.

Тем не менее, такие стремления к «национализации» инфраструктурных систем сопровождались противоречивыми тенденциями. Одновременно с этим наблюдалось усиление интереса к внешнеэкономическому сотрудничеству, особенно со стороны Китая, заинтересованного в получении доступа к природным ресурсам региона и использовании его как транзитной территории для своих транспортных коридоров между Востоком и Западом

Это привело к тому, что государства Центральной Азии стали возобновлять взаимное взаимодействие в рамках новых трансграничных проектов. Особенно активно сотрудничество развивалось в сфере железнодорожного и газотранспортного строительства, что отражало заинтересованность не только во внутренней модернизации, но и в выходе на международные рынки.

Кроме того, республики региона стали проявлять повышенное внимание к развитию инфраструктурных связей с южными соседями. Так, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан начали разрабатывать и реализовывать новые железнодорожные маршруты¹⁵⁹, схемы поставки электроэнергии и газопроводы, направленные на Афганистан, Пакистан и далее. Эти усилия стали элементом формирующейся новой модели регионального взаимодействия, в которой ключевую роль вновь играет взаимозависимость.

В результате возникла новая фаза интеграции, отражающей глубокую связь между странами Центральной Азии. Эта скрытая интеграция постсоветского периода демонстрирует устойчивое стремление региона к взаимосвязанному развитию на основе инфраструктурной сопряженности и экономических интересов.

¹⁵⁹ Рахимов Б. А. Реализация международных транспортных проектов в Кыргызстане: перспектива строительства железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-mezhdunarodnyh-transportnyh-proektov-v-kyrgyzstane-perspektiva-stroitelstva-zheleznoy-dorogi-kitay-kyrgyzstan> (дата обращения: 12.07.2025).

1.3 Геоэкономические и политико-культурные основы особенностей внешнеполитического поведения стран Центральной Азии

Центральная Азия обладает значительными природными богатствами, включая обширные запасы углеводородов. По оценкам, совокупные ресурсы нефти в регионе превышают 60 миллиардов баррелей, а отдельные прогнозы увеличивают эту цифру до 200 миллиардов.¹⁶⁰ Такое ресурсное обеспечение открывает перед государствами региона широкий выбор внешнеэкономических партнёров для освоения месторождений, позволяя балансировать между интересами российских и западных компаний, конкурирующих за доступ к этим ресурсам. В результате как Россия, так и США и Европейский союз в той или иной степени сохраняют влияние на формирование энергетической политики стран Центральной Азии, особенно в вопросах добычи и маршрутов транспортировки энергоресурсов.

Даже те государства Центральной Азии, которые не обладают значительными запасами нефти и газа, играют ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности и региональной стабильности благодаря своему стратегическому положению на предполагаемых маршрутах будущих трубопроводов. Их география превращает их в важнейшие транзитные звенья развивающейся транснациональной энергетической инфраструктуры.

Если ранее Центральная Азия рассматривалась преимущественно как объект геополитического влияния, то в настоящее время усиливается её геоэкономическое значение. Вопрос о будущем направлении экспорта энергоресурсов региона — на запад (в сторону ЕС и Атлантики), юг (к Индийскому океану) или восток (Китай, Япония, Тихий океан) — приобретает как экономическую, так и политическую значимость. По мнению Богатурова А.Д., именно этот выбор может стать определяющим в региональной политике,

¹⁶⁰Horsnell, P. Caspian Oil and Gas: A Game, if not a Great Game. — Oxford: Oxford Institute for Energy Studies, 1999. - URL: <https://www.oxfordenergy.org/publications/caspian-oil-and-gas-a-game-if-not-a-great-game/> (дата обращения: 14.07.2025).

поскольку затрагивает интересы как стран-производителей и потребителей, так и держав, стремящихся контролировать мировой энергетический рынок.¹⁶¹

С обретением независимости государства региона начали активно развивать альтернативные транспортные маршруты. Казахстан, например, построил железную дорогу до Урумчи (КНР), а Туркменистан — до Мешхеда (Иран), тем самым открыв регион для южного и восточного направлений. Если в советский период Центральная Азия была ориентирована преимущественно на Россию, то сегодня создаются трансконтинентальные коридоры, способные соединить Европу и Азию, обеспечивая странам региона гибкость в выборе внешнеэкономических партнёров. Несмотря на общее стремление извлекать выгоду из внешней конкуренции за регион, страны Центральной Азии долгое время проявляли ограниченную активность в совместной выработке региональных стратегий. Различия в темпах и направлениях политических, экономических и социальных реформ затрудняли эффективное взаимодействие и формирование коллективного подхода к общим вызовам.

Географическое положение Центральной Азии в центре Евразии служит одновременно стратегическим ресурсом и источником серьёзных вызовов. На протяжении последних десятилетий страны региона превратились в ключевое звено транзитного маршрута афганского наркотрафика. Значительные объёмы запрещённых веществ, проходя через территорию Центральной Азии, задерживаются в России, а затем направляются в европейские государства. Расширение каналов нелегальной торговли наркотиками усиливает риски для безопасности и стабильности всего региона. Противодействие наркобизнесу со стороны правительственных структур вызывает сопротивление со стороны заинтересованных в его сохранении сил — в том числе экстремистских группировок, прикрывающихся религиозной риторикой. Эти силы, при наличии благоприятных условий, способны инициировать деструктивные политические процессы, сравнимые по форме с так называемыми «цветными революциями»,

¹⁶¹ Богатуров, А. Д. Международные отношения в Центральной Азии: события и документы : учеб. пособие для вузов/ А. Д. Богатуров, А. С. Дундич, В. Г. Коргун и др. ; отв. ред. А. Д. Богатуров. — М. : Аспект Пресс, 2011. - С. 13-14

направленными на подрыв существующих режимов в странах Центральной Азии.¹⁶²

Особенность политической среды региона заключается в тесной взаимосвязи вопросов внутренней стабильности с безопасностью соседних государств — Афганистана, Пакистана и Ирана. В концептуальном плане идея взаимозависимой безопасности впервые оформилась в послевоенной Европе 1950-х годов и предполагала коллективное противостояние западных держав — в первую очередь США, Великобритании и Франции — угрозе со стороны СССР. Однако в случае Центральной Азии аналогичная взаимозависимость не формализована ни в международных соглашениях, ни в официальных заявлениях лидеров. Здесь она носит скорее географический, нежели ценностно-культурный характер.

Природно-географические условия региона — горные массивы, пустыни, нехватка водных ресурсов — повлияли как на историческое расселение народов, так и на формирование политических границ. В результате административные рубежи зачастую не совпадают с зонами реальных угроз или сфер стратегических интересов государств. Это обстоятельство усложняет формирование единой архитектуры безопасности и делает её опору на исключительно внутренние усилия малоэффективной.

В таких чувствительных с точки зрения геополитики зонах, как Ферганский оазис, приграничная линия между Таджикистаном и Афганистаном, а также ареал проживания пуштунских племен на рубеже Афганистана и Пакистана, попытка разграничить сферы безопасности между соседними государствами сталкивается с очевидным затруднением. Эти зоны представляют собой единый контур, где интересы пересекаются и взаимопроникают, образуя сложный, трудно регулируемый комплекс угроз. Как справедливо отмечают исследователи, в подобных условиях любые формальные международно-правовые договоренности оказываются недостаточно эффективными, поскольку они не

¹⁶²См.: Katoch, P. C. Security of Central Asian Region [Электронный ресурс] / Lt. Gen. (Retd.) P. C. Katoch. — SPS Land Forces, 2013. — Режим доступа: <https://www.spslandforces.com/story/?id=260> (дата обращения: 14.07.2025).

могут учесть тонкости межэтнических взаимодействий и исторически сложившихся форм локального управления. В этой связи отношения между странами региона тяготеют к более гибким и динамичным формам стабильности, отличающимся от институционализированной и юридически структурированной модели, принятой в Европе.¹⁶³

Очевидно, что специфика такой «нераздельности безопасности» проистекает не из политических деклараций или договоров, а из самого социально-культурного фундамента общества. В традиционном мировоззрении народов Центральной Азии — таджиков, узбеков, туркмен и киргизов — исторически преобладала территориально-локальная идентичность, которую можно обозначить как «оазисное сознание». Суть этого явления заключается в том, что человек идентифицирует себя в первую очередь не по этнической принадлежности, а по месту жительства, чаще всего — по отношению к водному источнику. В условиях хронического дефицита водных ресурсов, типичного для Центральной Азии, возможность смены места жительства была крайне ограничена. Это делало терпимость к «чужому» — как в этническом, так и в культурном плане — ключевым условием выживания. Владение оазисом могло принадлежать представителю иной этнической группы, но если он обеспечивал доступ к воде, его власть признавалась как законная и приемлемая.

Именно природная обусловленность условий жизни и социокультурная адаптация к ним сформировали особую модель сосуществования, в которой межэтническая терпимость вытекала из практической необходимости. Эта модель закреплялась и через духовные механизмы — прежде всего ислам, выступавший в регионе как интеграционная, надэтническая система. Роль ислама как наднационального фактора, сглаживающего различия между этническими группами и объединяющего людей на основе единой религиозной принадлежности, подчёркивается в ряде исследований. Его универсальные

¹⁶³ Богатуров А. Д., Дундич А. С., Коргун В. Г. Международные отношения в Центральной Азии: события и документы : учеб. пособие для вузов / отв. ред. А. Д. Богатуров. — М : Аспект Пресс, 2011. — С. 16-18

принципы, в особенности суфийские традиции, способствовали формированию горизонтальной солидарности и снижению конфликтного потенциала.

Таким образом, региональная специфика безопасности в Центральной Азии основана не на копировании западных моделей, а на глубинных историко-культурных и природных реалиях. Это делает любые попытки механического внедрения универсальных подходов к вопросам безопасности и межгосударственных отношений в регионе ограниченно применимыми.

До вхождения в состав Советского Союза, на территории Центральной Азии отсутствовали государственные образования, соответствующие модели «национального государства» в её европейском понимании. Доминирующими формами политической организации выступали структуры, базировавшиеся на принципе надэтничности, характерном для имперской традиции. Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства, а также Афганский эмират рассматривались в типологическом плане как многоэтничные политии, объединённые не идеей национального единства, а религиозной и социально-экономической общностью — прежде всего, коллективной принадлежностью к воде и земле, а также исламским правовым и моральным принципам. Такая политическая конструкция ограничивала развитие этнических конфликтов и блокировала возможность появления идеологий этнического превосходства, как это происходило в рамках националистических проектов в Европе или Японии нового времени.¹⁶⁴

Тем не менее, такая надэтничная организация затрудняла формирование чётких межгосударственных и культурных границ. В регионе отсутствовала ясная демаркация понятий «свой» и «чужой», которые в Европе получили юридическое и нормативное оформление. В Центральной Азии граница между внутренним и внешним, «нашими» и «иными» оставалась гибкой и зависела от контекста. В условиях, где политическое пространство формировалось не на основе институционального национализма, а через родственные, племенные и

¹⁶⁴ Богатуров А. Д., Дундич А. С., Коргун В. Г. Международные отношения в Центральной Азии: события и документы : учеб. пособие для вузов / отв. ред. А. Д. Богатуров. — М. : Аспект Пресс, 2011. — С. 35–36.

конфессиональные связи, было затруднительно внедрить модели международных отношений, основанные на вестфальской логике государственности.

Такое положение вещей порождает существенные затруднения при применении европейских подходов к регулированию трансграничных процессов в Центральной Азии. Например, вопрос: считаются ли события в Афганистане «чужими» для Таджикистана, если в этой стране проживает больше таджиков, чем в самой Республике Таджикистан? Для «среднестатистического таджика» может оказаться непросто определить, какой из этих двух государств он должен считать «своим» с точки зрения этнической принадлежности и исторической памяти. Проблематика, наблюдаемая в Ферганской долине, где узбеки, таджики и киргизы исторически проживают в тесном соседстве, обостряется из-за того, что современные государственные границы были проведены без учёта сложной этнокультурной мозаики региона. Эти рубежи, установленные в XX веке в рамках советской политики этнотерриториального размежевания, вступают в противоречие с традиционным восприятием пространства местным населением. В сочетании с горным рельефом, труднодоступными перевалами и историческими кочевыми маршрутами это усиливает нестабильность границ, способствуя неконтролируемому перемещению людей, циркуляции легальных и нелегальных товаров, а также распространению локальных конфликтов за пределы отдельных государств. Узбекам, таджикам Северного Таджикистана (в частности, в Худжанде), жителям узбекских Самарканда и Бухары, а также узбекам, таджикам и киргизам Ферганской долины приходится сталкиваться с аналогичными вопросами самоидентификации. Современные политические границы были искусственно установлены в советский период и зачастую не соответствуют традиционному представлению местных жителей о пространстве. Это, в совокупности с гористым рельефом, перевалами и историческими тропами, приводит к размытости идентичностей и стимулирует непредсказуемую миграцию — как легальную, так и контрабандную — не говоря уже о переносе конфликтов через рубежи.

Эти этнотерриториальные связи остаются сильными: Ферганская долина — наиболее густонаселённый регион (более 16 млн. человек)¹⁶⁵, где узбеки, таджики и киргизы живут вперемешку, часто с несколькими анклавами, при этом чёткая демаркация границ отсутствует, что регулярно приводит к пограничным столкновениям и напряжённости.

Рассмотрим фактор политического реформирования в региональных отношениях. Одним из центральных вопросов внутренней политики государств Центральной Азии в постсоветский период был вопрос реформирования их политических систем. Семидесятилетний опыт форсированной модернизации в составе Советского Союза, а также последующие три десятилетия национального развития в условиях независимости существенно изменили социальную структуру и управленческую модель стран региона. Эти преобразования не только повлияли на внутренние процессы, но и обусловили характер регионального взаимодействия.

Ярким примером нестабильности переходного периода стала попытка внедрения модели исламской демократии в Таджикистане в 1990-е годы. Гражданская война 1992–1997 гг., завершившаяся компромиссом между властями и оппозицией, была воспринята политическими элитами соседних государств как угроза. Эта реакция выразилась в резком ужесточении контроля над политическими и религиозными движениями, особенно над организациями, претендующими на исламское представительство. Применение силовых мер в борьбе как с исламистской оппозицией стало частью политики стабилизации, а в дальнейшем — основой для выстраивания режима управляемой модернизации. Таким образом, после завершения наиболее острого периода конфликтности, регион вступил в фазу институциональной стабилизации. Государства Центральной Азии стали постепенно отходить от советских структур,

¹⁶⁵ Рязанцев С. В., Гарибова Ф. М. Демографическое развитие Ферганской долины как приграничного региона Центральной Азии // DEMIS. Демографические исследования. — 2022. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskoe-razvitie-ferganskoy-doliny-kak-prigranichnogo-regiona-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 02.02.2025).

вырабатывая собственные, формально демократические формы правления — президентские или парламентские республики.¹⁶⁶

Политические режимы в Центральной Азии представляют собой типичную модель постсоветского плюрализма, где степень авторитарности или либерализма определяется местными представлениями о соотношении личной свободы и общественного долга, коллективных интересов и индивидуальных прав. С точки зрения политической типологии, эти государства относятся к анклавно-конгломератному типу, характерному для обществ с отложенной или частичной политической модернизацией. Подобные черты прослеживаются не только в Центральной Азии, но и в политической практике таких государств, как Россия и Китай, где модернизация сочетается с сохранением традиционных форм централизованного управления.¹⁶⁷

Вопрос о возможности либерализации политических режимов стран Центральной Азии по европейскому образцу остаётся предметом научных дискуссий. На практике реализация такого сценария возможна лишь при условии фундаментальных изменений в культурной матрице региона. Речь идёт о трансформации базовых представлений, определяющих общественную динамику: отношения к свободе и контролю, индивидуализму и коллективизму, равенству и патернализму. Иначе говоря, без изменения этнокультурных установок, касающихся допустимых форм социального взаимодействия и политической ответственности, заимствование либеральных институтов остаётся формальным, лишённым глубинной устойчивости.¹⁶⁸

¹⁶⁶ Мирзоев Н. М., Сангинов Д. Национальные интересы во внешней политике Республики Таджикистан // Вестник Педагогического университета. 2020. № 5 (88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-interesy-vo-vneshney-politiki-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 09.07.2025).; Алиева Р. Р. Формирование основополагающих принципов внешней политики Республики Таджикистан // Ученые записки Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2014. № 4 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-osnovopologayuschih-printsipov-vneshney-politiki-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 09.07.2025).; Комилова Х.Г. Центральная Азия в условиях формирования нового мирового порядка / Х.Г. Комилова. Монография. – Душанбе: РТСУ, 2020. – С.25-35

¹⁶⁷ Медушевский А. Н. Политические режимы Средней Азии: конституционные реформы в рамках авторитарной модернизации // Сравнительное конституционное обозрение. — 2012. — № 4 (89). — С. 47. — URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/0fbxmms6jv/direct/67971293> (дата обращения: 22.03.2021).

¹⁶⁸ Медушевский А. Н. Политические режимы Средней Азии: конституционные реформы в рамках авторитарной модернизации // Сравнительное конституционное обозрение. — 2012. — № 4 (89). — С. 49 — URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/0fbxmms6jv/direct/67971293> (дата обращения: 22.03.2021).

Тем не менее, несмотря на все ограничения, государства региона продолжают движение по траектории модернизации. Процессы институционального обновления, реформы в сфере управления и экономического регулирования хоть и сопровождаются осторожностью, но сохраняют поступательный характер. Однако здесь важно понимать, что попытки резкой демократизации, предпринятые без адаптации к социокультурной среде, могут породить не меньше деструктивных последствий, чем консервация архаичных форм правления.¹⁶⁹

Таким образом, процесс модернизации в Центральной Азии должен опираться на поступательный и внутренне обоснованный подход. Его эффективность возможна лишь при сочетании политических реформ с уважительным сохранением устойчивых культурных и социальных основ. Без этого внедрение внешних моделей рискует восприниматься как чуждое вмешательство, подрывающее сложившийся порядок и внутреннюю стабильность.

Современная международная среда в Центральной Азии претерпела существенные изменения, и главной особенностью этой трансформации стало то, что государства региона постепенно вышли из состояния внешнеполитической зависимости и перешли к самостоятельному формированию своей внешней стратегии. Освободившись от пассивной роли объектов геополитического давления, они заняли активную позицию в международных делах, что особенно заметно на фоне процессов 1990-х годов. За три десятилетия независимого развития большинство центральноазиатских республик смогли выработать целостные и концептуально выверенные подходы к внешней политике, адаптированные к их национальным интересам.¹⁷⁰

Существенную роль в этом процессе сыграло общее советское прошлое. Исторический опыт нахождения в составе единой политической системы дал

¹⁶⁹ Муродова Н. С. Проблемы политической модернизации в Республике Таджикистан // Научные исследования. — 2017. — № 4 (15). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-politicheskoy-modernizatsii-v-respublike-tadzhikistan> (дата обращения: 02.12.2025).

¹⁷⁰ Шишкина О. В. Post-Soviet Foreign Policy Foundations: State Interests vs. Identities: монография / О. В. Шишкина. — Москва: МГИМО-Университет, 2015. — 216 с. — С. 46–47

странам региона не только сходные административные структуры, но и сформировал у политических элит схожее представление о приоритетах государственной политики. Это позволило им достаточно чётко и прагматично определить ключевые ориентиры своей внешнеполитической деятельности: укрепление государственного суверенитета, развитие национального потенциала, повышение международного авторитета и обеспечение безопасности.¹⁷¹

При этом центральноазиатские государства проявили взвешенность в выборе внешнеполитических партнёров и идеологических ориентиров. Несмотря на попытки некоторых внешних акторов — как западных, так и восточных — усилить своё влияние в регионе, местные политические режимы не поддались ни на соблазн безусловной прозападной либерализации, ни на курс исламизации политической сферы. Вместо этого они выбрали путь селективного заимствования опыта, учитывая национальные и культурные особенности.¹⁷²

В результате большинство государств региона утвердили светский характер государственной власти, опирающийся на принципы прагматического политического баланса и культурной самобытности. Такой подход позволил им сохранить стабильность, одновременно участвуя в международных инициативах и не отказываясь от защиты собственного суверенитета. При этом государства региона стремились к снижению чрезмерной зависимости от России, добиваясь большей свободы в принятии внешнеполитических решений. Однако важно подчеркнуть, что этот курс не сопровождался резким отходом от традиционного партнёрства, а был направлен на выстраивание более равноправных и многовекторных отношений.¹⁷³

Реальные риски, сопровождавшие постсоветский транзит в Центральной Азии, включали сценарии глубокой фрагментации отдельных государств. В экспертных кругах всерьёз обсуждалась возможность территориального распада

¹⁷¹ Центральная Азия в меняющемся мире [Электронный ресурс]. — 19 июня 2023 г. — Режим доступа: https://odkb-csto.org/analytics/?ELEMENT_ID=22100 (дата обращения: 02.02.2025).

¹⁷² Кадырбаев А. Ш. Страны Центральной Азии в постсоветский период [Электронный ресурс] / А. Ш. Кадырбаев. — Режим доступа: <https://www.socionauki.ru/book/files/Monitoring/197-257.pdf> (дата обращения: 02.02.2025).

¹⁷³ Ларюэль М. Внешняя политика и идентичность в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Pro et Contra. — 2013 (янв.–апр.). — Режим доступа: https://carnegie-production-assets.s3.amazonaws.com/static/files/ProEtContra_58_6-20.pdf (дата обращения: 02.02.2025).

Киргизии, раздела Таджикистана и появления на стыке границ нового псевдогосударственного образования — так называемого «Ферганского халифата», опирающегося на радикальные исламистские структуры. Однако эти прогнозы не подтвердились: центральноазиатские республики сумели сохранить свою государственность, несмотря на внутривнутриполитические кризисы и внешнее давление. Даже попытки насильственного внедрения исламистской идеологии в политическое пространство региона, особенно заметные в период гражданской войны в Таджикистане, не привели к тем разрушительным последствиям, какие были зафиксированы, например, в Афганистане.

Концепция «отложенного нейтралитета». Страны Центральной Азии с момента обретения независимости в 1990-х годах демонстрируют устойчивую склонность к нейтралитету как внешнеполитической установке. Уже в первые годы суверенитета Туркменистан и Киргизия официально заявили о нейтральном статусе, однако в региональном контексте он приобрёл весьма специфическое содержание. В отличие от классических моделей нейтралитета, таких как швейцарская или шведская, центральноазиатские государства сталкиваются с рядом ограничений, затрудняющих реализацию строгого невмешательства. Среди них — нестабильность на южных границах с Афганистаном, присутствие радикальных группировок в районе Ферганской долины, а также напряжённость в китайских мусульманских районах Синьцзяна, потенциально способная перекинуться на соседние республики.¹⁷⁴

Исторический опыт, особенно пережитые конфликты в Таджикистане, а также эпизоды насилия в Узбекистане и межэтнические столкновения в Киргизии, указывает на то, что реализация нейтралистской стратегии в этом регионе остаётся скорее концептуальной декларацией, чем достижимой реальностью. Тем не менее, почти все государства региона продолжают придерживаться внешнеполитических доктрин, в основе которых заложены

¹⁷⁴ Anceschi L. Turkmenistan's Foreign Policy: Positive Neutrality and the Consolidation of the Turkmen Regime — London: Routledge, 2008. — P. 74-75 — DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203892312> (дата обращения: 02.02.2025).; Esenov M. Turkmenistan and Central Asian Regional Security [Электронный ресурс] // SIPRI. — 2001. — Режим доступа: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/books/SIPRI01Chufrin/SIPRI01Chufrin14.pdf> (дата обращения: 02.02.2025).

принципы стратегической автономии и невовлечённости в блоковую конфронтацию. К примеру, Таджикистан реализует модель «многовекторной политики» и «открытых дверей», направленную на сбалансированное взаимодействие с ключевыми глобальными игроками без приоритетной ориентации на какой-либо из них.

В Киргизии нейтралистские идеи отразились в разработке концепций региональной безъядерной зоны и «дипломатии Шёлкового пути», направленных на укрепление статуса мирной транзитной страны. Казахстан продвигает доктрину «евразийства», суть которой заключается в одновременной ориентации на Россию, Европейский союз, Китай и США, в стремлении не вступать в жёсткие политические и военные блоки. Туркменистан же единственный в регионе формально закрепил статус постоянного нейтралитета на международном уровне.¹⁷⁵

Узбекистан с начала 2000-х годов придерживается доктрины «свободы рук и союзов», представляющей собой адаптированную модель прагматического нейтралитета, при которой страна не участвует в жёстких союзах, но оставляет за собой право на гибкое сотрудничество в зависимости от ситуации.¹⁷⁶

Таким образом, нейтралитет в Центральной Азии реализуется не как формализованная правовая конструкция, а как гибкая внешнеполитическая практика — «отложенный нейтрализм», позволяющий странам лавировать между внешними интересами, сохраняя максимум суверенной свободы в условиях региональных угроз.

В контексте поиска сбалансированной внешнеполитической модели государства Центральной Азии склоняются к концепту «умеренно вооруженного нейтралитета», аналогичного подходу, который демонстрируют государства Юго-Восточной Азии в рамках АСЕАН. Такая форма политического поведения,

¹⁷⁵ Троицкий Е.Ф. Внешняя политика Туркменистана в 1992-2006 гг. : от нейтралитета к самоизоляции // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2014. №4 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-turkmenistana-v-1992-2006-gg-ot-neytraliteta-k-samoizolyatsii-1> (дата обращения: 02.12.2025).; Rahmanov, A. Turkmenistan's Neutral Foreign Policy: Peace, Security and Sustainable Development [Электронный ресурс] / A. Rahmanov. — 2022. — Режим доступа: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/2559576> (дата обращения: 02.02.2025).

¹⁷⁶ Журакулов А. Ф. Внешняя политика Республики Узбекистан // Scientific Progress. — 2021. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-respubliki-uzbekistan-1> (дата обращения: 02.02.2025).

в отличие от строгого нейтралитета швейцарского образца, позволяет сочетать вооружённую готовность к самообороне с внеблоковостью и гибкостью в международных альянсах. Подобный подход мог бы в перспективе оказаться приемлемым для всех стран региона, включая Казахстан и Туркменистан, однако его немедленное воплощение ограничено текущими военно-политическими условиями.

Выводы по главе I. Анализ становления Центральной Азии как геополитического региона позволил выделить ряд ключевых положений, отражающих динамику его формирования и особенности интерпретации в международных исследованиях:

Понятие региона в современных научных подходах носит конструктивистский характер, отражая не столько географическую данность, сколько совокупность политико-экономических, культурных и историко-цивилизационных факторов, определяющих пространственную идентичность.

Формирование Центральной Азии как самостоятельного международно-политического региона стало результатом комплексных процессов — от колониального освоения до институциональной интеграции советского периода. Основопологающими элементами региональной целостности выступили транспортно-коммуникационные, водные, энергетические и экономические инфраструктуры, которые заложили фундамент для устойчивых межреспубликанских связей.

Дискуссии о наименовании региона — «Средняя Азия», «Центральная Азия», «Inner Asia», «Greater Central Asia» — свидетельствуют не только о методологических разночтениях, но и о борьбе внешних акторов за определение рамок и содержания региональной субъектности.

В условиях постсоветской трансформации Центральная Азия предстала как сложный макрорегион, включённый в контексты евразийской интеграции и глобальных геостратегий. Особое значение приобретают процессы «скрытой интеграции», проявляющиеся в унаследованных энергетических, водных и транспортных связях между странами региона.

Современная Центральная Азия представляет собой не просто объект международной политики, но и самостоятельный узел евразийской геополитики, формирующий уникальные модели адаптации к глобальным вызовам, включая инфраструктурное сопряжение, ресурсную кооперацию и региональную безопасность.

Историко-географические и инфраструктурные основания позволяют рассматривать Центральную Азию как самостоятельную региональную подсистему в международных отношениях, обладающую потенциалом для институционального развития и становления в качестве одного из центров силы в условиях формирования полицентричного мира.

ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

2.1 Особенности региональных стратегий Республики Таджикистан и Республики Узбекистан: ключевые задачи и приоритетные направления

Государства Центральной Азии продолжают целенаправленно развивать формат регионального сотрудничества, ключевым элементом которого стали Консультативные встречи глав государств. Эти встречи, организуемые поочерёдно в столицах пяти республик, утвердились как действенный механизм политического взаимодействия. Первая встреча состоялась в 2018 году, а последняя на данный момент — шестая — прошла в Ашхабаде в 2024 году, подтвердив актуальность и востребованность данного формата для согласования позиций по важнейшим вопросам региональной повестки.

Углубление сотрудничества также отражается в принятии официальных внешнеполитических концепций и отдельных стратегических документов, в которых обозначаются приоритетные направления региональной интеграции. В них акцент делается на развитии межгосударственного партнёрства в сферах экономики, энергетики, безопасности, экологии и управления водными ресурсами. Такой подход способствует укреплению внутренней устойчивости региона, консолидации усилий по преодолению общих вызовов и повышению роли Центральной Азии в международной системе.

Региональная политика Таджикистана. Таджикистан занимает стратегическое положение в центре азиатского материка. Региональная политика Республики Таджикистан формируется на пересечении национальных интересов и сложной геополитической конфигурации Центральной Азии. С момента обретения независимости страна сталкивается с вызовами, обусловленными как внутривнутриполитическими трансформациями, так и изменяющейся региональной средой. Основные направления таджикской региональной политики определяются положениями Концепции внешней политики, утверждённой Указом Президента Республики Таджикистан от 27 января 2015 года №332,

согласно которой главными задачами являются обеспечение суверенитета и безопасности, развитие внешних коммуникаций, формирование пояса добрососедства, а также продвижение энергетических и инфраструктурных проектов в региональном масштабе.¹⁷⁷

В контексте анализа современных внешнеполитических подходов Таджикистана особое значение приобретает стратегическое видение, представленное в трудах Э. Рахмона, где последовательно раскрываются ключевые ориентиры дипломатической деятельности государства в условиях усиливающейся региональной взаимозависимости и глобальной турбулентности. Осмысление внешней политики Таджикистана через призму системных вызовов, описанных в фундаментальной работе «О современном мире и основных аспектах внешней политики Республики Таджикистан»¹⁷⁸ позволяет понять внутреннюю логику формирования национальной стратегии в отношении соседних стран Центральной Азии.

Региональная политика Таджикистана представляет собой многоуровневую и многовекторную стратегию, основанную на балансе национальных интересов, прагматизма и вовлечённости в общерегиональные процессы. Стремясь к укреплению добрососедских отношений и позиционированию себя как активного участника региональной архитектуры, Таджикистан делает акцент на кооперации в сферах энергетики, безопасности, водных ресурсов и приграничного взаимодействия. Рассмотрим двусторонние отношения Республики Таджикистан со странами региона.¹⁷⁹

¹⁷⁷ Концепция внешней политики Республики Таджикистан. — Душанбе, 27 января 2015 г. — Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 08.07.2025)

¹⁷⁸ Рахмон Э. О современном мире и основных аспектах внешней политики Республики Таджикистан / Э. Рахмон; сост.: З. Ш. Саидов (Сайидзода), М. Р. Камолова. — Душанбе : Контраст, 2022. — 226 с.

¹⁷⁹ См. напр: Назаров Т. Н. Современная таджикская дипломатия : монография / Т. Н. Назаров, А. Сатторзода. — Душанбе, 2006. — 224 с.; Сайидов, З. Ш. Внешняя политика Республики Таджикистан (1991–2017 гг.) : учеб. пособие / З. Ш. Сайидов. — Душанбе : Контраст, 2017. — 142 с.; Комилова Х.Г. Центральная Азия в условиях формирования нового мирового порядка / Х.Г. Комилова. Монография. — Душанбе: РТСУ, 2020. — 154 с.; Латифов Дж. Л. (общ. ред.) Республика Таджикистан в условиях геополитических вызовов XXI века: монографический сборник. — Душанбе, 2024. — 300 с.; Саидов, Х. С.; Наими, И. Н. Республика Таджикистан: проблемы и факторы развития стратегического партнерства / Х. С. Саидов, И. Н. Наими // Ученые записки Российско-Таджикского (Славянского) университета. Серия: социально-гуманитарные науки. — 2024. — № 2 (4). — С. 47–60; Коваленко Г. В., Хатамов Н. Б. Государства Центральной Азии во внешней политике Республики Таджикистан // Вестник Педагогического университета. 2020. № 5 (88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstva-tsentralnoy-azii-vo-vneshney-politike-respubliki-tadzhikistan> (дата

Двусторонние отношения между Таджикистаном и Казахстаном. Дипломатические отношения между Таджикистаном и Казахстаном, установленные в 1993 году, развивались в духе стратегического партнёрства, основанного на общности исторических и культурных ценностей, а также стремлении укрепить региональную стабильность. В январе 1993 года по итогам визита Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в Республику Казахстан был подписан основополагающий документ - Договор об основах отношений между Таджикистаном и Казахстаном.¹⁸⁰ Обе страны рассматривают друг друга как стратегических партнёров в Центральной Азии и активно взаимодействуют по линии двусторонней и многосторонней дипломатии.

На протяжении постсоветского периода взаимодействие между Таджикистаном и Казахстаном складывалось в целом ровно в отличии от отношений Казахстана с Узбекистаном, Кыргызстаном или Туркменистаном, где наблюдались конфликты, разногласия или даже периоды взаимного охлаждения. Таджикско-казахский диалог характеризовался большей предсказуемостью и дипломатической корректностью. Единственным существенным направлением, по которому позиции Душанбе и Астаны традиционно расходились, остаётся вопрос управления водными ресурсами. Казахстан, в данном случае, выступал в унисон с позициями Узбекистана и Туркменистана, которые последовательно возражали против инициатив Таджикистана и Кыргызстана по строительству гидроэнергетических объектов крупного масштаба.. Тем не менее, даже эти разногласия не оказали негативного влияния на общее состояние двусторонних отношений: сотрудничество продолжает развиваться в таких сферах, как торговля, инвестиции, энергетика и гуманитарные связи.

Обе страны продолжают взаимодействовать по широкому кругу направлений, при этом сотрудничество в политической сфере традиционно занимает центральное место.

обращения: 09.07.2025).; Абдулло Р. Таджикистан и региональная интеграция в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2007. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tadzhikistan-i-regionalnaya-integratsiya-v-tsentralnoy-azii-1> (дата обращения: 09.07.2025)

¹⁸⁰ Договор об основах отношений между Республикой Казахстан и Республикой Таджикистан (13 января 1993) Электронный ресурс. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1014726 (дата обращения: 05.04.2025)

Казахстан с самого начала сыграл важную роль в поддержке политической стабильности Таджикистана в период гражданской войны 1992–1997 годов, участвуя в деятельности Межтаджикской контактной группы и поддерживая переговорный процесс, приведший к подписанию Соглашения о мире и национальном согласии в Москве в 1997 году. На казахстанской территории проходили отдельные этапы межтаджикских переговоров, направленных на поиск консенсуса между противоборствующими сторонами. Кроме того, казахстанский военный контингент был задействован в охране таджикско-афганского участка границы.¹⁸¹

С начала 2000-х годов политические связи двух стран стали регулярно укрепляться на высшем уровне. Президент Таджикистана Эмомали Рахмон и первый президент Казахстана Нурсултан Назарбаев проводили ежегодные двусторонние встречи, в рамках которых координировались ключевые позиции по вопросам региональной безопасности, экономической интеграции и международной повестки. В 2015 году стороны подписали Договор о стратегическом партнёрстве, заложив институциональную основу для углублённого политического диалога.¹⁸²

Регулярные визиты на высшем уровне стали важнейшим механизмом политической координации. В 2015, 2018 и 2021 годах президенты двух стран проводили официальные и рабочие встречи, в ходе которых согласовывались позиции по региональной безопасности, экономической интеграции и водно-энергетическому сотрудничеству. Например, визит Эмомали Рахмона в Астану в марте 2018 года сопровождался подписанием ряда политических и межведомственных соглашений, касающихся совместной борьбы с вызовами

¹⁸¹ Эргашева З. Бесстрашный «Казбат»: история казахстанских миротворцев в Таджикистане // Asia-Plus. – 08.05.2015. – Режим доступа: <https://asiaplustj.info/ru/news/life/person/20150508/besstrashnyi-kazbat-istoriya-kazakhstanskikh-mirotvortsev-v-tadzhikistane> (дата обращения: 03.12.2024).

¹⁸² Договор о стратегическом партнёрстве между Республикой Казахстан и Республикой Таджикистан : международный договор; заключён 14 сент. 2015 г.в г. Душанбе;— Электронный ресурс. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38094235 (дата обращения: 20.07.2025)

безопасности в Центральной Азии, а также взаимодействия в рамках ОДКБ и ШОС.¹⁸³

В 2020-х годах политический диалог получил новое развитие. В сентябре 2021 года, в условиях нестабильности в Афганистане, главы государств провели совместные консультации по обеспечению приграничной безопасности и стабилизации гуманитарной обстановки. Эти переговоры стали важной частью координации усилий в рамках ОДКБ и отразили высокую степень доверия между странами.¹⁸⁴

Прорывным этапом стал государственный визит президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева в Душанбе 22–23 августа 2024 года. В его рамках был подписан Договор о союзнических отношениях между Таджикистаном и Казахстаном, который зафиксировал переход от стратегического партнёрства к союзнической модели взаимодействия. Документ предполагает углубление политического сотрудничества, регулярные консультации по внешнеполитическим вопросам, согласование позиций в международных организациях и взаимную поддержку в случае угроз суверенитету.¹⁸⁵

В ходе визита 2024 года были также подписаны 16 двусторонних соглашений, включая соглашения в сфере дипломатического и межведомственного взаимодействия, что стало важной институциональной опорой политического курса на сближение.

Активно развивалась и парламентская дипломатия. В 2023 и 2025 годах в рамках Межпарламентской Ассамблеи СНГ и Консультативных встреч глав парламентов двух стран были подписаны меморандумы о сотрудничестве между

¹⁸³ Юлдашев А. Эмомали Рахмон поехал в Казахстан с официальным визитом [Электронный ресурс] // Asia-Plus. — 14 марта 2018 г. — Режим доступа: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20180314/emomali-rahmon-otbil-v-kazahstan-s-ofitsialnim-vizitom> (дата обращения: 03.12.2024)

¹⁸⁴ Эмомали Рахмон и Касым-Жомарт Токаев обсудили ситуацию в Афганистане [Электронный ресурс] // МИР 24. — 15 сентября 2021 г. — Режим доступа: <https://tj.mir24.tv/news/16474967/emomali-rahmon-obsudil-s-kasym-zhomartom-tokaevym-situaciyu-v-afganistane> (дата обращения: 03.12.2024).); Искандаров К. «Гуманитарная ситуация и проблемы безопасности в Афганистане после прихода к власти движения «Талибан»: взгляд из Таджикистана». // Россия и мир: научный диалог. — 2023. — № 2(8). — С. 142-157. Он же. Афганистан в период правительства национального единства: политические процессы и проблемы безопасности : монография / К. Искандаров. — Душанбе : НАН РТ, 2022. — 352 с.

¹⁸⁵ О государственном визите Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева в Республику Таджикистан [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет СНГ. — 22 августа 2024. — Режим доступа: https://eccis.org/news/27932/o_gosudarstvennom_vizite_prezidenta_respubliki_kazahstan_kasym-zhomarta_tokaeva_v_respubliku_tadzhikistan (дата обращения: 20.07.2025)

законодательными органами, включая инициативы по сближению правовых систем, обмену опытом и выработке единых подходов к вопросам региональной безопасности и устойчивого развития.

С момента установления официальных дипломатических отношений в 1993 году и вплоть до 2023 года, двумя странами было подписано более 100 двусторонних соглашений и меморандума.¹⁸⁶ По состоянию на 2025 год эта цифра увеличилась до 116. Эти документы создали прочный нормативно-правовой фундамент, регулирующий взаимодействие в ключевых отраслях — от политики и экономики до сферы налогов, инвестиций, банковского сектора, таможенного регулирования, а также военно-технического сотрудничества.

На многостороннем уровне Таджикистан и Казахстан координируют внешнеполитические действия в рамках СНГ, ОДКБ, ШОС и СВМДА. Оба государства поддерживают концепцию регионального взаимодействия в Центральной Азии, выступают за инклюзивную архитектуру безопасности, совместное реагирование на вызовы экстремизма и транснациональной преступности, а также способствуют институционализации консультативных встреч глав государств региона.

Таким образом, политическое сотрудничество Таджикистана и Казахстана с момента обретения независимости прошло путь от ситуативной поддержки к прочной союзнической модели. Это сотрудничество базируется на регулярных контактах на высшем уровне, взаимной поддержке в международных организациях и общей заинтересованности в стабильности и развитии Центральной Азии как политико-экономического пространства.

Обе страны регулярно подчеркивают общность своих подходов к ключевым вопросам региональной безопасности, включая ситуацию в соседнем Афганистане, а также необходимость продвижения интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Это отражает наличие стратегической близости в подходах к внешней политике и взаимопонимание в оценке региональных угроз.

¹⁸⁶ Tajikistan and Kazakhstan vow to boost bilateral cooperation // Asia-Plus. – 04.05.2023. – URL: <https://old.asiaplustj.info/en/news/tajikistan/politics/20230504/tajikistan-kazakhstan-vow-to-boost-bilateral-cooperation> (дата обращения: 27.07.2025).

В военной сфере Казахстан остаётся ключевым партнёром Таджикистана на региональном уровне, уступая по объёмам и глубине взаимодействия лишь России и Китаю. Основные направления двустороннего сотрудничества охватывают подготовку офицерского состава, обучение курсантов в казахстанских военных академиях, а также взаимодействие по линии снабжения, обмену специальной информацией и техническими решениями в области обороны.

На инвестиционном направлении Казахстан также проявляет высокую активность. Наиболее крупные проекты реализуются в сферах торговли, строительства, телекоммуникаций и банковского сектора. По данным казахстанской и таджикской статистики, за последние пять лет объем накопленных инвестиций Казахстана в экономику Таджикистана превысил 700 миллионов долларов США, при этом на территории республики зарегистрировано 92 совместных предприятия с участием казахстанского капитала. Наиболее активно казахстанские инвесторы работают в таких отраслях, как пищевая промышленность, производство безалкогольных напитков, банковский сектор, торговля, а также строительные материалы и логистика.¹⁸⁷

Торговое взаимодействие между двумя странами также развивается поступательно. Казахстан поставляет в Таджикистан преимущественно пшеницу, муку, минеральные удобрения, нефтепродукты, строительные материалы, а также машиностроительную и электротехническую продукцию. В свою очередь, таджикская сторона экспортирует в Казахстан сырьевые товары, алюминий, хлопчатобумажную продукцию, свежие и переработанные овощи и фрукты, орехи, а также текстиль.

По итогам 2024 года Казахстан вышел на второе место среди внешнеэкономических партнёров Таджикистана по объёму товарооборота. Общий объём двусторонней торговли составил 1,2 миллиарда долларов США, что на 7,4% больше, чем в 2023 году. Эти данные свидетельствуют о стабильном

¹⁸⁷ Караев С. Казахстан и Таджикистан вышли на новый уровень сотрудничества// Asia-Plus. – 11.12.2024. – URL: <https://rr.eastera.tj/news/tajikistan/politics/20241211/kazahstan-i-tadzhikistan-vishli-na-novii-uroven-sotrudnichestva> (дата обращения: 15.04.2025).

росте экономического сотрудничества даже в условиях внешнеэкономической турбулентности.¹⁸⁸

Основу таджикского экспорта в Казахстан составляют алюминий, хлопковое волокно, свежие и переработанные фрукты и овощи, а импортируются из Казахстана мука, пшеница, нефтепродукты, черные металлы и строительные материалы.¹⁸⁹

Сотрудничество активно развивается и в агропромышленной сфере. Казахстан стабильно поставляет Таджикистану зерно и муку, что имеет важное значение для обеспечения продовольственной безопасности страны. В 2023 году объем поставок пшеницы из Казахстана превысил 700 тысяч тонн, а муки — 250 тысяч тонн.¹⁹⁰ В ответ Таджикистан предлагает на экспорт сезонную сельскохозяйственную продукцию и расширяет кооперацию в переработке аграрного сырья.

В транспортной сфере значительное внимание уделяется развитию транзитных коридоров. Казахстан обеспечивает важные логистические каналы для таджикских товаров в страны ЕАЭС и далее — в Европу и Китай.

Обе страны заинтересованы в углублении взаимодействия в рамках Евразийского экономического союза. Несмотря на то, что Таджикистан не является членом ЕАЭС, в последние годы активно ведётся работа по согласованию технических регламентов, упрощению таможенных процедур и устранению барьеров на пути товаров таджикского происхождения на рынки Казахстана и других стран союза.

Гуманитарное сотрудничество между Республикой Таджикистан и Республикой Казахстан занимает важное место в структуре двусторонних отношений и строится на глубокой историко-культурной общности, языковом и цивилизационном родстве народов, а также взаимной заинтересованности в развитии образовательных, культурных и научных связей. Это направление

¹⁸⁸ Статистический ежегодник Республики Таджикистан за 2024 год // Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. – Душанбе, 2025. – С. 16

¹⁸⁹ Там же. – С. 67–69.

¹⁹⁰ Статистический ежегодник Республики Таджикистан за 2023 год // Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. – Душанбе, 2024. – С. 53–54.

стабильно расширяется, охватывая такие сферы, как образование, культура, наука, спорт, туризм, медицины и работа с диаспорами.

В области образования Казахстан остаётся одним из ведущих партнёров Таджикистана по подготовке специалистов. В 2024 году более 400 таджикских студентов обучались в вузах Казахстана, преимущественно по техническим, гуманитарным и медицинским направлениям и 100 граждан Республики Казахстан в таджикских ВУЗах¹⁹¹. 100 образовательных грантов для казахстанцев выделили вузы Республики Таджикистан в рамках Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве в области образования на обучение в высших учебных заведениях Республики Таджикистан на 2025–2026 учебный год.¹⁹² В сфере образования также заключено Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве в области подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации от 13.06.2000 года.

Культурное взаимодействие развивается в рамках регулярных дней культуры, совместных концертов, выставок, гастролей и творческих обменов. В 2024 году в Душанбе прошли Дни культуры Республики Казахстан, в рамках которых состоялись выступления ансамбля «Астана Сазы», выставка казахской живописи и кинопоказы. В 2023 году в Алматы прошли Дни культуры Таджикистана, приуроченные к 30-летию установления дипломатических отношений между странами.

Сотрудничество в информационно-гуманитарной сфере также включает взаимодействие в области медицины и здравоохранения. В рамках обменов опытом и стажировок медицинские специалисты из Таджикистана ежегодно проходят повышение квалификации в ведущих клиниках и исследовательских учреждениях Казахстана. Особое внимание уделялось вопросам цифровизации

¹⁹¹ Аслонова Н. В Таджикистане выделяют 170 квот на учебу за рубежом по президентской стипендии «Дурахшандагон» [Электронный ресурс] // Asia-Plus. — 17 января 2024. — Режим доступа: <https://asiaplustj.info/ru/node/34471> (дата обращения: 04.07.2025).

¹⁹² Источник Программа «Стипендия “Бошалак”. 100 образовательных грантов для казахстанцев выделили вузы Республики Таджикистан» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.instagram.com/p/DL6g8Aulmfr/> (дата обращения: 04.07.2025).

системы здравоохранения, повышению квалификации и переподготовке медицинских кадров, внедрению современных методов диагностики и лечения, а также другим важным направлениям сотрудничества.

Особая роль отводится вопросам этнокультурного взаимодействия. На территории Казахстана действует крупная таджикская диаспора. В 2022 году на территории Казахстана был создан республиканский этнокультурный центр таджиков, который объединяет 100 тыс. таджиков проживающих в Казахстане. В стране функционируют таджикские культурные центры, организуются мероприятия по сохранению языка, традиций и истории. Государственная поддержка этнокультурных объединений со стороны Ассамблеи народа Казахстана обеспечивает устойчивую основу для межнационального диалога и сохранения культурного наследия таджиков в Республике Казахстан.¹⁹³

Сфера региональной безопасности остаётся важнейшим направлением взаимодействия между Душанбе и Астаной. Основной координационной площадкой выступает Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), где обе страны являются полноправными участниками. Наряду с этим, стороны активно сотрудничают в рамках универсальных международных структур, таких как Организация Объединённых Наций (ООН), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), а также Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Дополнительные форматы взаимодействия формируются в рамках таких объединений, как Содружество Независимых Государств (СНГ) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), где Таджикистан и Казахстан традиционно координируют свои внешнеполитические инициативы.

Тем не менее, в настоящее время остаётся ряд факторов, сдерживающих более глубокую интеграцию Таджикистана в общий экономико-политический контур, выстраиваемый Астаной и Москвой. В частности, Таджикистан по-прежнему не входит в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), идею создания

¹⁹³ Исмаилов К. Отношение к таджикам в Казахстане лучше, чем в России [Электронный ресурс] // Радио Озоди. — 11 ноября 2022. — Режим доступа: <https://rus.ozodi.org/a/32127032.html> (дата обращения: 04.12.2024).

которого в 1994 году озвучил тогдашний президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, а реализация началась в 2015 году при участии России. Отсутствие Душанбе в составе ЕАЭС ограничивает масштабы торгово-экономического сотрудничества между Таджикистаном и Казахстаном, снижая эффективность таких форм взаимодействия, как преференциальные торговые режимы, согласованная таможенная политика и интеграция в логистические цепочки.

Сфера трудовой миграции остаётся одним из приоритетных направлений взаимодействия между двумя странами. После России именно Казахстан является вторым по значимости направлением для таджикских мигрантов — притом как на постоянной, так и на сезонной основе.

По данным МВД Таджикистана, в 2023 году численность трудовых мигрантов, выехавших за рубеж, составила около 652 000 человек — на 16 % меньше, чем в 2022 году. Из них 18 418 человек (около 3 %) направились в Казахстан, тогда как основная масса — порядка 627 028 человек — уехала в Россию.¹⁹⁴

Для упорядочивания миграционных процессов в марте 2018 года в Ашхабаде на саммите лидеров стран Центральной Азии было подписано Соглашение о порядке пребывания граждан сторон на территории друг друга, по которому гражданам Таджикистана и Казахстана предоставляется безрегистрационный въезд на срок до 30 дней, а при регистрации — до 90 дней.¹⁹⁵

Таким образом, трудовая миграция из Таджикистана в Казахстан стабильно растёт, несмотря на сокращение общих миграционных потоков. Двусторонний правовой механизм пребывания — соглашение 2018 года — улучшает контроль за миграцией и смягчает процедуру перемещения граждан.

Несмотря на позитивные результаты в области экономического взаимодействия, обе стороны подчёркивают, что потенциал для дальнейшего

¹⁹⁴ Трудовая миграция из Таджикистана в 2023 году сократилась на 16 % [Электронный ресурс]. – Интерфакс.Ру. – URL: <https://www.interfax.ru/world/945780> (дата обращения: 15.07.2025).

¹⁹⁵ Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Республики Таджикистана о порядке пребывания граждан Республики Казахстан на территории Республики Таджикистан и граждан Республики Таджикистана на территории Республики Казахстан : от 14 марта 2018 г. // Архив Министерства иностранных дел Республики Таджикистан.

расширения сотрудничества в сфере инвестиций остаётся значительным. В частности, отмечается, что существуют дополнительные возможности для реализации совместных проектов в таких секторах, как энергетика, агропромышленный комплекс, транспорт, логистика и лёгкая промышленность.

Определённые трудности в выстраивании более тесной кооперации между Таджикистаном и Казахстаном связаны, прежде всего, с различиями в экономико-правовом пространстве двух стран. Одним из факторов, сдерживающих углубление интеграции, остаётся то обстоятельство, что Таджикистан в настоящее время не входит в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Это приводит к тому, что в отношении таджикских предприятий действуют иные торгово-правовые режимы, нежели в отношении членов Союза. В частности, отсутствуют преференции в таможенной политике, не применяются унифицированные стандарты сертификации и технического регулирования, что усложняет процессы трансграничной торговли и реализации совместных проектов.

Тем не менее, обе страны демонстрируют устойчивую политическую волю к развитию двустороннего взаимодействия. В последние годы отмечается активизация экономических контактов, рост объёмов взаимной торговли и расширение круга инвестиционных инициатив. Проводится согласование стратегических направлений, направленных на устранение барьеров и укрепление институциональной базы сотрудничества.

Таким образом, при существующих объективных различиях в моделях экономической интеграции, Таджикистан и Казахстан последовательно формируют надёжную основу для поступательного развития партнёрства, сохраняя курс на укрепление взаимной кооперации и повышение эффективности двустороннего диалога.

Таджикско-кыргызские отношения. Политические отношения между Республикой Таджикистан и Кыргызской Республикой с начала 1990-х годов по настоящее время развивались с поступательным успехом, отражая как взаимное стремление к добрососедству и региональной интеграции, так и наличие

устойчивых проблем, в первую очередь — территориальных споров в приграничных районах. Несмотря на эпизодические обострения, Душанбе и Бишкек последовательно сохраняли дипломатические каналы, расширяли договорно-правовую базу и предпринимали шаги по укреплению двустороннего политического взаимодействия.

Дипломатические отношения между Республикой Таджикистан и Кыргызской Республикой были установлены 14 января 1993 года. С самого начала взаимодействие двух стран развивалось на основе устойчивых политических и экономических контактов, опираясь на традиции добрососедства и взаимной выгоды. В целях укрепления двусторонней координации Таджикистан и Кыргызстан создали ряд совместных институтов. В частности, был учреждён Совет министров иностранных дел Республики Таджикистан и Кыргызской Республики, первое заседание которого прошло 6 августа 2009 года в Душанбе. Позднее была сформирована ещё одна площадка — Межгосударственный координационный совет Республики Таджикистан и Кыргызской Республики, начавший свою работу 27–28 мая 2013 года в Бишкеке. Эти структуры стали действенным инструментом обсуждения приоритетных вопросов и продвижения сотрудничества на новый уровень.

Политический диалог между двумя государствами развивается как по линии двусторонних контактов, так и в многосторонних форматах. Значимыми ориентирами взаимодействия выступают общие цели обеспечения региональной стабильности и безопасности, а также содействие интеграционным процессам в Центральной Азии.

За годы контактов главы государств провели большое число встреч, в ходе которых рассматривались вопросы расширения политического, экономического и гуманитарного сотрудничества, а также согласование подходов к актуальным международным темам. К ключевым документам, определяющим рамки и направления двустороннего взаимодействия, относятся: Договор об основных межгосударственных отношениях от 12 июля 1996 года; Договор о добрососедских и партнёрских отношениях от 26 мая 2004 года; Договор о

таджикско-кыргызской государственной границе от 13 марта 2025 года. В целом договорно-правовая база сотрудничества включает 139 документов, охватывающих различные сферы.¹⁹⁶

Во второй половине 1990-х годов политическое взаимодействие двух стран приобрело системный характер, в том числе в рамках СНГ, ОДКБ и других международных структур. Одним из ключевых направлений стал вопрос совместной охраны границы и сотрудничества в сфере безопасности.

Особую актуальность в политической повестке приобрёл вопрос делимитации и демаркации общей границы. До недавнего еще времени, несогласованные участки, в особенности в районах Лейлекского и Баткенского районов Кыргызстана, а также в приграничных зонах Исфары и Воруха (Таджикистан), регулярно становились источниками конфликтов. Крупные вооружённые столкновения произошли в апреле 2021 года, повлёкшие за собой десятки погибших и разрушения инфраструктуры. Несмотря на инциденты, в мае 2021 года стороны вновь сели за стол переговоров, что позволило сохранить политический диалог и продолжить процесс разграничения¹⁹⁷.

Существенную роль в поддержании политических контактов играют встречи глав государств. Регулярные переговоры между Президентом Республики Таджикистан Эмомали Рахмоном и Президентом Кыргызской Республики (до 2020 года — Сооронбая Жээнбекова, с 2021 года — Садыра Жапарова) позволяли стабилизировать ситуацию в критические периоды. Так, в рамках саммита СНГ в Ашхабаде в октябре 2019 года и Консультативной встречи лидеров стран Центральной Азии в Ташкенте в августе 2021 года обсуждались пограничные вопросы, а также вопросы транспортного и водного сотрудничества.¹⁹⁸

¹⁹⁶ Таджикско-кыргызские двусторонние отношения [Электронный ресурс] // Посольство Республики Таджикистан в Кыргызской Республике. – 14.06.2025. – Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/bishkek/otnosheniya/dvustoronnie-otnosheniya> (дата обращения: 04.07.2025).

¹⁹⁷ Minzarari D., Schmitz A. Escalation in the Kyrgyz-Tajik Borderlands [Электронный ресурс]. – Point of View. – 07.05.2021. – Режим доступа: <https://www.swp-berlin.org/publikation/escalation-in-the-kyrgyz-tajik-borderlands> (дата обращения: 04.07.2025).

¹⁹⁸ Совместное Заявление по итогам Консультативной встречи Глав государств Центральной Азии 06.08.2021 г. // Архив МИД РТ. – Душанбе, 2021. – Д. № 176. – Л. 22–24.

Дополнительный импульс процессу двустороннего сближения придал государственный визит Президента Республики Таджикистан в Кыргызстан 12–13 марта 2025 года. По его итогам состоялось подписание нового пакета соглашений. Наиболее значимым стало заключение Договора о государственной границе между Кыргызстаном и Таджикистаном, что стало результатом почти 23-летних переговоров. Общая протяжённость границы составляет 987,6 км.¹⁹⁹

В ходе визита стороны договорились учредить Межправительственный совет под руководством премьер-министров для активизации экономического взаимодействия. Кроме того, в присутствии глав государств в режиме видеоконференции была проведена церемония возобновления работы двух контрольно-пропускных пунктов: «Гулистон» («Кызыл-Бел») и «Маданият» («Кайрагач»). 31 марта 2025 года в Согдийской области Таджикистана при участии лидеров Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана состоялось праздничное мероприятие по случаю Навруза, завершившееся подписанием Худжандской декларации о вечной дружбе. В этом же году было завершено строительство объектов проекта CASA-1000 на территориях Таджикистана и Кыргызстана. Проект предусматривает передачу летом «зелёной» электроэнергии из двух стран в Афганистан и Пакистан. В частности, построена ЛЭП 500 кВт протяжённостью около 480 км, соединяющая подстанции Датка (Кыргызстан) и Сугд 500 кВт (Таджикистан).²⁰⁰

В тот же день — 31 марта 2025 года — лидеры двух стран приняли участие в церемонии запуска линии «Датка — Сугд», дав старт новому этапу реализации CASA-1000. Отмечалось, что этот проект усиливает энергетическую связность Таджикистана и Кыргызстана, способствует укреплению региональной энергетической безопасности и поддерживает устойчивое развитие Центральной Азии.

Обмен визитами министров иностранных дел двух стран продолжает способствовать укреплению политического диалога. Главы МИД Кыргызстана

¹⁹⁹ Таджикиско-кыргызские двусторонние отношения [Электронный ресурс] // Посольство Республики Таджикистан в Кыргызской Республике. — 14.06.2025. — Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/bishkek/otnosheniya/dvustoronnie-otnosheniya> (дата обращения: 04.07.2025).

²⁰⁰ Там же.

совершали визиты в Таджикистан в 2013 (март, август), 2014 (сентябрь), 2015 (февраль), 2017 (ноябрь), 2018, 2019 и 2024 годах.²⁰¹

В конце 1990-х гг. Кыргызстан, как и Казахстан, активно поддерживал Таджикистан на пути к евразийской интеграции. Оба государства весьма заинтересованы в совместном противодействии терроризму, осознавая общерегиональный характер угроз и вызовов, исходящих из Афганистана. Достаточно активно развивается и торгово-экономическое взаимодействие двух государств.

Торгово-экономическое сотрудничество между Республикой Таджикистан и Кыргызской Республикой в постсоветский период развивается на основе взаимной заинтересованности в расширении товарооборота, создании производственной кооперации и улучшении транспортно-логистической связанности. Оба государства, не имея выхода к морским путям, объективно заинтересованы в развитии трансграничной торговли, особенно в контексте пограничных регионов, где наблюдается высокая плотность экономических и гуманитарных связей.

В течение 1990-х и начала 2000-х годов объёмы двусторонней торговли оставались незначительными и носили в основном приграничный характер. Тем не менее, уже к 2010-м годам наблюдалась устойчивая динамика роста взаимного товарооборота.

Экономическое взаимодействие базируется на давних взаимодополняющих связях. Сотрудничество охватывает торговлю, автомобильный транспорт, гидроэнергетику, горнорудную отрасль, поставки товаров народного потребления и развитие кооперации.

К приоритетным направлениям относятся: электроэнергетика, рациональное использование водных ресурсов, разведка и добыча полезных ископаемых, создание совместных предприятий, расширение сотрудничества в сельском хозяйстве.

²⁰¹ Таджикиско-кыргызские двусторонние отношения [Электронный ресурс] // Посольство Республики Таджикистан в Кыргызской Республике. – 14.06.2025. – Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/bishkek/otnosheniya/dvustoronnie-otnosheniya> (дата обращения: 04.07.2025).

Товарооборот между двумя странами в 2024 году превысил 12,2 млн долларов США, что составляет рост на 4,3% по сравнению с 2023 годом.

За январь–март 2025 года объём взаимной торговли достиг 2,722 млн долларов США, включая 182 тыс. долларов США экспорта и 2,540 млн долларов США импорта. В сравнении с аналогичным периодом прошлого года это увеличение составляет 23%.²⁰²

Особая роль в дальнейшем выстраивании экономического взаимодействия отводится Совету правительств, возглавляемому премьер-министрами.

Важным шагом на пути урегулирования пограничной тематики стала встреча в Баткенской области Кыргызской Республики в декабре 2024 года, по итогам которой сопредседатели правительственных комиссий подписали Протокол об определении прохождения государственной границы.

Таким образом, торгово-экономическое сотрудничество между Таджикистаном и Кыргызстаном находится на восходящей траектории, опираясь на прагматичный интерес к расширению товарооборота, развитию логистики и стимулированию бизнеса. Несмотря на существующие пограничные споры, экономическая взаимозависимость двух стран продолжает углубляться, служа дополнительным стабилизирующим фактором в общем контексте регионального развития Центральной Азии.

Таджикистан и Кыргызстан также придают большое значение взаимодействию в рамках международных и региональных организаций — ООН, ОБСЕ, СНГ, ШОС, ОДКБ, ОЭС, СВМДА, рассматривая эти площадки как механизм усиления сотрудничества и укрепления безопасности.

Развивается и взаимодействие двух государств в гуманитарной сфере. Так, достаточно привлекательно для граждан Таджикистана кыргызское образование — сотни таджиков учатся в кыргызских университетах, в Таджикистане действуют средние школы с кыргызским языком обучения. В двух государствах проводятся дни культуры, посвящённые культурным достижениям соседнего

²⁰² Таджикиско-кыргызские двусторонние отношения [Электронный ресурс] // Посольство Республики Таджикистан в Кыргызской Республике. — 14.06.2025. — Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/bishkek/otnosheniya/dvustoronnie-otnosheniya> (дата обращения: 04.07.2025).

государства, существенное значение имеют совместные симпозиумы, семинары и иные культурные мероприятия.

В целом, отношения между Таджикистаном и Кыргызстаном развиваются в направлении устойчивого и взаимовыгодного партнёрства, основанного на принципах добрососедства, равноправия и уважения суверенитета. Реализация намеченных двусторонних проектов и сохранение конструктивного политического диалога позволяют рассчитывать на дальнейшее углубление интеграционных процессов и укрепление региональной стабильности в Центральной Азии.

Таджикско-туркменские отношения. Началом официальных двусторонних отношений между Республикой Таджикистан и Туркменистаном стало подписание Протокола «Об установлении дипломатических отношений» 27 января 1993 года. Договорно-правовая основа таджикско-туркменского взаимодействия включает свыше 133 соглашений²⁰³, среди которых важное место занимает Договор о стратегическом партнёрстве между Республикой Таджикистан и Туркменистаном²⁰⁴. Этот комплекс документов охватывает ключевые сферы сотрудничества и формирует устойчивую рамку для межгосударственных контактов.

Политические контакты на высшем уровне между Республикой Таджикистан и Туркменистаном на протяжении всего постсоветского периода стали основополагающим элементом в развитии двусторонних отношений, обеспечивая непрерывность политического диалога и подтверждая стратегический характер партнёрства. С момента установления дипломатических отношений в 1993 году главы государств обеих стран регулярно обменивались визитами, что способствовало укреплению доверия, подписанию важнейших межгосударственных документов и согласованию позиций по ключевым вопросам региональной и международной повестки.

²⁰³ Отношения Республики Таджикистана с Туркменистаном / Министерство иностранных дел Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. — 11.04.2025. — Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/main/view/143/otnosheniya-tadzhikistana-s-turkmenistanom> (дата обращения: 06.07.2025)

²⁰⁴ Договор о стратегическом партнёрстве между Республикой Таджикистан и Туркменистаном от 02 ноября 2017 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=20401 (дата обращения: 25.07.2025).

19–20 августа 2015 года Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон осуществил официальный визит в Туркменистан, ставший значимым этапом политического взаимодействия. Следующий важный шаг был сделан 2–3 ноября 2017 года, когда Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов прибыл в Таджикистан с официальным визитом. Итогом переговоров стало подписание Договора о стратегическом партнёрстве, который вывел сотрудничество двух стран на новый качественный уровень.

Существенный вклад в развитие отношений внёс государственный визит Президента Республики Таджикистан Э. Рахмона в Туркменистан, состоявшийся 3–5 августа 2021 года. 6 августа 2021 года, пребывая с визитом в Туркменистане, глава таджикского государства принял участие в заседании Консультативной встречи лидеров Центральной Азии, прошедшей в национальной туристической зоне «Аваза» города Туркменбаши. По итогам встречи Эмомали Рахмон был удостоен «Почётного знака глав государств Центральной Азии» — награды за вклад в развитие добрососедства, укрепление взаимопонимания и содействие сотрудничеству между странами региона. 10–11 мая 2023 года в Таджикистане прошёл государственный визит Президента Туркменистана Сердара Бердымухамедова. Стороны обсудили широкий круг международных и региональных вопросов, а также подписали 24 межгосударственных документа, среди них — Декларация об углублении стратегического партнёрства между двумя странами.²⁰⁵

В рамках этого визита президенты приняли участие в онлайн-церемонии начала строительства новой школы имени Махтумкули в районе Дусти Хатлонской области. Накануне визита также состоялся Таджикско-Туркменский бизнес-форум, по итогам которого было подписано 24 контракта на сумму 43 млн долларов США.²⁰⁶

4 сентября 2023 года Председатель Халк Маслахаты Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов по приглашению Президента Республики

²⁰⁵ Отношения Республики Таджикистана с Туркменистаном / Министерство иностранных дел Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. — 11.04.2025. — Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/main/view/143/otnosheniya-tadzhikistana-s-turkmenistanom> (дата обращения: 06.07.2025)

²⁰⁶ Там же.

Таджикистан прибыл в Душанбе. За вклад в укрепление регионального сотрудничества и развитие связей Центральной Азии ему был вручён «Почётный знак» — высшая награда глав государств региона. 4–5 апреля 2024 года Г. Бердымухамедов вновь посетил Таджикистан с официальным визитом. Во время переговоров с руководством страны обсуждались актуальные вопросы двустороннего взаимодействия и международной повестки. Он также провёл встречи с Председателем Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан и Председателем города Душанбе Рустамом Эмомали, где подчёркивалась значимая роль парламентской дипломатии. В эти же дни прошли Дни культуры Туркменистана в Таджикистане и концерт мастеров искусств двух стран.

Таким образом, политические контакты на уровне глав государств Таджикистана и Туркменистана с начала 1990-х годов до настоящего времени носят устойчивый, регулярный и конструктивный характер. Их содержание отражает стратегическое партнёрство двух стран, общее понимание задач регионального развития и стремление к совместному решению трансграничных вызовов. Эти контакты не только формируют повестку двусторонних отношений, но и вносят вклад в укрепление целостной архитектуры безопасности и сотрудничества в Центральной Азии.

Экономическое сотрудничество между двумя странами носит взаимодополняющий характер. Таджикистан традиционно закупает у Туркменистана нефтепродукты, минеральные удобрения, а также рафинированное хлопковое масло. В свою очередь, Туркменистан импортирует из Таджикистана алюминиевую продукцию, изделия лёгкой промышленности, продовольственные товары, в том числе фрукты и овощи. Несмотря на ограниченные объёмы взаимной торговли, стороны стремятся к увеличению товарооборота за счёт развития транспортно-логистических связей и упрощения таможенных процедур.

Туркменистан является одним из ключевых торгово-экономических партнёров Таджикистана. По итогам 2024 года объём товарооборота между

Таджикистаном и Туркменистаном превысил 19 млн 332 тыс. долларов США. Основу взаимной торговли составляют нефтепродукты, растительные масла, удобрения, продукция химической промышленности, товары агропромышленного комплекса, а также алюминий и изделия из него.²⁰⁷

Одним Межправительственная таджикско-туркменская комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому взаимодействию остаётся одним из ключевых механизмов, обеспечивающих поступательное развитие двусторонних связей в экономике и сфере технологий. На сегодняшний день проведено 13 её заседаний, причём последнее совещание состоялось в октябре 2024 года в Ашхабаде.

Позитивная динамика наблюдается и на уровне региональных контактов: Хатлонская область Таджикистана поддерживает устойчивое партнёрство с Лебапским велаятом Туркменистана. Кроме того, между Душанбе и Ашхабадом действуют отношения городов-побратимов, что укрепляет гуманитарные и деловые контакты.

В настоящее время и Таджикистан, и Туркменистан проявляют явный интерес к расширению сотрудничества, прежде всего в транспортной сфере, топливно-энергетическом комплексе, промышленности — особенно перерабатывающей, — а также в торговле и сельском хозяйстве. Приоритетом остаётся и углубление прямых контактов между предпринимателями двух государств, создание условий для знакомства с производимой продукцией, выявление экспортно-импортных возможностей и поиск новых механизмов продвижения двустороннего экономического взаимодействия. Несмотря на сформированную базу, потенциал обеих сторон по многим направлениям пока остаётся не полностью задействованным.

В 2024 году в Ашхабаде на тринадцатом заседании Межправительственной таджикско-туркменской комиссии по торгово-экономическому и научно-

²⁰⁷ Отношения Таджикистана с Туркменистаном [Электронный ресурс]. – Министерство иностранных дел Республики Таджикистан. – 11.04.2025. – Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/main/view/143/otnosheniya-tadzhikistana-s-turkmenistanom> (дата обращения: 04.07.2025).

техническому взаимодействию были обозначены ключевые направления дальнейшего развития экономических и торговых связей. Среди них:

- анализ текущего состояния и перспектив торгово-экономического партнёрства;
- поступательное наращивание двустороннего товарооборота и расширение состава экспортируемых товаров;
- стимулирование взаимных поставок;
- активизация торговли и увеличение ассортимента продукции, востребованной на рынках двух стран;
- развитие взаимодействия в областях транспорта, логистики и сельского хозяйства;
- укрепление коммуникации между государственными структурами и бизнес-сообществами;
- расширение кооперации в фармацевтической, металлургической, химической, пищевой и текстильной отраслях.²⁰⁸

Существуют широкие возможности для дальнейшего укрепления сотрудничества между двумя странами, и при системной работе товарооборот может увеличиться многократно. Наиболее перспективные направления включают:

- использование мультимодального маршрута Китай–Таджикистан–Узбекистан–Туркменистан–Иран–Турция–Европа, который обеспечивает сокращение расстояний и транспортных расходов по сравнению с альтернативными путями. Для обеспечения перевозок создан новый грузовой терминал площадью 7 га с четырьмя подходящими железнодорожными линиями и таможенным пунктом на станции Куляб. Его пропускная способность достигает 3600 тонн в сутки. Общая протяжённость маршрута составляет 1221 км: 794 км — по территории Туркменистана от железнодорожного вокзала

²⁰⁸ В Ашхабаде проведено очередное заседание Совместной туркмено-таджикской межправкомиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. — 17 октября 2024 г. // Экономика [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://eccis.org/news/28337/v_ashhabade_provedeno_ocherednoe_zasedanie_sovmestnoj_turkmeno-tadzhikskoj_mezhpravkomissii_po_torgovo-ekonomicheskomu_i_nauchno-tehnicheskomu_sotrudnichestvu (дата обращения: 08.07.2025).

Сарахс (Иран), 131 км — по территории Узбекистана, далее через переход Амузанг–Хушади до Куляба — 296 км, а автодорога Куляб–Кулма–Карасу — ещё 800 км. Доставка грузов от Куляба до Туркменистана занимает около 7–8 дней;

- активное использование возможностей международного порта «Туркменбаши» на Каспии и логистического центра Таджикистана в рамках транзитных перевозок;

- продвижение проекта железной дороги Туркменистан–Афганистан–Таджикистан;

- развитие кооперации в металлургической сфере, включая закупку и переработку алюминия. Ранее интерес в данном направлении проявляли отдельные туркменские предприятия, в том числе государственное предприятие «Nebitmaş»;

- расширение использования транспортно-транзитных возможностей Таджикистана и региональных мультимодальных коридоров;

- создание совместных предприятий в приоритетных секторах, особенно в пяти свободных экономических зонах;

- совместное участие в инвестиционных проектах, что особенно важно с учётом определения в Таджикистане более десяти приоритетных отраслей и их подотраслей.²⁰⁹

Практическая реализация этих возможностей способна существенно увеличить товарооборот и вывести торгово-экономическое взаимодействие двух стран на новый уровень.

Таджикистан и Туркменистан также демонстрируют согласованные позиции по широкому кругу международных вопросов, последовательно выступая единым фронтом в авторитетных организациях, включая ООН, ОБСЕ, СНГ, ОИК и ТРАСЕКА.

²⁰⁹ Торгово-экономическое сотрудничество Таджикистана и Туркменистана [Электронный ресурс] // Народная. — 07.08.2025. — Режим доступа: <https://narodnaya.tj/2025/08/07/torgovo-jekonomicheskoe-sotrudnichestvo-tadzhikistana-i-turkmenistana/> (дата обращения: 04.07.2025).

Таджикско-узбекские отношения. Среди приоритетных направлений внешнеполитической стратегии Республики Таджикистан особое место занимает взаимодействие с Республикой Узбекистан. Географическое положение Узбекистана, который граничит со всеми государствами Центральной Азии, а также наличие значительных природных ресурсов, развитого промышленного потенциала и одной из крупнейших армий в регионе, наделяет его определённым весом в региональной системе международных отношений. С момента распада Советского Союза Ташкент активно выстраивал курс на усиление своего влияния, позиционируя себя в качестве потенциального центра тяжести в Центральной Азии.²¹⁰

Установление дипломатических отношений между двумя государствами состоялось 22 октября 1992 года. Договорно-правовая база взаимодействия двух стран включает около 211 двусторонних соглашений, заключённых на межгосударственном, межправительственном и межведомственном уровнях. Среди ключевых документов — Договор о вечной дружбе от 15 июня 2000 года, Договор о стратегическом партнёрстве от 17 августа 2018 года, Декларация об укреплении вечной дружбы и союзничестве от 3 июня 2022 года, а также Договор о союзнических отношениях от 18 апреля 2024 года.²¹¹

Политический диалог между странами осуществляется на постоянной основе, включая регулярные встречи на высшем и высоком уровнях. С момента установления дипломатических отношений состоялось семь визитов президентов: в январе 1998, июне 2000, марте и августе 2018, 2021, июне 2022 и апреле 2024 года.

Особым этапом стало 2018 год, когда сотрудничество между Таджикистаном и Узбекистаном вышло на новый уровень. Во время государственного визита Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева в Таджикистан в марте 2018 года были сняты практически все

²¹⁰ Обидов А. Внешняя политика Республики Узбекистан // Россия и мусульманский мир. 2019. №2 (312). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-respubliki-uzbekistan> (дата обращения: 04.07.2025).

²¹¹ Отношения Таджикистана с Узбекистаном / Министерство иностранных дел Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/main/view/145/otnosheniya-tadzhikistana-s-uzbekistanom> (дата обращения: 06.07.2025)

проблемные вопросы двусторонних отношений. Стороны урегулировали пограничные вопросы, отменили визовый режим сроком до 30 дней, восстановили железнодорожные и другие транспортно-коммуникационные связи, достигли договорённостей в области безопасности, обороны и совместного использования водно-энергетических ресурсов, а также активизировали межрегиональные контакты. Ответный визит Президента Республики Таджикистан в Узбекистан состоялся в августе 2018 года. По его итогам был подписан Договор о стратегическом партнёрстве, который укрепил новую динамику двустороннего взаимодействия. В ходе двух государственных визитов 2018 года было оформлено 53 документа.²¹²

Во время официального визита Президента Узбекистана в Таджикистан в июне 2021 года подписали 36 документов, расширив базу стратегического партнёрства. Визит Президента Республики Таджикистан 2–3 июня 2022 года завершился подписанием Декларации об укреплении вечной дружбы и союзничестве. Было заключено 15 документов, а также дан старт проекту строительства двух гидроэлектростанций в бассейне реки Зарафшан.²¹³

Государственный визит Президента Узбекистана в Таджикистан 18–19 апреля 2024 года ознаменовался подписанием Договора о союзнических отношениях и оформлением 28 документов.²¹⁴

Экономическая составляющая остаётся одной из ключевых направлений сотрудничества. За январь–ноябрь 2024 года товарооборот составил 531,8 млн долл. США, тогда как в 2023 году этот показатель достиг 504,3 млн долл. США.²¹⁵

Вопросы торговли, инвестиций, транспорта и других сфер координируются через Межправительственную комиссию по торгово-экономическому сотрудничеству, учреждённую в 2002 году. За это время проведено 11 заседаний, последнее — 12 марта 2024 года в Душанбе. Продвижению товаров способствует

²¹² Отношения Таджикистана с Узбекистаном / Министерство иностранных дел Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/main/view/145/otnosheniya-tadzhikistana-s-uzbekistanom> (дата обращения: 06.07.2025)

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Там же.

организация выставок-ярмарок. 18 апреля 2024 года в Душанбе в рамках визита Президента Узбекистана прошёл Таджикско-узбекский инвестиционный форум и заседание Делового совета с участием около 500 предпринимателей. Отмечалось, что в обеих странах функционирует более 370 совместных предприятий.²¹⁶

Сотрудничество развивается также в сферах культуры, образования, науки, спорта, туризма, а также в области СМИ, книгоиздания и межобщественных обменов. Значимыми событиями стали Дни культуры Таджикистана в Узбекистане в 2017 году и Дни культуры Узбекистана в Таджикистане в 2019 году (Душанбе, Турсунзаде, Дангара). С 13 по 15 марта 2023 года в Душанбе прошёл первый Форум ректоров вузов двух стран, завершившийся подписанием около 30 соглашений. С 15 по 16 апреля 2024 года в Самарканде прошёл второй Форум ректоров. 18 апреля 2024 года в Душанбе состоялись Дни культуры Узбекистана.

Развитие межрегиональных связей занимает важное место в двустороннем взаимодействии. Активно укрепляются контакты между Согдийской и Хатлонской областями Таджикистана и Самаркандской и Сурхандарьинской областями Узбекистана. В июне 2021 года в Бохтаре прошёл первый Межрегиональный инвестиционный форум, ориентированный на кооперационные инициативы, бизнес-миссии и развитие побратимства. 18 апреля 2024 года были подписаны соглашения и дорожные карты между Согдийской областью и Андижанской, Наманганской, Сырдарьинской, Ферганской, Хорезмской областями Узбекистана, а также между Хатлонской областью и Кашкадарьинской областью. Таджикистан и Узбекистан последовательно координируют свои позиции в рамках ООН, ОБСЕ, СНГ, ШОС, ОЭС и СВМДА, эффективно взаимодействуя на международных площадках.

Нужно отметить, что с начала обретения независимости отношения между двумя странами сопровождалось и эпизодами односторонних ограничений со стороны Узбекистана. Пограничный режим фактически граничил с транспортной

²¹⁶ Отношения Таджикистана с Узбекистаном / Министерство иностранных дел Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/main/view/145/otnosheniya-tadzhikistana-s-uzbekistanom> (дата обращения: 06.07.2025)

блокадой Таджикистана. Общая площадь заминированных участков границы составляла около 9,5 км². В 2018 году началось совместное разминирование территории в Пенджикентском районе Согдийской области Таджикистана.²¹⁷

В конце 2000-х годов обострение отношений сопровождалось резким повышением Узбекистаном цен на газ — Таджикистан на тот момент зависел от узбекских поставок почти на 98%²¹⁸. В этот же период Узбекистан ограничивал транзит таджикских грузов, а также высказывал резкую позицию по строительству Рогунской ГЭС. Спор по этому вопросу имел не только экономический, но и экологический и геополитический характер.

Негативные моменты отношений в прошлом включали периодическое сворачивание Узбекистаном экономического и гуманитарного взаимодействия, введение визового режима (в 2001 и 2013 годах), что провоцировало ответные меры. Однако Республика Таджикистан неизменно демонстрировала стремление к диалогу и нормализации отношений.

Существенные изменения произошли после прихода к власти Президента Шавката Мирзиёева в Узбекистане. С 2017 года началась новая фаза сближения. Были восстановлены транспортные связи, урегулирован вопрос Фархадской ГЭС, стороны пришли к соглашению о безвизовом въезде сроком до 30 дней.²¹⁹

Исторический визит Президента Узбекистана в Душанбе в марте 2018 года стал поворотным моментом: были подписаны 27 соглашений в сфере экономики, инвестиций, транспорта, энергетики, безопасности, туризма, образования и культуры. В августе того же года Президент Таджикистана посетил Узбекистан с ответным визитом, в ходе которого был подписан Договор о стратегическом партнёрстве.²²⁰

²¹⁷ Таджикистан и Узбекистан проводят разминирование границы // TJinform. — 09.10.2018. — Режим доступа: <https://tjinform.com/ru/news/20181009/17330.html> (дата обращения: 04.07.2025).

²¹⁸ Asian Development Bank. “Republic of Tajikistan: Energy Sector Assessment, Strategy, and Road Map.” 2016/ Архив Минэкономразвития РТ.

²¹⁹ Sputnik Таджикистан. Таджикистан и Узбекистан достигли договоренностей по визовым отношениям и самому спорному участку госграницы – плотине Фархадской ГЭС // Sputnik Таджикистан. 2018. 11 янв. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20180111/tadzhikistan-uzbekistan-dostigli-dogovorennostey-samym-spornym-voprosam-1024387950.html> (дата обращения: 04.12.2025)

²²⁰ Государственный визит Президента Узбекистана в Таджикистан [Электронный ресурс]. eccis.org. 2018. 10 мар. URL: <https://eccis.org/news/8948/gosudarstvennyj-vizit-prezidenta-uzbekistana-v-tadzikistan> (дата обращения: 04.07.2025)

Объём товарооборота между Таджикистаном и Узбекистаном за 9 месяцев 2025 года достиг более 440 миллионов долларов.²²¹ Основу двусторонней торговли традиционно составляют поставки электроэнергии, природного газа, продукции химической и сельскохозяйственной промышленности. Узбекистан поставляет в Таджикистан природный газ, минеральные удобрения, стройматериалы, медикаменты, а также потребительские товары. В свою очередь, Таджикистан экспортирует в Узбекистан алюминий, электроэнергию, цемент, овощи и фрукты. Эти направления остаются устойчивыми и определяют общий профиль товарооборота.

Инвестиционное сотрудничество между Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан в последние годы демонстрирует устойчивую положительную динамику и рассматривается обеими сторонами как стратегическое направление двусторонних экономических связей. Одним из первых шагов в направлении институционального сближения стало подписание в 2018 году Соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций, положившего правовую основу для притока узбекского капитала в таджикскую экономику и, наоборот.²²²

Расширение присутствия таджикского бизнеса в Узбекистане в последние годы приобрело устойчивый характер. По сведениям Национального комитета статистики Узбекистана, к середине 2025 года в стране было зарегистрировано и действовало 357 предприятий, имеющих таджикское участие. Таким образом, их число заметно увеличилось по сравнению с началом 2024 года, когда насчитывалось 303 такие компании.²²³

В общей структуре этих предприятий 89 относятся к совместным, а 268 полностью принадлежат таджикским инвесторам. Благодаря этому Таджикистан вышел на седьмую позицию среди иностранных инвесторов в Узбекистане,

²²¹ ХОВАР. Объём товарооборота между Таджикистаном и Узбекистаном за 9 месяцев текущего года достиг более 440 миллионов долларов // ХОВАР, 17 нояб. 2025. URL: <https://khovar.tj/rus/2025/11/17/obyom-tovarooborota-mezhdu-tadzhikistanom-i-uzbekistanom-za-9-mesyatsev-tekushhego-goda-dostig-bolee-440-millionov-dollarov/> (дата обращения: 04.07.2025)

²²² Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Республики Узбекистан о поощрении и защите инвестиций от 09.03.2018 г. // Архив МИД РТ. – Душанбе, 2018. – Д. № 1312. – Л. 21–25.

²²³ Asia-Plus. Tajik business expands presence in Uzbekistan with 357 active enterprises // Asia-Plus. 15.07.2025 - URL: <https://asiaplustj.info/ru/node/350825> (дата обращения: 18.07.2025).

обеспечивая примерно 2 % всех предприятий, функционирующих в республике с привлечением зарубежного капитала.

По информации на 1 июля 2025 года, общее количество активно работающих компаний с иностранными вложениями в Узбекистане достигло 16 685, что примерно на пятую часть превышает показатель предыдущего года.²²⁴

Таджикский бизнес вовлечён в различные производственные и инфраструктурные сегменты экономики Узбекистана. В промышленной сфере предприниматели из Таджикистана реализуют проекты по созданию перерабатывающих предприятий, особенно в приграничных районах, таких как Денау. Одновременно продолжаются вложения в горнодобывающую и металлургическую отрасли, включая работы по геологическому изучению недр.

Одним из заметных направлений остаётся энергетика: Таджикистан осуществляет поставки электроэнергии в Узбекистан и параллельно участвует в проектах гидроэнергетики в бассейне реки Зарафшан. В сопредельных районах создаются новые пункты распределения энергоресурсов.

Таким образом, инвестиционное сотрудничество между Таджикистаном и Узбекистаном сегодня формируется на основе взаимной экономической выгоды, институциональной поддержки и общей заинтересованности в устойчивом развитии. Это партнёрство выходит за рамки декларативных заявлений и обретает практическую форму, выражающуюся в создании новых рабочих мест, развитии совместных производств и формировании устойчивых логистических цепочек в регионе Центральной Азии.

Приоритетным направлением партнёрства выступает обеспечение совместной региональной безопасности на фоне роста транснациональных угроз, включая терроризм, экстремизм и нестабильность на таджикско-афганской границе. В 2020 году на территории Таджикистана, на военном полигоне Фахрабод, были проведены совместные антитеррористические учения «Содружество-2020» с участием подразделений Министерств обороны двух

²²⁴ Asia-Plus. Tajik business expands presence in Uzbekistan with 357 active enterprises // Asia-Plus. 15.07.2025 - URL: <https://asiaplustj.info/ru/node/350825> (дата обращения: 18.07.2025).

стран. Основной задачей манёвров было отработка сценариев нейтрализации вооружённых формирований, проникших на территорию стран-участниц, а также отработка взаимодействия в условиях высокогорной местности.²²⁵

Отдельное внимание уделяется сотрудничеству в сфере военной разведки. В феврале 2020 года представители оборонных ведомств двух стран подписали меморандум о взаимодействии в рамках специальных служб, предполагающий обмен оперативной информацией, координацию действий при угрозах на границе, а также реализацию совместных образовательных программ для офицерского состава.²²⁶

Также значимым направлением остаётся подготовка к многосторонним учениям с привлечением бронетанковой техники, авиации и артиллерии. В июле 2019 года стороны заявили о готовности к организации масштабных совместных манёвров на территории приграничных районов, что отражает стремление к более высокому уровню слаженности в условиях возможной региональной эскалации.²²⁷

Таким образом, военное сотрудничество между Таджикистаном и Узбекистаном демонстрирует поступательную динамику и характеризуется институционализацией, укреплением доверия, а также ориентацией на совместную защиту рубежей от внешних угроз. Эта модель партнёрства соответствует стратегическим интересам обоих государств в сфере коллективной безопасности и подтверждает курс на углубление межгосударственного взаимодействия в Центральной Азии.

На протяжении всех этапов независимости таджикско-узбекские отношения демонстрируют поступательное развитие. Учитывая общее историко-культурное наследие, географическое соседство и взаимодополняемость

²²⁵ Военные Узбекистана и Таджикистана провели совместные учения «Содружество-2020» // Экспертно-консультационный центр интеграционных исследований. – Душанбе, 25.11.2020. – URL: https://eccis.org/news/13318/voennye_uzbekistana_i_tadzhikistana_proveli_sovmestnye_ucheniya_%C2%ABsodruzhestvo-2020%C2%BB (дата обращения: 20.07.2025).

²²⁶ Таджикистан и Узбекистан будут сотрудничать в сфере военной разведки // UZTAG. – 14.02.2020. – URL: <https://uztag.info/ru/news/tadzhikistan-i-uzbekistan-budut-sotrudnichat-v-sfere-voennoy-razvedki> (дата обращения: 20.07.2025).

²²⁷ Таджикистан и Узбекистан проведут совместные военные учения // Большая Азия. – 04.07.2019. – URL: <https://bigasia.ru/tadzhikistan-i-uzbekistan-provedut-sovmestnye-voennye-ucheniya> (дата обращения: 20.07.2025).

экономик, сотрудничество между двумя странами остаётся одним из важнейших направлений внешнеполитической стратегии Таджикистана.

Сформированная международно-правовая база, наличие дипломатических миссий, углубляющиеся гуманитарные связи и стремление к совместному решению региональных вызовов позволяют рассчитывать на устойчивость и долговременность партнёрства между Таджикистаном и Узбекистаном.

Таким образом, на основании анализа текущего состояния и перспектив внешнеполитических и экономических связей Республики Таджикистан с государствами Центральной Азии, можно сформулировать следующие ключевые выводы и рекомендации:

а) Таджикистан, являясь преимущественно горной страной (около 93% территории), не имеющей выхода к морю, объективно ограничен в возможностях интеграции в международные транспортные и торговые коридоры. Такое географическое положение существенно снижает его транзитный потенциал и делает экономику уязвимой к внешним шокам, особенно в условиях зависимости от инфраструктуры соседних государств;

б) Одной из ключевых стратегий Таджикистана на международной арене остаётся диверсификация внешнеэкономических связей и поиск альтернативных маршрутов транзита, минуя территорию Узбекистана и Кыргызстана. В этой связи проект железной дороги ТАТ (Таджикистан–Афганистан–Туркменистан) представляет собой важный компонент долгосрочной внешнетранспортной стратегии. Его реализация обеспечит стране независимый выход на рынки Юго-Западной Азии и Ближнего Востока. Несмотря на временную приостановку, продиктованную улучшением отношений с Узбекистаном, строительство таджикского участка данной железной дороги должно рассматриваться как стратегически важный резервный путь;

в) В условиях сохраняющейся асимметрии регионального влияния Таджикистан пока лишён действенных инструментов «мягкой силы» и экономического давления, которыми располагают другие государства Центральной Азии. Однако запуск Рогунской гидроэлектростанции,

строительство транзитных железных дорог (включая ТАТ), а также активное участие в инициативе КНР «Один пояс – один путь» (Belt and Road Initiative) позволят Душанбе сформировать набор инструментов внешнеполитического манёвра и регионального влияния;

г) Потепление таджикско-узбекских отношений, достигнутое в период правления Ш. Мирзиёева, способствовало улучшению транспортной доступности и возобновлению ряда коммуникационных маршрутов. Вместе с тем, данная позитивная динамика не должна стать основанием для отказа от реализации альтернативных инфраструктурных проектов, призванных повысить автономность Таджикистана. Речь идёт о продолжении строительства внутренних железных и автодорог, а также об укреплении восточно-западных связей в обход традиционно проблемных направлений;

д) Развитие устойчивых форм регионального взаимодействия, в том числе в рамках ШОС, ОЭС, СНГ и ИФСА, остаётся важным элементом внешнеполитической стратегии Таджикистана. Именно через механизмы многостороннего сотрудничества страна может эффективно отстаивать свои интересы и способствовать укреплению международной и региональной безопасности;

е) Геополитическое положение Таджикистана, имеющего протяжённую границу с нестабильным Афганистаном, придаёт ему особую значимость в обеспечении безопасности не только Центральной Азии, но и стран-партнёров, включая Российскую Федерацию. Угрозы, исходящие с южного направления — в частности, трансграничный терроризм, исламский радикализм, наркоторговля — требуют активного участия Таджикистана в региональных антикризисных и антитеррористических структурах, таких как ОДКБ и ШОС.

Региональная политика Узбекистана. В последние годы Узбекистан демонстрирует последовательную и прагматичную линию во внешнеполитическом курсе, что признается большинством международных аналитических центров как один из факторов стабильности в Центральной Азии. С приходом к власти Президента Ш. М. Мирзиёева в декабре 2016 года начался

качественно новый этап в региональной политике страны, в котором особое внимание уделяется развитию дружественных и взаимовыгодных отношений со странами Центральной Азии.

С 2017 года Узбекистан инициировал серию двусторонних и многосторонних встреч на высшем уровне, охвативших все государства Центральноазиатского региона. Эти контакты положили начало новому формату политического общения – доверительному и регулярному, в рамках которого обсуждаются и координируются ключевые вопросы безопасности, трансграничного сотрудничества, экономического взаимодействия, инвестиций, здравоохранения, культуры и экологии.

Принципиально важным стало то, что за относительно короткий исторический отрезок времени Узбекистану удалось устранить значительную часть конфликтных вопросов с соседями, включая проблемы, накопившиеся за предыдущие десятилетия. Впервые за долгие годы начали решаться практические вопросы по демаркации границ, водопользованию, упрощению трансграничного движения и налаживанию торговли. Это стало возможным благодаря политике «открытого диалога» и личному участию главы государства в построении доверия с лидерами соседних стран.

Ключевым событием, символизирующим институционализацию нового этапа региональной кооперации, стал запуск Консультативных встреч глав государств Центральной Азии. Инициатива о проведении этих встреч была выдвинута Президентом Узбекистана во время его выступления на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2017 года. Она была положительно воспринята как международным сообществом, так и самими странами региона. С 2018 года встречи проходят на ежегодной основе, способствуя выработке согласованных подходов к решению общих вызовов.²²⁸

²²⁸ Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев выступил на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Президент Республики Узбекистан. 2017. 20 сентября. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/1063> (дата обращения: 04.07.2025).

Первая такая встреча прошла в марте 2018 года в Астане, где главы государств подтвердили свою приверженность принципам добрососедства и взаимоуважения в решении региональных проблем.

Новый внешнеполитический курс Узбекистана, направленный на открытость и укрепление добрососедства, в значительной степени способствовал формированию благоприятной политической среды во всем регионе. Созданы прочные основания для практического взаимодействия между государствами региона на принципах прагматизма, доверия и взаимной выгоды. Согласно оценкам международных аналитиков, достигнутый уровень политического диалога и сближения между странами Центральной Азии представляет собой качественно новый этап в истории регионализма.

Вывод отношений Узбекистана с соседними государствами на уровень стратегического партнёрства сопровождался значительным снижением конфликтного потенциала в регионе. Это, в свою очередь, повысило инвестиционную привлекательность Центральной Азии и усилило интерес внешних акторов к участию в проектах устойчивого развития.²²⁹

Кроме политических и экономических аспектов, важное внимание уделяется экологической составляющей регионального сотрудничества. Ташкент активный участник обсуждения проблем, связанных с рациональным водопользованием, смягчением последствий изменения климата и преодолением экологических вызовов. Одним из ключевых направлений совместной работы стран региона стало решение кризиса Приаралья. Узбекистан выступает за привлечение инвестиций, внедрение современных технологий, распространение «зелёной экономики» и проведение совместных инициатив по предотвращению опустынивания.

Заметный импульс получила торгово-экономическая кооперация с соседними государствами. За 9 месяцев 2024 гг. было установлено, что совокупный объём внешней торговли Узбекистана со странами Центральной

²²⁹ Юлдашева Г. Внешняя политика нового Узбекистана и его особенности // ORIENSS. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-novogo-uzbekistana-i-ego-osobennosti> (дата обращения: 04.07.2025).

Азии достиг 5,5 млрд. долларов США, что эквивалентно 10,3% общего товарооборота республики. Из этой суммы на экспорт пришлось 1,9 млрд. долларов США, тогда как импорт составил 3,1 млрд. долларов США. В структуре торговых связей с государствами региона ведущая позиция принадлежит Казахстану, доля которого достигает 61%. За ним идут Туркменистан — 17%, Кыргызстан — 12%, а Таджикистан занимает 10% от общего объёма взаимной торговли.²³⁰

Параллельно развивается взаимодействие в производственной и промышленной сферах. Создаются совместные предприятия, в том числе в рамках кластерных моделей. Активизировались межрегиональные контакты: проводятся бизнес-форумы, организуются ярмарки промышленной и сельскохозяйственной продукции, запускаются инфраструктурные проекты в приграничных зонах.²³¹

Узбекистан стремится укрепить производственную и транспортную взаимосвязь с соседями, рассматривая регион не только как рынок сбыта, но и как пространство для сопряжённого развития. В рамках сотрудничества с Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Туркменистаном планируются проекты по модернизации железнодорожной и автодорожной инфраструктуры, строительству логистических хабов и торговых комплексов в приграничных районах.

Таким образом, Узбекистан последовательно переходит от политики одностороннего сдерживания к модели взаимной выгоды, делая ставку на экономическую интеграцию, транспортную связанность и усиление регионального промышленного потенциала. Такая линия укрепляет авторитет страны в Центральной Азии и способствует формированию устойчивого формата регионального сотрудничества на принципах прагматизма и доверия.

²³⁰ Uzbekistan's Foreign Trade Volume with Central Asian Countries Reaches \$5 Billion // BuzB. 2024. 28 October. URL: <https://buzb.uz/en/news/uzbekistans-foreign-trade-volume-with-central-asian-countries-reaches-dollar5-billion> (дата обращения: 04.07.2025).

²³¹ Мавланов И. Стратегия внешнеэкономической политики Нового Узбекистана – трансформация экономической дипломатии. ResearchGate, January 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/390300165_Strategia_vnesneekonomiceskoj_politiki_Novogo_Uzbekistan_a_-_transformacia_ekonomiceskoj_diplomatii (дата обращения: 04.07.2025).

Торговля Узбекистана с соседями по регионам Центральной Азии «утроилась» за период с 2016 по 2024 год, — с 2,4 млрд \$ в 2016 до 7,2 млрд \$ в 2024, а число совместных предприятий превысило 1800²³². На сегодняшний день промышленная кооперация и инвестиционное сотрудничество между странами Центральной Азии достигли нового уровня институционализации. Существуют предприятия с участием узбекского капитала, выпускающие автотранспорт (Ravon) или спецтехнику (TALCO-Krantas). Партия автомобилей Ravon (модель Ravon Nexia R3) производилась на заводе в г. Костанай (Казахстан) совместно с участием узбекских автопроизводителей. В Таджикистане действует совместное предприятие ТАЛКО-КРАНТАС — между таджикским TALCO и узбекской фирмой Krantas Group. Оно заявлено как завод по сборке спецтехники: самосвалов, автокранов, спец- и строительной техники²³³

Во время официального визита президента Кыргызской Республики Садыра Жапарова в Узбекистан в марте 2021 года был утвержден план практических мер «Дорожная карта по расширению и углублению сотрудничества между Кыргызстаном и Узбекистаном», включающий 60 проектов в области промышленности, энергетики и транспорта. На его основе было согласовано учреждение совместного узбекско-кыргызского фонда развития с первоначальным уставным капиталом в 50 млн. долларов США, позднее увеличенным до 200 млн. долларов.²³⁴

Региональное сотрудничество получило дополнительный импульс в период борьбы с пандемией COVID-19, когда страны региона демонстрировали высокий

²³² Uzbekistan reports positive industrial trends in Central Asia // Trend. 2025. 13 November. URL: <https://www.trend.az/business/4116848.html> (дата обращения: 04.07.2025).

²³³ См.: GM Uzbekistan запустили производство Ravon Nexia R3 в Казахстане // Sputnik Таджикистан. 2017. 31 мая. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20170531/uzbekskiy-ravon-nexia-proizvodit-zavod-kazakhstan-1022455867.html> (дата обращения: 04.07.2025); Три компании «ТАЛКО Ресурс», «ТАЛКО Голд» и «Глобал Лизинг» подписали контракт // ХОВАР. 2019. 20 марта, 11:10. URL: <https://khovar.tj/rus/2019/03/20/tri-kompanii-talko-resurs-talko-gold-i-global-lizing-podpisali-kontrakt> (дата обращения: 04.07.2025); Компания Таджикистана «ТАЛКО» и узбекский Krantas собрали первые самосвалы // Dialog.tj. 2019. 20 марта. URL: <https://dialog.tj/cat75/kompaniya-tadzhikistana-talko-i-uzbekskiy-krantas-sobrali-pervye-samosvaly> (дата обращения: 04.07.2025).

²³⁴ Кудрявцева Т. Подписана Дорожная карта для расширения сотрудничества Кыргызстана и Узбекистана // 24.kg. 2021. 6 марта. URL: https://24.kg/vlast/186676_podpisana_dorojnaya_karta_dlya_rasshireniya_sotrudnichestva_kyrgyzstana_i_uzbekistana (дата обращения: 05.07.2025).; The capital of “Uzbekistan–Kyrgyzstan Development Fund” is planned to increase to 200 million dollars // TURKSAM – Manas University. 2022. 14 April. URL: <https://turksam.manas.edu.kg/index.php/en/kirgizistan-2/5610-the-capital-of-the-uzbekistan-kyrgyzstan-development-fund-is-planned-to-increased-to-200-million-dollars> (дата обращения: 05.07.2025).

уровень координации, обмена гуманитарной и медицинской помощью. Узбекистан зарекомендовал себя как инициатор добрососедского взаимодействия, основанного на солидарности и поддержке.²³⁵

Значимым шагом в региональной политике стало продвижение инициативы Президента Шавката Мирзиёева по налаживанию устойчивой межрегиональной взаимосвязанности между Центральной и Южной Азией. 15–16 июля 2021 года в столице Узбекистана прошла Международная конференция «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности», собравшая делегатов из более чем 40 стран, международные институты, банки развития и аналитические центры. Центральной задачей мероприятия стало определение перспектив создания единого транспортно-логистического пространства, расширения экспорта, привлечения инвестиций и внедрения цифровых технологий в рамках устойчивой региональной интеграции.²³⁶

Как подчеркивают ведущие зарубежные аналитики, курс Узбекистана на конструктивное региональное лидерство получил позитивную реакцию со стороны всех соседних государств, создавая платформу для долгосрочного углубления торгово-экономических отношений и устойчивого роста всего региона.

В 2017 году в Узбекистане была утверждена «Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах», в которой приоритетом внешнеполитического курса страны определено формирование вокруг республики «пояса безопасности, стабильности и добрососедства».²³⁷ Эта позиция стала основополагающей для всей внешнеполитической линии Ташкента, особенно в отношении государств Центральной Азии, где в фокус были поставлены вопросы регионального мира,

²³⁵ Шадманов А., Боклаге Е., Стороженко О., Янсен А. COVID-19 in Central Asia: Uzbekistan's new approach to international cooperation // The Lancet Regional Health – Europe. 2020. Vol. 1. Article No. 100007.DOI: 10.1016/j.lanep.2020.100007.URL: https://www.researchgate.net/publication/347660038_COVID-19_in_Central_Asia_Uzbekistan's_new_approach_to_international_cooperation (дата обращения: 05.07.2025).

²³⁶ Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности» // Президент Республики Узбекистан. 2021. 16 июля.URL: <https://president.uz/ru/lists/view/4484> (дата обращения: 15.07.2025)

²³⁷ Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годы // Президент Республики Узбекистан. 2017. 7 февраля. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/231> (дата обращения: 05.07.2025).

стабильности, а также разрешение острых вызовов безопасности, включая ситуацию в Афганистане.

О приверженности этому курсу свидетельствовало и программное выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, где он подчеркнул: «Центральная Азия является главным приоритетом нашей внешней политики. Мы открыты к компромиссам по всем вопросам с нашими соседями».²³⁸

С 2022 года Узбекистан продолжил реализовывать системный курс на укрепление региональной стабильности, взаимной экономической выгоды и устойчивого взаимодействия со странами Центральной Азии.

В рамках продвижения региональной повестки в 2021–2025 годах Узбекистан инициировал и принял участие в ряде ключевых многосторонних мероприятий. В июле 2021 года в Ташкенте прошла Международная конференция высокого уровня «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности», где были озвучены конкретные инициативы по транспортной, энергетической и цифровой интеграции между двумя регионами. Особое внимание было уделено реализации проекта железной дороги «Термез – Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар», которая придаёт стратегический импульс расширению коридора между Центральной и Южной Азией.²³⁹

Сохраняется устойчивый акцент на гуманитарную и экологическую кооперацию: Узбекистан выступает инициатором координации действий в борьбе с последствиями климатических изменений, в частности в бассейне Аральского моря. Региональные встречи, включая саммиты глав государств Центральной Азии, способствуют выработке единого подхода к управлению водными ресурсами и к адаптации к новым экологическим реалиям.

²³⁸ Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев выступил на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Президент Республики Узбекистан. 2017. 20 сентября. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/1063> (дата обращения: 04.07.2025).

²³⁹ Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности» // Президент Республики Узбекистан. 2021. 16 июля. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/4484> (дата обращения: 15.07.2025)

Урегулирование пограничных вопросов между Узбекистаном и Казахстаном стало важным стимулом для наращивания взаимной торговли. В 2016 году общий объём товарооборота составлял 2 032,5 млн. долл. США, тогда как только за первые десять месяцев 2022 года он превысил 4 млрд. долл. США.²⁴⁰ По итогам 2023 года этот показатель достиг 4,4 млрд. долл., а в 2024 году несколько сократился до 4,2 млрд. долл. в связи с внешними ценовыми колебаниями.²⁴¹

Взаимоотношения между Узбекистаном и Туркменистаном также заметно активизировались. последние годы экономическое и торговое взаимодействие между Узбекистаном и Туркменистаном развивается устойчивыми темпами. Две страны последовательно работают над увеличением товарооборота, расширением номенклатуры взаимной торговли и укреплением инвестиционного сотрудничества.

Существенным фактором продвижения партнёрства стало заключение Договора о стратегическом партнёрстве, который создал прочную основу для углубления взаимодействия в ключевых секторах экономики.

На сегодняшний день в активной фазе находятся многочисленные совместные проекты в сферах энергетики, транспорта, рационального использования водных ресурсов, химической промышленности, аграрного сектора и текстильной индустрии. Одновременно значительное внимание уделяется развитию сотрудничества в приграничных районах, созданию новых производственных кластеров и формированию логистических узлов.

В этом контексте особое место занимает планируемый запуск приграничной торговой зоны «Шавот–Дашогуз», которая должна придать дополнительный импульс двустороннему экономическому взаимодействию.

Узбекистан и Туркменистан также работают над облегчением таможенных и транзитных процедур, более эффективным использованием транспортных

²⁴⁰ Темиров Ш. Узбекистан–Казахстан: стратегический вектор добрососедства // Central Asian Light. 2023. URL: <https://centralasianlight.org/news/trade-turnover-between-uzbekistan-and-kazakhstan-increased/> (дата обращения: 15.07.2025).

²⁴¹ Kazakhstan, Uzbekistan to Double Mutual Trade to \$10 Billion // The Astana Times. 2024. URL: <https://astanatimes.com/2024/07/kazakhstan-uzbekistan-to-double-mutual-trade-to-10-billion/> (дата обращения: 15.07.2025).

маршрутов, соединяющих Центральную Азию с Персидским заливом, Кавказом и Европой. Потенциал двух государств в сфере транспортно-логистического сотрудничества охватывает расширение автомобильных и железнодорожных направлений, а также совместное использование инфраструктуры туркменских портов на Каспийском море.

Важное место в двусторонней повестке занимает сотрудничество в энергетике и водном хозяйстве. Стороны выступают за ответственное и справедливое обращение с трансграничными ресурсами, исходя из принципов добрососедства и взаимного уважения.

Кардинальное улучшение наблюдается также и в отношениях между Узбекистаном и Кыргызстаном. На протяжении длительного времени отношения между двумя странами осложнялись из-за неурегулированного статуса государственной границы и разногласий по вопросу строительства Камбаратинской ГЭС. Ситуация изменилась в 2017 году, когда 6 октября был подписан Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области реализации проекта строительства Камбаратинской ГЭС – 1 в Ташкенте между ОАО «Национальная энергетическая холдинговая компания» Кыргызской Республики и АО «Узбекгидроэнерго» в рамках государственного визита Президента Кыргызской Республики Алмазбека Атамбаева в Республику Узбекистан. Также были подписаны: Соглашение между Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан о мерах доверия в районе государственной границы и Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Узбекистан о межгосударственном использовании Орто-Токойского (Касансайского) водохранилища в Ала-Букинском районе Джалал-Абадской области Кыргызской Республики. В марте 2021 года, в ходе визита президента Кыргызстана в Узбекистан, страны договорились о совместной разработке проекта Камбаратинской ГЭС-1 и подписали соответствующие соглашения и протокол по поставкам

электроэнергии. Эти шаги стали своего рода «перезапуском» кыргызско-узбекского сотрудничества в гидроэнергетической сфере.²⁴²

В 2021 году было принято решение о включении Узбекистана в совместный инвестиционный проект по Камбаратинской ГЭС, а также о его вкладе в проект CASA-1000, что стало первым в регионе примером реального координированного ответа на проблему трансграничного водопользования.

За последнее десятилетие региональная политика Узбекистана отличается возросшей гибкостью и акцентом на практическое взаимодействие со странами Центральной Азии на базе взаимного уважения и интереса.

В настоящее время Узбекистану удалось выстроить конструктивные и доброжелательные отношения со всеми странами региона, что подтверждается заметными сдвигами в двустороннем сотрудничестве. Принятые инициативы Ташкента нашли поддержку у соседей и послужили основой для создания новой модели регионального взаимодействия. В этом контексте консультативные встречи лидеров стран Центральной Азии выступают действенным механизмом по устранению противоречий и укреплению сотрудничества в соответствии с нормами международного права и принципами взаимного уважения.

Стратегическая цель Ташкента заключается в обеспечении устойчивого развития и стабильности всего региона за счёт комплексного партнёрства, нацеленного на интеграцию усилий в области безопасности, экономики, энергетики и гуманитарных связей. Региональные инициативы Узбекистана становятся основой для выстраивания нового формата сотрудничества между странами, имеющими общие исторические, культурные и цивилизационные корни.

²⁴² Ташкент и Бишкек договорились по Камбаратинской ГЭС-1 // AsiaPlus. 2017. 6 октября. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20171006/tashkent-i-bishkek-dogovorilis-po-kambaratinskoi-ges-1> (дата обращения: 06.07.2025).

2.2 Особенности региональных стратегий Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Туркменистана

Региональная политика Республики Казахстан и её роль в Центральной Азии. Первоначальные ориентиры региональной политики Республики Казахстан были зафиксированы в «Концепции региональной политики Республики Казахстан», утверждённой Постановлением Правительства РК от 9 сентября 1996 года № 1097. Несмотря на то, что документ утратил силу постановлением от 7 декабря 2001 года № 1598, заложенные в нём принципы долгое время оказывали влияние на стратегию страны в отношении соседей по Центральной Азии.²⁴³

Казахстан, являясь крупнейшей по площади и одной из наиболее экономически развитых стран региона, в последние годы всё активнее переосмысливает своё региональное позиционирование. В условиях глобальных трансформаций и санкционного давления на ключевых торговых партнёров, руководство страны стремится к формированию новой экономической модели, в которой важное место отводится углублению сотрудничества с соседними государствами Центральной Азии.²⁴⁴

В рамках политических заявлений президент Касым-Жомарт Токаев подчёркивает необходимость превращения Центральной Азии в «зону устойчивого развития и процветания», особенно с учётом климатических вызовов, роста трансграничной преступности и сложной ситуации в Афганистане.

На протяжении длительного времени Республика Казахстан занимала выжидательную позицию в вопросах углубления регионального сотрудничества, формируя собственную политическую и внешнеэкономическую идентичность преимущественно через призму евразийской интеграции. В условиях низкой

²⁴³ Постановление Правительства Республики Казахстан от 9 сентября 1996 г. № 1097 «О Концепции региональной политики Республики Казахстан (утратило силу)» // Online.zakon.kz.URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006601 (дата обращения: 05.07.2025).

²⁴⁴ Выступление Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева на IV Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, Чолпон-Ата, 21 июля 2022 г. // Акорда. 2022. 21 июля. URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-na-iv-konsultativnoy-vstreche-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-2163148> (дата обращения: 05.07.2025).

кооперации между странами Центральной Азии, Казахстан позиционировал себя как транзитное евразийское государство, выступающее мостом между Россией, Китаем и остальными республиками региона. Одним из символических жестов в этом направлении стало предложение Президента Н. А. Назарбаева в 2014 году переименовать страну в "Казах Елі" («Страна казахов») с целью усиления этнокультурной идентичности и дистанцирования от постсоветского имиджа стран с суффиксом «-стан».²⁴⁵

Однако с середины 2010-х годов наблюдается существенный сдвиг: казахстанское руководство стало всё более отчётливо воспринимать свою страну как неотъемлемую часть Центральной Азии, переосмысливая приоритеты внешней и региональной политики. Как подчёркивается в аналитическом докладе Chatham House "Kazakhstan: Tested by Transition" («Казахстан: испытание «транзитом власти»») (автор главы – Аннет Бор), происходит трансформация восприятия Казахстана как изолированного евразийского игрока в сторону стратегической интеграции с соседними центральноазиатскими государствами.²⁴⁶

К числу ключевых факторов, обусловивших эту трансформацию, относятся:

– Укрепление этнокультурной казахской идентичности, происходящее на фоне демографических и образовательных изменений, а также усиления этнонационалистического дискурса в политическом и медийном пространстве страны. В отличие от предыдущей модели гражданской казахстанской идентичности, основанной на мультиэтничности, в последние годы наблюдается подъём казахского языка, истории и культурных ценностей как основы государственной идеологии;

– Акцент на региональную коннективность, где особую роль играет китайская инициатива «Один пояс – один путь». Казахстан активно инвестирует в инфраструктурные проекты, включая железные дороги, логистические центры,

²⁴⁵ Nazarbaev Floats Renaming Kazakhstan // Radio Free Europe / Radio Liberty. 2014. 7 February. URL: <https://www.rferl.org/a/kazakhstan-name-change-nazarbaev/25256403.html> (дата обращения: 06.12.2025)

²⁴⁶ Bohr A., Brauer B., Gould-Davies N., Kassenova N., Lillis J., Mallinson K., Nixey J., Satpayev D. Kazakhstan Tested by Transition. Chatham House Report. 2019. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2019-11-27-Kazakhstan-Tested-By-Transition.pdf> (дата обращения: 06.07.2025).

автомагистрали и порты сухопутного экспорта, ориентированные на Центральную и Южную Азию. Эти меры направлены на превращение страны в узловой хаб между Востоком и Западом, одновременно способствуя укреплению связей с соседями по региону;

– Изменения во внутривнутриполитическом курсе Узбекистана с 2016 года после прихода к власти Шавката Мирзиёева, сопровождающиеся либерализацией экономики, улучшением торгового климата и готовностью к конструктивному взаимодействию с соседями. Это сформировало новый импульс для регионального сближения, в котором Казахстан рассматривает Узбекистан как ключевого партнёра по торговле и транзиту;

– Общее осознание среди государств Центральной Азии необходимости развития внутренней торговли и кооперации на фоне санкционного давления на Россию, являющуюся для многих стран региона основным экономическим партнёром. На этом фоне акцент смещается с политики импортозамещения в сторону создания региональных производственных цепочек и упрощения таможенно-тарифного регулирования.

Таким образом, Казахстан постепенно переходит от изоляционистского евразийского позиционирования к активной роли в формировании региональной архитектуры Центральной Азии. Этот процесс сопровождается не только внешнеполитическими инициативами, но и внутренними трансформациями, отражающими новую стратегию государственной идентичности и внешнеэкономических приоритетов.

С переходом к новому этапу социально-экономического развития Республика Казахстан столкнулась с необходимостью пересмотра своей экономической модели, долгое время опиравшейся на экспорт нефти, газа и сырьевых ресурсов и поиску новой. Чрезмерная зависимость от углеводородной ренты стала сдерживающим фактором развития в условиях глобальной нестабильности, падения цен на нефть и геоэкономических сдвигов. В ответ на вызовы внешней конъюнктуры казахстанское руководство разработало стратегию построения более индустриализированной и диверсифицированной

экономики, с акцентом на развитие транспортной инфраструктуры, телекоммуникационных сетей и инвестиционных хабов на евразийском пространстве.²⁴⁷

Ключевым шагом в этом направлении стала реализация государственной инфраструктурной программы «Нурлы жол» («Светлый путь»), запущенной в 2014 году, и тесно согласованной с китайской инициативой «Один пояс – один путь». Программа предусматривала масштабное строительство транспортных магистралей, модернизацию автодорог, железнодорожной сети, развитие портов и логистических терминалов.²⁴⁸

Одним из ключевых элементов интеграционной логистики стал транспортный хаб в Хоргосе на границе с Китаем. Здесь создан Международный центр приграничного сотрудничества, а также функционирует сухопутный порт, обеспечивающий транзит китайских товаров в Европу. Параллельно реализуется инфраструктурное развитие портов Актау и Курык на Каспийском побережье, что превращает Казахстан в транзитную страну между Китаем, Южным Кавказом и Европой.²⁴⁹

Значительное внимание также уделено цифровизации логистики. Прокладка оптоволоконных кабелей вдоль магистральных железных дорог и трубопроводов позволила создать телекоммуникационные каналы, обеспечивающие быструю передачу данных в рамках транзитных потоков. Это, в свою очередь, способствует реализации плана превращения Казахстана в цифровой узел Центральной Азии, а также усилению роли в телекоммуникационных проектах в рамках ШОС и ЕАЭС.²⁵⁰

Улучшение транспортной связанности Казахстана с соседями по региону оказало положительное влияние на внутрицентральноазиатскую инфраструктуру. В частности, были модернизированы автодороги и железнодорожные маршруты

²⁴⁷ Токаев Т.К. Казахстан в условиях глобализации // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2009. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kazahstan-v-usloviyah-globalizatsii> (дата обращения: 06.07.2025).

²⁴⁸ Ма Ифэн. Казахстанский проект "Нурлы жол" и китайская инициатива "Один пояс и Один путь": точки сопряжения и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2022. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kazahstanskiy-proekt-nurly-zhol-i-kitayskaya-initsiativa-odin-poyas-i-odin-put-tochki-sopryazheniya-i-perspektivym> (дата обращения: 04.12.2025).

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Там же.

между Казахстаном и Узбекистаном, Таджикистаном, Кыргызстаном. Ожидается, что дальнейшее развитие логистических центров, таких как сухие порты в Туркестанской и Жамбылской областях, будет способствовать росту взаимной торговли и сокращению транзитных временных издержек, что особенно важно в условиях санкционного давления и необходимости перенастройки внешнеэкономических связей.²⁵¹

Таким образом, Казахстан в рамках новой экономической стратегии делает ставку на диверсификацию, логистику, региональную связанность и цифровую инфраструктуру, стремясь сократить зависимость от экспорта нефти и одновременно усилить свою роль как связующего звена между Востоком и Западом.

С приходом к власти в 2016 году Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева начался новый этап в развитии межгосударственных отношений в Центральной Азии. Резкое отступление от протекционистской и изоляционистской политики, проводившейся в период Ислама Каримова, позволило Ташкенту инициировать региональную «оттепель», направленную на деполитизацию, деидеологизацию и либерализацию внешнеэкономических связей с соседями. Одним из первых шагов стало упрощение доступа товаров из стран Центральной Азии на узбекский рынок. Уже в 2017–2018 годах были отменены импортные пошлины на более чем 30 товарных категорий, в том числе продукцию легкой и пищевой промышленности, стройматериалы и сельскохозяйственное сырьё, что позволило резко увеличить товарооборот с Таджикистаном, Кыргызстаном и Казахстаном.²⁵² Такая либерализация стала предпосылкой для запуска новых трансграничных проектов в рамках китайской инициативы «Один пояс – один путь» и позволила странам региона более тесно интегрироваться в транспортно-коммуникационные цепочки между Восточной и

²⁵¹ Omirgazy D. Kazakhstan Overhauls Railway Infrastructure to Cement Role as Global Transit Hub // The Astana Times. 2025. 19 August. URL: <https://astanatimes.com/2025/08/kazakhstan-overhauls-railway-infrastructure-to-cement-role-as-global-transit-hub/> (дата обращения: 05.07.2025).

Kazakhstan to build 5 border trade and logistics hubs by 2025 // Orient.tm. 2023. 11 February. URL: <https://orient.tm/en/post/46567/kazakhstan-build-5-border-trade-and-logistics-hubs-2025> (дата обращения: 05.07.2025).

²⁵² Landmark megaproject: Kazakhstan and Uzbekistan to be connected via new railroad // PrimeMinister.kz. 2023. 27 November. URL: <https://primeminister.kz/en/news/landmark-megaproject-kazakhstan-and-uzbekistan-to-be-connected-via-new-railroad-26408> (дата обращения: 05.07.2025).

Западной Евразией. В апреле 2019 года Казахстан и Узбекистан подписали меморандум о взаимопонимании по созданию Международного центра торгово-экономического сотрудничества на казахско-узбекской границе, что стало одним из крупнейших шагов межгосударственной торговли. Новый объект должен сыграть роль логистического хаба, аккумулирующего торговлю со странами региона, а также обеспечивать консолидацию и перераспределение товарных потоков.²⁵³

Параллельно с этим Казахстан начал активно продвигать себя как финансовый центр Центральной Азии. Открытие 5 июля 2018 года Международного финансового центра «Астана» (МФЦА), функционирующего на принципах английского права и международного арбитража, стало важным шагом в этом направлении. Учитывая ограниченные инвестиционные ресурсы в регионе, Астана стремится стать банком-инвестором для центральноазиатских инфраструктурных проектов, а также платёжным узлом для трансграничной торговли.²⁵⁴

На фоне этих процессов наблюдается рост взаимной торговли между странами Центральной Азии. Так, на первом Центральноазиатском экономическом форуме, прошедшем в марте 2019 года в Ташкенте, официально заявлено, что только за 2018 год товарооборот Казахстана с другими странами ЦА увеличился на 18,4 % и составил 4,3 млрд. долларов США, по сравнению с 3,6 млрд. в 2017 году.²⁵⁵ Этот рост подтверждает, что либерализация торговой политики, синхронизация региональных транспортных стратегий и усиление доверия между элитами стран ЦА формируют благоприятную среду для институционального и инфраструктурного сближения региона.

²⁵³ Spot.uz. На казахско-узбекской границе планируется создать центр торгово-экономического сотрудничества. — 15.04.2019. — Режим доступа: <https://www.spot.uz/ru/2019/04/15/horgos/> (дата обращения: 04.07.2025).

Review.uz. На границе Узбекистана и Казахстана построят центр торгово-экономического сотрудничества «Центральная Азия». — 15.04.2019. — Режим доступа: <https://review.uz/post/na-granitse-uzbekistana-i-kazahstana-postroyat-tsentr-torgovo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-tsentralnaya-aziya> (дата обращения: 04.07.2025).

²⁵⁴ Asia-Plus. МФЦ «Астана»: рынок в 1 млрд человек и принципы английского права. — 20.07.2018. — Режим доступа: <https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20180720/mfts-astana-rinok-1-milliard-chelovek-polveka-bez-nalogov-i-printsipi-angliiskogo-prava> (дата обращения: 04.07.2025).

²⁵⁵ Central Asian Economic Forum held in Tashkent // PrimeMinister.kz. — 15 March 2019. — Режим доступа: <https://primeminister.kz/en/news/central-asian-economic-forum-held-in-tashkent-17969> (дата обращения: 04.07.2025).

Отношения между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан представляют собой ключевой элемент архитектуры межгосударственного взаимодействия в Центральной Азии. В силу численности населения, географического положения, экономического потенциала и политического влияния, обе страны фактически формируют «двойное ядро» региона, от которого во многом зависит динамика региональной интеграции и устойчивость трансграничного сотрудничества.²⁵⁶

Узбекистан традиционно воспринимался как геополитический центр региона: более 45 % населения Центральной Азии приходится на долю Узбекистана²⁵⁷, а его исторические города Самарканд, Бухара и Ташкент играли ключевую роль в культурно-экономическом развитии всего региона. Тем не менее, после распада СССР именно Казахстан сумел добиться наибольшего успеха в сфере макроэкономической стабилизации, институциональных реформ и привлечения иностранных инвестиций. В результате к 2023 году номинальный ВВП Казахстана в 2,5 раза превышает ВВП Узбекистана, занимая почти две трети от совокупного ВВП региона.²⁵⁸

Несмотря на сохраняющееся доминирование Казахстана в экономике региона, с 2016 года, после смены политического руководства в Узбекистане, наблюдается качественное изменение внешнеэкономической политики Ташкента. Провозглашённый курс на экономическую либерализацию, снятие валютных и таможенных ограничений, упрощение условий ведения бизнеса и реформы банковского сектора делают Узбекистан более привлекательным для инвесторов, что воспринимается в Казахстане как новый вектор конкуренции.²⁵⁹

²⁵⁶ Ионова Е. Развитие отношений Казахстана и Узбекистана как фактор регионализации в Центральной Азии // Россия и новая международная политика. 2018. № 4. С. 132–145. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-4-132-145. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2018_04/17.Ionova.pdf (дата обращения: 05.12.2025).

²⁵⁷ Central Asia's Growing Population and Youthful Workforce are Signs of Economic Vitality, Says Latest Study // The Astana Times. — 21.01.2025. — Режим доступа: <https://astanatimes.com/2025/01/central-asias-growing-population-and-youthful-workforce-are-signs-of-economic-vitality-says-latest-study/> (дата обращения: 04.12.2025).

²⁵⁸ Казахстан и Узбекистан сквозь призму экономики, транспорта, урбанизации и технологий // Zakon.kz. — 15.07.2025. — Режим доступа: <https://www.zakon.kz/ekonomika-biznes/6484306-kazakhstan-i-uzbekistan-skvoz-prizmu-ekonomiki-transporta-urbanizatsii-i-tekhnologiy.html> (дата обращения: 04.12.2025).

²⁵⁹ Bohr A., Brauer B., Gould-Davies N., Kassenova N., Lillis J., Mallinson K., Nixey J., Satpayev D. Kazakhstan Tested by Transition. Chatham House Report. 2019. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2019-11-27-Kazakhstan-Tested-By-Transition.pdf> (дата обращения: 06.07.2025).

В этой связи представители казахстанского истеблишмента подчёркивают важность здоровой экономической конкуренции, особенно в сфере несырьевого производства, где у Узбекистана есть определённые преимущества — дешёвая рабочая сила, индустриальные кластеры, развитое сельское хозяйство. Вместе с тем, многие эксперты не исключают перетока капиталов и инвестиций из Казахстана в Узбекистан, особенно в свете роста делового климата последнего и снижения политических рисков.

Наряду с конкуренцией, государства проявляют всё больше признаков экономической взаимодополняемости. Казахстан экспортирует в Узбекистан нефть, зерно, муку и металлы, в то время как узбекский экспорт в Казахстан состоит преимущественно из удобрений, фруктов и овощей, а также сельскохозяйственного оборудования, автомобильной техники и электроники.

Официальные визиты Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева в Казахстан в марте и апреле 2017 года, а также ответный визит Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева в Ташкент в сентябре того же года стали поворотной точкой в двусторонних отношениях. В рамках этих встреч стороны подписали ряд документов, направленных на интенсификацию сотрудничества в торгово-экономической, транспортной, энергетической и культурно-гуманитарной сферах.²⁶⁰

Одним из значимых шагов стало создание в мае 2017 года 11 промышленных зон в Южно-Казахстанской области, где проживает значительная узбекская диаспора и которая обеспечивает до 30 % от общего объема двусторонней торговли. Эти промышленные зоны стали платформой для совместного производства строительных материалов, текстиля, фармацевтики и сельхозпродукции.²⁶¹

Особое внимание в двустороннем сотрудничестве уделяется энергетике. В 2017 году достигнута договорённость о строительстве нефтепровода Шымкент–

²⁶⁰ Uzbekistan – Kazakhstan: a new stage of cooperation based on historical friendship and strategic partnership // Official Website of the Government of the Republic of Uzbekistan. — 23.03.2017. — Режим доступа: <https://old.gov.uz/en/news/view/9831> (дата обращения: 04.07.2025).

²⁶¹ Новая эра дружбы и сотрудничества между Казахстаном и Узбекистаном начала приносить пользу // Dialog.tj. — 25.05.2017. — Режим доступа: <https://dialog.tj/novaya-era-druzhby-i-sotrudnichestva-mezhdu-kazahstanom-i-uzbekistanom-nachala-prinosit-polzu/> (дата обращения: 04.07.2025).

Джизак, который должен был обеспечить Узбекистану устойчивый импорт нефти, а Казахстану — стабильный экспорт. Проект планировалось реализовать к 2021 году²⁶², однако по состоянию на 2024 год строительство находится в стадии проектно-сметной подготовки.

Укрепление двустороннего взаимодействия оказало мультипликативное влияние на всю Центральную Азию, способствуя запуску более широкого процесса регионального сближения. Политика «оттепели», проводимая Узбекистаном после 2016 года, существенно изменила региональную конфигурацию. Если в прошлом государства Центральной Азии предпочитали форматы с участием внешних акторов, как, например, Россия или Китай, то с появлением устойчивого двустороннего диалога между Астаной и Ташкентом наметилась возможность координации без привлечения внешней силы. Такая трансформация привела к проведению первого в истории неформального саммита лидеров пяти государств Центральной Азии, состоявшегося 15 марта 2018 года в Астане. Встреча не завершилась подписанием коммюнике или официальной декларации, однако главы государств выразили готовность проводить такие саммиты на регулярной основе и учредить пятистороннюю рабочую комиссию на уровне заместителей премьер-министров, отвечающую за координацию усилий в торговле, водопользовании, энергетике и безопасности.

С 2020 по 2025 гг. политический диалог между Казахстаном и Узбекистаном приобрёл устойчивый и институционализированный характер. Регулярные встречи на высшем уровне, включая встречи президентов способствовали укреплению стратегического партнёрства. В декабре 2022 года президенты Шавкат Мирзиёев и Касым-Жомарт Токаев подписали Договор о союзнических отношениях между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан, зафиксировавший приверженность сторон углублению политического взаимодействия и совместному противодействию региональным угрозам. Договор предусматривает углубленное сотрудничество по широкому

²⁶² Казахстан и Узбекистан договорились построить нефтепровод // Forbes.kz. — 03.05.2017. — Режим доступа: https://forbes.kz/articles/kazakhstan_i_uzbekistan_dogovorilis_postroit_nefteprovod/ (дата обращения: 04.12.2025).

спектру направлений — внешняя политика, безопасность, экономика, энергетика, логистика²⁶³

В 2023 году общий объём взаимной торговли между Узбекистаном и Казахстаном достиг 4,4 млрд долл. США, при этом узбекский экспорт составил 1,4 млрд долл., а импорт из Казахстана — 3 млрд долл. В структуре экспорта Узбекистана ключевыми позициями выступили машины и оборудование на 645,3 млн долл., промышленные товары на 200,5 млн долл., продовольственная продукция на 184,0 млн долл., химические вещества на 90,0 млн долл., готовые изделия на 84,5 млн долл., непродовольственное сырьё на 25,1 млн долл., а также услуги, стоимость которых достигла 138,6 млн долл. Импорт из Казахстана включал продовольственные товары на сумму 1,4 млрд долл., промышленные товары на 715,2 млн долл., непродовольственное сырьё на 261,5 млн долл., топливо, смазочные материалы и аналогичную продукцию на 254,4 млн долл., химическую продукцию на 189,1 млн долл., машины и оборудование на 103,4 млн долл., готовые изделия на 28,9 млн долл., а также услуги на 52,6 млн долл.²⁶⁴

В 2023 году состоялись Дни культуры Казахстана в Узбекистане. В рамках Дней культуры были проведены концерты и кинопоказы. Университеты обеих стран реализуют программы академического обмена, увеличилось число совместных научных исследований.

Таким образом, за 2020–2025 гг. казахстанско-узбекское сотрудничество вышло на уровень стратегического взаимодействия, охватывающего ключевые сферы и вносящего вклад в формирование устойчивого регионального порядка в Центральной Азии.

Отношения между Казахстаном и Кыргызстаном традиционно носят характер стратегического партнёрства и союзничества, чему способствуют общие этнокультурные корни, схожесть языков, а также историческая близость. Основой правовой базы двустороннего взаимодействия являются Договор о

²⁶³ Укрепляются союзнические отношения Узбекистана и Казахстана // Официальный сайт Президента Республики Узбекистан. — 22.12.2022. — Режим доступа: <https://president.uz/ru/lists/view/5782> (дата обращения: 04.07.2025).

²⁶⁴ Торговля Узбекистана с Казахстаном за 2023 год: инфографика // Sputnik Казахстан. — 05.04.2024. — Режим доступа: <https://ru.sputnik.kz/20251114/tovarooborot-mezhdu-kazakhstanom-i-uzbekistanom-dostig-3-mlrd---infografika-58755108.html> (дата обращения: 04.12.2025)..

вечной дружбе от 8 апреля 1997 года и Договор о союзнических отношениях в XXI веке от 25 декабря 2003 года, а также более 150 межгосударственных и межведомственных соглашений, регулирующих экономические, социальные и гуманитарные аспекты сотрудничества.²⁶⁵ Казахстан является одним из крупных инвесторов в экономику Кыргызстана. В 2024 году прямые инвестиции из Казахстана в Кыргызстан достигли рекордного уровня — \$113,5 млн. США²⁶⁶

В мае 2022 года Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев совершил официальный визит в Кыргызстан. По итогам визита был подписан ряд ряд межправительственных документов в сферах экономики, торговли, логистики, регионального сотрудничества²⁶⁷

Стороны отметили важность устойчивого роста взаимной торговли, объёмы которой в 2021 году превысили 1 млрд. долларов США. К 2023 году товарооборот достиг 1,5 млрд. долларов, а по итогам 2024 года – 1,7 млрд. долларов США.²⁶⁸ Казахстан экспортирует в Кыргызстан нефтепродукты, продукты переработки зерна, металлы, строительные материалы и фармацевтику. Кыргызстан, в свою очередь, поставляет в Казахстан текстильную продукцию, сельхозтовары и электроэнергию.

Особое внимание стороны уделяют проектам в энергетике и водно-ресурсной сфере. В гуманитарной области Казахстан остаётся одним из крупнейших партнёров Кыргызстана.

²⁶⁵ Договор о союзнических отношениях между Кыргызской Республикой и Республикой Казахстан : (г. Астана, 25 декабря 2003 г.) // Adilet — Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30290197 (дата обращения: 04.12.2025).

Договорно-правовая база сотрудничества Республики Казахстан и Кыргызской Республики [Электронный ресурс] //Посольство Республики Казахстан в Кыргызской Республике. — Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-bishkek/press/article/details/7836> (дата обращения: 04.12.2025).

²⁶⁶ Kyrgyzstan Attracts Record-High Investment from Kazakhstan // The Times of Central Asia. — 06.08.2025. — Режим доступа: <https://timesca.com/kyrgyzstan-attracts-record-high-investment-from-kazakhstan/> (дата обращения: 04.07.2025).

²⁶⁷ Number of bilateral documents signed following official visit of Kazakh President to Kyrgyzstan // Kabar News Agency. — 26.05.2022. — Режим доступа: <https://en.kabar.kg/news/number-of-bilateral-documents-signed-following-official-visit-of-kazakh-president-to-kyrgyzstan/> (дата обращения: 04.12.2025).

²⁶⁸ Объём взаимной торговли между Казахстаном и Кыргызстаном в 2023 году достиг 1,5 млрд долларов США // Информационно-аналитический портал «e-cis.info». — 07.03.2024. — Режим доступа: <https://e-cis.info/news/568/118638/> (дата обращения: 04.07.2025).; В 2024 году взаимный товарооборот Казахстана и Кыргызстана достиг 1,7 млрд долларов США // КТ.KZ — Новости Казахстана. — 11.11.2024. — Режим доступа: https://www.kt.kz/rus/ekonomika/v_2024_godu_vzaimnyy_tovarooborot_kazahstana_i_1377981306.html (дата обращения: 04.07.2025).

Таким образом, в 2020–2025 гг. казахстанско-кыргызские отношения получили новый импульс, приобретя более институционализированный характер. Ожидается дальнейшее укрепление партнёрства, особенно в контексте региональных вызовов, необходимости устойчивого развития и интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и ШОС.

Двусторонние отношения между Республикой Казахстан и Туркменистаном опираются на прочную нормативно-правовую базу, включающую около 80 двусторонних соглашений, регулирующих сотрудничество в различных сферах. Среди ключевых документов выделяются Декларация о развитии дальнейшего сотрудничества между Республикой Казахстан и Туркменистаном от 1997 года и Договор о стратегическом партнёрстве между Республикой Казахстан и Туркменистаном от 2017 года.²⁶⁹

Регулярные контакты на высшем уровне демонстрируют устойчивую заинтересованность сторон в интенсификации политического диалога и активизации экономического взаимодействия. В 2021 году Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев посетил Туркменистан с официальными и государственными визитами, подтвердив стратегический характер двусторонних отношений. В частности, в рамках его государственного визита в Ашхабад в октябре 2021 года было подписано 20 документов, включая важнейший Договор о делимитации казахстанско-туркменской государственной границы и разграничении смежных участков рыболовных зон на Каспийском море.²⁷⁰

Кроме того, в ходе встреч были согласованы дальнейшие шаги по расширению сотрудничества в таких отраслях, как транспорт и транзит, сельское хозяйство, природоохранная деятельность, наука и культура. Обе стороны выразили готовность к реализации совместных инфраструктурных проектов в

²⁶⁹ Тажибаев А. Транспорт, энергетика и образование: ключевые направления казахско-туркменского сотрудничества // ЕА-Monitor. — 2023. — Режим доступа: <https://ea-monitor.kz/novosti-evraziyskogo-soyuza/transport-energetika-i-obrazovanie-klyuchevye-napravleniya-kazahsko-turkmenskogo-sotrudnichestva/> (дата обращения: 05.12.2025).

²⁷⁰ 20 documents signed following Tokayev's visit to Turkmenistan // Kabar News Agency. — 26.10.2021. — Режим доступа: <https://en.archive.kabar.kg/news/20-documents-were-signed-following-tokayevs-visit-to-turkmenistan/> (дата обращения: 14.07.2025).

рамках Каспийского транспортного маршрута, а также к сотрудничеству в энергетике, включая развитие транзитного потенциала в направлении Ирана через территорию Туркменистана.

Особое значение в укреплении двусторонних связей имел 2022 год, отмеченный 30-летием установления дипломатических отношений между Республикой Казахстан и Туркменистаном. В этом контексте важным событием стал первый государственный визит Президента Туркменистана С.Г. Бердымухамедова в Казахстан, подготовка к которому велась в атмосфере конструктивного взаимодействия сторон.²⁷¹

Эффективной платформой для развития практического сотрудничества выступает Совместная межправительственная туркмено-казахстанской комиссия по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству, деятельность которой позволяет оперативно согласовывать ключевые направления партнёрства. В частности, экономическое взаимодействие демонстрирует устойчивую положительную динамику: в 2021 году объём двустороннего товарооборота достиг 254,3 млн. долларов США, что почти вдвое превысило показатели предыдущего года. В 2023 году общий объём взаимной торговли составил 563 млн. долл., из которых экспорт Казахстана достиг 397,2 млн. , а импорт – 165,9 млн. долл. США. По состоянию на март 2023 года на территории Туркменистана зарегистрировано 53 инвестиционных проекта с участием казахстанских компаний²⁷²

Экономическое взаимодействие двух государств в последние годы демонстрирует устойчивый рост: за 2024, 2025 годы товарооборот превысил 500 млн долларов. Основу торговли составляют нефтегазохимическая продукция, металлургия, сельское хозяйство, строительные материалы и машиностроение.

Существенную роль в развитии экономических связей играет активность бизнес-структур: в Казахстане работают порядка 140 компаний с участием

²⁷¹ Состоялся государственный визит Президента Туркменистана в Республику Казахстан // Министерство иностранных дел Туркменистана. — 17.10.2022. — Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tm/ru/news/3389> (дата обращения: 05.12.2025).

²⁷² Business Turkmenistan. Turkmenistan-Kazakhstan Trade Exceeds \$563M in 2023 // Business.com.tm. – 09.01.2024. – URL: <https://business.com.tm/post/11438/turkmenistankazakhstan-trade-exceeds-563m-in-2023>(дата обращения: 15.07.2025)

туркменского капитала, а общий объём казахстанских инвестиций в экономику Туркменистана превысил 120 млн долларов.²⁷³

Казахстан и Туркменистан заинтересованы в укреплении сотрудничества в транспортно-логистическом секторе и смежных отраслях. На границе обеих стран ведётся работа по соединению автодорожной инфраструктуры, что позволит формировать более быстрые и устойчивые маршруты для транзита. Параллельно обсуждается восстановление авиасообщения, что создаст новые возможности для деловых контактов и мобильности граждан.

Географическое положение двух государств позволяет им выполнять важную функцию связывающего звена на пересечении энергетических и транспортных маршрутов Евразии. Богатые запасы природных ресурсов — нефти, газа, урана и других стратегических материалов — в сочетании с политикой нейтралитета Туркменистана и многовекторностью внешней политики Казахстана формируют благоприятную основу для реализации совместных инициатив.

Именно благодаря этому сочетанию факторов Казахстан и Туркменистан рассматриваются как перспективный логистический и энергетический центр, способный обеспечить связь между Севером и Югом, Востоком и Западом. Развитие мультимодальных коридоров, внедрение цифровых технологий в портах и создание перевалочных площадок на Каспии укрепляют их роль в региональных интеграционных процессах. Такое сотрудничество открывает новые возможности как для самих стран, так и для всего региона — от роста торговли до формирования устойчивого энергетического пространства.

Особую роль играет железнодорожная линия Казахстан–Туркменистан–Иран, которая является ключевым участком коридора Север–Юг. За 2025 года объём перевозок по этому направлению достиг полутора миллионов тонн²⁷⁴. Проводится работа по оптимизации тарифной политики, снижению административных барьеров, модернизации инфраструктуры и стыковке

²⁷³ Казахстан и Туркменистан укрепляют стратегическое партнёрство [Электронный ресурс]. 28 ноя. 2025. URL: <https://e-cis.info/news/568/132366/> (дата обращения: 28.11.2025).

²⁷⁴ Там же.

автодорожных систем Туркменбаши — Гарабогаз — граница Казахстана. Казахстан и Туркменистан договорились в полном объёме использовать возможности портов Актау, Курык и Туркменбаши для расширения контейнерных перевозок.

Энергетика остаётся одним из приоритетов двустороннего взаимодействия. Туркменистан располагает потенциалом для расширения партнёрства в электроэнергетике и химической промышленности, тогда как стратегически значимой сферой сотрудничества остаётся транспорт и логистика, особенно в условиях необходимости активизации коридоров Восток — Запад и Север — Юг.

Эксперты считают, что формирующаяся энергетическая и транспортная кооперация двух стран может стать фундаментом для объединённого экономического пространства Центральной Азии. Сочетание туркменских запасов природного газа и казахстанских возможностей в нефтяной отрасли и транзитной инфраструктуре создаёт уникальные перспективы для регионального развития.

Стороны развивают культурное сотрудничество, включая фестивали, гастроли и совместные мероприятия, а также расширять научно-образовательные и молодёжные связи.

Таким образом, партнерство между Казахстаном и Туркменистаном основывается на взаимном уважении и равноправии, охватывает широкий круг направлений и демонстрирует устойчивую динамику развития. Имеется значительный потенциал для дальнейшего углубления связей как в сфере торговли и транспорта, так и в гуманитарной и культурной областях, что в перспективе может вывести двусторонние отношения на качественно новый уровень.

Казахстан в период с 2020 по 2025 гг. стал все более чётко осознавать себя как неотъемлемую часть Центральной Азии, а не исключительно как связующее звено между постсоветским пространством и другими регионами. Такой сдвиг в восприятии себя внутри регионального контекста совпал с возрастающей тенденцией к углублению сотрудничества между государствами Центральной

Азии, обусловленной как внутренними трансформациями, так и изменениями глобального баланса сил.

Региональный вектор внешней политики Кыргызстана. В последние годы внешнеполитический курс Кыргызской Республики демонстрирует усиленное внимание к углублению сотрудничества со странами Центральной Азии. Одним из ключевых направлений стратегической повестки президента Садыра Жапарова стало развитие всестороннего взаимодействия с ближайшими соседями. Уже в своей инаугурационной речи в 2021 году он обозначил государства региона как приоритетных внешнеполитических партнёров Кыргызстана, подчеркнув важность укрепления региональных связей на фоне глобальных вызовов.

На фоне растущей нестабильности в мировой политике и давления со стороны внешних центров силы (таких как Россия, Китай, США), Бишкек всё более последовательно наращивает региональную кооперацию в рамках форматов, основанных на равенстве и взаимном уважении. Регулярные Консультативные встречи глав государств Центральной Азии стали действенным инструментом укрепления политического доверия и выработки согласованных подходов к решению общих вызовов и угроз.

Одним из подтверждений приоритетного значения регионального вектора в стратегии внешнеполитической деятельности Кыргызстана стало участие Президента Садыра Жапарова в шестой Консультативной встрече лидеров стран Центральной Азии, состоявшейся 9 августа 2024 года в Астане. В своей речи глава государства акцентировал внимание на широком спектре направлений сотрудничества, включая торговлю, инвестиции, инфраструктуру, безопасность, экологию и культурные обмены. Жапаров подчеркнул, что проведение подобных встреч способствует не только укреплению политических связей, но и позволяет координировать усилия по устойчивому развитию региона.²⁷⁵

²⁷⁵ Садыр Жапаров выступил на Консультативной встрече глав государств ЦА/https://24.kg/vlast/301639_sadyir_japarov_vyistupil_nakonsultativnoy_vstreche_glav_gosudarstvtsa/ (Дата обращения 22.10.2024)

В экономическом аспекте президент отметил, что Кыргызстан демонстрирует стабильную динамику развития благодаря привлечению иностранных инвестиций, в том числе в ключевые отрасли, такие как энергетика, горнодобывающая промышленность и транспортно-логистическая сфера. Были упомянуты крупные национальные инфраструктурные проекты, включая строительство гидроэлектростанций, модернизацию дорог и аэропортов, а также реализацию железнодорожной линии «Китай – Кыргызстан – Узбекистан».²⁷⁶ Эта транспортная артерия, по его мнению, обладает стратегическим потенциалом для укрепления транзитной роли Кыргызстана в межрегиональных связях.²⁷⁷

Особое внимание в выступлении было уделено вопросам устойчивого управления водными ресурсами и развитию энергетической кооперации. Жапаров подчеркнул необходимость согласованных действий в рамках ранее заключённого Соглашения от 1998 года о совместном использовании водно-энергетических ресурсов бассейна Нарына и Сырдарьи. Он также отметил значение недавнего межведомственного соглашения с Казахстаном и Узбекистаном по строительству Камбаратинской ГЭС-1, которое открывает путь к будущему межправительственному соглашению о совместной реализации проекта.

Также была озвучена инициатива создания в Бишкеке Регионального центра по продвижению энергоэффективных и ресурсосберегающих технологий, что, по мнению кыргызской стороны, будет способствовать адаптации региона к климатическим вызовам и укреплению энергетической устойчивости.

В продолжение обсуждения вопросов региональной стабильности на встрече Президент Кыргызской Республики подчеркнул важность коллективных усилий по обеспечению безопасности в Центральной Азии. Он заявил, что устойчивый мир в Афганистане рассматривается Бишкеком как ключевой элемент общей безопасности региона. В этой связи Жапаров акцентировал

²⁷⁶ Рахимов Б. А. Реализация международных транспортных проектов в Кыргызстане: перспектива строительства железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-mezhdunarodnyh-transportnyh-proektov-v-kyrgyzstane-perspektiva-stroitelstva-zheleznoy-dorogi-kitay-kyrgyzstan> (дата обращения: 12.07.2025).

²⁷⁷ Там же.

внимание на недопустимости насильственного разрешения конфликтов и необходимости приоритета мирного диалога и дипломатии. По его мнению, именно уважение международного права и принципов Устава ООН должно стать базой всех межгосударственных взаимодействий в регионе.

Одним из приоритетов внешнеполитической стратегии Кыргызстана также является активизация экономической и инфраструктурной интеграции со странами региона. В выступлении Жапарова на пятой Консультативной встрече, прошедшей 14 сентября 2023 года в Душанбе, была подчеркнута необходимость укрепления гуманитарного взаимодействия, культурного и образовательного обмена, а также активизации усилий по развитию общего рынка труда и технологий. Глава государства отметил, что без совместных действий по модернизации пограничной и таможенной инфраструктуры, унификации процедур и сближения национальных законодательств добиться устойчивого экономического роста невозможно.²⁷⁸

В числе практических мер по улучшению трансграничного взаимодействия Жапаров привёл пример открытия двух новых пунктов пропуска на кыргызско-узбекской границе, что позволило существенно облегчить передвижение граждан и повысить торговую активность. По его словам, это стало возможным благодаря политической воле сторон и подтверждает эффективность двустороннего диалога.

Кыргызская сторона также предложила активизировать работу по созданию единой региональной транспортной сети, включая мультимодальные маршруты и современные логистические узлы. По мнению Жапарова, расширение таких коридоров откроет странам Центральной Азии прямой выход к морским портам и усилит их участие в международных торговых цепочках.

В числе приоритетных направлений регионального взаимодействия Президент С. Жапаров особо выделил развитие водно-энергетического сотрудничества. Кыргызстан, являясь верховьем крупных трансграничных рек

²⁷⁸ В Душанбе прошла Пятая консультативная встреча глав государств Центральной Азии. 15 сентября 2023 г. // ECCIS. URL: https://eccis.org/news/26058/v_dushanbe_proshla_pjataja_konsultativnaja_vstrecha_glav_gosudarstv_centralnoj_azii?utm (дата обращения: 04.07.2025).

региона, активно продвигает инициативы, направленные на рациональное использование водных ресурсов. На встрече в Душанбе в 2023 году глава государства подчеркнул, что устойчивое распределение водных и энергетических ресурсов возможно лишь при сохранении баланса интересов всех стран региона. Он напомнил о важности Соглашения от 1998 года между Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном и Таджикистаном об использовании ресурсов бассейна Нарына и Сырдарьи, которое предусматривает координацию водохозяйственной политики на основе взаимных обязательств.²⁷⁹

В этой связи кыргызская сторона выступила с инициативой создания в Бишкеке специализированного Регионального центра по внедрению энергосберегающих и водозэффективных технологий. Как отмечалось, отсутствие прогресса по одному из направлений водной политики в отдельной стране способно повлиять на общее водоснабжение соседей. Ввиду этого Кыргызстан настаивает на комплексном подходе, включающем как национальные меры, так и совместные инвестиционные проекты, направленные на повышение устойчивости водных экосистем региона.

Одновременно глава Кыргызстана призвал партнёров активизировать координацию усилий в борьбе с транснациональными угрозами. Подчёркивая значимость коллективной безопасности, он указал на необходимость создания общего цифрового пространства, способного противодействовать киберугрозам, деструктивной интернет-агитации и информационным манипуляциям. Также в числе приоритетов Жапаров обозначил создание эффективных механизмов предупреждения трансграничной преступности, незаконного оборота наркотиков и экстремистских проявлений. Он отметил, что Кыргызстан рассматривает вопросы региональной безопасности как важнейший компонент своей внешней политики и намерен продолжать работу в рамках существующих и новых платформ сотрудничества.

²⁷⁹ Кудрявцева Т. Встреча глав Центральной Азии. Садыр Жапаров говорил о проблемах водных ресурсов // 24.kg. — 14.09.2023. — Режим доступа: https://24.kg/vlast/275093_vstrecha_glav_tsentralnoy_azii_sadyir_japarov_govoril_oproblemah_vodnyih_resursov/ (дата обращения: 05.12.2025).

Одной из стратегических целей внешнеполитического курса Кыргызской Республики является развитие межгосударственного взаимодействия в рамках Центральной Азии, при этом особое значение придаётся торгово-экономическим связям. По мнению кыргызского руководства, потенциал региона как связующего звена между глобальными торговыми маршрутами Север–Юг и Восток–Запад ещё не реализован в полной мере. Президент С. Жапаров подчёркивает, что развитие транспортной инфраструктуры – ключевой фактор повышения экономической конкурентоспособности стран региона, и Кыргызстан в этом направлении предпринимает шаги по модернизации автомобильных и железных дорог, строительству новых воздушных портов, а также созданию условий для мультимодальной логистики.

Он также отметил важность устранения бюрократических и технических барьеров, мешающих свободному передвижению товаров, услуг и людей в пределах региона. В качестве успешного примера были приведены совместные усилия по открытию дополнительных контрольно-пропускных пунктов между Кыргызстаном и Узбекистаном, что позволило заметно увеличить интенсивность трансграничных связей. В перспективе кыргызская сторона настаивает на унификации таможенных процедур и согласовании единых правил транзита между странами региона.

Кроме того, Кыргызстан подчёркивает необходимость разработки механизмов обеспечения устойчивости логистических цепочек, особенно в условиях глобальной нестабильности и внешних санкционных ограничений. Президент С. Жапаров выразил убеждение, что слаженная транспортная политика и скоординированные меры по снижению логистических издержек позволят существенно повысить привлекательность региона как торгового партнёра.

Таким образом, Кыргызстан стремится к укреплению регионального единства не только на уровне политического диалога, но и через практическое развитие инфраструктурных, энергетических и водных проектов. Сбалансированный и прагматичный подход, реализуемый кыргызским

руководством в последние годы, отражает нацеленность страны на устойчивое и взаимовыгодное сотрудничество со всеми государствами Центральной Азии на основе принципов добрососедства, доверия и равноправия.

Региональная политика Туркменистана. Внешнеполитическая стратегия Туркменистана выстраивается на основе принципа постоянного нейтралитета, получившего международное признание в 1995 году. Эта доктрина определяет принципиальную позицию страны, исключающую участие в военно-политических блоках, а также вмешательство во внутренние дела других государств. Однако нейтралитет не означает изоляционизм: Туркменистан последовательно выстраивает двусторонние связи с соседями по региону в рамках взаимовыгодного и прагматичного партнёрства, особенно в сферах энергетики, транспорта и безопасности.²⁸⁰

Приоритетными направлениями являются политико-дипломатическое взаимодействие, торгово-экономические связи, совместные экологические программы, а также культурно-гуманитарные проекты. Туркменистан активно участвует в разработке подходов к региональной устойчивости через взаимодействие с международными институтами в таких сферах, как энергетика, водные ресурсы, климатическая повестка, культурные обмены и безопасность.²⁸¹

Основу регионального курса Туркменистана составляет политика «открытых дверей» и добрососедства, при этом страна старается избегать участия в интеграционных структурах, таких как ЕАЭС или ОДКБ, и не вступает в межгосударственные альянсы с жёсткими политико-военными обязательствами. Вместо этого приоритет отдается двустороннему взаимодействию.

На государственном уровне подчёркивается, что Туркменистан стремится к укреплению добрососедских отношений, опираясь на общность историко-

²⁸⁰ Мамедов Дж., Мамедов Б. Дж. Концептуальные основы внешней политики Туркменистана как нейтрального государства // Символ науки. – 2024. – № 4-2-3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-vneshney-politiki-turkmenistana-kak-neytralnogo-gosudarstva> (дата обращения: 17.07.2025).

²⁸¹ Бердымухамедов Г. Выступление Президента Туркменистана на Международной конференции высокого уровня «Политика нейтралитета: международное сотрудничество во имя мира, безопасности и развития» (Ашхабад, 12.12.2015 г.) [Электронный ресурс]. — 12.12.2015. — Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tm/en/articles/30> (дата обращения: 05.07.2025).

культурных традиций, многовековых связей между народами и взаимную поддержку.²⁸² Этот подход был чётко озвучен на втором Консультативном саммите лидеров стран Центральной Азии в Ташкенте в ноябре 2019 года, где бывший Президент Гурбангулы Бердымухамедов обозначил ряд стратегических направлений кооперации, включая политическое и гуманитарное взаимодействие, развитие образования, здравоохранения и экономических связей.²⁸³

Особое внимание в рамках регионального диалога Туркменистан уделяет энергетике как стратегически важному направлению. Выступая на неформальной встрече глав государств ЦА в Авазе в августе 2021 года, туркменский лидер подчеркнул важность совместных усилий по созданию региональной архитектуры энергетической безопасности. Им было отмечено, что государства Центральной Азии едины в понимании необходимости укрепления правовых и институциональных основ устойчивого энергетического взаимодействия, направленного как на удовлетворение внутренних потребностей, так и на выход на внешние рынки через международные транспортно-энергетические коридоры.²⁸⁴

Исходя из сложившейся практики и учитывая наличие обширных запасов природного газа, Ашхабад декларирует готовность наращивать экспортные поставки в страны Центральной Азии на прозрачной и взаимовыгодной основе. Такая позиция согласуется с внешнеэкономической стратегией Туркменистана по диверсификации маршрутов экспорта энергоресурсов и способствует укреплению межрегиональной связности.

²⁸² Мирзаханов В. С., Тюльпаков М. В. Доктрина позитивного нейтралитета и внешнеполитические приоритеты постсоветской Туркмении // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. — 2018. — № 3. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-pozitivnogo-neytraliteta-i-vneshnepoliticheskie-prioritety-postsovetskoy-turkmenii> (дата обращения: 17.07.2025).

²⁸³ Вторая консультативная встреча глав государств Центральной Азии (Ташкент, 29 ноября 2019 г.) [Электронный ресурс]. — 2019. — Режим доступа: <https://www.cawater-info.net/library/rus/2-consult-meeting-2019.pdf> (дата обращения: 05.12.2025).

²⁸⁴ Consultative Meeting of the Heads of States of Central Asia was held in Turkmenistan [Электронный ресурс]. — 06.08.2021. — Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tm/en/news/2732> (дата обращения: 05.12.2025).

Одним из ключевых направлений регионального взаимодействия Туркменистана с государствами Центральной Азии выступает энергетическое сотрудничество, прежде всего в газовой и электроэнергетической сферах. Примером эффективной кооперации можно считать регулярные поставки туркменского природного газа в Узбекистан, осуществляемые по трубопроводу, проходящему через территорию обеих стран. Стратегическое значение имеет магистраль Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай, введённая в эксплуатацию в конце 2009 года, которая обеспечила Туркменистану возможность выхода на китайский рынок как одного из крупнейших потребителей голубого топлива в Азии. Газопровод стал не только символом многостороннего партнёрства в энергетической сфере, но и важнейшим элементом энергетической безопасности региона.²⁸⁵

На фоне роста спроса на энергоресурсы Китайской Народной Республики и устойчивого интереса к диверсификации маршрутов поставок, обсуждаются новые проекты, включая альтернативный маршрут газопровода в Китай, который может пройти через Таджикистан и Кыргызстан. Этот вариант потенциально позволит усилить энергетическую взаимосвязанность государств региона, особенно учитывая интерес этих стран к получению транзитных доходов и доступу к инфраструктуре.²⁸⁶

Наряду с газовой отраслью, динамично развивается сотрудничество в электроэнергетике. Энергоблоки Туркменистана, обладают значительным потенциалом генерации и позволяют увеличивать экспорт электроэнергии в сопредельные государства, прежде всего в Узбекистан и Афганистан.

²⁸⁵ Газопровод Центральная Азия – Китай введён в эксплуатацию 14 декабря 2009 года. Газовая отрасль Туркменистана [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Туркменистана. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tm/ru/articles/84> (дата обращения: 05.07.2025).; Маршрут газопровода (Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай) Газопровод Туркменистан — Китай [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Газопровод_Туркменистан_—_Китай (дата обращения: 05.07.2025). Развитие газотранспортной системы Туркменистана за годы независимости [Электронный ресурс] // Официальный сайт Туркменистана. – Режим доступа: <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/55378/razvitiie-gazotransportnoj-sistemy-turkmenistana-za-gody-nezavisimosti> (дата обращения: 05.07.2025).

²⁸⁶ Central Asia–China Gas Pipeline [Электронный ресурс] // Global Energy Monitor. — Режим доступа: https://www.gem.wiki/Central_Asia%E2%80%93China_Gas_Pipeline (дата обращения: 10.07.2025). China Is Reshaping Central Asia’s Energy Sector as Russian Influence Fades [Электронный ресурс] // SOAS China Institute Blog. — Режим доступа: <https://blogs.soas.ac.uk/china-institute/2025/05/20/china-is-reshaping-central-asias-energy-sector-as-russian-influence-fades> (дата обращения: 10.07.2025).

Туркменская сторона последовательно выражает готовность участвовать в создании единой региональной энергетической системы, обеспечивающей устойчивую передачу электроэнергии между странами ЦА и потенциально способной интегрироваться в более широкие международные проекты, такие как CASA-1000.²⁸⁷

Транспортная инфраструктура также остаётся стратегическим направлением межгосударственного взаимодействия. Туркменистан придаёт большое значение развитию мультимодальных транспортных маршрутов, в частности международных коридоров «Север – Юг» и «Восток – Запад», проходящих через его территорию. Эти маршруты связывают Центральную Азию с рынками Ближнего Востока, Европы и Южной Азии, укрепляя экономическую взаимозависимость стран региона. Согласно официальным документам, Туркменистан рассматривает себя как естественное транзитное звено в евразийской транспортной системе и выступает за консолидацию усилий по снятию барьеров на пути свободного перемещения грузов и пассажиров.²⁸⁸

В рамках вышеуказанного подхода Ашхабад активно продвигает инициативу по строительству трансрегиональных инфраструктурных объектов, включая автомобильные и железные дороги, мосты и сопутствующую логистическую инфраструктуру. В числе обсуждаемых направлений — создание новых железнодорожных участков в сторону Афганистана, Ирана и Каспийского побережья, а также модернизация действующих узлов и переходов с Узбекистаном и Казахстаном.²⁸⁹

²⁸⁷ The Current State of the Electric Power Industry in Turkmenistan [Электронный ресурс] // News Central Asia. — Режим доступа: <https://www.newscentralasia.net/2022/09/05/the-current-state-of-the-electric-power-industry-in-turkmenistan> (дата обращения: 10.07.2025).

²⁸⁸ Kazakhstan, Iran, Turkmenistan and Russia to Develop North–South Transport Corridor [Электронный ресурс] // The Times of Central Asia. — Режим доступа: <https://timesca.com/kazakhstan-iran-turkmenistan-and-russia-to-develop-north-south-transport-corridor> (дата обращения: 10.07.2025).; Туркменистан как ключевой логистический узел Евразии [Электронный ресурс] // News Central Asia. — Режим доступа: <https://www.newscentralasia.net/2025/03/27/turkmenistan-kak-klyuchevoy-logisticheskiy-uzel-yevrazii> (дата обращения: 10.07.2025).; Transport [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Туркменистана. — Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tm/ru/transport> (дата обращения: 10.07.2025).

²⁸⁹ Kazakhstan, Iran, Turkmenistan and Russia to Develop North–South Transport Corridor [Электронный ресурс] // The Times of Central Asia. — Режим доступа: <https://timesca.com/kazakhstan-iran-turkmenistan-and-russia-to-develop-north-south-transport-corridor> (дата обращения: 10.07.2025).

В рамках своей региональной политики Туркменистан подтверждает стремление к активному участию в развитии транзитного потенциала Центральной Азии. Одной из ключевых инициатив Ашхабада в этом контексте стало предложение использовать портовые мощности Туркменбаши на Каспийском море в интересах всех стран региона. Туркменистан выступил за проведение анализа и выработку решений по открытию новых международных транспортных маршрутов по направлениям «Центральная Азия – Каспий – Чёрное море» и «Центральная Азия – Ближний Восток». Такие коридоры обеспечивают прямой выход на рынки Восточной Европы и Персидского залива, способствуя диверсификации экспортных возможностей государств региона.²⁹⁰

Относительно вопросов региональной безопасности и устойчивого развития, в рамках своей региональной политики Туркменистан последовательно отстаивает позицию, согласно которой стабильность, добрососедство и взаимопонимание между странами Центральной Азии должны быть краеугольными принципами межгосударственного взаимодействия. Как неоднократно подчёркивалось на высшем уровне, народы региона объединяет общее историко-культурное пространство, многовековые традиции мира и дружбы, что обязывает государства региона совместно укреплять безопасность и стабильность Центральной Азии, рассматриваемой как «общий дом» для всех её народов.

Не меньшую актуальность в повестке регионального взаимодействия Туркменистан придаёт экологическим вопросам, рассматривая устойчивое природопользование как неотъемлемую часть обеспечения региональной безопасности. Среди приоритетов — борьба с опустыниванием, деградацией земель, сохранение ледников и защита биоразнообразия. Особое внимание Туркменистан уделяет судьбе Аральского моря, указывая на необходимость

Туркменистан как ключевой логистический узел Евразии [Электронный ресурс] // News Central Asia. — Режим доступа: <https://www.newscentralasia.net/2025/03/27/turkmenistan-kak-klyuchevoy-logisticheskiy-uzel-yevrazii> (дата обращения: 10.07.2025).

²⁹⁰ Turkmenistan Making Moves to Integrate Into Middle Corridor Trade Routes [Электронный ресурс] // Eurasianet. — Режим доступа: <https://eurasianet.org/turkmenistan-making-moves-to-integrate-into-middle-corridor-trade-routes> (дата обращения: 10.07.2025).; Uzbekistan and Turkmenistan Are Forming a Transport and Transit Tandem [Электронный ресурс] // The Diplomat. — Режим доступа: <https://thediplomat.com/2025/11/uzbekistan-and-turkmenistan-are-forming-a-transport-and-transit-tandem> (дата обращения: 10.07.2025).

выработки согласованных региональных механизмов реагирования. В этом контексте подчёркивается значимость привлечения технической и финансовой поддержки специализированных агентств системы ООН, включая Программу развития ООН (ПРООН), ЮНЕП и Всемирный банк.²⁹¹

Президент Туркменистана не раз акцентировал внимание на достигнутом прогрессе в региональной экологической повестке. Туркменистан предлагает наращивать участие стран региона в этих процессах, одновременно расширяя взаимодействие с глобальными экологическими платформами, включая инициативы по предотвращению изменения климата.

Одним из ключевых направлений внешнеполитического курса Туркменистана остаётся развитие прочных и традиционно дружественных отношений с государствами Центральной Азии. Налаженная практика регулярных контактов между лидерами государств, а также обмен визитами на правительственном и ведомственном уровнях, способствуют последовательному углублению партнёрских связей с акцентом на долгосрочное стратегическое развитие.

Таким образом, региональная политика Туркменистана в Центральной Азии строится на принципах прагматизма, энергетической взаимозависимости и политического нейтралитета. Страна стремится выступать в роли стабильного и предсказуемого партнёра, уклоняясь от острых геополитических столкновений, но при этом демонстрируя готовность к активному экономическому взаимодействию и инфраструктурной кооперации.

Выводы по главе II. Таким образом, проведенный анализ современных политических стратегий государств Центральной Азии демонстрирует устойчивую тенденцию к укреплению регионального взаимодействия и выстраиванию нового формата добрососедства, основанного на принципах взаимного уважения, равноправия и прагматического сотрудничества. Постсоветский период стал временем формирования индивидуальных

²⁹¹ Туркменистан продвигает экологические и водные инициативы [Электронный ресурс] // Terra-News. — Режим доступа: <https://terra-news.ru/news/6310/turkmenistan-prodvigaet-ekologicheskie-i-vodnye-iniciativy> (дата обращения: 10.07.2025).

внешнеполитических моделей для каждой страны региона, что определило специфику их взаимодействия на межгосударственном уровне.

Внешнеполитическая линия Республики Таджикистан сосредоточена на обеспечении энергетической и продовольственной безопасности, развитии инфраструктуры и расширении экономических и гуманитарных связей с соседними государствами. Таджикистан уделяет особое внимание водно-энергетическому сотрудничеству, транспортной связности и устойчивому использованию природных ресурсов, что делает его активным участником региональных инициатив, направленных на комплексное развитие Центральной Азии.

Республика Узбекистан, начиная с 2016 года, продемонстрировала качественно новый подход к региональной политике, основанный на открытости, доверии и добрососедстве. Становление нового уровня двусторонних отношений с Таджикистаном, Кыргызстаном и другими государствами региона позволило активизировать политический диалог, расширить торгово-экономические связи и создать условия для устойчивого водного и энергетического партнёрства.

Республика Казахстан, обладая значительным ресурсным, транспортным и инвестиционным потенциалом, занимает активную позицию в формировании архитектуры регионального сотрудничества. Казахстан продвигает идеи интеграции через инфраструктурные и цифровые проекты, придаёт большое значение развитию гуманитарных связей и академического обмена, а также выступает за институционализацию политического диалога между государствами Центральной Азии.

Кыргызская Республика строит свою региональную стратегию на принципах добрососедства, транспарентности и участия в интеграционных инициативах. Особое внимание уделяется вопросам совместного управления водными ресурсами, развитию энергетики и укреплению транспортных коммуникаций, а также формированию общей образовательной и культурной среды.

Туркменистан, несмотря на приверженность статусу постоянного нейтралитета, активно участвует в региональных инфраструктурных проектах, расширяет экспортные маршруты энергоносителей и демонстрирует готовность к гуманитарному сотрудничеству. Региональная политика страны направлена на укрепление трансконтинентальных связей и продвижение транспортных и энергетических коридоров между Центральной и Южной Азией.

В совокупности политические стратегии государств Центральной Азии подтверждают существование объективных условий для дальнейшего институционального сближения, расширения кооперации и формирования устойчивой региональной системы. Несмотря на различия в подходах, государства демонстрируют готовность к диалогу, практическому взаимодействию и совместной выработке решений по ключевым вопросам региональной повестки в условиях формирующегося полицентричного миропорядка.

ГЛАВА III. ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

3.1 Проблемы конфликтогенности региона Центральной Азии

Взаимоотношения между странами Центральной Азии представляют собой сложный и многослойный комплекс, в котором переплетаются исторические наследия, геополитические интересы и современные вызовы. Несмотря на общее стремление государств региона к укреплению добрососедства и экономического взаимодействия, реалии постсоветского периода выявили ряд глубоко укоренившихся противоречий, проявляющихся в виде пограничных конфликтов, споров по распределению водных и энергетических ресурсов, а также различий в стратегических приоритетах внешней политики.

Одним из наиболее острых аспектов региональной проблематики в последние годы оставались периодические приграничные столкновения, вызванные отсутствием окончательной демаркации границ, что особенно остро ощущалось в отношениях между Кыргызстаном и Таджикистаном, а также Узбекистаном и его соседями. Наряду с этим, значительное напряжение вызывает конкуренция за водные ресурсы, формирующиеся в горах Тянь-Шаня и Памира, где каждая страна преследует собственные интересы в области ирригации, энергетики и сельского хозяйства. В дополнение к этому, разный уровень экономического развития и политической стабильности внутри региона формирует асимметрию интересов и порождает недоверие между участниками.

Актуальность изучения современных внутрирегиональных конфликтов заключается не только в необходимости анализа факторов, провоцирующих напряженность, но и в оценке возможных форматов их урегулирования. Это особенно важно в условиях возросшего интереса внешних акторов к региону и увеличения рисков, связанных с глобальными и региональными кризисами.

Территориальный таджикско-кыргызский конфликт. В 2024–2025 годах Таджикистан и Кыргызстан достигли исторического рубежа — завершения процесса делимитации и демаркации государственной границы, что

ознаменовало собой окончательное урегулирование одного из наиболее острых и длительных приграничных споров в Центральной Азии. Впервые за постсоветский период два государства полностью согласовали все спорные участки границы, что стало результатом многолетних переговоров, дипломатических инициатив, а также политической воли лидеров обеих стран.

По данным официальных источников, к середине 2025 года весь протяжённый участок таджикско-кыргызской границы, составляющий около 972 км был описан, был согласован и зафиксирован в официальных картах, подписанных обеими сторонами. Это стало возможным благодаря активной работе межправительственных комиссий, проведению совместных топографических обследований, а также привлечению независимых экспертов и представителей местных сообществ.

Урегулирование границы. Соглашение было подписано 13 марта 2025 года президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном и президентом Кыргызстана Садыром Джапаровым во время первого официального визита Рахмона в Кыргызстан после конфликта в сентябре 2022 года. С тех пор соглашение было ратифицировано парламентами обеих стран, и пункты пропуска на границе были вновь открыты. Соглашение включает в себя план равного обмена земельными участками и совместного управления и использования водных ресурсов и сооружений, а также обязательство не использовать беспилотники и не размещать тяжёлую военную технику и вспомогательные силы вдоль границы. Соглашение было ратифицировано нижней палатой парламента Таджикистана 18 марта и парламентом Кыргызстана 19 марта.²⁹² Особое внимание уделяется созданию механизмов трансграничного сотрудничества, способствующих доверию между жителями ранее конфликтных территорий. Разрабатываются программы по содействию возвращению переселённых семей, восстановлению разрушенной инфраструктуры и социальному примирению.

²⁹² Kyrgyzstan, Tajikistan: Put Rights at Center of Border Deal. — News Release, 28 March 2025, 03:32 AM EDT [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.hrw.org/news/2025/03/28/kyrgyzstan-tajikistan-put-rights-center-border-deal> (дата обращения: 25.07.2025).

Кроме того, окончательная фиксация границы существенно укрепила международный имидж обеих стран как ответственных и миролюбивых участников региональной политики. Этот шаг получил поддержку со стороны международных организаций, включая ООН, ОБСЕ и ШОС, которые ранее неоднократно призывали к мирному решению конфликта.

Значимость этого события трудно переоценить. Еще два с половиной года назад Таджикистан и Кыргызстан обвиняли друг друга в «стрельбе из всех имеющихся в их распоряжении видов оружия». До последнего вооруженного конфликта в сентябре 2022 года спорными считались более 300 километров границы.

Так как же сторонам удалось завершить вооруженный конфликт с многочисленными жертвами, вернуться к мирному переговорному процессу и оказаться на пороге подписания окончательного соглашения по границе?

Проблема определения государственной границы между Таджикистаном и Кыргызстаном уходит корнями в первые десятилетия XX века и восходит к периоду национально-территориального размежевания, осуществлённого в 1924 году на территории тогдашней Советской Средней Азии. Именно в тот исторический момент были заложены основы современной линии разграничения, которые в силу специфики административного подхода того времени не получили чёткой юридической фиксации. Отсутствие окончательно согласованных границ стало в дальнейшем источником неоднократных противоречий между новыми национальными республиками.

В советский период вопросы, касающиеся разграничения территорий, рассматривались в рамках работы специальных двусторонних комиссий. Однако завершить этот процесс до распада СССР в 1991 году не удалось. Следует подчеркнуть, что даже в период существования общего союзного пространства между республиками не раз возникали локальные столкновения на фоне неопределённости территориального разграничения. Так, в 1974, 1982 и 1989

годах фиксировались случаи напряжённости между жителями сопредельных сёл, что указывает на длительную и устойчивую природу конфликта.²⁹³

Процесс двустороннего согласования линии государственной границы между Таджикистаном и Кыргызстаном продолжался на протяжении более двух десятилетий. Одним из значимых эпизодов стало уточнение ещё 1,11 километра спорной границы, о чём стороны сообщили в рамках регулярных заседаний межгосударственной комиссии. Однако сам переговорный процесс имеет глубокие корни. Первая официальная встреча, посвящённая урегулированию вопросов границы между двумя государствами, состоялась в Бишкеке в 2002 году, а в следующем — в Душанбе. Тем не менее, в обоих случаях сторонам не удалось достичь договорённости по ключевым правовым основаниям разграничения, и переговоры завершились без подписания соответствующих соглашений.

Существенные разногласия возникали из-за расхождения в подходах к источникам правового регулирования. Таджикистан, в своей позиции, опирался преимущественно на документы 1925–1927 годов, утверждённые в рамках законодательства Советского Союза, рассматривая их как легитимную основу современных рубежей. Кыргызстан, в свою очередь, отвергал эксклюзивное использование этих документов и аргументировал свою позицию ссылками на более поздние нормативные акты, включая Алматинскую декларацию от декабря 1991 года, а также документы 1959 и 1989 годов, которые, по мнению кыргызской стороны, более точно отражают существующую этническую и инфраструктурную специфику приграничных территорий.²⁹⁴

²⁹³ Рахнамо А. Таджикиско-кыргызские пограничные конфликты. Кто на самом деле агрессор? — 23 ноября 2022 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/security/20221123/tadzhiksko-kirgizskie-pogranichnye-konflikty-kto-na-samom-dele-agressor> (дата обращения: 25.07.2025).; Раджабзода А. Н. Таджикиско-кыргызский пограничный конфликт: история, предпосылки и проблемы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.facebook.com/groups/1469126009893987/posts/2304631573010089/> (дата обращения: 25.07.2025).

²⁹⁴ Ниязи А. Ш. Ворух – территория таджикско-киргизского раздора. К вопросу о размежевании предвоенного периода (1928–1941). Часть 2 // Россия и мусульманский мир. 2023. № 3 (329). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voruh-territoriya-tadzhiksko-kirgizskogo-razdora-k-voprosu-o-razmezhevanii-predvoennogo-perioda-1928-1941-chast-2> (дата обращения: 11.07.2025).; Хамидов М.Б., Курныкин О.Ю. Национально-территориальное разграничение в Средней Азии в 1920-х гг.: зарождение пограничных споров // Известия АлтГУ. 2023. № 2 (130). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-territorialnoe-razgranichenie-v-sredney-azii-v-1920-h-gg-zarozhdenie-pogranichnyh-sporov> (дата обращения: 11.07.2025)

В последующие годы стороны предпринимали шаги для нахождения компромиссов по отдельным участкам границы. В частности, в 2009 году был заключён договор, предусматривающий аренду Кыргызстаном 275-метрового участка автомобильной дороги Баткен – Исфана, пролегающего по территории Таджикистана, сроком на 49 лет. Также были оформлены договорённости по обеспечению прямого транспортного доступа к таджикскому джамоату Ворух. Однако на практике положения этих соглашений либо не были реализованы, либо нарушались по техническим, правовым и политическим причинам, что вновь порождало недоверие между сторонами и срывало дальнейший прогресс в переговорном процессе.

Продолжительное отсутствие юридически закреплённой и признанной обеими сторонами государственной границы между Таджикистаном и Кыргызстаном стало одной из главных причин роста конфликтного потенциала в приграничных районах. Если ранее локальные инциденты ограничивались бытовыми спорами между жителями сопредельных сёл, то с начала 2010-х годов они всё чаще перерастали в прямые вооружённые столкновения между подразделениями пограничных служб.

Один из первых серьезных эпизодов произошёл в 2014 году, когда в результате применения стрелкового оружия и миномётов были зафиксированы человеческие жертвы. В дальнейшем подобные случаи повторялись. Так, в 2019 году на фоне обострения ситуации в районе Аксай – Ворух вновь произошёл обмен огнём между военнослужащими двух государств, что привело к гибели и ранению лиц с обеих сторон. По итогам инцидента стороны договорились о проведении совместных мероприятий для стабилизации ситуации, однако предпринятые меры не привели к стабилизации обстановки на длительный срок.²⁹⁵

²⁹⁵ РИА Новости. На границе Кыргызстана и Таджикистана произошёл конфликт, есть погибший. — 22 июля 2019. — Режим доступа: <https://ria.ru/20190722/1556775468.html> (дата обращения: 10.07.2025).; CABAR.asia. The road of contention: the authorities of Kyrgyzstan and Tajikistan begin negotiations after a border conflict. — 24.07.2019. — Режим доступа: <https://cabar.asia/en/the-road-of-contention-the-authorities-of-kyrgyzstan-and-tajikistan-begin-negotiations-after-a-border-conflict> (дата обращения: 10.07.2025).

В попытке снизить напряжённость не удалось достичь. Проблема, по-прежнему, оставалась в конкуренции за ограниченные водные ресурсы, пастбища и пахотные земли, доступ к которым являлся жизненно важным для местных общин.

В 2020 году в Кыргызстане произошла смена руководства, и новым президентом стал Садыр Жапаров, а главой Государственного комитета национальной безопасности был назначен Камчыбек Ташиев. В 2021 году Ташиев заявил, что некоторые прежние договорённости по границе «не отвечали интересам Кыргызстана»²⁹⁶

Наиболее трагичными эпизодами в истории таджикско-кыргызских противостояний стали вооружённые столкновения, произошедшие весной 2021 года и осенью 2022 года. По официальным данным, в апреле–мае 2021 года в результате ожесточённого конфликта с кыргызской стороны погибло 36 человек, а со стороны Таджикистана — 19. Однако через год, в сентябре 2022 года, конфликт оказался ещё более разрушительным: было объявлено о гибели 63 граждан Кыргызстана и 41 жителя Таджикистана.²⁹⁷

Эти события стали отправной точкой для изменения подхода к урегулированию. 16 сентября 2022 года в рамках саммита Шанхайской организации сотрудничества в Самарканде (Узбекистан) состоялась встреча президентов Таджикистана и Кыргызстана — Эмомали Рахмона и Садыра Жапарова. По итогам переговоров было принято решение о немедленном прекращении огня, отводе войск от линии соприкосновения, а также создании совместной комиссии по расследованию обстоятельств конфликта с участием

²⁹⁶ AKIpress. Tajikistan put forward conditions that did not meet interests of Kyrgyzstan: Tashiev on border talks. — 25 April 2021. — Режим доступа: https://akipress.com/news%3A657310%3ATajikistan_put_forward_conditions_that_did_not_meet_interests_of_Kyrgyzstan_Tashiev_on_border_talks/ (дата обращения: 10.07.2025).

²⁹⁷ Eric McGlinchey. The april 2021 Kyrgyz-Tajik border dispute: Historical and Causal Context. — Crossroads, 2021. — Режим доступа: https://www.crossroads-ca.org/wp-content/uploads/2021/07/McGlinchey_EN.pdf (дата обращения: 05.12.2025).; Настоящее Время. Таджикистан официально озвучил число погибших в результате вооружённого конфликта на границе с Кыргызстаном — 19 граждан. — 6 мая 2021. — Режим доступа: <https://www.currenttime.tv/a/tajikistan-kyrgyzstan-border/31240764.html> (дата обращения: 05.12.2025).

руководителей силовых ведомств — Саймумина Ятимова и Камчыбека Ташиева.²⁹⁸

19 сентября 2022 года в ходе их личной встречи был подписан протокол, предусматривающий возвращение военных подразделений к местам постоянной дислокации и гарантии безопасности для населения. В документе подчёркивалось, что выполнение всех пунктов является обязательным для обеих сторон.

В дальнейшем контакты на уровне спецслужб стали регулярными. Уже 14 ноября 2022 года председатель ГКНБ Кыргызстана Камчыбек Ташиев прибыл в Душанбе, где состоялась его встреча с таджикским коллегой. Несмотря на то, что содержание переговоров не разглашалось, стороны подчеркнули дружественный характер диалога и конструктивность достигнутых договорённостей.

Начиная с конца 2022 года, встречи совместной межправительственной комиссии по делимитации и демаркации границы стали проходить чаще. После каждой из них публиковалась информация о согласовании новых участков. Однако в большинстве случаев детали оставались засекреченными. Так, на заседании, прошедшем 2 октября 2023 года в городе Баткен, был подписан Протокол № 44, содержание которого не раскрывалось публично. Тем не менее, глава ГКНБ Таджикистана Саймумин Ятимов отметил, что реализация положений этого документа должна навсегда устранить причины для конфронтации на границе, добавив, что за этим решением стоит политическая воля лидеров двух государств. Со своей стороны, Камчыбек Ташиев подтвердил значимость документа, подчеркнув, что протокол — основа решения любой спорной ситуации.

Таким образом, вторая половина 2022 года ознаменовала собой начало нового этапа в отношениях двух стран — от открытых вооружённых

²⁹⁸ Avesta.tj. Президенты Таджикистана и Кыргызстана договорились о прекращении огня и отводе сил. — 16 сентября 2022. — Режим доступа: <https://avesta.tj/2022/09/16/prezidenty-tadzhikistana-i-kirgizii-dogovorilis-o-prekrashhenii-ognya-i-otvode-sil/> (дата обращения: 10.07.2025).; Fergana.agency. СМИ: Президенты Кыргызстана и Таджикистана на полях саммита ШОС договорились о прекращении огня. — 16 сентября 2022. — Режим доступа: <https://fergana.agency/news/127790/> (дата обращения: 10.07.2025).

столкновений к системной работе по устранению первопричин конфликта и формированию устойчивой архитектуры пограничного взаимодействия.

Фактором, способствовавшим активизации переговорного процесса в 2022–2023 годах стало формирование политической воли и снижение влияния внутреннего давления со стороны радикализированных приграничных сообществ.

Отношения между Республикой Таджикистан и Кыргызской Республикой всегда имели под собой прочную историческую и социокультурную основу. Оба государства на протяжении десятилетий существовали в рамках единой административной и хозяйственной системы, что сформировало устойчивые связи в экономике, транспорте, управлении природными ресурсами и гуманитарной сфере. Даже после обретения независимости Душанбе и Бишкек продолжили сотрудничество, основываясь на совпадающих интересах в ряде региональных инициатив. Разрешение затяжного пограничного конфликта между Республикой Таджикистан и Кыргызской Республикой стало возможным благодаря достижению ряда принципиальных договорённостей.

Таким образом, урегулирование территориального вопроса между Таджикистаном и Кыргызстаном это не только дипломатический успех, но и важный вклад в долгосрочную стабильность Центральной Азии. Данный прецедент может служить моделью для других стран региона, сталкивающихся с аналогичными пограничными вызовами, а также свидетельством того, что даже самые сложные и затяжные споры могут быть решены путём конструктивного диалога и добрососедства.

Водная проблематика во взаимоотношениях стран Центральной Азии. Ни для кого не секрет, что распад Советского Союза стал причиной возникновения и обострения многих проблем на постсоветском пространстве. Одной из таких проблем и стал вопрос о совместном использовании трансграничных водных ресурсов Средней Азии республиками региона. Не продумав все нюансы и детали, представители республик поспешно согласились и подписали договоры о продолжении соблюдения советской системы водопользования. Однако,

осознание ошибки пришло спустя года два после подписания документов, и не все стороны согласились пересмотреть соглашения. Это в свою очередь приводило к обострению региональных отношений по водному вопросу. Странам региона пришлось адаптироваться и подписывать дополнительные двусторонние и многосторонние соглашения, чтобы решать возникающие конфликты или же попытаться избежать их. История показала, что добиться этого странам все-таки не удалось. Конфликты то обострялись, то консервировались, но решения так и не находили.

Наиболее остро в водной сфере Центральной Азии ощущается тот факт, что проблема трансграничных ресурсов не ограничивается лишь сферой мелиорации, а напрямую связана с вопросами производства гидроэнергии. В основе конфликта — несбалансированное распределение водных и топливно-энергетических ресурсов между странами региона. В результате этого сформировались два условных блока: государства с преимущественным водным потенциалом (Таджикистан и Кыргызстан) и страны, зависящие от орошения, но обладающие значительными запасами нефти и газа (Узбекистан, Туркменистан, Казахстан). После распада СССР экономические и экологические взаимозависимости, ранее регулируемые центром, стали причиной новых противоречий: энергетически богатые государства стали остро нуждаться в стабильных водных поставках, тогда как страны-источники столкнулись с энергетическим дефицитом, необходимым для эксплуатации водной инфраструктуры.²⁹⁹

Особенно важно подчеркнуть, что именно проблема водных ресурсов вышла на первый план, поскольку большая часть речного стока региона образуется в верховьях. Так, порядка 64–65% общего объема водных ресурсов

²⁹⁹ Шарипов А. Н., Назаров Б. Б. Роль водной дипломатии Республики Таджикистан в решении общих проблем современного мира // Вестник науки. 2025. № 5 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vodnoy-diplomatii-respubliki-tadzhikistan-v-reshenii-obshchih-problem-sovremennogo-mira> (дата обращения: 09.07.2025).; Каюмов Н. К. К вопросу об обеспечении водноэнергетической безопасности Таджикистана в условиях глобализации мирового хозяйства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 2 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-obespechenii-vodnoenergeticheskoy-bezopasnosti-tadzhikistana-v-usloviyah-globalizatsii-mirovogo-hozyaystva> (дата обращения: 09.07.2025).

формируется на территории Таджикистана³⁰⁰ Однако наибольшая доля потребления распределяется между странами нижнего течения.

Несмотря на то, что именно республики ирригационного блока остаются крупнейшими потребителями водных ресурсов, они регулярно сталкиваются с нехваткой воды, особенно в засушливые годы. До недавнего времени представители этих стран нередко обвиняли Таджикистан и Кыргызстан в создании искусственного дефицита. В прошлом даже звучали угрозы о возможном силовом решении водного конфликта. Однако приход прагматично настроенных лидеров изменил подход: всё большее внимание уделяется переговорам, заключению двусторонних и многосторонних соглашений, направленных на поиск сбалансированных и устойчивых решений.

Анализ дефицита водных ресурсов в странах нижнего течения Центральной Азии требует не только учета политических амбиций, но и опоры на научные оценки. Одной из ключевых причин водного дефицита в Узбекистане, Туркменистане и Казахстане остается крайне изношенная ирригационная инфраструктура, унаследованная от советской системы мелиорации. Большинство каналов и арыков обладают низкой пропускной способностью и высоким уровнем водопотерь.

Потери происходят на всех этапах транспортировки: часть воды просачивается в почву, часть испаряется в результате высокой температуры, а остаток безвозвратно уходит при орошении полей, особенно хлопка и риса, как наиболее влагозависимых культур.

По мнению специалистов, именно неэффективность этих систем обостряет водный кризис в странах региона, и потому научное сообщество предлагает внедрение современных технологий орошения, включая капельный полив и переход к закрытым системам подачи воды, что позволит минимизировать

³⁰⁰ Мухаббатов, Х. М. Водные ресурсы Таджикистана и проблемы водопользования в Центральной Азии / Х. М. Мухаббатов, доктор географических наук, заведующий отделом географии при Президенте АН Республики Таджикистан. – Режим доступа: <https://ecogofond.kz/wp-content/uploads/2019/09/CA.D.250-Vodnye-resursy-Tadzhikistana-i-problemy-vodopolzovaniya-v-Centralnoj-Azii.pdf> (дата обращения: 10.07.2025).

испарение и утечки³⁰¹ Дополнительную нагрузку на водный баланс региона создают многочисленные малые водохранилища, сооруженные в пустынных зонах стран низовий. Эти объекты создавались как стратегический инструмент, направленный на достижение водной автономии, в условиях усиления зависимости от водных потоков, формирующихся на территории Таджикистана и Кыргызстана. Однако на практике они показали крайне низкую эффективность: значительные объемы воды теряются вследствие просачивания в песчаные и глинистые слои, а также из-за интенсивного испарения под воздействием высоких температур в аридных климатических условиях. Эксперты отмечают, что ежегодные потери воды в этих водохранилищах могут достигать сотен миллионов кубометров, чего было бы достаточно не только для удовлетворения потребностей населения, но и для возобновления водного притока в Аральское море.³⁰²

Пренебрежение рекомендациями научного сообщества по вопросам водопользования в Центральной Азии уже неоднократно приводило к осложнению ситуации в водном секторе. Как показывает практика, к мнению специалистов политики прибегают лишь в моменты, когда обстоятельства вынуждают признать критическую важность научно обоснованных подходов. Один из таких примеров связан с позицией экспертов, предлагавших ещё в начале 2000-х годов включить Афганистан в систему регионального сотрудничества по водному использованию бассейна Амударьи. Однако длительное время Кабул не рассматривался в качестве полноправного участника распределения водных ресурсов региона, несмотря на географическую принадлежность к водосборной системе Амударьи.

Ситуация радикально изменилась в марте 2022 года, когда Афганистан начал реализацию крупного инфраструктурного проекта — строительство ирригационного канала Куштеппа, протяжённостью 285 км. Проект

³⁰¹ Vinokurov E., Ahunbaev A., Chuyev S., Adakhayev A., et al. Efficient Irrigation and Water Conservation in Central Asia// Eurasian Development Bank, 2023. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/375757599_Efficient_Irrigation_and_Water_Conservation_in_Central_Asia (дата обращения: 10.07.2025)..

³⁰² Modernizing Irrigation in Central Asia [Электронный ресурс]. — CAWater-Info. — Режим доступа: <https://www.cawater-info.net/library/eng/modernizing-irrigation-central-asia.pdf> (дата обращения: 10.07.2025).

осуществляется в условиях острого дефицита инженерно-гидротехнической экспертизы и на основе устаревших технических решений, в частности, канал возводится как открытый земляной водопровод в засушливых условиях, что само по себе ведёт к значительным потерям водных ресурсов. Как свидетельствуют данные мониторинга по длине канала произошли масштабные утечки воды, которые образовали большой водоем в пустыне.³⁰³

Дополнительно к этому значительная часть воды, подаваемой по каналу, оседает в грунте, что еще более усугубляет проблему дефицита. Таким образом, научное сообщество вновь оказывается правым в своих оценках, подчеркивая необходимость пересмотра водной политики региона с учётом новых геополитических и инфраструктурных реалий. По сути, вступление Афганистана в активную фазу эксплуатации ресурсов Амударьи нивелирует действие ранее подписанных межгосударственных соглашений по водораспределению, так как Кабул не является стороной этих соглашений. Он вправе опираться исключительно на общие положения международного водного права, позволяющие использовать «справедливую и разумную долю» трансграничного водного ресурса.

В условиях новой реальности, даже при условии сохранения Таджикистаном прежнего объёма поставок воды в страны нижнего течения, нет никаких гарантий, что этот объём достигнет конечных потребителей. Соответственно, Узбекистану, Туркменистану и Казахстану придётся либо адаптироваться к ещё более выраженному водному дефициту, либо, как уже на протяжении десятилетий рекомендуют специалисты, провести модернизацию сельскохозяйственных систем орошения, внедряя водосберегающие технологии и отказываясь от неэффективных форм эксплуатации водных ресурсов.

Преодоление водного кризиса в Центральной Азии в значительной степени зависит от политической решимости руководства стран региона. Советская система водораспределения, несмотря на свою критикуемость, всё ещё может

³⁰³ Satellite images indicate serious accident at Qosh Tepa Canal under construction in Afghanistan [Электронный ресурс] // Asia-Plus. — 18 декабря 2023 г. — Режим доступа: <https://asiaplustj.info/en/news/world/20231218/satellite-images-indicate-serious-accident-at-qosh-tepa-canal-under-construction-in-afghanistan> (дата обращения: 10.07.2025).

лечь в основу новых договорённостей, при условии её глубокого реформирования с учётом современных реалий и национальных интересов всех участников. Одним из наиболее перспективных путей является формирование регионального союза в сфере водных и энергетических ресурсов, по аналогии с Европейским объединением угля и стали, созданного в 1951 году и положившего начало европейской интеграции. Такое объединение могло бы стать платформой для выработки скоординированных решений в области трансграничного водопользования, энергетической кооперации и экологической безопасности.

Следует учитывать, что ещё в советский период была заложена структурная основа для подобной модели. Республика Таджикистан и Кыргызская Республика, обладая благоприятными географическими и климатическими характеристиками, выступают в роли естественных водных хранилищ региона. Их водоёмкие территории находятся преимущественно в горных и скалистых зонах, что позволяет минимизировать инфильтрационные потери и испарение. В то же время, Узбекистан, Казахстан и Туркменистан, располагающие значительными запасами углеводородов, сохраняют статус энергетических доноров региона. Таким образом, исторически сложившееся функциональное разделение труда может быть переформатировано в условиях равноправного партнёрства.

Для устойчивой реализации подобной интеграционной инициативы в новом соглашении необходимо будет зафиксировать ключевые положения. Во-первых, требуется нормативное закрепление принципа сезонного регулирования речных стоков с чёткими правами и обязанностями сторон. Во-вторых, переход к современным методам ирригации, включая капельное орошение и закрытые системы подачи воды, должен быть не рекомендацией, а обязательным условием. В-третьих, введение платного водопользования на основе рыночных механизмов позволит стимулировать рациональное использование водных ресурсов. Как и энергоносители, вода должна рассматриваться как экономический ресурс, подлежащий оплате, с возможностью бартера в эквиваленте электроэнергии или природного газа.

Однако без создания наднациональных институтов такие договорённости не смогут эффективно реализовываться. Ключевым элементом должна стать система управления, включающая Высший координационный орган, Совет министров, а также независимый арбитражный орган — Региональный водный суд. Именно отсутствие последнего до сих пор делает региональные водные организации малоэффективными, несмотря на наличие пунктов о механизмах урегулирования споров. Так, в статье 12 Соглашения о создании Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК) от 18 февраля 1992 года прямо указывается на необходимость разработки в течение года экономической и иной ответственности за нарушение условий соглашения.³⁰⁴

На практике, однако, стороны оказались не готовы к институциональной реализации этих положений. Сегодняшняя реальность и нарастающее напряжение в сфере водопользования диктуют необходимость перехода к юридически обязывающим инструментам и формированию новой региональной архитектуры управления водными и энергетическими ресурсами Центральной Азии.

Афганский фактор в системе угроз для Центральной Азии. Государства Центральной Азии продолжают сталкиваться с широким спектром угроз, оказывающих влияние как на внутреннюю стабильность, так и на региональную безопасность в целом. Современная международная обстановка продемонстрировала, что так называемые «новые вызовы» — такие как международный терроризм, сепаратизм, транснациональный экстремизм (в том числе национального и религиозного характера), нелегальная торговля наркотиками, организованная преступность, контрабанда оружия, миграционные кризисы и техногенные катастрофы — фактически являются давно известными явлениями, однако в условиях глобализации они приобрели трансграничное и системное измерение.

³⁰⁴ Соглашение о создании Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК) — 18 февраля 1992 г. — Режим доступа: https://www.cawater-info.net/library/rus/mc_gl.htm (дата обращения: 10.07.2025).

Эти угрозы наиболее остро проявляются в регионах, где отсутствует устойчивая система региональной координации и эффективного взаимодействия между государственными структурами. Центральноеазиатское пространство в данном контексте демонстрирует уязвимость из-за общих границ, этнической пестроты и различий в уровне экономического и институционального развития. Особую обеспокоенность у стран региона вызывает ситуация на южной границе, связанная с Афганистаном, чья нестабильность продолжает рассматриваться в качестве ключевого внешнего источника угроз.

Гражданская война в Афганистане, начавшаяся в 1990-х годах, и военное присутствие США после событий 11 сентября 2001 года стали факторами, усугубившими неопределённость в сфере безопасности в смежных регионах. Хотя в середине 2000-х годов коалиционные силы под руководством США заявляли об устранении террористической угрозы, связанной с движением «Талибан» и группировкой «Аль-Каида», в действительности боевики сумели сохранить ядро своих структур, а позднее — восстановить влияние в отдельных провинциях.

Крах поддерживаемого Западом афганского правительства в августе 2021 года после вывода иностранных военных подразделений вновь актуализировал угрозу проникновения радикальных идей и вооружённых элементов на территорию соседних государств.

Обрушение сектора национальной безопасности в Афганистане привело к дестабилизации южных рубежей Центральной Азии, сделав более сложным формирование полноценного пограничного и антитеррористического взаимодействия с Кабулом. В условиях, когда традиционные институты безопасности в Афганистане прекратили функционировать, странам Центральной Азии — Казахстану, Кыргызстану, Таджикистану, Туркменистану и Узбекистану — приходится самостоятельно выстраивать механизмы реагирования, усиливая

сотрудничество в рамках региональных платформ, таких как ШОС, ОДКБ и двусторонние форматы.³⁰⁵

После вывода международных контингентов США и НАТО в августе 2021 года власть в стране фактически перешла к радикальному движению «Талибан», установившему контроль почти над всей территорией, за исключением отдельного района Пандшерского ущелья. По данным Организации Объединённых Наций, более половины населения страны — свыше 18 миллионов человек — оказались в условиях гуманитарной катастрофы. Инфраструктура разрушена, системы здравоохранения и образования находятся на грани коллапса, а миллионы жителей лишены жилья и средств к существованию.

Для стран Центральной Азии ситуация в Афганистане представляет собой многоплановую угрозу. Опасения вызывает рост религиозного радикализма, возможность трансграничного проникновения экстремистских группировок, распространение этнической нетерпимости, а также нелегальные потоки оружия и наркотиков. С точки зрения республик региона, единственным приемлемым вариантом урегулирования остаётся формирование в Афганистане легитимного, признанного на международном уровне правительства, способного обеспечить контроль над всей территорией государства и прекратить использование её как плацдарма для деструктивных транснациональных сетей.

³⁰⁵ Сафаров С. С. Общие интересы Центральной Евразии как фактор противостояния новым угрозам безопасности: взгляд из Таджикистана // Постсоветский материк. 2014. № 3 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-interesy-tsentralnoy-evrazii-kak-faktor-protivostoyaniya-novym-ugrozam-bezopasnosti-vzglyad-iz-tadzhikistana> (дата обращения: 09.07.2025); Рахимов К. Х. Международно-правовые основы сотрудничества Республики Таджикистан с ШОС в сфере обеспечения безопасности и стабильности в многополярном мире // Постсоветские исследования. 2019. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-osnovy-sotrudnichestva-respubliki-tadzhikistan-s-shos-v-sfere-obespecheniya-bezopasnosti-i-stabilnosti-v> (дата обращения: 09.07.2025); Алиева Р. Р., Раджабова Г. К. Военно-техническое сотрудничество Республики Таджикистан и Российской Федерации в обеспечении региональной безопасности государств Центральной Азии // Society and Security Insights. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-tehnicheskoe-sotrudnichestvo-respubliki-tadzhikistan-i-rossiyskoy-federatsii-v-obespechenii-regionalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 09.07.2025); Хошимов Ф. Д. Роль Республики Таджикистан в решении вопросов безопасности в Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2024. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-respubliki-tadzhikistan-v-reshenii-voprosov-bezopasnosti-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 09.07.2025); Хабибов Ш. С. Российская военная база как гарант безопасности Таджикистана и мира в регионе // Клио. 2025. № 1 (217). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-voennaya-baza-kak-garant-bezopasnosti-tadzhikistana-i-mira-v-regione> (дата обращения: 09.07.2025).

Особую обеспокоенность вызывает рост нищеты, безработицы и социальной маргинализации, создающей питательную почву для вербовки в радикальные структуры. В этом контексте экстремистские организации, действующие в ряде стран Центральной Азии, поддерживают устойчивые связи с зарубежными покровителями, включая элементы, использующие афганскую территорию как транзитный узел для финансирования и логистики. Эта скрытая, но устойчивая инфраструктура напрямую влияет на внутреннюю безопасность таких государств, как Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан.

Без устойчивого и инклюзивного урегулирования ситуации в Афганистане ни одна из стран Центральной Азии не может чувствовать себя в полной безопасности. Региональное сотрудничество, усиление охраны границ, антитеррористическое взаимодействие и международная поддержка гуманитарных программ являются критически важными мерами в условиях сохраняющейся угрозы со стороны афганского пространства.

Одной из наиболее серьёзных и устойчивых угроз остаётся незаконный оборот наркотиков. Афганистан, являясь крупнейшим в мире производителем опиатов, продолжает служить источником наркотрафика, направленного через территорию Центральной Азии в Россию, Китай и Европу. Несмотря на двух десятилетнее военное присутствие сил НАТО и США, объёмы производства опиума в Афганистане не только не сократились, но в ряде лет даже увеличивались.

Проблема афганского наркотрафика. Как свидетельствуют аналитические оценки Управления ООН по наркотикам и преступности, Афганистан продолжает оставаться основным источником нелегального опия на планете. Согласно последним данным, ежегодно в этой стране производится свыше двух третей мирового объёма опиатов, а в 2023 году на её долю приходилось около 78% глобального производства опия-сырца.³⁰⁶ Попытки формирования действенной национальной антинаркотической стратегии в Афганистане, несмотря на внешнюю поддержку, оказались неэффективными. Программа

³⁰⁶ UNODC. World Drug Report 2023. – Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2023. – С. 55–58

афганского правительства, направленная на искоренение посевов опийного мака, в очередной раз продемонстрировала свою неспособность повлиять на реальный объём производства наркотиков.

Динамика последних десятилетий свидетельствует о том, что масштабы производства опиатов в Афганистане демонстрируют устойчивую тенденцию к росту.

Особую тревогу вызывает смещение наркотрафика в сторону северных маршрутов — через территорию Центральной Азии. В последние годы в северных провинциях Афганистана, граничащих с Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном, активно увеличиваются площади, занятые под опийный мак. Здесь же развёртывается инфраструктура минилабораторий, предназначенных для первичной переработки сырья в героин. Рост числа таких объектов, расположенных в непосредственной близости от границ, повышает вероятность масштабной контрабанды в государства региона.

Особую нагрузку в противодействии данному потоку принимает на себя Республика Таджикистан, чья южная граница протяжённостью более 1300 км непосредственно примыкает к афганским провинциям Бадахшан, Тахар и Кундуз. По статистике Агентства по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан, в 2021 году именно на долю этой страны пришлось 46% всего объёма изъятого героина регионе Центральной Азии. Аналогичные показатели сохранялись и в 2023 году, что свидетельствует о стабильной роли Таджикистана как ключевого заслона на пути распространения афганских наркотиков.³⁰⁷

Территория Таджикистана стала одним из направлений транзита наркотиков в страны СНГ и Европы в силу своего геополитического положения.

³⁰⁷ Агентство по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан. Обзор ситуации по наркотическим средствам в Республике Таджикистан в 2023 году [Электронный ресурс]. – Душанбе: АКТ РТ, 2024. – Режим доступа: <https://akn.tj/wp-content/uploads/2024/03/REVIEW%20of%20the%20Situation%20on%20Narcotic%20Drugs%20in%20Tajikistan%20in%202023.pdf> (дата обращения: 15.07.2025).

Таджикистан остаётся ключевым транзитным коридором для наркотиков из Афганистана, наибольшие объёмы изъятий связаны с южным направлением.³⁰⁸

Организованные преступные группировки, действующие вдоль всей линии таджикско-афганской границы, выстроили устойчивую и эффективную сеть взаимодействия. Эти структуры располагают современными средствами связи, вооружением и транспортом, что делает их труднодоступными для подавления с применением обычных пограничных методов. Более того, эти группировки часто используют методы маскировки, вовлекают местное население и имеют прикрытие за счёт коррумпированных связей по обе стороны границы.

Прогнозирование развития наркоситуации в регионе во многом зависит от внутривнутриполитической обстановки в самом Афганистане. Пока экономика страны остаётся в состоянии упадка, а государственные институты неспособны предложить устойчивые альтернативы, афганские фермеры продолжают выращивание опийного мака как основного источника дохода. Экономическая привлекательность нелегальных посевов обусловлена стабильно высокой рыночной стоимостью опиума по сравнению с традиционными аграрными культурами. Даже при наличии агротехнической и финансовой поддержки убедить крестьян перейти на выращивание пшеницы, фруктов или хлопка оказывается крайне затруднительно.

Таким образом, борьба с афганским наркотрафиком в среднесрочной перспективе остаётся приоритетной задачей для Таджикистана и других государств Центральной Азии. Эта борьба требует не только технического и оперативного оснащения силовых структур, но и координации с международными организациями, а также содействия в экономическом восстановлении Афганистана как одного из ключевых факторов устойчивой региональной безопасности.

На протяжении последних десятилетий Афганистан сохраняет статус ведущего в мире производителя и экспортёра опиатов. По данным ООН, свыше

³⁰⁸ Агентство по контролю за наркотиками при Президенте РТ. Обзор ситуации за 2023 год. URL: <https://akn.tj/wp-content/uploads/2024/03/REVIEW%20of%20the%20Situation%20on%20Narcotic%20Drugs%20in%20Tajikistan%20in%202023.pdf> (дата обращения: 15.07.2025).

80% мирового объёма опия поступает именно с его территории, несмотря на то, что нелегальное культивирование мака фиксируется более чем в 50 странах мира. География распространения афганского героина охватывает не только ближайших соседей — Иран, Пакистан, государства Центральной Азии и Россию, но и включает Европу, Китай, Индию, страны Юго-Восточной Азии, а в последние годы — даже Северную Америку и Африканский континент.

Производство и экспорт наркотиков в Афганистане превратились не только в устойчивый теневой бизнес, но и в основной источник финансирования целого спектра вооружённых и радикальных группировок. Среди них — афганское подразделение «Исламского государства» («вилаят Хорасан»), сеть Хаккани, криминальные кланы, а также транснациональные террористические образования, сформированные выходцами из стран Центральной Азии, такие как «Исламское движение Узбекистана» и группировка «Ансарулла».

Был установлен факт, что резкое увеличение наркопроизводства в Афганистане произошло в годы нахождения на его территории Международных сил содействия безопасности (ISAF), созданных в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 1386 от 20 декабря 2001 года. Официальное завершение их миссии состоялось в декабре 2014 года. За этот период, по независимым оценкам, объёмы производства опиатов в стране выросли в десятки раз. Масштабный ввоз химических прекурсоров, таких как уксусный ангидрид, стал важнейшим элементом переработки опия в героин. До 2008 года поставки этих веществ практически не контролировались, что позволило наладить в Афганистане полноценную сеть лабораторий, ориентированных на массовое производство героина.³⁰⁹

Исторические корни афганской наркоэкономики, как утверждают некоторые исследователи, восходят ко временам холодной войны. С начала 1980-х годов есть вероятность, что структуры американских спецслужб, прежде всего ЦРУ, использовали ресурсы опийной торговли для финансирования

³⁰⁹ Производство наркотиков в Афганистане при пребывании ISAF выросло в десятки раз [Электронный ресурс] // Диалог.tj. — Режим доступа: <https://dialog.tj/table/foundation/foundation/proizvodstvo-narkotikov-v-afganistane-pri-prebyvanii-isaf-vyroslo-v-desyatki-raz/> (дата обращения: 15.07.2025).

антисоветских моджахедов³¹⁰. Именно тогда были заложены основы того, что позднее стало наркогосударством. Караваны оружия, направляемые через Пакистан, нередко возвращались с афганским опиумом, перерабатываемым в героин в приграничных районах. Это создало устойчивую логистическую схему, в которой наркотики стали инструментом не только криминального обогащения, но и элементом геополитического влияния.³¹¹

В последние годы культивирование опийного мака в Афганистане оставалось важнейшим индикатором как внутренней нестабильности, так и транснациональной угрозы. С географической точки зрения, наибольшие объёмы производства традиционно приходились на южные и юго-западные провинции — Гильменд, Кандагар, Фарах и Урузган, где находятся как крупнейшие посевные площади, так и основные центры переработки в героин. Эти регионы отличаются слабым присутствием государства, высокой долей безработицы и влиянием вооружённых группировок, получающих прямую финансовую выгоду от контроля над наркотрафиком.

Производство наркотиков остаётся одним из источников финансирования для Движения талибов (ДТ). Движение фактически превратилось в полноценный наркокартель с вертикально интегрированной структурой: талибы участвуют на всех этапах наркопроизводственного цикла — от обеспечения фермеров посевным материалом, удобрениями и инструментами до сбора, переработки и вывоза опиума. Они предоставляют фермерам кредиты на ведение макавого хозяйства, обеспечивают защиту от правительственных сил, а после сбора урожая выкупают сырьё по заранее оговорённой цене. Таким образом, создаётся устойчивая модель зависимости местного населения от теневой экономики, где торговля наркотиками выступает не только как финансовый источник, но и как механизм политического контроля над крестьянством. Как пишет Ванда Фелбаб-Браун «На наркоторговле наживаются Талибан, различные преступные группировки (иногда связанные с правительством), афганская полиция,

³¹⁰ McCoy A. W. The Politics of Heroin: CIA Complicity in the Global Drug Trade / Alfred W. McCoy. — New York: Lawrence Hill Books, 2003. — 710 p. — P.263-267

³¹¹ Ibid. — P.265

различные ополчения, племенная элита и многие бывшие полевые командиры, а ныне правительственные чиновники на разных уровнях афганского правительства. Иногда эти слои, в том числе и те, кто номинально находится по разные стороны конфликта, сильно пересекаются, и между ними существует множество пересечений и связей. Полицейские подразделения, зачастую крайне склонные к злоупотреблениям и криминализированные, облагают наркоторговлю налогами. Местные командиры и влиятельные воротилы в равной степени облагают её налогами и могут владеть маковыми полями или спонсировать их, а также сдавать землю в аренду фермерам, выращивающим мак, и предоставлять микрокредиты на выращивание. Пограничники, например, в аэропорту Кабула, пропускают торговлю наркотиками ради своей доли прибыли от продажи наркотиков.

Обладая широким территориальным влиянием и охватом всей страны, Талибан облагает налогами выращивание, переработку и контрабанду наркотиков; подразделения и члены Талибана принимают непосредственное участие во всех этих аспектах. В разные годы Талибан позволяет своим бойцам отвлекаться от боевых действий, чтобы собирать урожай наркотиков. Талибан также собирает налоги с независимых наркоторговцев и различных преступных группировок, одновременно подавляя другие.

Напротив, отношение «Исламского государства» в Хорасане к наркоэкономике было неоднозначным. Его западное крыло в Герате, ныне в значительной степени пришедшее в упадок, было глубоко вовлечено в наркоторговлю. Его восточное крыло в Нангархаре, как ни странно, стремилось подавить выращивание опиумного мака, несмотря на крайне негативное экономическое воздействие на местное население. Такое отношение соответствовало правлению исключительно с помощью чрезвычайной жестокости, без создания легитимности, основанной на результатах, но это стоило террористической группировке значительного политического капитала.

Измерение объёмов незаконной экономики и любых производных от неё показателей, таких как уровень прибыли, крайне сложно, но, по оценкам, от 20 до

40 процентов доходов Талибана поступает от наркотиков. Эта цифра, вероятно, могла бы быть выше, и это приносит Талибану десятки миллионов долларов ежегодно (возможно, даже до ста миллионов). Важно отметить, что доходы от наркотиков по-прежнему составляют, самое большее, лишь около половины доходов Талибана»³¹²

В социальном плане участие в наркоинфраструктуре становится способом выживания для значительной части афганцев. За работу на маковых плантациях крестьяне и молодёжь получают оплату в размере 4 долларов США в день, что в условиях глубокой бедности воспринимается как единственный источник дохода. Эта экономическая модель позволяет талибам не только сохранять социальную базу, но и наращивать сеть сторонников за счёт вовлечения в нелегальную занятость³¹³.

Контроль над наркотрафиком и маршрутами его движения приобрёл для Талибана такую же стратегическую значимость, как контроль над нефте- и газопроводами для государств-экспортёров ресурсов. Наркобизнес обеспечивает движение не только экономическими ресурсами, но и социальным влиянием, позволяя формировать прочную нелегальную инфраструктуру внутри и за пределами Афганистана.

На практике, иерархия наркорынка строится следующим образом: производители сырья (крестьяне в Афганистане), первичные закупщики, региональные посредники, лаборатории по переработке в героин, международные каналы сбыта, а в финале — система легализации доходов через инвестиционные механизмы, офшорные счета и банки с высоким уровнем конфиденциальности. Такая модель функционирует благодаря размытой грани между легальными финансовыми институтами и теневыми экономическими структурами. В условиях глобализации произошло сближение интересов

³¹² Искандаров К. «Гуманитарная ситуация и проблемы безопасности в Афганистане после прихода к власти движения «Талибан»: взгляд из Таджикистана». // Россия и мир: научный диалог. – 2023. – № 2(8). – С. 142-157. Felbab-Brown V. Drugs, security, and counternarcotics policies in Afghanistan [Электронный ресурс] // Brookings Institution. — 29.10.2020. — Режим доступа: <https://www.brookings.edu/articles/drugs-security-and-counternarcotics-policies-in-afghanistan/> (дата обращения: 15.07.2025).

³¹³ Mansfield D. A State Built on Sand: How Opium Undermined Afghanistan [Электронный ресурс]. — Oxford University Press, 2016. — Режим доступа <https://www.davidmansfield.org/home/index.html> (дата обращения: 15.07.2025).

предпринимательства, теневой экономики, политических элит и силовых ведомств.

Следовательно, прибыль от афганского наркобизнеса аккумулируется в основном в международной финансовой системе, главным образом в банках, зарегистрированных в западных странах или офшорных юрисдикциях.

Система отмыwania денежных средств, полученных от наркоторговли, охватывает обширную глобальную инфраструктуру офшорных финансовых зон. Именно в этих юрисдикциях происходит переплетение интересов транснациональных криминальных синдикатов и крупных коммерческих банков, в том числе западного происхождения. Благодаря законодательной непрозрачности и низкому уровню контроля, эти зоны используются для депонирования так называемых «грязных» капиталов, аккумулированных в результате торговли наркотиками.³¹⁴

Ключевым направлением борьбы с афганской наркоугрозой должно стать разрушение фундаментального механизма «спроса и предложения», поскольку, как и любой товар, наркотики устремляются туда, где за них готовы заплатить наибольшую цену. Следовательно, приоритетом должно стать выявление, пресечение и блокировка финансовых каналов, посредством которых осуществляется циркуляция доходов от наркоторговли. Эти каналы отличаются высокой степенью адаптивности, трансграничности и глубокой интеграцией в глобальные экономические структуры, включая банковскую систему, офшорные юрисдикции и теневые схемы расчётов.

Учитывая масштаб и сложность проблемы, Афганистан в одиночку не способен эффективно противостоять наркоэкономике, укоренившейся в стране. Для этого необходима скоординированная деятельность международных партнёров — спецслужб, органов финансового мониторинга и подразделений по

³¹⁴ Управление ООН по наркотикам и преступности. Illicit Financial Flows resulting from Drug Trafficking and Other Transnational Organized Crimes [Электронный ресурс]. – Вена : UNODC, 2011. – Режим доступа: <https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Studies/Illicit-financial-flows-15March.pdf> (дата обращения: 10.07.2025).;

Управление ООН по наркотикам и преступности. Money Laundering and the Financing of Terrorism [Электронный ресурс]. – Вена : UNODC, 2020. – Режим доступа: <https://www.unodc.org/unodc/money-laundering/index.html> (дата обращения: 10.07.2025).

финансовой разведке таких государств, как США, страны Европейского союза, Россия, а также государств, вовлечённых в наркомаршруты и банковские транзакции наркокапитала.

Особое значение придаётся готовности к реальному сотрудничеству, лишённому политических предвзятостей и двойных стандартов. Борьба с наркоугрозой должна рассматриваться не как элемент международной конкуренции, а как часть коллективной ответственности за глобальную безопасность. Без перехода от деклараций к конкретным совместным действиям, включающим правовую помощь, обмен оперативной информацией и унификацию механизмов блокировки наркокапиталов, рассчитывать на снижение масштабов наркоторговли не представляется возможным.

Многолетняя нестабильность и вооружённые конфликты на территории Афганистана неизбежно формируют целый спектр угроз для соседних государств, прежде всего стран Центральной Азии. Наряду с наркоугрозой, не менее серьёзным вызовом остаётся высокая вероятность трансформации внутренней конфликтной ситуации в Афганистане в региональную плоскость, что обусловлено как географической близостью, так и этнокультурной общностью населения по обе стороны границы. На пространстве Центральной Азии проживают народы, исторически связанные между собой, говорящие на схожих языках и исповедующие ислам, что делает регион особенно уязвимым к трансграничному экспорту радикальных идей и нестабильности.

После обретения независимости в государствах Центральной Азии наметился устойчивый рост религиозной активности населения. Произошло значительное увеличение числа религиозных организаций, мечетей, духовных учебных заведений и паломничеств. Однако одновременно с возрождением традиционных исламских институтов начала набирать силу другая тенденция — радикализация религиозного сознания, активно подпитываемая извне. В результате на территории региона стали действовать нелегальные исламистские движения и экстремистские группировки, часть которых имеет

транснациональные связи и получает поддержку со стороны структур, базирующихся в Афганистане и на Ближнем Востоке.

Формирование альтернативной духовной парадигмы началось ещё в позднесоветский период, когда ислам начал восприниматься как символ сопротивления навязанной сверху социалистической идеологии. Уже в 1980–1990-е годы ислам в регионе стал рассматриваться не только как форма религиозной самоидентификации, но и как политический инструмент, используемый для формирования оппозиционных течений. На фоне снижения влияния традиционных исламских институтов, начиная с конца 1980-х годов в Центральной Азии стали активно проникать идеи исламского радикализма с юга, прежде всего через Афганистан, Пакистан, Иран и Саудовскую Аравию. Недостаточная религиозная грамотность населения, особенно среди молодежи, усугубила ситуацию: новые формы религиозной проповеди, в том числе экстремистского толка, стали восприниматься как аутентичные. Это обстоятельство стало особенно заметным после гражданской войны в Таджикистане (1992–1997 гг.), когда исламистская идеология, интегрированная в оппозиционные силы, обрела в регионе особую значимость.

Ключевым фактором распространения радикальных движений стала активизация деятельности международных террористических организаций, в том числе таких как «Исламское движение Узбекистана», «Ансарулла» и других группировок, состоящих из выходцев из Центральной Азии, но базирующихся на территории Афганистана. Присутствие этих структур в приграничных с Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном провинциях, таких как Бадахшан, Кундуз, Тахар и Баглан, представляет прямую угрозу для безопасности стран Центральной Азии.³¹⁵

³¹⁵ Islamic Movement of Uzbekistan (IMU). Profile and Activities – Kabul : Center for Conflict and Peace Studies, 2014. – Режим доступа: <https://www.files.ethz.ch/isn/185258/0002.pdf> (дата обращения: 16.07.2025); Central Asian Militants Return To Northern Afghanistan // Radio Free Europe/Radio Liberty 2015. – Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/qishloq-ovozi-central-asian-militants-north-afghanistan/27011640.html> (дата обращения: 16.07.2025); Весенцова Е.С. Исламистские организации Центральной Азии // КиберЛенинка [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamistskie-organizatsii-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 16.07.2025).

Афганистан продолжает оставаться идеологическим и логистическим тылом для этих радикальных образований. Не вызывает сомнений и тот факт, что гуманитарные, образовательные и религиозные учреждения, финансируемые из-за рубежа, нередко используются в качестве каналов распространения идеологии радикального ислама. Призывы к «истинному исламу», социальная справедливость и «борьба с коррупцией» используются в радикальной риторике как инструменты вербовки. Эти тенденции подтверждаются статистикой задержаний и ликвидаций экстремистских ячеек в Узбекистане, Казахстане, Таджикистане и Кыргызстане.

После распада Советского Союза в начале 1990-х годов в государствах Центральной Азии усилилось влияние исламского радикализма, что стало следствием ослабления контроля светской власти и расширения возможностей для деятельности экстремистских структур. Активность радикальных элементов в регионе проявлялась неоднократно в различных формах. К наиболее значимым событиям, иллюстрирующим рост исламского экстремизма, можно отнести гражданскую войну в Республике Таджикистан (1992–1997 гг.), военные столкновения в Баткенской области Кыргызстана в 1999–2000 гг. и волнения в узбекском Андижане в мае 2005 года.

Особенно серьёзным вызовом для безопасности региона стали баткенские события, когда вооружённые формирования, связанные с Исламским движением Узбекистана (ИДУ), сформированным из узбекских боевиков, пытались прорваться на территорию Узбекистана через горные районы Таджикистана и Кыргызстана. Руководство этими операциями, по данным правоохранительных органов, осуществлялось Тахиром Юлдашевым, находившимся в Афганистане, а непосредственное командование вел Джума Намангани, бывший полевой командир. Эти события стали настоящим испытанием для молодого кыргызского государства и обозначили региональный характер угрозы.³¹⁶

³¹⁶ Radio Free Europe/Radio Liberty. The Summer of 1999 and the IMU in Kyrgyzstan [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/the-summer-of-1999-and-the-imu-in-kyrgyzstan/30180837.html> (дата обращения: 16.07.2025); Radio Free Europe/Radio Liberty. Central Asian Militants in the Batken Region [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/qishloq-ovozi-central-asian-militants-north-afghanistan/27011640.html> (дата обращения: 16.07.2025).

События в Андижане, произошедшие в мае 2005 года, также вызвали широкий резонанс. Хотя эксперты расходятся в оценке степени влияния исламского фактора, официальные власти Узбекистана обвинили в организации беспорядков радикальные исламские группировки, трактуя мятеж как попытку свержения действующей власти.³¹⁷

Предпосылки к становлению региона как стратегически важного элемента в планах международных исламистских движений существовали задолго до указанных событий. Центральная Азия, расположенная на перекрёстке между Ближним Востоком, Южной Азией, Китаем и Россией, традиционно выполняла роль связующего звена между мусульманскими сообществами этих регионов. Такие города, как Бухара, Самарканд, Андижан, Коканд, а также города юга Казахстана — Шымкент, Туркестан и Тараз — исторически играли роль духовных мест исламского мира. В них находились авторитетные медресе и теологические школы, в значительной степени определявшие религиозную жизнь региона.³¹⁸

Ферганская долина, в силу своей густонаселённости, этнического разнообразия и политической нестабильности, представляет особый интерес для радикальных группировок, стремящихся к созданию на её основе исламского государства, которое в будущем должно стать частью так называемого Всемирного Халифата. Регион находится на стыке границ Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана, и, следовательно, любое обострение ситуации здесь оказывает влияние не только на местные государства, но и на интересы внешних акторов, включая Россию, Китай³¹⁹

³¹⁷Human Rights Watch. “Bullets Were Falling Like Rain”: The Andijan Massacre — May 13, 2005 [Электронный ресурс]. — New York : HRW, 2005. — Режим доступа: <https://www.hrw.org/report/2005/06/06/bullets-were-falling-rain/andijan-massacre-may-13-2005> (дата обращения: 16.07.2025).

³¹⁸Немцева Н. Истоки медресе Средней Азии. — URL: https://www.nemtseva.uz/publications/istoki_medrese_sredney_azii.pdf (дата обращения: 16.07.2025).; A history of Islam in Central Asia // Islam Awareness. — URL: https://www.islamawareness.net/CentralAsia/centralasia_article0002.pdf (дата обращения: 16.07.2025).; Ganiyev A. The Role of Central Asian Scholars in Islamic Civilization // The Light of Islam. — 2022. — URL: https://www.researchgate.net/publication/366466411_THE_ROLE_OF_CENTRAL_ASIAN_SCHOLARS_IN_ISLAMIC_CIVILIZATION_Tarih_va_civilizacia_The_Light_of_Islam_3-son_2022_jil_GANIYEV_AVAZBEK_OYBEKOVICH (дата обращения: 16.07.2025).

³¹⁹Galina M. Yemelianova Radical Islam in the Ferghana Valley // Springer. — URL: https://link.springer.com/content/pdf/10.1057/9781137377388_20.pdf (дата обращения: 16.07.2025).; Ehsan Ahrari

Несмотря на многолетнее доминирование советской светской идеологии, ислам так и не был окончательно вытеснен. Советская система лишь загнала религиозную активность в подполье, но полностью искоренить исламское мировоззрение не смогла. Это и стало причиной быстрого всплеска религиозной активности и распространения исламизма после обретения независимости республиками Центральной Азии.

3.2. Современная трансформация вызовов и угроз безопасности Центральной Азии

Транснациональный терроризм в Афганистане и его влияние на безопасность Центральной Азии: роль ИГИЛ, «Аль-Каиды» и «Талибана». Одним из источников угроз безопасности является терроризм. Афганистан продолжает оставаться ключевым источником этой угрозы для постсоветских государств Центральной Азии. Наибольшую обеспокоенность вызывают действия двух транснациональных экстремистских группировок – «Исламского государства» (ИГИЛ) и «Аль-Каиды». Их деятельность оказывает влияние не только на общую безопасность региона, но и непосредственно на обстановку в северных провинциях Афганистана, граничащих с Центральной Азией.

Формирование ячеек ИГИЛ в Афганистане началось осенью 2014 года. Первоначально на территории Пакистана и восточного Афганистана появились небольшие группы боевиков, приверженцев идеологии так называемого халифата. Основу этих формирований составляли иностранные наёмники – выходцы из Пакистана, арабских стран, Чечни и других регионов Северного Кавказа, а также граждане центральноазиатских государств (таджики, узбеки, киргизы) и китайские уйгуры.³²⁰

На следующем этапе существенную роль в становлении ИГИЛ в Афганистане сыграли радикальные элементы, отколовшиеся от пакистанского

Countering the Ideological Support for HT and IMU: The Case of the Ferghana Valley // George C. Marshall European Center for Security Studies. – URL: <https://www.marshallcenter.org/en/publications/occasional-papers/countering-ideological-support-ht-and-imu-case-ferghana-valley> (дата обращения: 16.07.2025).

³²⁰ United Nations Security Council. Eleventh report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team concerning ISIL, Al-Qaida and associated individuals and entities. – URL: <https://undocs.org/S/2014/770> (дата обращения: 16.07.2025).

Талибана. Ключевым событием, способствовавшим их массовому переходу через границу, стала военная операция «Зарб-е-Азб», начатая вооружёнными силами Пакистана в 2014 году. В ходе кампании значительная часть талибов и связанных с ними террористических группировок была вытеснена из районов Вазиристана и Белуджистана. После бегства в Афганистан многие боевики присягнули на верность лидеру ИГИЛ Абу Бакру аль-Багдади, тем самым обозначив смену своей организационной и идеологической принадлежности.³²¹

Как отмечают аналитики, присутствие ИГИЛ в северо-восточных, северных и западных провинциях Афганистана стало возможным не только в силу вытеснения радикалов из Пакистана, но и в результате предположительных закулисных соглашений между спецслужбами разных стран. В докладе экспертов подчёркивается: «Существуют утверждения, согласно которым весной–летом 2014 года между Межведомственной разведкой Пакистана (ISI) и представителями ЦРУ, а также афганскими и пакистанскими талибами было заключено негласное соглашение о передислокации боевиков. В его рамках «выдавливаемым» из Пакистана группам предоставлялся коридор для отхода на афганскую территорию, в особенности в северные провинции, прилегающие к границам Центральной Азии».³²²

Север Афганистана остаётся уязвимым пространством, используемым транснациональными экстремистскими структурами для консолидации и потенциальной экспансии в сопредельные центральноазиатские страны. Это формирует устойчивый пояс нестабильности вдоль границ Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, что требует от государств региона

³²¹ Felbab-Brown V. Pakistan, Taliban and the Afghan Quagmire [Электронный ресурс] // Brookings Institution. — URL: <https://www.brookings.edu/articles/pakistan-taliban-and-the-afghan-quagmire/> (дата обращения: 25.07.2025).; Felbab-Brown V. Blood and Faith in Afghanistan [Электронный ресурс]. — Washington, D.C.: Brookings Institution, 2016. — URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/2016-Felbab-Brown-Paper-BLOOD-AND-FAITH-VFB.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).; Ahron P., Milton D. IS-Khorasan: Organizational Structure, Ideological Convergence with the Taliban, and Future Prospects [Электронный ресурс] // International Centre for Counter-Terrorism (ICCT). — 2023. — URL: https://pt.icct.nl/sites/default/files/2023-04/Article%201_2.pdf (дата обращения: 25.07.2025).

³²² Taneja K. IS Khorasan, the US–Taliban Deal, and the Future of South Asian Security [Электронный ресурс] // Occasional Papers. — 15.12.2020. — Режим доступа: <https://www.orfonline.org/research/is-khorasan-the-us-taliban-deal-and-the-future-of-south-asian-security> (дата обращения: 30.07.2025).

скоординированного и комплексного подхода к обеспечению приграничной безопасности.

В течение относительно короткого периода присутствия на территории Афганистана группировка ИГИЛ (в частности, её региональное крыло «Вилаят Хорасан») сумела закрепиться и превратиться в одного из ключевых негосударственных вооружённых акторов на афганской арене. По оценке официального представителя МИД Афганистана доктора Мирваиза Балха, это формирование отличается от других террористических структур, таких как движение «Талибан» и «Аль-Каида», рядом характерных особенностей. Прежде всего, ИГИЛ-Хорасан проявляет более агрессивную тактику, демонстрирует способность к финансовой автономии, активно привлекает к своей деятельности образованную молодёжь, действует более прагматично в ряде тактических вопросов, формирует гибкие децентрализованные сети и эффективно использует цифровые технологии, включая интернет-платформы для координации и пропаганды.

Параллельно с волной переброски боевиков из северного Пакистана в Афганистан в зимне-весенний период 2015 года, были организованы логистические коридоры для снабжения вновь прибывших групп. Представители силовых ведомств Афганистана неоднократно заявляли о вероятной причастности пакистанской Межведомственной разведки (ISI) к обеспечению этих перемещений. По словам заместителя председателя нижней палаты афганского парламента Абдула Захира Кадира, транспортировка боевиков осуществлялась с использованием вертолётов без опознавательных знаков. Он, в частности, утверждал, что в январе 2016 года четыре неопознанных вертолёт совершили посадку в провинции Газни, находящейся под контролем ИГИЛ.³²³

Российские военные источники также указывали на высокий уровень организованности логистики ИГИЛ. Так, министр обороны Российской Федерации С. К. Шойгу в 2021 году заявил о «весьма скоординированной

³²³Заместитель спикера Волуси Джирги обвинил Совет национальной безопасности в поддержке ИГ // Afghanistan.ru. 23.11.2015. URL: <https://afghanistan.ru/doc/92004.html> (дата обращения: 18.07.2025).
Замир Кабулов: Деятельность ИГ в Афганистане финансируется из-за рубежа // Afghanistan.ru. 28.04.2016. URL: <https://afghanistan.ru/doc/97215.html> (дата обращения: 18.07.2025).

системе перемещений» боевиков в регионе, подчёркивая их способность к быстрой передислокации, в том числе в направлении северных границ Афганистана и Центральной Азии.³²⁴

Финансовая устойчивость ИГИЛ в Афганистане во многом обеспечивается внешним источником финансирования. По оценкам специального представителя президента РФ по Афганистану Замира Кабулова, около 70% бюджета террористической группировки поступает из-за рубежа, главным образом с Ближнего Востока. Остальные 30% покрываются за счёт преступной деятельности на территории Афганистана, включая участие в наркоторговле и нелегальных экономических схемах.³²⁵

Об обеспокоенности эффективностью снабжения ИГИЛ также заявляли и представители афганского парламента. В частности, Абдул Захир Кадир отмечал, что в провинции Нангархар боевики имели почти всё необходимое вооружение и материальные ресурсы. «Им не хватало только танков и вертолёт, всё остальное у них было», — заявил он, подчёркивая высокий уровень оснащения террористов.³²⁶

Процесс проникновения структур «Исламского государства» (ИГИЛ) в Афганистан не был случайным или стихийным. Напротив, он носил организованный, системный характер и, по мнению ряда аналитиков, сопровождался поддержкой как региональных, так и, возможно, глобальных сил. По этой причине фактор присутствия ИГИЛ-Хорасан на территории Афганистана и его влияние на безопасность Центральной Азии нельзя игнорировать. Вокруг данного вопроса существует множество теорий, касающихся роли внешних акторов в продвижении этой группировки, однако их

³²⁴ Россия поможет Таджикистану в случае угрозы безопасности, заявил Шойгу // РИА Новости. 28.07.2021. URL: <https://ria.ru/20210728/pomosch-1743224455.html> (дата обращения: 16.07.2025).

³²⁵ Казанцев А. А. Кризис в Афганистане: проблемы безопасности России и стран Центральной Азии // Российский совет по международным делам (РСМД). 10.08.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/krizis-v-afganistane-problemy-bezopasnosti-rossii-i-stran-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 18.07.2025).

³²⁶ Заместитель спикера Волуси Джирги обвинил Совет национальной безопасности в поддержке ИГ // Afghanistan.ru. 23.11.2015. URL: <https://afghanistan.ru/doc/92004.html> (дата обращения: 18.07.2025).

подробный анализ выходит за рамки текущего исследования и требует отдельного рассмотрения.

Особенно показателен тот факт, что часть иностранных боевиков, ранее ассоциировавшихся с движением «Талибан» или «Аль-Каидой», перешла под знамёна ИГИЛ. Наиболее ярким примером является «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ), которое в августе 2015 года распространило видеоматериалы, подтверждающие присягу его членов на верность ИГИЛ. Это событие ознаменовало начало нового этапа радикализации и трансформации экстремистских групп, ранее ориентированных на борьбу за региональные цели, в участники глобального джихадистского проекта.³²⁷

Не менее важную роль в продвижении ИГИЛ в северные районы Афганистана сыграли радикальные элементы группировки «Джундулла», которая первоначально формировалась на территории Пакистана и финансировалась из стран Персидского залива, в частности Саудовской Аравии. Частичный переход этой структуры в ряды ИГИЛ способствовал её распространению в провинции Кундуз, а также в уезде Борка провинции Баглан, где в конце 2015 года были зафиксированы боевые действия при участии боевиков, идентифицированных как сторонники ИГИЛ.³²⁸

Афганские власти также связывают повышенное внимание ИГИЛ к северу страны с внешнеполитическими событиями, в частности с началом военной кампании России в Сирии. В октябре 2016 года первый вице-президент Афганистана Абдул Рашид Дустум заявил, ссылаясь на данные разведки, о подготовке ИГИЛ перебросить в северные провинции Афганистана до нескольких тысяч боевиков из Ирака и Сирии. В качестве основного контингента назывались выходцы из государств Центральной Азии – Таджикистана, Узбекистана, Киргизии, – а также из российского Северного Кавказа. Существенную роль в экспансии ИГИЛ на север и восток Афганистана

³²⁷ Казанцев А. А. Кризис в Афганистане: проблемы безопасности России и стран Центральной Азии // Российский совет по международным делам (РСМД). 10.08.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/krizis-v-afganistane-problemy-bezopasnosti-rossii-i-stran-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 18.07.2025).

³²⁸ Из провинции Баглан поступают сообщения о появлении боевиков «Исламского государства» // Afghanistan.ru. 24.11.2015. URL: <https://afghanistan.ru/doc/92050.html> (дата обращения: 18.07.2025)..

продолжают играть именно иностранные боевики. По словам губернатора провинции Кундуз Мохаммада Омара Сафи, на территории области были зафиксированы представители радикальных групп, прибывшие из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Турции, а также Северного Кавказа. Их активность подтверждается как данными местных органов власти, так и полевыми наблюдениями³²⁹

В условиях территориального и политического поражения «Исламского государства» (ИГИЛ) на Ближнем Востоке, в частности в Сирии и Ираке, наблюдается значительное перераспределение интересов данной структуры в сторону Южной и Центральной Азии. Афганистан стал для ИГИЛ своего рода «окном возможностей», где продолжающаяся нестабильность и слабость государственных институтов предоставляют благоприятную среду для создания новой региональной базы, взамен утраченных территорий на Ближнем Востоке.

Специальный представитель Президента Российской Федерации по Афганистану Замир Кабулов неоднократно отмечал, что в ряде северных афганских провинций функционируют тренировочные лагеря боевиков, которые аффилированы с различными международными террористическими сетями. Эти лагеря объединяют представителей ИГИЛ, «Аль-Каиды», талибов, а также этнических боевых формирований, сформированных из выходцев из Центральной Азии, арабских стран, Северного Кавказа и китайских уйгуров.³³⁰

Следует подчеркнуть, что, несмотря на международные обязательства, «Талибан» официально не разорвал связи с «Аль-Каидой». Более того, представители последней не раз подтверждали свою лояльность талибскому руководству, что усиливает тревожность оценки потенциальных угроз в приграничных районах, примыкающих к Центральной Азии.

В глобальной экспертной среде продолжается дискуссия о природе и возможностях перехода части талибов под контроль ИГИЛ. С одной стороны,

³²⁹ В рядах боевиков «Исламского государства» в Кундузе действуют иностранцы // Afghanistan.ru. 11.05.2015. URL: <https://afghanistan.ru/doc/85057.html> (дата обращения: 18.07.2025).

³³⁰ Казанцев А. А. Кризис в Афганистане: проблемы безопасности России и стран Центральной Азии // Российский совет по международным делам (РСМД). 10.08.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/krizis-v-afganistane-problemy-bezopasnosti-rossii-i-stran-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 18.07.2025).

указывается на существующие фундаментальные различия между идеологиями двух движений. Талибы, как последователи ханафитского мазхаба, традиционно придерживаются умеренного исламского подхода, допускающего синтез с местными традициями. Существенным элементом их идентичности остаётся также пуштунский кодекс чести — пуштунвали, который регулирует вопросы чести, долга, гостеприимства и мести и занимает центральное место в общественном устройстве пуштунских племён.

Таким образом, несмотря на отдельные случаи тактического перехода радикальных элементов из «Талибана» в ИГИЛ, значительная идеологическая пропасть между этими движениями ограничивает возможность их полного слияния. Тем не менее, сохраняющееся присутствие ИГИЛ, «Аль-Каиды» и других террористических формирований в северном Афганистане создаёт реальную и продолжительную угрозу для безопасности стран Центральной Азии.

Этнорелигиозный терроризм: анализ современных террористических групп и их мотивов в Центральной Азии.

Республика Таджикистан занимает особое положение в Центральной Азии благодаря уникальному постсоветскому опыту — пережитой гражданской войне 1992–1997 годов, корни которой уходят в политическую фрагментацию общества и религиозную поляризацию. С момента провозглашения независимости государство направляет усилия на стабилизацию внутренней обстановки и консолидацию светской государственности. Тем не менее, уже в XXI веке новые вызовы безопасности приобрели выражение в виде растущей угрозы религиозного экстремизма и терроризма.

Распространение радикальных идеологий среди молодёжи и социально уязвимых групп населения стало следствием дефицита религиозного просвещения и недостаточного понимания сути традиционного ислама. На фоне социально-экономических трудностей в первые годы независимости, в том числе бедности и безработицы, у части молодого населения формировалась

восприимчивость к внешним экстремистским влияниям.³³¹ Именно этим объясняется факт, что десятки граждан Таджикистана в течение 2014–2017 годов выехали в зоны боевых действий на территории Сирии и Ирака для участия в вооружённых конфликтах на стороне радикальных группировок.³³²

Политическое руководство республики осознаёт серьёзность религиозной угрозы. После легализации в начале 1990-х годов Партии исламского возрождения Таджикистана и последующего вооружённого конфликта власти стали крайне настороженно относиться к исламским политическим структурам. Это проявляется в усиленном контроле за деятельностью религиозных объединений, законодательных ограничениях и системной профилактике радикализации.

Одной из форм такой политики стало формирование официального перечня террористических и экстремистских организаций, деятельность которых на территории республики запрещена решением Верховного суда. В частности, 30 марта 2006 года в этот список были включены такие транснациональные структуры, как «Аль-Каида», «Исламское движение Восточного Туркестана», «Туркестанское исламское движение» и движение «Талибан».³³³

11 марта 2008 года последовало официальное признание экстремистским международного движения «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», известного по всей Центральной Азии своей идеологией отказа от светского правления и пропагандой «исламского халифата».³³⁴

К числу наиболее опасных и быстро растущих террористических угроз в стране относится организация «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), официально признанная террористической 14 апреля 2015 года.

³³¹ Рахмонов А.С. Роль и место республики Таджикистан в системе безопасности и противодействия современным нетрадиционным угрозам в ЦАР// Вестник ТГУПБП. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-respubliki-tadjikistan-v-sisteme-bezopasnosti-i-protivodeystvie-sovremennym-netraditsionnym-ugrozam-v-tsar> (дата обращения: 05.04.2024)

³³² Искандаров К.. Афганистан в период правительства национального единства: политические процессы и проблемы безопасности : монография / К. Искандаров. – Душанбе : НАН РТ, 2022. – С.254.

³³³ Там же.

³³⁴ Егоров Е. Н. Исламский радикализм в Центральной Азии: Хизб ут-Тахрир и исламское движение Узбекистана // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. №3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-radikalizm-v-tsentralnoy-azii-hizb-ut-tahrir-i-islamskoe-dvizhenie-uzbekistana> (дата обращения: 10.03.2024).

Кроме того, после провала на парламентских выборах 2015 года, оппозиционная Партия исламского возрождения Таджикистана была запрещена решением суда от 29 сентября 2015 года и признана террористической, что вызвало широкую общественную дискуссию как внутри страны, так и в международной среде.³³⁵

Аналогичным образом, 15 августа 2019 года Высший суд республики признал экстремистским и террористическим политическое объединение «Национальный альянс Таджикистана», сформированное из представителей эмигрантской оппозиции, действующей за пределами страны.³³⁶

Особое место в контексте угроз внутренней стабильности Таджикистана занимает деятельность Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), которая была основана в 1990 году и стала прямым наследником религиозно-политического движения, сформированного под руководством Саида Абдулло Нури. В годы гражданской войны партия заняла активную позицию в рамках Объединённой таджикской оппозиции, сотрудничая с Демократической партией Таджикистана, движениями «Растохез» и «Лали Бадахшон» в стремлении защитить интересы мусульманского населения и добиться широкого политического представительства.

После завершения конфликта и подписания Общего соглашения о мире и национальном согласии в 1997 году, ПИВТ была интегрирована в легальное политическое поле республики и на протяжении почти двух десятилетий играла роль единственной религиозной политической силы в Центральной Азии, легально представленной в парламенте. Однако, несмотря на заметную трансформацию риторики и курса партии в сторону умеренного исламизма, властями республики она продолжала восприниматься как потенциальный источник нестабильности, особенно на фоне усиления региональных террористических угроз.

³³⁵Список террористических и экстремистских организаций, деятельность которых запрещена на территории Республики Таджикистан [Электронный ресурс] // Секретариат по реализации Стратегии противодействия экстремизму и терроризму Республики Таджикистан. — URL: <https://ct-secretariat.tj/ru/background-information/spisok-terroristicheskikh-i-ekstremistskikh-organizatsij-deyatelnost-kotorykh-zapreshchena-na-territorii-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 05.12.2025).

³³⁶ Там же.

Поводом для окончательного запрета партии стало вооружённое выступление 4 сентября 2015 года под руководством генерал-майора Абдухалима Назарзоды, ранее занимавшего пост заместителя министра обороны и имевшего связи с ПИВТ. В результате атаки на арсенал в Варзобском районе погибли люди, включая 9 сотрудников правоохранительных органов. Данные события были официально квалифицированы как попытка государственного переворота, что и стало основанием для признания ПИВТ террористической и экстремистской организацией решением Верховного суда Республики Таджикистан от 29 сентября 2015 года.³³⁷

На протяжении следующих лет значительное число членов партии было привлечено к уголовной ответственности. Дальнейшее развитие событий привело к расширению международной изоляции партии: 14 сентября 2022 года Верховный суд Российской Федерации также признал ПИВТ террористической организацией и запретил её деятельность на территории России.³³⁸

Таким образом, пример ПИВТ наглядно иллюстрирует, каким образом исламские политические движения в условиях постконфликтного Таджикистана могут трансформироваться из легальных оппозиционных сил в объекты государственной безопасности, особенно при наличии признаков вооружённой активности и международных связей с радикальными группировками.

Анализ террористических групп, представляющих угрозу Казахстану, показывает наличие транснациональных связей и идеологических источников, находящихся вне региона. В частности, среди организаций, запрещённых в стране, можно выделить «Хизб ут-Тахрир», Исламское движение Узбекистана, Организацию освобождения Восточного Туркестана, которые поддерживали

³³⁷ Дело таджикского генерала Назарзоды [Электронный ресурс]. — Радио Азаттык. — URL: <https://rus.azattyq.org/a/delo-tajikskogo-general-a-nazarzody/27236512.html> (дата обращения: 16.07.2025). ; Таджикистан: провал государственного переворота [Электронный ресурс]. — Парламентская газета. — URL: <https://www.pnp.ru/in-world/2015/09/10/tadzhikistan-proval-gosudarstvennogo-perevorota.html> (дата обращения: 16.07.2025).

³³⁸ Russia's Supreme Court Bans Islamic Renaissance Party of Tajikistan [Электронный ресурс]. — Radio Free Europe/Radio Liberty. — URL: <https://www.rferl.org/a/russia-supreme-court-bans-islamic-renaissance-tajikistan/32033648.html> (дата обращения: 16.07.2025).

идеологическую и организационную связь с такими глобальными структурами, как «Аль-Каида».³³⁹

Мотивы участия граждан Казахстана в экстремистских группировках разнообразны и связаны не только с религиозными убеждениями, но и с социально-экономическими трудностями, чувством социальной несправедливости, маргинализации и отсутствием перспектив. Это делает уязвимыми отдельные слои населения, особенно молодёжь в сельских и малообеспеченных районах. Некоторые радикализирующиеся граждане ищут не столько религиозного очищения, сколько сообщество, чувство принадлежности и цели в жизни, что и предоставляют экстремистские организации.

Политическая стратегия Казахстана включает акцент на превентивной борьбе с терроризмом и экстремизмом, совершенствовании национальных механизмов противодействия этим угрозам, а также развитию международного сотрудничества с целью укрепления общей региональной безопасности.

Узбекистан в последние десятилетия демонстрирует активную позицию в борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом. В стране сформирован комплексный подход к нейтрализации этнорелигиозных угроз, который включает в себя правовые, просветительские и социальные меры. Особую озабоченность властей вызывает деятельность транснациональных радикальных организаций, таких как «Хизб ут-Тахрир», «Исламское движение Узбекистана», «Ансаруллах» и «Джамаат Ансару Ллах», а также ячейки «Исламского государства» и «Аль-Каиды», вербующие последователей в республике и за её пределами.³⁴⁰

По официальным данным, значительное число узбекистанцев в 2010–2019 гг. выезжали в Сирию, Ирак и Афганистан для участия в боевых действиях на стороне террористических формирований. Власти Узбекистана отмечают, что большинство завербованных лиц были представителями уязвимых социальных групп, в том числе молодёжи, испытывавшей экономические трудности, а также

³³⁹ Борьба с терроризмом и экстремизмом в Казахстане [Электронный ресурс]. — 16 октября 2019 г. — Министерство иностранных дел Республики Казахстан. — URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/589?lang=ru> (дата обращения: 16.07.2025).

³⁴⁰ Егоров Е. Н. Исламский радикализм в Центральной Азии: Хизб ут-Тахрир и исламское движение Узбекистана // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. №3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-radikalizm-v-tsentralnoy-azii-hizb-ut-tahrir-i-islamskoe-dvizhenie-uzbekistana> (дата обращения: 05.07.2025).

недостаточно знакомых с основами ислама. В ответ на эти вызовы с 2017 года реализуется программа возвращения граждан, воевавших за рубежом, и их реабилитации, получившая неофициальное название «Мехр» («Милосердие»).341

Узбекистан выстраивает сбалансированную модель борьбы с этнорелигиозным терроризмом, опираясь на профилактику, реабилитацию и международную кооперацию. Несмотря на сохраняющиеся угрозы, государственная стратегия направлена на снижение уровня радикализации за счёт просвещения, инклюзивности и укрепления традиционных духовных ценностей.

Кыргызстан, как одно из наиболее уязвимых государств Центральной Азии, испытывает существенные угрозы со стороны транснационального этнорелигиозного терроризма, особенно учитывая его географическую близость к нестабильным регионам Афганистана и Ферганской долины, а также социально-экономические проблемы, усиливающие уязвимость населения к радикальной идеологии³⁴². Уже в конце 1990-х – начале 2000-х годов в стране проявилась активность международных джихадистских структур. Наиболее ярко это выразилось в ходе т.н. Баткенских событий 1999–2000 годов, когда боевики Исламского движения Узбекистана (ИДУ) проникли на юг Кыргызстана с

³⁴¹ Farrell W. B., Burnashev R., Azizi R., Babadjanov B. Processes of Reintegrating Central Asian Returnees from Syria and Iraq [Электронный ресурс]. — Special Report No. 498. — United States Institute of Peace, 2021. — URL: https://www.usip.org/sites/default/files/2021-07/sr_498-processes_of_reintegrating_central_asian_returnees_from_syria_and_iraq.pdf (дата обращения: 16.07.2025).; «Узбекистанская модель реабилитации и реинтеграции граждан из зон конфликтов в Сирии и Ираке» [Электронный ресурс] / М. Иванова. — CABAR.asia, 11 апреля 2022. — URL: <https://cabar.asia/ru/uzbekistanskaya-model-reabilitatsii-i-reintegratsii-grazhdan-iz-zon-konfliktov-v-sirii-i-irake> (дата обращения: 16.07.2025).; Repatriation and Reintegration of Children from Uzbekistan Affected by Armed Conflict in Syria and Iraq [Электронный ресурс]. — UNICEF & Правительство Узбекистана, 2019. — URL: https://www.unicef.org/eca/media/36436/file/Repatriation%20and%20reintegration%20of%20children%20from%20Uzbekistan%20affected%20by%20conflict%20in%20Syria%20and%20Iraq_updated%20ENG.pdf (дата обращения: 16.07.2025)..

³⁴² Осмоналиев К., Карагулов А. Исламский фактор во внешней политике центрально-азиатских государств // Журнал центрально-азиатских и евразийских исследований. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-faktor-vo-vneshney-politike-tsentralno-aziatskih-gosudarstv-1> (дата обращения: 12.07.2025).; Бостонкулова М. Т. Политическая ситуация в Центральной Азии и национальная безопасность Кыргызстана // Символ науки. 2015. № 9-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-situatsiya-v-tsentralnoy-azii-i-natsionalnaya-bezopasnost-kyrgyzstana> (дата обращения: 12.07.2025).; Кудаяров К. А. Внутрирегиональные проблемы безопасности Центральной Азии: на примере Кыргызстана // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutriregionalnye-problemy-bezopasnosti-tsentralnoy-azii-na-primere-kyrgyzstana> (дата обращения: 12.07.2025).

территории Таджикистана, захватив заложников и вступив в вооружённое противостояние с вооружёнными силами республики.

С тех пор Кыргызстан системно развивает законодательные, силовые и превентивные меры противодействия терроризму. После событий 2010 года (межэтнические столкновения в Ошской области), вызвавших рост внутренней напряжённости, религиозный фактор стал предметом более пристального контроля. Согласно постановлению Правительства КР от 12 февраля 2013 года, усилены механизмы мониторинга деятельности религиозных организаций и публикаций, с акцентом на борьбу с распространением экстремистских материалов.

Одним из ключевых вызовов для Кыргызстана остаётся распространение салафитских течений и их идеологической подпитки через интернет.

В республике были признаны террористическими и запрещены такие организации, как «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «Джамаат Ансару Ллах», ИДУ, «Исламское государство» и «Аль-Каида».³⁴³

Туркменистан традиционно характеризуется как одно из наиболее закрытых и нейтральных государств Центральной Азии, последовательно реализующее политику невмешательства и строгого внутреннего контроля. Однако, несмотря на официальную позицию о нейтралитете и отсутствии террористической активности, страна не является исключением из числа государств, подверженных угрозам этнорелигиозного экстремизма. Особенно уязвимыми являются приграничные районы, прилегающие к нестабильным зонам Афганистана, а также южные территории страны, где фиксируются отдельные проявления радикализма среди трудовой молодёжи и мигрантов.

Власти Туркменистана с начала 2000-х годов проводят жёсткую политику по недопущению экстремизма, особенно в религиозной среде. Согласно Закону

³⁴³ Список экстремистских организаций, деятельность которых запрещена в Кыргызской Республике [Электронный ресурс] // Институт Омбудсмена КР. — URL: <https://ombudsman.kg/ru/publications/spisok-20-ekstremistskih-organizacij-deyatelnost-kotoryh-zapreshchena-na-territorii> (дата обращения: 16.07.2025).; Prosecutor General's Office publishes list of extremist groups banned in the Kyrgyz Republic [Электронный ресурс]. — 24.kg, 2024. — URL: https://24.kg/english/303860_Prosecutor_Generals_Office_publishes_list_of_extremist_groups_banned_in_KR/ (дата обращения: 16.07.2025).

«О свободе вероисповедания и религиозных организациях» (редакция от 2016 года), любая религиозная деятельность подлежит обязательной регистрации и контролю со стороны государственных органов Туркменистана.³⁴⁴

Поскольку официально опубликованного перечня запрещённых религиозно-экстремистских структур в Туркменистане не существует, в ходе подготовительного этапа исследования были рассмотрены доступные автору материалы, включая документы по ряду уголовных и экстрадиционных дел последних лет. Изучение этих источников позволило выявить, какие движения и группы фигурируют в туркменских официальных сообщениях как силы, ориентированные на насильственное изменение государственного строя. В различных документах последних лет упоминаются: так называемая религиозно-экстремистская группа «джихадисты»; последователи направлений, обозначаемых как «Wahhabi» (ваххабиты) и «Selefi» (салафиты); организация «Хизб ут-Тахрир», ИГИЛ и «Братья мусульмане».³⁴⁵

Туркменистан реализует превентивную модель борьбы с этнорелигиозным терроризмом, основанную на тотальном контроле над религиозной сферой, нейтралитете во внешней политике и ограниченном участии в международных антитеррористических операциях. Эффективность этой модели во многом обусловлена жёсткой централизацией власти, но также вызывает опасения в плане соблюдения прав человека и ограничений на свободу вероисповедания.

Угроза, исходящая от возвращающихся иностранных боевиков в странах Центральной Азии. Одной из наиболее острых и растущих угроз безопасности стран Центральной Азии является возвращение иностранных боевиков, принимавших участие в вооружённых конфликтах на Ближнем Востоке. Регион оказался третьим по численности источником выхода джихадистов, примкнувших к «Исламскому государству» (ИГИЛ), «Джебхат ан-Нусра» и другим радикальным организациям, действовавшим в Сирии и Ираке. Согласно

³⁴⁴ Law of Turkmenistan “About religious liberty and the religious organizations” of 26 March 2016 [Электронный ресурс] // cis-legislation.com. — URL: <https://cis-legislation.com/document.fwx?rgn=84971> (дата обращения: 16.07.2025).

³⁴⁵ Проблемы распространения в Туркменистане идеологии радикальных исламских сообществ [Электронный ресурс]. — Turkmennotebooks.org, 14 февраля 2021. — URL: <https://www.turkmennotebooks.org/analytics/problemy-rasprostraneniya-v-turkmenistane-ideologii-radikalnyh-islamskih-soobshhestv/> (дата обращения: 16.07.2025).

аналитическим данным, с 2012 года более 4000 граждан стран Центральной Азии отправились в зону боевых действий, мотивированные идеологией салафитского джихадизма.³⁴⁶

Связи, установленные центральноазиатскими джихадистами в многонациональной среде боевиков в Сирии, Ираке, Афганистане, на Кавказе и в Синьцзяне, усиливают транснациональный характер угрозы. Эти связи могут быть использованы как для координации террористических актов, так и для создания локальных ячеек радикального подполья. Возвращенцы, обладая боевым опытом, навыками конспирации, связями с глобальными экстремистскими сетями, способны инициировать деструктивную деятельность, включая организацию терактов, асимметричных форм вооружённой борьбы, провоцирование межэтнической или межрелигиозной розни.

В ответ на эту угрозу, правительствам стран Центральной Азии необходимо выстраивать устойчивый и интегрированный механизм регионального взаимодействия при поддержке международных и региональных организаций, действующих в Афганистане и соседних государствах. Особенно важным представляется усиление пограничного контроля, обмена оперативной информацией, согласованная работа правоохранительных органов и спецслужб, а также разработка систем дерадикализации и реабилитации лиц, возвращающихся из зон боевых действий.

Такой подход позволяет не только минимизировать вероятность террористической активности, но и нейтрализовать идеологическое влияние транснациональных экстремистских сетей на внутренние процессы в странах региона. Информационная безопасность, контроль за трансграничными

³⁴⁶ Саидов Ш. Ш. Исламский фактор в политических процессах Центральной Азии // Вестник ТГУПБП. 2013. № 1 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-faktor-v-politicheskikh-protsessah-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 09.07.2025); Farrell W. B., Gunaratna R. The Return of Foreign Fighters to Central Asia [Электронный ресурс] // National Defense University, Strategic Perspectives No. 21. — Washington, DC, 2016. — URL: <https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratperspective/inss/Strategic-Perspectives-21.pdf> (дата обращения: 16.07.2025); The Return of Foreign Fighters to Central Asia: Implications for U.S. Counterterrorism Policy [Электронный ресурс] // INSS, National Defense University. — URL: <https://inss.ndu.edu/Media/News/Article/990914/the-return-of-foreign-fighters-to-central-asia-implications-for-us-counterterro/> (дата обращения: 16.07.2025); Testimony before the U.S. Congress on Foreign Fighters from Central Asia [Электронный ресурс] // U.S. Government Publishing Office. — URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-114jhr95333/html/CHRG-114jhr95333.htm> (дата обращения: 16.07.2025).

передвижениями, совместные антитеррористические учения и участие в региональных форматах, таких как ШОС и ОДКБ, также должны стать элементами общей стратегии предупреждения угроз, исходящих от иностранных боевиков.

Захват власти Талибаном в Афганистане как новая фаза трансформации проблемы безопасности региона. Самым значимым событием августа 2021 года в международной повестке стал внезапный коллапс афганского правительства и последующий захват власти движением Талибан. 15 августа талибы без значительного сопротивления вошли в Кабул, заняли президентский дворец, а президент Ашраф Гани бежал за границу. Это событие вызвало мощную волну обеспокоенности в странах Центральной Азии, имеющих непосредственную сухопутную границу с Афганистаном — Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном. Общая протяжённость этой границы составляет 2387 километров, что делает её важным стратегическим рубежом для обеспечения региональной безопасности.

Для оценки степени угрозы со стороны Афганистана, находящегося под контролем Талибана, необходимо учитывать как минимум три ключевых фактора: во-первых, реальные отношения Талибана с международными террористическими организациями, такими как Аль-Каида или ИГИЛ; во-вторых, способность пограничных и силовых структур стран региона контролировать возможные каналы инфильтрации; и в-третьих, внутреннюю устойчивость самих государств Центральной Азии к влиянию радикальной идеологии.

Угрозы, исходящие от террористических организаций, укоренившихся на афганской территории, можно систематизировать по нескольким направлениям. Прежде всего, значительную опасность представляют те структуры, которые исторически имели связи с Центральной Азией и продолжают сохранять определённую активность в регионе. По данным Отчёта Комитета Совета Безопасности ООН, в 2022 году на территории Афганистана насчитывалось свыше 10 000 иностранных боевиков, представляющих такие группировки, как

Исламское движение Узбекистана (ИДУ), Союз исламского джихада (СИД), Исламское государство — провинция Хорасан (ИГПХ), Аль-Каида, Катибат Имам аль-Бухари (КИБ), Катибат Таухид валь-Джихад (КТДж) и Джамаат Ансарулла.³⁴⁷

Однако само присутствие таких структур на территории Афганистана не является достаточным основанием для однозначного прогноза неминуемого роста террористической активности в Центральной Азии. Факторы, которые действительно имеют значение при оценке угроз, включают опыт и численность этих групп, наличие ресурсов, стратегическую автономию, а также их текущие цели и отношения с правящей в Афганистане администрацией Талибана. Таким образом, необходимо предметно рассматривать каждую из этих организаций с точки зрения её эволюции, боеспособности и намерений.

Наиболее известная в регионе группировка — Исламское движение Узбекистана — значительно утратила свои позиции.

В отличие от ИДУ, группировки КИБ, КТДж и ИГПХ, несмотря на этническую близость к Центральной Азии (узбеки, таджики, уйгуры), в настоящее время в большей степени ориентированы на участие в транснациональных конфликтах. Так, КИБ и КТДж сражались в сирийской провинции Идлиб на стороне антиасадовских сил, активно участвовали в международном джихаде и интегрированы в идеологию глобального халифата. Эти группы представляют угрозу скорее в долгосрочной перспективе, особенно в случае их возврата на историческую родину или при изменении глобального контекста, но в краткосрочном горизонте Центральная Азия не входит в их приоритетные цели.

Что касается Исламского государства — провинции Хорасан, то его текущее положение также нельзя назвать стабильным. С момента создания в 2015 году ИГПХ подвергалось жёсткому давлению как со стороны правительственных сил Афганистана, так и со стороны Талибана, с которым оно

³⁴⁷Талибы направят на север Афганистана 10 тысяч боевиков. Внутренние распри или «бряцание оружием»? // Радио Озоди (RFE/RL). 18.02.2022. URL: <https://rus.ozodi.org/a/31702943.html> (дата обращения: 16.07.2025).

находится в остром противостоянии. Внутренняя раздробленность, дефицит ресурсов и постоянные боевые потери существенно ограничили оперативные возможности группировки.

Таким образом, хотя физическое присутствие многочисленных экстремистских организаций в Афганистане остаётся фактором потенциальной угрозы, в настоящее время у большинства из них отсутствуют как ресурсы, так и оперативные возможности для организации полномасштабных терактов в Центральной Азии. Тем не менее, учитывая изменчивость политической обстановки и высокий уровень трансграничной мобильности боевиков, недооценка их угрозы может иметь серьёзные последствия для устойчивости и безопасности региона.

В отличие от ослабленного Исламского движения Узбекистана, Союз исламского джихада (СИД), также имеющий узбекские корни, сумел сохранить боеспособность и укрепить связи с Талибаном. Опасность, исходящая от СИД, усугубляется опытом и подготовкой его бойцов. Организация приобрела широкую известность после серии террористических актов, совершённых в Узбекистане. Как группировка с историей радикального насилия, СИД представляет собой серьёзную угрозу, особенно учитывая тесные отношения с Талибаном и возможность беспрепятственного функционирования на афганской территории. Схожую угрозу представляет и Джамаат Ансарулло (ДжА), известная в экспертной литературе как "таджикские талибы". Эта структура, обладающая связями с Талибаном, уже осуществляла террористические акты в Таджикистане, включая подрыв транспортного средства в Худжанде и вооружённое столкновение с силами безопасности в Каратегинской долине.

ДжА открыто декларирует цель свержения светского режима в Таджикистане, что делает её одним из наиболее опасных акторов в регионе.³⁴⁸ В

³⁴⁸ Jamaat Ansarullah // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Jamaat_Ansarullah (дата обращения: 16.07.2025).; Джамаат Ансарулло — угроза стабильности Таджикистана? // ctc-rk.kz. URL: <https://ctc-rk.kz/%d0%b4%d0%b6%d0%b0%d0%bc%d0%b0%d0%b0%d1%82-%d0%b0%d0%bd%d1%81%d0%b0%d1%80%d1%83%d0%bb%d0%bb%d0%b0-%d1%83%d0%b3%d1%80%d0%be%d0%b7%d0%b0-%d1%81%d1%82%d0%b0%d0%b1%d0%b8%d0%bb%d1%8c%d0%bd%d0%be%d1%81.html> (дата обращения: 16.07.2025).

условиях слабой охраны границ и социальной уязвимости на приграничных территориях, активность этой группировки представляет прямую угрозу внутренней стабильности. Её нахождение под покровительством талибов позволяет расширять тренировочную базу, мобилизовать новые кадры и усиливать пропагандистскую деятельность.

Таким образом, СИД и ДжА являются структурами, сохраняющими региональную направленность и активную заинтересованность в дестабилизации стран Центральной Азии. Их стратегическое партнёрство с Талибаном не только усиливает их потенциал, но и открывает им доступ к ресурсам, логистике и инфраструктуре, что значительно повышает риск террористических актов и трансграничной диверсионной деятельности.

Примечательно, что, несмотря на рост угрозы, страны региона не являются пассивными наблюдателями. Властям государств Центральной Азии важно не только отслеживать трансформации региональных террористических организаций, но и влиять на формирование устойчивой системы противодействия. Особое внимание должно быть уделено программам предупреждения насильственного экстремизма (ПНЭ), включая социальную диагностику, молодежную работу, контроль информационного поля и реабилитационные механизмы.

С захватом власти «Талибаном» в августе 2021 года афганская политическая элита, формировавшаяся в течение десятилетий под влиянием модернистских и светских реформ 1970–1980-х годов и демократических преобразований начала XXI века, была практически полностью устранена. Большинство видных политиков и военных командиров либо эмигрировали, либо лишились политического и ресурсного влияния. Среди них — Хамид Карзай, Абдулла Абдулла, маршал Абдуррашид Достум, Исмаил-хан, Атто Мухаммад Нур и братья Ахмада Шаха Масуда. Они утратили вооружённую поддержку и оказались отрезаны от своих электоральных баз, а их политические платформы перестали существовать как значимая сила.

Внутри страны активной остаётся лишь Фронт национального сопротивления (ФНС), возглавляемый Ахмадом Масудом и бывшим вице-президентом Амруллой Салехом. ФНС продолжает вооружённую борьбу с талибами, опираясь преимущественно на таджикское население Панджшера, Баглана, Тахара и Бадахшана. Хотя движение носит ярко выраженный региональный характер, оно сохраняет поддержку среди этнических таджиков и других групп Северного Афганистана, продолжая идеологическую и политическую линию «Северного альянса» времён анти-талибской коалиции.

Следует учитывать и внутреннюю фрагментацию самого движения «Талибан». На сегодняшний день оно разделено как минимум на два ключевых крыла. Первое — так называемое «кандархарское ядро», возглавляемое Мухаммадом Якубом, сыном основателя движения Муллы Омара. Второе — могущественная группировка «Сеть Хаккани», контролирующая восточные и центральные регионы, включая Кабул, под началом Сираджуддина Хаккани.

Конфликты между сторонниками двух лидеров фиксируются регулярно, включая вооружённые столкновения на местах, борьбу за контроль над финансами и иностранной помощью, а также двойственные отношения с группировкой «Исламское государство – Хорасан» (ИГПХ). Несмотря на официальные заявления талибов о противостоянии ИГ, в ряде случаев сообщается о тактическом сотрудничестве с этой структурой — прежде всего в целях устранения общих врагов или обеспечения контроля над отдельными районами.³⁴⁹

В этих условиях становится очевидной нестабильность самого талибского режима, основанного не на единой централизованной системе управления, а на временном балансе сил между конкурирующими группировками. Это создает непредсказуемость в действиях властей и угрожает как самому Афганистану, так и его соседям. На фоне отсутствия легитимных институтов, управленческого коллапса, экономической разрухи и гуманитарной катастрофы, страна рискует

³⁴⁹ BBC. Who is who in the Taliban leadership // BBC News. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-58235639> (дата обращения: 16.07.2025); Reuters. Haqqani vs Kandahar clash inside Taliban // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/haqqani-network-taliban-rivalry-2022-03-06> (дата обращения: 16.07.2025).

превратиться в пространство бесконечного соперничества вооружённых групп и центр притяжения для джихадистов со всего региона.

После захвата власти в 2021 году движение «Талибан» объявило о создании Исламского Эмирата Афганистан, обещая включение в государственные структуры представителей различных этнических и религиозных групп. Однако на практике эти заявления остались декларативными. Афганское общество, по-прежнему состоящее из множества народностей и конфессий, оказалось исключённым из принятия решений. В частности, усилились репрессии в отношении таджиков, хазарейцев, узбеков и туркмен, а также шиитского меньшинства. Эти действия сопровождались растущим межэтническим и межконфессиональным напряжением, что делает перспективы устойчивого национального примирения крайне туманными.

Режим талибов, обладая крайне ограниченными административными, кадровыми и интеллектуальными ресурсами, не способен самостоятельно обеспечить восстановление страны, разрушенной войной, санкциями и внутренней деградацией. Более того, политика одностороннего доминирования пуштунской элиты, сопровождаемая репрессиями против несуннитского и не пуштунского населения, подрывает даже формальные основы национального единства.

В Таджикистане считают, что в настоящее время Афганистан является непредсказуемой страной, представляющей растущую угрозу соседним странам. Все это заставляет Таджикистан, который имеет почти 1400 км границ с Афганистаном, очень внимательно относиться к афганскому фактору. Об этом думает не только политическое руководство страны, но и обычные люди. Анализ общественного мнения показывает, что мифология вокруг Афганистана уже сложилась. Ключевой вопрос, который беспокоит таджикистанцев: как случилось, что талибы получили власть над страной почти без сопротивления. Доминирует мнение, что это был тщательно подготовленный план. В нем участвовали большие люди, большие деньги, было много предательства и лжи. Существуют различные мнения относительно того, кто организовал и

финансировал передачу Афганистана под власть талибов. Некоторые называют коллективный Запад в целом, некоторые — США, другие отмечают роль арабских монархий. Практически все указывают на Пакистан и его спецслужбы. Главная цель проекта — организация большой «серой зоны» наподобие Ирака и Сирии, которая нацелена на переформатирование Евразии. Согласно материалам интервью с местными экспертами, они считают, что уже сейчас в ЦА меняется состав и соотношение ключевых центров силы. Известно, что Пакистан является ключевым союзником талибов, поэтому захват талибами приграничных с Таджикистаном провинций рассматривается, как небывалый в современной истории выход Пакистана на берега Амударьи. Соответственно усложняются отношения с Индией, растут масштабы наркотрафика из Афганистана, множатся конфликты – афгано-пакистанский след можно найти и в таджикско-киргизском пограничном конфликте, и в событиях в Казахстане. Так что Центральной Азии угрожает реальная опасность стать зоной опасности, терроризма и ужасных эпидемий.³⁵⁰

Серьезной проблемой является поддержка талибами исламских экстремистских движений в Таджикистане, а также агрессия пуштунов по отношению к непустунскому населению Северного Афганистана. Таджики по обе стороны таджикско-афганской границы требуют от правительства Таджикистана принять меры по защите таджикоязычного населения и ожидают неминуемого вторжения талибов на территорию Таджикистана. Эти ожидания основаны на реальных фактах. По словам президента Эмомали Рахмона в районе таджикско-афганской границы расположены более сорока военных лагерей талибов и свыше 6 тыс. экстремистов.³⁵¹

Республика Таджикистан неизменно выступает за формирование в Афганистане инклюзивного правительства, в котором были бы адекватно представлены все основные этнические группы страны, включая таджиков,

³⁵⁰ Бахромзода М. З. Позиция Таджикистана по урегулированию ситуации в Афганистане // Русская политология. 2021. № 3 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsiya-tadzhikistana-po-uregulirovaniyu-situatsii-v-afganistane> (дата обращения: 09.07.2025).

³⁵¹ Рахмон, Эмомали. На замке: зачем Таджикистану пояс безопасности вокруг Афганистана // Iz.ru. — 13.01.2022. URL: <https://iz.ru/1276106/ekaterina-tiunina/na-zamke-zachem-tadzhikistanu-poiyas-bezopasnosti-vokrug-afganistana> (дата обращения: 20.07.2025)

составляющих значительную часть населения. Талибы, напротив, утверждают, что в их правительство включены представители этнических меньшинств — один или два таджика и узбека — и призывают внешних акторов воздерживаться от вмешательства во внутренние дела Афганистана. Тем не менее, руководство Таджикистана продолжает настаивать на необходимости соблюдения принципов равного представительства и инклюзивности, подчеркивая, что без этого невозможно устойчивое урегулирование.

Одновременно Таджикистан демонстрирует гуманитарную открытость, выражая готовность обеспечить доступ международной помощи в Афганистан через пограничные переходы и мосты

Учитывая растущие угрозы на южных рубежах, Душанбе предпринимает активные шаги по укреплению системы национальной и региональной безопасности. В частности, ведётся тесное сотрудничество с Российской Федерацией, Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а также Китаем — как в формате двустороннего партнёрства, так и в рамках региональных структур. Среди конкретных инициатив можно выделить предложение Таджикистана о создании так называемого «пояса безопасности» вдоль таджикско-афганской границы, что предполагает развитие инфраструктуры охраны рубежей, усиление войсковых подразделений и повышение уровня координации с союзниками.³⁵²

Несмотря на сохраняющуюся угрозу со стороны талибского режима, Таджикистан продолжает развивать ограниченное экономическое взаимодействие с Афганистаном, основным компонентом которого остаются поставки таджикской электроэнергии. Существенной проблемой остаётся приток афганских беженцев: власти страны признают гуманитарную обязанность принимать людей, спасающихся от насилия, но при этом не исключают возможность проникновения радикальных элементов под видом беженцев.

³⁵² Рахмон, Эмомали. На замке: зачем Таджикистану пояс безопасности вокруг Афганистана // Iz.ru. — 13.01.2022. URL: <https://iz.ru/1276106/ekaterina-tiunina/na-zamke-zachem-tadzhikistanu-poias-bezopasnosti-vokrug-afganistana> (дата обращения: 20.07.2025)

Согласно официальным данным, на территории Таджикистана находятся около 15 тысяч афганских граждан, запросивших убежище.³⁵³

Поддержка талибами исламских экстремистских групп в Таджикистане, политика репрессий в отношении персоязычного населения Афганистана и неспособность новых афганских властей стабилизировать страну формируют у Душанбе настороженную и сдержанную стратегию в отношении южного соседа. Внимание сосредоточено на оборонительном потенциале, укреплении границ и расширении сотрудничества с ключевыми партнёрами в сфере безопасности — в первую очередь, с Россией, ОДКБ и Китаем.

Особое значение в этом контексте приобретает стратегическое партнёрство Таджикистана и Узбекистана, основанное на взаимопонимании и тесной координации действий в рамках международных и региональных организаций, таких как ООН, СНГ, ШОС, ОБСЕ, ОИС, ОЭС и СВМДА. Центральной целью двустороннего взаимодействия является обеспечение стабильности и безопасности на пространстве Центральной Азии, что отвечает жизненно важным интересам обоих государств.

3.3 Становление и развитие региональных механизмов безопасности в Центральной Азии

Распад Советского Союза и ликвидация биполярной модели международных отношений привели к исчезновению одной из крупнейших в истории систем коллективной безопасности. Образовавшийся вследствие этого так называемый «вакуум безопасности» означал состояние, при котором прежняя система обеспечения стабильности перестала существовать либо утратила свою эффективность, тогда как новая архитектура безопасности ещё не была выработана. Процесс институционализации региональной безопасности начал развиваться параллельно в двух направлениях — внутри постсоветского

³⁵³ «Спецслужбы Таджикистана: в стране более 15 тысяч афганских беженцев» — Radio Свобода / Озоди. URL: <https://rus.azattyq.org/a/31511381.html> (дата обращения: 16.07.2025); «Глава спецслужб Таджикистана заявил, что в стране более 15 тысяч афганских беженцев» — Current Time. URL: <https://www.currenttime.tv/a/glava-spetssluzhbtadzhikistana-zayavil-15-tysyach-afganskikh-bezhentsev/31511208.html> (дата обращения: 16.07.2025)

пространства и в рамках непосредственно центральноазиатского субрегиона. Оба этих измерения оказались не только взаимосвязанными, но и взаимодополняющими. На первом этапе ключевую роль сыграло образование Содружества Независимых Государств, которое стало не просто механизмом мирного «развода» бывших союзных республик, но и отправной точкой в становлении новых форматов межгосударственного взаимодействия. Подписание Соглашения о создании СНГ в 1991 году зафиксировало прекращение существования СССР как субъекта международного права и геополитической реальности.

До середины 1990-х годов, то есть до начала формирования других региональных структур — таких как Центральноеазиатский союз (ЦАС), Программа НАТО «Партнёрство ради мира» (ПРМ), «Шанхайская пятёрка» (впоследствии трансформировавшаяся в ШОС) — именно СНГ выполняло функции основного и практически единственного механизма обеспечения безопасности для молодых государств региона.

Содружество Независимых Государств (СНГ) представляет собой уникальный формат межгосударственного взаимодействия на постсоветском пространстве. В отличие от аналогичных структур, возникших в других частях мира — преимущественно в форме неформальных объединений бывших колониальных территорий на основе исторической общности и политической солидарности, — СНГ с самого начала ориентировалось на институциональное оформление сотрудничества между равноправными государствами, бывшими республиками Союза ССР.

Уже в Алма-Атинской декларации от 21 декабря 1991 года была подчеркнута открытость Содружества для всех государств — бывших членов Союза ССР. В ней прямо зафиксировано, что СНГ «открыто для присоединения других государств — членов бывшего Союза ССР».³⁵⁴ Более того, авторы документа сознательно зафиксировали юридическую ограниченность данного

³⁵⁴ Алма-Атинская декларация. «Об образовании Содружества Независимых Государств». Алма-Ата, 21 декабря 1991 г. URL: <https://hrlibrary.umn.edu/russian/cis/Ralmatydecl.html> (дата обращения: 20.07.2025).

образования: «...взаимодействие участников Содружества будет осуществляться ... через координирующие институты, формируемые на паритетной основе и действующие в порядке, определяемом соглашениями между участниками Содружества, которое не является ни государством, ни надгосударственным образованием».³⁵⁵

Такой подход обусловил особенности функционирования СНГ, отличающие его от классических моделей международных организаций. Характерными чертами подобного объединения стали: слабая иерархия во взаимоотношениях государств-участников, отказ от жесткой системы обязательств, отсутствие доминирующего центра принятия решений и консенсусный механизм выработки политических позиций. Вместе с тем, по сравнению с аналогичными постколониальными ассоциациями, СНГ обладает одной из наиболее разветвлённых организационных структур и, по своему юридическому статусу, квалифицируется как региональная организация в соответствии с положениями главы VIII Устава ООН.

Нельзя переоценить роль СНГ в обеспечении политической стабильности и безопасности на постсоветском пространстве, особенно в 1990-е годы. Содружество, в частности, обеспечило международно-правовое признание независимости государств-участников и способствовало их легитимации в качестве субъектов международного права. Оно также выступило важным механизмом координации в вопросах обороны, мирного урегулирования конфликтов, обеспечения территориальной целостности и ненарушимости административных границ бывших союзных республик.

Среди ключевых достижений СНГ в первые годы его функционирования можно выделить следующие:

- обеспечение институциональной преемственности в вопросах обороны и военного сотрудничества;

³⁵⁵ Алма-Атинская декларация. «Об образовании Содружества Независимых Государств». Алма-Ата, 21 декабря 1991 г. URL: <https://hrlibrary.umn.edu/russian/cis/Ralmatydecl.html> (дата обращения: 20.07.2025).

- предотвращение дезинтеграции региона по «югославскому сценарию» и сохранение относительной стабильности;
- урегулирование судьбы ядерного арсенала бывшего СССР, в том числе его безопасную передачу России;
- выработка и международно-правовое закрепление государственной границы между бывшими республиками, что предотвратило масштабные территориальные споры.

Таким образом, Содружество стало не только инструментом мирного развода республик, но и основой формирования новой региональной системы безопасности, включая и Центральную Азию.

За сравнительно короткий исторический период своего существования в качестве суверенных государств республики Центральной Азии добились определённого прогресса в становлении архитектуры региональной безопасности. Институциональная структура безопасности в Центральной Азии представляет собой сложную, многослойную систему, сочетающую элементы региональной автономии с вовлечением внешних акторов, что в условиях повышенной турбулентности международной обстановки повышает значимость адаптивных форматов кооперации и политической гибкости стран региона.

Важным этапом процесса формирования более комплексной архитектуры кооперации в условиях возросших вызовов XXI века стало преобразование таких структур, как «Шанхайская пятёрка» и Центрально-Азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС), в более универсальные и институционально насыщенные организации. Так, в 2001 году на основе «Шанхайской пятёрки» была учреждена Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), а в 2002 году ЦАЭС трансформировалось в Организацию Центрально-Азиатского сотрудничества (ОЦАС), Договор о коллективной безопасности (ДКБ), созданный в 1992 году в полноценную Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в 2002 году. Эти изменения знаменовали собой переход от узкоспециализированных форматов к более широким институтам коллективной безопасности, охватывающим весь спектр региональных угроз и задач.

Ключевое отличие новых структур от их предшественников заключалось в расширении компетенций и институционализации сотрудничества в таких сферах, как стратегическая стабильность, противодействие транснациональным угрозам, управление ресурсами и укрепление взаимной зависимости в целях устойчивого развития. Если на ранних этапах главенствовали задачи урегулирования пограничных споров и развития экономических связей, то с начала 2000-х годов акцент сместился в сторону создания полноценной системы региональной безопасности, базирующейся на принципах коллективных обязательств и взаимной поддержки.

Договор о создании ОЦАС, подписанный в 2002 году, зафиксировал в качестве центральных целей организации следующие положения:

- развитие комплексного сотрудничества в обеспечении безопасности и устойчивости в регионе;
- оказание взаимной поддержки в предотвращении угроз суверенитету, независимости и территориальной целостности государств-участников;
- борьба с транснациональными формами преступности, включая наркотрафик, нелегальную миграцию, терроризм и организованную преступность;
- выработка координированной политики по рациональному и сбалансированному использованию водно-энергетических ресурсов;
- стимулирование взаимовыгодного сотрудничества по другим направлениям, представляющим стратегический интерес для стран Центральной Азии.³⁵⁶

Следовательно, создание ШОС и ОЦАС означало переход к качественно новому формату регионального взаимодействия, в рамках которого вопросы безопасности стали рассматриваться не только в военно-политическом, но и в социально-экономическом и экологическом измерениях. Эта трансформация отражала осознание странами региона необходимости комплексного подхода к

³⁵⁶ Договор между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан об учреждении организации «Центрально-Азиатское сотрудничество», 28 февраля 2002 г. — Электронный ресурс. — Режим доступа: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=6973 (дата обращения: 20.07.2025).

безопасности и развития устойчивых многосторонних механизмов реагирования на новые вызовы.

С момента официального учреждения ШОС в 2001 году организация приобрела более широкий мандат, охватывающий сферу коллективной безопасности, борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также содействия социально-экономическому развитию и гуманитарным обменам. В отличие от ОЦАС, в состав ШОС изначально входили не только государства Центральной Азии, но и два крупных внешних актора — Россия и Китай. Это обеспечило организации глобальную поддержку и усилило её потенциал в обеспечении региональной безопасности.

Отличительной чертой ШОС стало создание институциональной платформы для устойчивого диалога по вопросам безопасности, включая Региональную антитеррористическую структуру (РАТС), штаб-квартира которой расположена в Ташкенте. РАТС координирует деятельность государств-участников по пресечению террористических угроз, обмену информацией и проведению совместных учений, что делает ШОС одной из наиболее активных структур в сфере обеспечения региональной стабильности.

Несмотря на отсутствие в уставных документах Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) положения о коллективной самообороне, государства-участники в последние годы всё активнее рассматривают возможность задействования вооружённых сил для борьбы с транснациональными угрозами. В условиях нарастания угроз терроризма, религиозного экстремизма и сепаратизма, страны ШОС допускают применение военной силы в случае проникновения крупных вооружённых групп международных террористов на территорию одного из государств-членов. Такая мера рассматривается не как акт коллективной обороны, а как совместное мероприятие по локализации кризисной ситуации, исходящей извне, с акцентом на пресечение трансграничной террористической активности.

Показательным примером практической отработки механизмов коллективного реагирования на вызовы безопасности в рамках Шанхайской

организации сотрудничества стали многонациональные учения «Мирная миссия-2007», прошедшие с 9 по 17 августа 2007 года на территориях Российской Федерации и Китайской Народной Республики. В них приняли участие подразделения вооружённых сил всех государств — членов ШОС: России, Китая, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана.³⁵⁷ Основной целью манёвров являлась отработка взаимодействия при возникновении кризисной ситуации, вызванной деятельностью транснациональных террористических формирований, с последующим вводом совместного военного контингента для стабилизации обстановки. Данные учения стали не только демонстрацией политической воли к укреплению региональной стабильности, но и своего рода испытанием способности ШОС координировать усилия в военно-оперативной сфере.

Развитие данной практики нашло отражение в серии последующих учений, организованных под эгидой ШОС. Так, в 2010 году прошла операция «Мирная миссия-2010» на территории Казахстана. В ней особое внимание уделялось отражению условной террористической угрозы в условиях городской застройки. Подразделения шести стран в составе единого штаба отрабатывали взаимодействие в формате многоуровневой антитеррористической операции, что стало важным шагом в развитии оперативной совместимости вооружённых сил стран-участниц.³⁵⁸

Следующие учения под тем же названием — «Мирная миссия-2014» — прошли в августе 2014 года на территории Китая. Они стали крупнейшими на тот момент: в них было задействовано более 7 тысяч военнослужащих и свыше 200 единиц бронетехники. В центре внимания оказалась необходимость нейтрализации масштабной террористической угрозы, включая сценарии захвата объектов инфраструктуры, заложников и координированных атак на органы

³⁵⁷ Антитеррористические учения «Мирная миссия-2007» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B8%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BC%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F_%E2%80%942007 (дата обращения: 25.07.2025).

³⁵⁸ Мирная миссия-2010 [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 13.09.2010. — Режим доступа: <https://ria.ru/20100913/275143168.html> (дата обращения: 25.07.2025).

власти. Упор был сделан на межвидовое взаимодействие — участие авиации, артиллерии и сил специального назначения.³⁵⁹

Позднее, в сентябре 2018 года, учения «Мирная миссия-2018» прошли на полигоне в Челябинской области (РФ). Это были первые совместные военные манёвры, в которых приняла участие Индия после получения полноправного членства в ШОС. Впервые была реализована идея участия в операции стран с разными военными доктринами и политическими традициями, что стало символом расширения потенциала ШОС в области безопасности.³⁶⁰

Наконец, учения «Мирная миссия-2021», прошедшие в сентябре 2021 года на территории Китая, стали ещё одним этапом институционального укрепления антитеррористического компонента в рамках ШОС. В манёврах участвовали более 4 тысяч военнослужащих, в том числе из стран Центральной Азии. Особое внимание было уделено вопросам кибербезопасности, дроновой разведки и информационного противодействия, что отразило адаптацию ШОС к современным формам угроз.³⁶¹

Таким образом, эволюция серии учений «Мирная миссия» подтверждает стремление стран ШОС не только к символическому единству, но и к формированию реального механизма взаимодействия для нейтрализации региональных угроз. Это позволяет говорить о постепенном институциональном сближении ШОС с элементами коллективной безопасности, несмотря на ограниченность её правового мандата.

К настоящему моменту центральное место в архитектуре региональной безопасности занимает еще одна ключевая структура - Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Основным направлением деятельности Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) является обеспечение военно-политической стабильности в регионе Центральной Азии. В рамках реализации этого

³⁵⁹ Мирная миссия-2014 [Электронный ресурс] // ТАСС. — Режим доступа: <https://tass.ru/info/1393512> (дата обращения: 25.07.2025).

³⁶⁰ Мирная миссия-2018 [Электронный ресурс] // ТАСС. — Режим доступа: <https://tass.ru/armiya-i-opk/5477803> (дата обращения: 25.07.2025).

³⁶¹ Мирная миссия-2021 [Электронный ресурс] // ШОС (Официальный портал). — Режим доступа: <https://rus.sectsco.org/20210929/782852.html> (дата обращения: 25.07.2025).

приоритета последовательно укрепляются силовые инструменты, направленные на борьбу с террористическими и экстремистскими угрозами, актуальными для стран региона. Одним из ключевых элементов является функционирование Коллективных сил быстрого реагирования Центрально-Азиатского региона (КСБР), учрежденных на основании решения Совета коллективной безопасности ОДКБ от 25 мая 2001 года. В состав этих сил входят подразделения вооружённых сил Российской Федерации, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан. С осени 2003 года в городе Кант (Кыргызстан) действует авиационная база, а начиная с 2004 года проводятся командно-штабные учения под наименованием «Рубеж»³⁶².

В целях расширения оперативных возможностей ОДКБ в 2009 году был осуществлён следующий этап военного взаимодействия — учреждение Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР). Эта инициатива, предложенная Российской Федерацией ещё в 2005 году, получила ускоренное развитие. На встрече глав государств — участников ОДКБ, состоявшейся в феврале 2009 года, было принято решение о подготовке нормативной базы для функционирования нового объединения. Уже 4 июня того же года в ходе сессии Совета коллективной безопасности в Москве было подписано Соглашение о создании КСОР. Подписи под документом поставили руководители России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. В то же время Узбекистан выразил несогласие с рядом положений соглашения и оформил свою позицию в виде «Особого мнения».³⁶³

Важной составляющей развития коллективной системы безопасности ОДКБ в Центральноазиатском регионе остаётся создание Единой региональной системы противовоздушной обороны (ЕРС ПВО). Реализация данного направления предусмотрена двусторонними и многосторонними соглашениями

³⁶² Досье: Авиационная база России в Канте // ТАСС [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/spravochnaya-informaciya/739744> (дата обращения: 25.07.2025).

Михайлов В. «Рубеж» против террора // Независимое военное обозрение. — 26.03.2010 [Электронный ресурс]. — URL: https://nvo.ng.ru/forces/2010-03-26/16_rubezh.html (дата обращения: 25.07.2025).

³⁶³ «Соглашение о коллективных силах оперативного реагирования ОДКБ», подписанное 14 июня 2009 г. на основании решения СКБ от 4 февраля 2009 г. // Официальный сайт ОДКБ — Электронный ресурс. — Режим доступа: <https://jscsto.odkb-csto.org/voennaya-sostavlyauschaya-odkb/ksorodkb.php> (дата обращения: 25.07.2025)

между государствами-участниками ОДКБ, в первую очередь — Российской Федерацией и Республикой Казахстан. Именно эти две страны уже в 2013 году подписали соглашение о совместной ПВО, ставшее основой для формирования координированных механизмов оперативного реагирования на воздушно-космические угрозы. Подобные системы в перспективе планируется расширить на другие государства Центральной Азии, включая Кыргызстан и Таджикистан, в целях создания интегрированной ПВО всего южного стратегического направления. Основная задача ЕРС ПВО заключается в выявлении, сопровождении и, при необходимости, нейтрализации воздушных объектов, представляющих угрозу безопасности стран-участниц, а также в обеспечении совместного использования радиолокационных, зенитно-ракетных и авиационных ресурсов.³⁶⁴

Наряду с этим в рамках ОДКБ ведётся работа по формированию Региональной группировки войск (РГВ), что отражает стремление к институционализации военного компонента организации. Основная идея заключается в объединении национальных вооружённых формирований, дислоцированных на территории Центральной Азии, в единую оперативно управляемую структуру, способную действовать как в рамках отражения внешней агрессии, так и при возникновении внутренних кризисов, включая вооружённые конфликты, мятежи или террористические угрозы. Особое внимание в данной концепции уделяется обеспечению слаженности командных структур, проведению совместных оперативных мероприятий, синхронизации систем связи и логистики. Формирование РГВ предполагает участие прежде всего воинских контингентов России и Казахстана, с возможным привлечением сил Кыргызстана и Таджикистана в зависимости от характера угроз и театра возможных боевых действий.³⁶⁵

³⁶⁴ Соглашение между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о создании Единой региональной системы противовоздушной обороны Республики Казахстан и Российской Федерации. 30.01.2013 — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31328800&utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 25.07.2025)

³⁶⁵ Силы и средства системы коллективной безопасности ОДКБ — «Региональная (объединённая) группировка войск (сил)» // Официальный сайт ОДКБ — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://jscsto.odkb-csto.org/voennaya-sostavlyauschaya-odkb/forces.php> (дата обращения: 25.07.2025)

Создание Единой системы ПВО и Региональной группировки войск не только способствует укреплению оборонного потенциала стран региона, но и служит сигналом для внешних акторов о высокой степени военного взаимодействия в рамках ОДКБ. Это позволяет обеспечить более надёжный контур коллективной обороны, что особенно важно на фоне сохраняющихся рисков дестабилизации в сопредельных регионах, таких как Афганистан.

Коллективные силы оперативного реагирования предусматривают решение четырёх ключевых задач. Во-первых, это обеспечение защиты суверенитета и территориальной целостности государств-членов. Во-вторых, борьба с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и незаконным оборотом наркотиков. В-третьих, проведение специальных мероприятий против транснациональной организованной преступности. И, в-четвёртых, участие в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Анализ направлений военно-политического взаимодействия в рамках ОДКБ на территории Центральной Азии порождает ряд принципиальных вопросов, касающихся перспектив институционального и правового оформления соответствующих структур. В первую очередь внимание привлекает неясность международно-правового статуса Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР), особенно в контексте их функционального пересечения с планируемой Региональной группировкой войск. Обе структуры — как КСОР, так и РГВ — позиционируются в качестве механизмов обеспечения защиты суверенитета и территориальной целостности государств — членов Организации. Такое дублирование функций вызывает обоснованные сомнения в необходимости параллельного существования схожих по задачам и структуре формирований.

Следует учитывать, что в текущей геополитической обстановке одной из главных угроз для суверенитета и территориальной целостности государств остаются именно внешние военные вызовы. В связи с этим традиционным инструментом ответа на такие угрозы выступают национальные вооружённые силы, функционирующие либо самостоятельно, либо в рамках международных

союзов, подобных ОДКБ. С позиции Узбекистана, озвученной в официальном заявлении Министерства иностранных дел, КСОР должны ограничиваться исключительно задачами отражения внешней агрессии. В соответствующем пресс-релизе подчёркивается, что использование КСОР для решения внутривнутриполитических или межгосударственных споров неприемлемо и не соответствует духу коллективной безопасности.³⁶⁶

Важно учитывать, что согласно международно-правовой практике и доктринальным подходам, системы коллективной безопасности, как правило, обладают расширенным мандатом, охватывающим как внешние, так и внутренние угрозы, в том числе конфликты между участниками. Однако ОДКБ представляет собой военно-политический союз, чья структура и юридическая природа не предусматривают правомочий на вмешательство во внутренние дела государств-участников или на разрешение споров между ними.

С 2005 года государства Центральной Азии, входящие в ОДКБ, принимают активное участие в деятельности Координационного совета руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков (КСОПН ОДКБ), направленной на сдерживание распространения наркотрафика в регионе. С 2006 года в странах региона проводятся регулярные оперативно-профилактические мероприятия, направленные на выявление каналов нелегальной миграции, ликвидацию сетей трансграничной организованной преступности и предотвращение деятельности радикальных группировок.

С 2003 года в рамках деятельности Организации Договора о коллективной безопасности проводится масштабная региональная антинаркотическая операция «Канал», основной задачей которой является пресечение незаконного оборота наркотиков и ликвидация трансграничных каналов наркотрафика. Операция проводится при участии компетентных органов государств-членов ОДКБ и охватывает не только Центральную Азию, но и другие стратегически важные регионы. В настоящее время рассматривается возможность придания данной

³⁶⁶ Ministry of Foreign Affairs of Uzbekistan. CRRF should be used only to repulse aggression — Uzbek Foreign Ministry. UzDaily, 2009.- [Электронный ресурс].-URL: <https://www.uzdaily.com/en/crrf-should-be-used-only-to-repulse-aggression-uzbek-foreign-ministry/> (дата обращения: 25.07.2025).

операции статуса постоянно действующего механизма антинаркотического взаимодействия в рамках ОДКБ, что, по замыслу разработчиков, позволит усилить координацию между национальными структурами и оперативно реагировать на угрозы, связанные с наркотрафиком.

В рамках ОДКБ наблюдается стремление к концентрации полномочий в вопросах обеспечения коллективной пограничной безопасности. При этом, как показывает практика, только Республика Таджикистан и Республика Армения на сегодняшний день имеют соглашения с Российской Федерацией о совместной охране государственной границы. Остальные государства — члены ОДКБ (в том числе Казахстан, Кыргызстан и Беларусь) осуществляют охрану рубежей самостоятельно, исходя из принципа государственного суверенитета.

Рассматривая деятельность Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в контексте текущих региональных процессов в Евразии, необходимо подчеркнуть их различный правовой и функциональный характер. ОДКБ изначально формировалась как военно-политический союз, основной задачей которого является коллективная оборона в случае внешней военной агрессии против одного из государств-участников. Это отражено в ключевых документах организации, включая Устав ОДКБ и Соглашение о коллективной безопасности. Таким образом, ОДКБ опирается прежде всего на военно-силовые инструменты, предназначенные для отражения прямых угроз безопасности и реагирования на чрезвычайные ситуации военного характера.

В отличие от этого, ШОС позиционируется как многофункциональное региональное объединение, основной задачей которого является обеспечение комплексной стабильности и устойчивого развития на евразийском пространстве. Устав ШОС не предусматривает право на коллективную самооборону в случае вооружённого нападения, как это определено статьёй 51 Устава ООН, что отличает организацию от военно-политических союзов и сближает с классическими механизмами коллективной безопасности. ШОС в своей деятельности ориентируется преимущественно на политико-дипломатические,

экономические и правовые меры реагирования на транснациональные угрозы, включая терроризм, экстремизм, наркотрафик, а также информационные угрозы и вызовы в сфере кибербезопасности.

Таким образом, институциональная структура безопасности в Центральной Азии представляет собой сложную, многослойную систему, сочетающую элементы региональной автономии с вовлечением внешних акторов, что в условиях повышенной турбулентности международной обстановки повышает значимость адаптивных форматов кооперации и политической гибкости стран региона. Организационная картина регионального участия государств Центральной Азии характеризуется высокой степенью институционального перекрёстного вовлечения, что свидетельствует о стремлении этих стран к обеспечению многоуровневого взаимодействия с различными внешними и внутренними структурами в целях укрепления безопасности, устойчивости и развития.

Выводы по главе III. Проведя исследование в данной главе можно заключить, что Центральная Азия остаётся регионом с высокой конфликтогенностью, обусловленной сложным переплетением исторических, этнополитических, религиозных и трансграничных факторов. Потенциал нестабильности сохраняется на фоне нерешённых пограничных вопросов, дефицита водных ресурсов и конкуренции за энергетические маршруты.

Вызовы и угрозы безопасности региона претерпевают трансформацию: наряду с традиционными угрозами (терроризм, наркоторговля, вооружённые конфликты) усиливается значение гибридных и киберугроз, информационного воздействия и экстремистской идеологии. Акцент смещается в сторону многоуровневой, асимметричной и нестандартной природы угроз.

Особую актуальность приобрела ситуация в Афганистане, выступающем важным фактором региональной (не)стабильности. Приход к власти движения «Талибан» усилил неопределённость на южных рубежах Центральной Азии, активизировал вопросы приграничной безопасности и борьбы с

трансграничными угрозами, включая распространение радикальной идеологии и деятельность группировки ИГПХ.

Формирование региональных механизмов безопасности в Центральной Азии развивается в условиях конкуренции различных моделей — от военно-политических союзов (ОДКБ) до многосторонних диалоговых платформ (ШОС). Несмотря на определённые успехи в институционализации сотрудничества, сохраняется фрагментация усилий и дефицит комплексного подхода к обеспечению коллективной безопасности.

Актуальной задачей для государств региона остаётся укрепление внутренних потенциалов безопасности, совершенствование национальных стратегий реагирования на транснациональные угрозы, а также формирование устойчивых механизмов координации и доверия на региональном уровне.

В условиях роста нестабильности и геополитической турбулентности Центральная Азия должна формировать собственную повестку в сфере безопасности, опираясь на принципы нейтралитета, прагматизма и инклюзивного взаимодействия с внешними и внутренними акторами.

ГЛАВА IV. ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ НОВОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СИСТЕМУ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

4.1 Межгосударственные отношения стран Центральной Азии с Российской Федерацией в условиях трансформации регионального порядка (1991–2025 гг.)

Регион Центральной Азии, в виду общей границы с РФ и общего прошлого, а также множества факторов всегда декларировался как приоритетный во внешней политике РФ. На сайте МИД РФ указывается, что: «Для России Центральная Азия – зона исторически обусловленных интересов, важный партнер по привилегированному сотрудничеству в военно-политической, торгово-экономической и культурно-гуманитарной сферах, а также в деле обеспечения общей безопасности государств Евразии с южного направления».³⁶⁷

С момента распада Советского Союза Российская Федерация выстроила прочные основы взаимодействия со всеми республиками Центральной Азии, закрепив формат стратегического партнёрства, а с рядом государств — и союзнические обязательства, предполагающие взаимную поддержку в случае возникновения угроз для национальной или региональной безопасности. Межгосударственный диалог между РФ и странами региона осуществляется на регулярной основе и охватывает широкий политико-дипломатический спектр.

Внешнеполитические отношения России с республиками Центральной Азии опираются на обширную договорно-правовую базу, сформированную за более чем три десятилетия суверенного развития этих государств. Такая нормативная основа позволяет сторонам эффективно взаимодействовать, что способствует формированию устойчивой архитектуры региональной безопасности и устойчивого развития в постсоветском пространстве Центральной Азии.

³⁶⁷ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Страны Центральной Азии: актуальные аспекты сотрудничества с Российской Федерацией. – М., 2023. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/problematika-prostranstva-sng/rossia-i-problemy-centralnoj-azii/ (дата обращения: 17.07.2025)

Российская Федерация остаётся одним из ведущих внешнеэкономических партнёров государств Центральной Азии, продолжая играть ключевую роль в развитии инвестиционного и торгового взаимодействия в регионе. Внешнеторговый оборот России с Центральной Азией по итогам 2023 года составил более 44 млрд. долларов США..³⁶⁸ Россия обеспечивает 30% импорта Центральной Азии, включая энергоносители, машиностроительную продукцию и продовольствие. В то же время регион экспортирует в Россию сельскохозяйственную продукцию, текстиль и минеральные ресурсы. Например, Узбекистан в 2023 году поставил в Россию 2.5 миллиона тонн фруктов и овощей, что составляет 25% российского импорта этой категории..³⁶⁹

Отдельного внимания в межгосударственных экономических отношениях России со странами Центральной Азии заслуживает устойчивая тенденция к дедолларизации взаимной торговли и переходу на расчёты в национальных валютах. К началу 2025 года эта практика значительно укрепились и приобрела устойчивый характер. Наиболее ярким примером выступает Таджикистан, где доля взаиморасчётов с Российской Федерацией в национальных валютах достигла рекордных 97%. Это стало возможным благодаря согласованным действиям центральных банков обеих стран и курсу на укрепление валютной независимости..³⁷⁰

Схожая ситуация наблюдается и в торгово-экономических отношениях России с Казахстаном. По официальным данным, около 95 % внешнеторговых операций между двумя странами осуществляется в национальных валютах..³⁷¹

В Кыргызской Республике также фиксируется высокий уровень валютной локализации. Хотя официальная статистика по внешнеторговым операциям представлена менее полно, известно, что более 90 % денежных переводов от

³⁶⁸ Татар-информ. Товарооборот России и стран Центральной Азии составил более 44 млрд долларов в 2023-м [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.tatar-inform.ru/news/tovarooborot-rossii-i-stran-centralnoi-azii-sostavil-bolee-44-mlrd-dollarov-v-2023-m-5946230> (дата обращения: 30.07.2025).

³⁶⁹ Интернет- портал СНГ. Центральная Азия и Россия выстраивают уникальное партнёрство [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://e-cis.info/news/566/127393/> (дата обращения: 30.07.2025).

³⁷⁰ ТАСС. Доля нацвалют во взаиморасчетах России и Таджикистана достигла 97% [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tass.ru/politika/24142639> (дата обращения: 30.07.2025).

³⁷¹ TV BRICS. Kazakhstan–Russia trade reaches 95% settlement in national currencies [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tvbrics.com/en/news/kazakhstan-russia-trade-reaches-95-settlement-in-national-currencies> (дата обращения: 30.07.2025).

кыргызских мигрантов в России направляются в национальной валюте. Это косвенно указывает на широкое использование рубля в торговых расчётах и платежах между двумя странами.³⁷² В случае Узбекистана переход на расчёты в национальных валютах также продвигается динамично. По состоянию на 2024 год доля таких операций достигла 75%, что отражает стремление сторон к сокращению зависимости от доллара США и евро в межгосударственной торговле. Это особенно актуально в условиях региональных санкционных режимов и изменения глобальной ситуации.

Таким образом, обобщённые данные свидетельствуют о чётко выраженной и возрастающей тенденции перехода стран Центральной Азии на расчёты с Российской Федерацией в национальных валютах. Эта трансформация не только способствует укреплению финансовой устойчивости и снижению валютных рисков, но и отражает углубление стратегического партнёрства между Россией и странами региона в условиях меняющегося мирового порядка.

В структуре внешнеторгового обмена России с государствами Центральной Азии значительное место наряду с сырьевыми позициями занимают промышленные товары, сельскохозяйственная продукция, химическая и нефтехимическая продукция, фармацевтические изделия, продукция чёрной и цветной металлургии, а также изделия автомобильной и машиностроительной отраслей, что свидетельствует о комплексном характере экономических связей.

Особое значение в настоящее время приобретает развитие межрегионального сотрудничества, которое становится одним из ключевых инструментов углубления добрососедских и взаимовыгодных отношений. География партнёрств отражает заинтересованность регионов России в расширении прямых экономических и гуманитарных контактов со странами Центральной Азии.

По состоянию на 2024 год, 76 субъектов Российской Федерации поддерживают активные связи с Республикой Казахстан, 71 — с Кыргызской

³⁷² Азаттык. Объём денежных переводов в Кыргызстан увеличился — 93% средств пришли из России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rus.azattyq.org/a/33536924.html> (дата обращения: 30.07.2025)

Республикой, 80 — с Республикой Таджикистан, 60 — с Туркменистаном и 75 — с Республикой Узбекистан.³⁷³

Многие эксперты считают, что в период с 1991 по 2000 год сотрудничество России с постсоветскими республиками Центральной Азии развивалось слабо и не имело выраженного стратегического вектора, что объясняется доминировавшей в тот момент внешнеполитической ориентацией Москвы на Запад. Как указывают А.И. Суздальцев и Е.А. Куркова, для России 1990-х годов характерно «условное взаимодействие в рамках СНГ со странами постсоветского пространства и стремление стать равным партнёром с ведущими мировыми державами, а как следствие — дистанцирование от советского прошлого, уступки в региональных позициях ради повышения авторитета на Западе. Экономические и внутривнутриполитические трудности побуждали Москву отстраняться от ещё более уязвимых в экономике бывших союзных республик, что в ряде случаев порождало рост недоверия среди элит новых государств».³⁷⁴

По мнению ряда российских исследователей, взаимодействие России со странами Центральной Азии в 1990-е годы носило в целом фрагментарный и дезинтеграционный характер. Так, подчёркивают С.Н. Погодин и Т.С. Тараканова, что до 2000 года в рамках СНГ преобладали именно центробежные тенденции. Среди ключевых признаков этого процесса они выделяют: резкое сокращение объёма взаимной торговли между участниками Содружества, вызванное разрушением ранее действовавших производственно-экономических связей, а также переориентацией многих стран на сотрудничество с внешними акторами; и выход из Договора о коллективной безопасности ряда государств, включая Узбекистан. В целом этот период характеризовался тяжёлым социально-экономическим положением как в самих государствах Центральной Азии, так и в

³⁷³ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Страны Центральной Азии: актуальные аспекты сотрудничества с Российской Федерацией. — М., 2023. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/problematika-prostranstva-sng/rossia-i-problemy-centralnoj-azii/ (дата обращения: 17.07.2025)

³⁷⁴ Суздальцев А. И., Куркова Д. В. Внешняя политика России в Центральной Азии // Россия и Китай в евразийской интеграции: сотрудничество или соперничество? / сост. М. В. Братерский. — М.: Нестор-История, 2015. — Режим доступа: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/mkvmlqqjgt/144789099.pdf> (дата обращения: 17.07.2025)

Российской Федерации, что объективно сужало возможности для полноценного стратегического взаимодействия между ними.³⁷⁵

Аналогичную позицию высказывает и И. А. Сафранчук, отмечая, что в течение 1990-х и значительной части 2000-х годов внешнеполитический курс России был преимущественно ориентирован на западное направление, однако с течением времени «очарование Западом» стало постепенно угасать, уступая место прагматическому интересу к укреплению региональных связей и восстановлению влияния в постсоветском пространстве.³⁷⁶

Качественный поворот в отношениях России со странами региона произошёл с началом 2000-х годов, что совпало с приходом к власти В. В. Путина. Причиной активизации российской политики в Центральной Азии стали: во-первых, это потребность нейтрализовать угрозы транснационального терроризма, исходящие с южных рубежей, во-вторых — стремление обеспечить устойчивое энергетическое партнёрство с бывшими союзными республиками, что особенно актуализировалось на фоне роста мировых цен на энергоресурсы.

Важно подчеркнуть, что Центральная Азия стабильно занимает ключевое место в официальной внешнеполитической доктрине Российской Федерации. Это положение закреплено во всех концепциях внешней политики РФ начиная с 1993 года и вплоть до последнего документа 2023 года. Центральноазиатское направление последовательно определяется как «зона особых интересов» России, предполагающая углублённую координацию в сферах безопасности, экономики, транспорта и гуманитарного обмена.³⁷⁷

В марте 2023 года указом Президента Российской Федерации В. В. Путина была утверждена обновлённая редакция Концепции внешней политики Российской Федерации. На фоне глубокого кризиса в отношениях с

³⁷⁵ Погодин С. Н., Тараканова Т. С. Внешнеполитические интересы Российской Федерации в Центральной Азии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2021. — № 2. — С. 79-80. — DOI: 10.22394/2073-2929-2021-02-77-85. (дата обращения: 17.07.2025).

³⁷⁶ Сафранчук И. Российская политика в Центральной Азии: стратегический контекст. Записка Аналитического центра ОБСЕВРО, № 8. — Ноябрь 2014. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/iblock/d8b/d8be9a2679338e37315ca64bfdd064ad.pdf> (дата обращения: 30.07.2025).

³⁷⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Президентом РФ 31.03.2023 № 229 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. — URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 17.07.2025)

коллективным Западом в документе акцент сделан на углубление евразийского сотрудничества и разворот внешнеполитического вектора России в сторону Востока. Ключевым стратегическим ориентиром названа идея формирования Единого Евразийского интеграционного пространства, что, в свою очередь, значительно повышает геополитическую значимость государств Центральной Азии в структуре приоритетов Москвы.

Содержание документа включает положения, прямо или косвенно относящиеся к данному Центральноазиатскому региону. В частности, речь идёт о намерении Российской Федерации усилить взаимодействие с международными организациями в сфере предотвращения кризисов и урегулирования конфликтов — прежде всего с ООН и ОДКБ. В этом контексте предложена инициатива введения института «координирующего государства» между двумя структурами, на которое будет возложено формирование коллективных миротворческих сил ОДКБ для участия в операциях под эгидой ООН.

Концепция подчёркивает стремление России не только предотвращать региональные конфликты и стабилизировать ситуацию в странах ближнего зарубежья, но и противодействовать внешнему вмешательству в дела союзников, включая так называемые «цветные революции». Для государств Центральной Азии этот вектор имеет особое значение с учётом исторического опыта: от волнений в Андижане Узбекистан до череды смен власти в Кыргызстане, часто сопровождавшихся деструктивным внешним воздействием. При этом Россия заявляет о готовности гарантированно обеспечивать безопасность своих партнёров даже в условиях ухудшения глобальной военно-политической обстановки, что соответствует заявленному курсу на сохранение роли гаранта стабильности в зоне постсоветского пространства.

На практике это предполагает использование не только ресурсов ОДКБ, но и развернутых в регионе военных объектов России — прежде всего авиабазы «Кант» в Кыргызской Республике и 201-й мотострелковой базы в Республике Таджикистан.

Кроме того, в числе приоритетов обозначено противодействие военному присутствию «недружественных государств» на территории сопредельных стран. Данное положение находит практическое выражение в стремлении Москвы блокировать попытки США восстановить инфраструктуру военного присутствия в Центральной Азии, особенно после вывода американских войск из Афганистана в 2021 году. Несмотря на дипломатические попытки наладить взаимодействие со странами региона, включая как членов ОДКБ, так и Узбекистан, Вашингтон не добился ощутимых результатов. Однако в условиях специальной военной операции России на Украине нельзя исключать новых усилий США по дестабилизации южных рубежей России через военно-политическое давление на центральноазиатском направлении.

Одним из новых направлений, получивших отражение в обновлённой Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 года, стало усиление внимания к вопросам биологической безопасности. Документ фиксирует готовность России пресекать деятельность, представляющую угрозу для здоровья населения, прежде всего за счёт пресечения разработок биологического и токсинного оружия за рубежом, особенно в сопредельных государствах. Хотя в тексте Концепции напрямую не упоминаются США, ясно, что акцент делается на проблему размещения иностранных биолaborаторий вблизи российских границ, в частности на постсоветском пространстве и в Центральной Азии.³⁷⁸ Наиболее острая обеспокоенность вызывает активизация американских проектов в Республике Казахстан. По доступной информации, к 2026 году американская сторона планирует построить в посёлке Гвардейский Жамбылской области лабораторию четвёртого уровня биологической безопасности BSL-4, а также подземное хранилище с коллекцией особо опасных патогенов. Такие объекты несут потенциальный риск как для экосистемы

³⁷⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Президентом РФ 31.03.2023 № 229 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 17.07.2025)

региона, так и для населения и являются предметом особого внимания со стороны российских профильных ведомств.³⁷⁹

В ответ на это Россия декларирует готовность расследовать случаи предполагаемого размещения или применения биологического оружия, усиливать противодействие диверсиям и терактам с использованием опасных патогенов, а также развивать сотрудничество в сфере биобезопасности в рамках ОДКБ и СНГ.

Что касается ситуации в Афганистане, то в новой редакции Концепции внешней политики РФ отсутствует прежняя детализация, касающаяся угроз, исходящих от нестабильности в этой стране. Вместо этого упор сделан на необходимость формирования в Афганистане инклюзивной политической системы, способной обеспечить национальное согласие и создать условия для дальнейшей интеграции страны в евразийское пространство. Это положение особенно актуально для Республики Таджикистан, которая последовательно занимает жёсткую позицию по отношению к текущей власти в Кабуле, обвиняя её в исключении ряда этнических групп из системы государственного управления.

Позиция России по афганскому вопросу во многом коррелирует с точкой зрения Душанбе, однако выражается в более умеренной форме. Москва настаивает на необходимости политического урегулирования, но избегает резкой критики, стремясь сохранить диалог с афганской стороной и не допустить обострения обстановки на южных рубежах постсоветского пространства. В этом контексте Россия сохраняет за собой роль посредника и координатора усилий по нормализации ситуации в Афганистане, исходя из общих интересов безопасности региона.

³⁷⁹ Qazinform. В Казахстане построят лабораторию для особо опасных вирусных штаммов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://qazinform.com/news/kazakhstan-to-build-highly-dangerous-virus-strains-lab_a3865831 (дата обращения: 30.07.2025).; Forbes Kazakhstan. В Казахстане появится лаборатория для опасных штаммов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://forbes.kz/articles/v_kazahstane_poyavitsya_laboratoriya_dlya_opasnyih_shtammov (дата обращения: 30.07.2025).; StanRadar. Зачем Пентагон трясёт пробирками в СНГ? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://stanradar.com/news/full/51072-zachem-pentagon-trjaset-probirkami-v-sng.html> (дата обращения: 30.07.2025).; VPO Analytics. Казахстан вновь отрицает наличие в республике «американских фабрик смерти» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vpoanalytics.com/point-of-view/kazakhstan-vnov-otritsaet-nalichie-v-respublike-amerikanskikh-fabrik-smerti> (дата обращения: 30.07.2025).

Обновлённая Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждённая в марте 2023 года, чётко фиксирует курс на расширение связей на восточном направлении. Особое внимание уделено созданию широкого интеграционного пространства — так называемого Большого Евразийского партнёрства, которое должно объединить потенциалы ключевых региональных объединений, таких как Евразийский экономический союз ЕАЭС, Шанхайская организация сотрудничества ШОС и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии АСЕАН, а также сопряжение стратегий развития ЕАЭС с китайской инициативой «Один пояс, один путь».³⁸⁰

Хотя в центре усилий российской дипломатии по-прежнему остаётся ЕАЭС, подчёркивается готовность Москвы к всестороннему диалогу и с государствами, не входящими в это объединение. В данном контексте особую актуальность приобретает выстраивание гибких и многомерных форматов сотрудничества с центральноазиатскими странами, включая Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

Принципиально важным шагом в этом направлении стало проведение первого саммита в формате «Россия – Центральная Азия», прошедшего на уровне глав государств 14 октября 2022 года в Астане. Подобная модель многостороннего диалога, ранее активно использовавшаяся такими игроками, как США и КНР, начала применяться и в российской практике. Учитывая стратегическую важность региона, можно ожидать институционализации данного формата с его превращением в регулярную площадку для согласования позиций и реализации совместных инициатив.³⁸¹ Продолжением данного курса стало запланированное проведение второго саммита в аналогичном формате, который должен состояться в Душанбе в октябре 2025 года. Подготовка ко встрече на высшем уровне осуществляется в рамках серии межведомственных и экспертных консультаций, охватывающих экономическое сотрудничество,

³⁸⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Президентом РФ 31.03.2023 № 229 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 17.07.2025).

³⁸¹ First summit of the Central Asian countries and Russia held in Astana [Электронный ресурс]. — 16.10.2022. — Режим доступа: <https://www.newscentralasia.net/2022/10/16/first-summit-of-the-central-asian-countries-and-russia-held-in-astana/> (дата обращения: 30.07.2025)

вопросы водной энергетики, транспортных коридоров, а также совместные меры реагирования на трансграничные вызовы и угрозы. Такая последовательность действий свидетельствует о курсе на институционализацию данного формата и его превращение в постоянно действующий механизм, аналогичный другим региональным форумам например, «Центральная Азия + Япония» или «Центральная Азия + ЕС».

Уже на подготовительном этапе были выдвинуты предложения о создании координационного совета или рабочей группы при поддержке национальных внешнеполитических ведомств, что должно повысить оперативность взаимодействия и повысить эффективность реализации достигнутых договорённостей. Кроме того, в центре внимания остаётся идея формирования общей повестки по вопросам цифровизации, энергетической взаимосвязанности, экологической устойчивости и безопасности. Таким образом, формат «Россия – Центральная Азия» постепенно приобретает черты постоянного политического механизма, в рамках которого Россия стремится укрепить свою роль как системного партнёра и гаранта региональной стабильности на фоне усиливающейся конкуренции внешних акторов.

Центральная Азия рассматривается как ключевое звено в реализации трансрегиональных инфраструктурных и логистических проектов. Россия подчёркивает необходимость модернизации и развития международного транспортного коридора «Европа – Западный Китай», значительная часть которого около 2800 км проходит по территории Казахстана. Это обстоятельство усиливает значение республики в качестве крупного транзитного хаба Евразии и придаёт дополнительный импульс российско-казахстанскому сотрудничеству.³⁸²

Активизация сотрудничества в прикаспийской зоне предполагает углубление взаимодействия с Казахстаном и Туркменистаном в рамках международных соглашений, касающихся устойчивого развития Каспийского

³⁸² Чишков Ю. В. Международные транспортные коридоры - коммуникационный каркас экономики // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. 2015. №5 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-transportnye-koridory-kommunikatsionnyy-karkas-ekonomiki> (дата обращения: 30.07.2025).

моря, а также реализации инфраструктурных и энергетических проектов, имеющих значение для всего евразийского пространства.

Таким образом, вектор внешней политики России в регионе Центральной Азии всё более ориентирован на системную институционализацию диалога, развитие инфраструктуры сопряжения и формирование устойчивых форматов многовекторного сотрудничества.

Идея, высказанная Збигневом Бжезинским в конце XX века, о Евразии как о «великой шахматной доске», на которой разыгрываются ключевые партии глобальной политики, не утратила своей актуальности и в условиях XXI века. Сегодня «игра» вступила в фазу миттельшпиля — этапа, где сосредоточены главные тактические манёвры: нарастают элементы позиционного противостояния, стратегических комбинаций и симметричных или асимметричных ответов. В этих условиях значение Центральной Азии как одного из опорных полей евразийской геополитики стремительно возрастает.

Принятие в 2023 году новой Концепции внешней политики Российской Федерации ознаменовало окончание периода инерционного следования внешнеполитическим парадигмам, заложенным ещё в 1990-х годах. Впервые столь однозначно векторы внимания смещаются в сторону Востока и Евразии, а не Запада. Центральная Азия, в данном контексте, становится пространством реализации интересов России в сфере безопасности, транзита, энергетики и кооперации, а также платформой для построения Большого евразийского партнёрства

Выстраивание стабильного, институционализированного и доверительного взаимодействия с государствами Центральной Азии позволяет Москве не только укрепить свои позиции в регионе, но и предложить собственную архитектуру евразийской интеграции, альтернативную западным и восточным проектам.

С самого начала формирования внешнеполитического курса Российской Федерации пространство Содружества Независимых Государств СНГ рассматривалось как зона первоочередного интереса. Создание СНГ в декабре 1991 года стало попыткой сохранить системную преемственность политических,

экономических и гуманитарных связей между бывшими республиками СССР, несмотря на распад единого государства. Соглашение о создании СНГ закрепило стремление новых независимых государств к сохранению общего военно-стратегического пространства, координации внешнеполитических усилий, формированию общего рынка и совместному обеспечению региональной безопасности, включая противодействие терроризму и транснациональной преступности.

Практическая реализация этих положений оказалась сопряжена с существенными трудностями. На фоне усложнения внутривнутриполитической и экономической ситуации внутри самих государств — участников СНГ — а также политических разногласий, в том числе по вопросам безопасности и взаимодействия с НАТО, эффективность деятельности Содружества значительно снизилась. Как показывают оценки, начиная с середины 1990-х годов стало очевидно: эффективность механизма коллективного принятия решений в СНГ находится под сомнением, о чём свидетельствовала низкая результативность саммитов и различие в подходах государств-участников к ключевым международным вопросам.³⁸³

Тем не менее, СНГ способствовало сохранению минимального уровня политической координации и, в определённой степени, формированию представления о постсоветском пространстве как об относительно едином геополитическом регионе. Анализ внешнеполитических концепций РФ начиная с 1993 года и до последней редакции 2023 года показывает, что приоритетность взаимодействия с государствами СНГ осталась неизменной. Менялись лишь методы, средства и акценты внешнеполитической практики в зависимости от трансформации международной среды и уровня напряжённости в отношениях с Западом.

Особенно актуализировалась эта повестка после 2014 года, на фоне политического конфликта между РФ и западными странами, и особенно в

³⁸³ Погодин С. Н., Тараканова Т. С. Внешнеполитические интересы Российской Федерации в Центральной Азии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2021. — № 2. — С. 79. — DOI: 10.22394/2073-2929-2021-02-77-85. (дата обращения: 17.07.2025).

контексте событий 2022–2024 годов. В этих условиях поддержание устойчивых политико-экономических связей с соседними странами стало краеугольным элементом стратегии внешнеполитической автономии.

Ретроспективный анализ политики России в 1990-х годах также свидетельствует о наличии стремления к тесному взаимодействию с западными странами, особенно с США. Это объяснялось как необходимостью в привлечении иностранных инвестиций и восстановлении статуса державы, так и ожиданием того, что уступчивость России в отношении своих национальных интересов будет компенсирована западной поддержкой её реформ. Однако условием участия Запада, в частности США, в урегулировании конфликтов на постсоветском пространстве Москва ставила признание за собой роли «гаранта демократических преобразований и локомотива реформ» на территории бывшего СССР.³⁸⁴

Вместе с тем принятие новой внешнеполитической концепции РФ в 2000 году ознаменовало смещение акцентов с внешней зависимости к опоре на внутренние ресурсы и более прагматичный подход к региональной политике. Учитывая растущее влияние развивающихся стран, Москва начала выстраивать новую модель сотрудничества с соседями, что в немалой степени связано с личной заинтересованностью политического руководства в развитии отношений на постсоветском пространстве.

Рост значимости развивающихся стран в мировой экономике в начале XXI века побудил Россию пересмотреть действующие модели взаимодействия, в особенности в отношении ближайших соседей — как отдельных государств, так и наднациональных объединений. Заметную роль в интенсификации российской внешней политики на постсоветском пространстве сыграла личная вовлечённость Президента В. В. Путина и его ближайшего окружения в проблематику развития СНГ. Такой подход, по сути, отвечал логике происходящих на тот момент

³⁸⁴ Дмитриева М. О. Эволюция российской внешней политики в Центральной Азии // Дискуссия. 2014. №2 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-rossiyskoy-vneshney-politiki-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 30.07.2025).

глобальных изменений, когда необходимость усиления позиций России в условиях усиливающейся конкуренции становилась очевидной.

Что касается приоритетов, определённых в новой концепции внешней политики, то они в своей основе сохраняют преемственность с предыдущими редакциями. Ключевыми остаются цели обеспечения национальной безопасности, содействия устойчивому экономическому развитию, укрепления дружественных связей со странами СНГ, а также продвижения многостороннего сотрудничества с иными государствами на принципах международного права, что должно способствовать росту авторитета и влияния Российской Федерации на международной арене.

Интересно, что положения документа «Стратегический курс России с государствами — участниками Содружества Независимых Государств», принятые ещё в 1995 году, не утратили своей значимости даже спустя десятилетия. Несмотря на утверждение новых редакций концепции внешней политики в 2008 и 2016 годах, пересмотр самого «Стратегического курса» так и не был произведён: в 2005 году в него были внесены лишь отдельные изменения, не затронувшие его основополагающих положений. Этот факт подчёркивает долгосрочный характер интересов России в пространстве СНГ, прежде всего в вопросах безопасности, обороны, экономики и правовой стабильности. В документе прямо говорится о тесной взаимозависимости между политической устойчивостью государств региона и уровнем внутренней безопасности Российской Федерации.³⁸⁵

Говоря о специфике российских интересов в рамках СНГ и в регионе Центральной Азии, в частности, следует охарактеризовать особенности этих отношений. Россия последовательно демонстрирует, что интеграционное развитие в рамках СНГ представляет собой важнейший элемент её внешнеполитических интересов. В этом контексте Москва не только воспринимает себя как участника данных процессов, но и претендует на

³⁸⁵ Стратегический курс Российской Федерации с государствами — участниками Содружества Независимых Государств // Официальный сайт МИД России. — URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1695744/ (дата обращения: 30.07.2025)

ведущую роль в их институционализации. В официальных стратегических установках подчеркивается, что «главной целью политики России в отношении СНГ является создание интегрированного экономического и политического объединения государств, способного претендовать на достойное место в мировом сообществе».³⁸⁶

Кроме того Москва стремится выступать катализатором интеграционных процессов как на пространстве СНГ, так и в более широком евразийском контексте. В частности, Россия и дальше намерена играть инициативную роль в процессах экономической интеграции на пространстве СНГ, а в более широком плане — и на всём евразийском пространстве.

Существенным шагом в направлении экономического сближения стало подписание 18 октября 2011 года Договора о зоне свободной торговли, цель которого — расширение экономического взаимодействия между государствами СНГ посредством унификации нормативно-правовых основ и снижения барьеров во взаимной торговле.³⁸⁷

Важно отметить, что Россия отстаивает концепт «разноуровневой интеграции», подразумевающей адаптацию интеграционного участия стран СНГ в зависимости от их политической воли, экономических возможностей и степени готовности к сближению. Такой подход позволяет выстраивать широкий спектр отношений — от создания Союзного государства с Беларусью до преимущественно экономических контактов с Туркменистаном. Несмотря на различия в глубине сотрудничества, все эти форматы рассматриваются как составные элементы общей интеграционной стратегии России. Опорой для реализации такой стратегии служат сложившиеся двусторонние связи, долговременные торгово-экономические контакты и, как отмечают аналитики, политическая стабильность и лояльность руководств государств-партнёров по отношению к Москве.

³⁸⁶ Стратегический курс Российской Федерации с государствами — участниками Содружества Независимых Государств // Официальный сайт МИД России. — URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1695744/ (дата обращения: 30.07.2025)

³⁸⁷ Договор о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 года // Официальный сайт СНГ. — URL: <https://eccis.org/page/13922/> <https://eccis.org/page/13922/dogovor-o-zone-svobodnoj-torgovli-ot-18-oktabra-2011-goda> (дата обращения: 30.07.2025)

Политика Российской Федерации в отношении Содружества Независимых Государств строится на трех ключевых направлениях: военно-политическом взаимодействии включая обеспечение безопасности, борьбу с транснациональной преступностью и реагирование на новые угрозы, экономическом сотрудничестве и гуманитарной интеграции. Эти векторы обозначаются как устойчивые и стратегически значимые для реализации долгосрочных интересов России в регионе.³⁸⁸

На практике сложилась модель взаимодействия, основанная на обеспечении глобальной и региональной безопасности через такие институты, как Организация Договора о коллективной безопасности ОДКБ, Шанхайская организация сотрудничества ШОС, а также через двусторонние форматы сотрудничества, получившие значительное развитие.

В рамках военно-стратегического приоритета особое значение придаётся недопущению размещения военной инфраструктуры недружественных государств на территории государств Центральной Азии, что неоднократно фиксировалось в официальных внешнеполитических документах России. В частности, в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой в 2000 году, было заявлено, что основополагающей задачей в сфере обеспечения национальной безопасности является «защита независимости, суверенитета, государственной и территориальной целостности, предотвращение агрессии в отношении России и её союзников, а также создание условий для мирного, демократического развития».³⁸⁹

Эти установки были развиты в последующих редакциях стратегических документов. Так, в Указе Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» в числе приоритетных задач внешней политики России подчёркивается развитие двусторонних и многосторонних связей со странами СНГ, а также углубление

³⁸⁸ Погодин С. Н., Тараканова Т. С. Внешнеполитические интересы Российской Федерации в Центральной Азии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2021. — № 2. — С. 83. — DOI: 10.22394/2073-2929-2021-02-77-85. (дата обращения: 17.07.2025).

³⁸⁹ Указ Президента Российской Федерации от 10.01.2000 N 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17186/ (дата обращения: 30.07.2025)

взаимодействия с Центральной Азией в политико-экономической и военно-стратегической сферах, в том числе при посредстве ШОС³⁹⁰

Таким образом, Центральная Азия занимает значимое место в контексте общей архитектуры безопасности Российской Федерации, поскольку представляет собой зону первоочередного стратегического интереса в части нейтрализации внешних угроз и поддержания стабильности на южных рубежах страны.

Согласно внешнеполитическим и стратегическим установкам Российской Федерации, существует ряд вызовов, способных существенно затруднить развитие интеграционного потенциала Центральной Азии и координационных механизмов в рамках СНГ. К числу таких дестабилизирующих факторов относятся: распространение международного терроризма, сепаратизма и религиозного экстремизма; изменение баланса сил в регионе в ущерб интересам России в результате усиления влияния внерегиональных акторов; возможные попытки насильственной смены политических режимов в странах Центральной Азии; рост трансграничной преступности, включая угрозу бесконтрольного распространения оружия массового уничтожения; а также незаконный оборот наркотических средств и формирование устойчивых каналов их транспортировки.³⁹¹

В ответ на эти угрозы Россия последовательно выстраивает как двусторонние механизмы сотрудничества в сфере безопасности включая соглашения о размещении военных баз, совместное использование инфраструктуры, охрану границ, обмен разведданными, так и многосторонние форматы. Основой такого взаимодействия выступает Договор о коллективной безопасности, подписанный 15 мая 1992 г., в рамках которого в 2002 году была создана Организация Договора о коллективной безопасности ОДКБ. Эта структура обеспечивает координацию усилий государств-участников по

³⁹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 30.07.2025)

³⁹¹ Саидов Х. С.; Наими И. Н. Республика Таджикистан: проблемы и факторы развития стратегического партнерства / Х. С. Саидов, И. Н. Наими // Ученые записки Российско-Таджикского (Славянского) университета. Серия: социально-гуманитарные науки. – 2024. – № 2 (4). – С. 47–60

противодействию трансграничным вызовам. На платформе ОДКБ регулярно проводятся совместные учения с участием национальных вооружённых сил, в том числе под эгидой Антитеррористического центра СНГ, направленные на отработку совместных действий в условиях кризисных ситуаций и борьбы с терроризмом.

Одной из стратегических целей Российской Федерации в области обеспечения безопасности на постсоветском пространстве остаётся построение самостоятельной региональной системы безопасности, способной функционировать без вмешательства внешних геополитических игроков, при этом базируясь на авторитете ООН и принципах международного права. Параллельно с ОДКБ в аналогичном ключе действует Шанхайская организация сотрудничества ШОС, в рамках которой с 2003 года активно функционирует Региональная антитеррористическая структура РАТС, а в 2012 году в ОДКБ был создан Военный комитет, что позволило институционализировать координацию оборонной политики и оперативного взаимодействия.

Экономическое взаимодействие остаётся ключевым аспектом сотрудничества Российской Федерации с государствами Содружества Независимых Государств, особенно в отношении стран Центральной Азии, которые традиционно выступают в роли значимых торговых партнёров Москвы.

Активизация экономических процессов в регионе Центральной Азии во многом обусловлена возрастающим интересом глобальных акторов к её природно-ресурсному потенциалу. Ускоренный рост мировой потребности в сырьевых ресурсах способствует стремлению ведущих держав, таких как США и Китай, реализовать на этой основе собственные стратегические проекты. Так, США продвигают инициативу «Большая Центральная Азия», направленную на углубление связей между регионами, а Китайская Народная Республика активно развивает концепцию «Один пояс — один путь».

Ключевой платформой интеграционного сотрудничества России со странами СНГ остаётся Евразийский экономический союз, развившийся из Евразийского экономического сообщества. Основная цель ЕАЭС заключается в

формировании единого экономического пространства, предусматривающего унификацию таможенного законодательства, последовательную ликвидацию барьеров для свободного товарообмена, создание общих финансовых структур — таких как Евразийский банк развития — и проработку вопроса введения общей валюты, а также гармонизацию правового регулирования.³⁹² Договор о зоне свободной торговли был подписан 18 октября 2011 года. Его положения ориентированы на открытие национальных рынков, устранение препятствий для бизнеса, унификацию стандартов и норм, а также на обеспечение равных условий функционирования хозяйствующих субъектов.³⁹³

Тем не менее, несмотря на заявленные цели, путь к полноценной реализации интеграционных механизмов в рамках ЕАЭС остаётся непростым. Основные препятствия включают недостаточную развитость инфраструктуры, наличие коррупционных схем (особенно на границах стран-участников)³⁹⁴, правовые несогласованности между государствами-участниками и другие структурные проблемы, тормозящие экономическую консолидацию.³⁹⁵

Идеальная модель такого пространства охватывает, помимо России, государства СНГ, включая Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан.

В ходе онлайн-конференции «ЕАЭС: 10 лет функционирования крупнейшего интеграционного объединения в Евразии» министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии Эльдар Алишеров представил ключевые результаты десятилетней работы Евразийского экономического союза. В выступлении он подчеркнул, что дальнейшее развитие интеграционного проекта будет опираться на положения Декларации о

³⁹² Погодин С. Н., Тараканова Т. С. Внешнеполитические интересы Российской Федерации в Центральной Азии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2021. — № 2. — С. 82. — DOI: 10.22394/2073-2929-2021-02-77-85. (дата обращения: 17.07.2025).

³⁹³ Договор о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 года // Официальный сайт СНГ. — URL: <https://eccis.org/page/13922/> <https://eccis.org/page/13922/dogovor-o-zone-svobodnoj-torgovli-ot-18-oktabra-2011-goda> (дата обращения: 30.07.2025)

³⁹⁴ Погодин С. Н., Тараканова Т. С. Внешнеполитические интересы Российской Федерации в Центральной Азии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2021. — № 2. — С. 82-84. — DOI: 10.22394/2073-2929-2021-02-77-85. (дата обращения: 17.07.2025).

³⁹⁵ Не как у соседей: евразийская интеграция и наднациональные суды [Электронный ресурс]. — 23.06.2020. — Режим доступа: <https://ifacademy.ru/sphere/post/ne-kak-u-sosedei-evraziiskaya-integraciya-i-nadnacionalnye-sudy> (дата обращения: 30.07.2025).

продолжении экономической интеграции в ЕАЭС до 2030 и 2045 годов, а также на расширение сотрудничества с внешними партнёрами по наиболее эффективным моделям взаимодействия.³⁹⁶

Евразийская интеграция стала фактором устойчивости и стимулом экономического роста, обеспечив укрепление основных макроэкономических показателей государств Союза. Новая структура торговых потоков, логистики, трудовой мобильности и финансовых операций в регионе, в сочетании с активной экономической политикой стран-участниц, сыграла значимую роль в динамике развития. По расчётам ЕЭК, индекс физического объёма ВВП ЕАЭС в 2024 году достиг 117,6% уровня 2014 года. При этом в отдельных странах темпы роста оказались ещё выше: ВВП Армении увеличился в 1,6 раза, Кыргызстана — также в 1,6 раза, Казахстана — в 1,3 раза.³⁹⁷

Отдельный акцент Алишеров сделал на показателях взаимной и внешней торговли. Доля взаимных торговых операций в общем внешнеторговом обороте Союза увеличилась до 19,8% в 2024 году по сравнению с 13,5% в 2015-м. Объёмы взаимной торговли товарами с 2015 года фактически удвоились и в 2024 году приблизились к отметке в 100 млрд долларов США.³⁹⁸

ЕАЭС за прошедшее десятилетие сформировался как значимый элемент глобальной экономической системы. Создана инфраструктура сотрудничества, позволяющая выстраивать комплексный диалог с партнёрами, укреплять устойчивость экономик стран-участниц, расширять экспортные направления, а также привлекать инвестиции и современные технологии. В рамках международного взаимодействия Комиссией подписано 46 меморандумов о взаимопонимании с международными организациями универсального и отраслевого профиля, 14 — с региональными интеграционными и межгосударственными объединениями и 30 — с правительствами, министерствами и ведомствами зарубежных государств. Кроме того, действует

³⁹⁶ Алишеров Э. Евразийская экономическая интеграция обеспечивает заметный рост ключевых показателей развития стран ЕАЭС [Электронный ресурс]. — 13.03.2025. — Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/eldar-alisherov-evraziyskaya-ekonomicheskaya-integratsiya-obespechivaet-zametnyy-rost-klyuchevykh-po/> (дата обращения: 30.07.2025).

³⁹⁷ Там же.

³⁹⁸ Там же.

четыре торговых соглашения между ЕАЭС и третьими странами — Вьетнамом, Ираном, Китаем и Сербией.³⁹⁹

Параллельно ведутся переговоры о расширении либерализации торговли с Объединёнными Арабскими Эмиратами, Индонезией и Монголией. Союз также усиливает взаимодействие с государствами Юго-Восточной Азии как в формате партнёрства с АСЕАН, так и на двустороннем уровне. Приоритетными остаются контакты со странами СНГ, ШОС, БРИКС и АСЕАН. По словам Алишера, несмотря на сложности геоэкономической обстановки, круг партнёров Союза продолжает расширяться.

По данным Всемирного банка (оценка по паритету покупательной способности), совокупный ВВП государств и региональных объединений, с которыми ЕАЭС заключил торговые соглашения, предоставил статус наблюдателя или подписал меморандумы о сотрудничестве, составляет 71,9 трлн долларов США, что соответствует 49,9% мирового ВВП. Население этих стран оценивается в 4,3 млрд человек, то есть 53,5% населения планеты.⁴⁰⁰

Значимость Центральной Азии в проекте ЕЭП обусловлена не только масштабами экономики и населения, но и необходимостью структурной трансформации самой российской экономики. Одним из приоритетов становится реиндустриализация, ориентированная на развитие несырьевых отраслей и создание дополнительных рабочих мест.

Практика функционирования Таможенного союза (ТС), созданного в рамках Евразийского интеграционного проекта, продемонстрировала как позитивные достижения, так и структурные ограничения, обусловленные различиями в уровнях экономического развития стран-участниц.

Формально ТС начал действовать с 1 января 2010 года между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией, став ключевым этапом в процессе евразийской экономической интеграции. Основной целью

³⁹⁹ Алишеров Э. Евразийская экономическая интеграция обеспечивает заметный рост ключевых показателей развития стран ЕАЭС [Электронный ресурс]. — 13.03.2025. — Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/eldar-alisherov-evraziyskaya-ekonomicheskaya-integratsiya-obespechivaet-zametnyy-rost-klyuchevykh-po/> (дата обращения: 30.07.2025).

⁴⁰⁰ Там же.

объединения стало формирование общего таможенного пространства, предполагающего устранение таможенного контроля на внутренних границах и унификацию внешнеэкономической политики стран-участниц.⁴⁰¹ Позднее к союзу присоединилась Армения (в 2015 году) и Кыргызская Республика, ставшая полноправным членом Таможенного союза и затем Евразийского экономического союза (ЕАЭС) после завершения процедур присоединения. Процесс вхождения в Таможенный союз сопровождался рядом сложностей и вызовов, связанных с необходимостью адаптации национального законодательства к нормам и требованиям ТС. Особенно это касалось Кыргызстана, экономика которого до вступления в союз в значительной степени зависела от реэкспортных схем через китайский рынок. Вступление потребовало ликвидации «серого импорта» и внедрения новых механизмов таможенного администрирования, что вызвало внутренние социально-экономические напряжения.⁴⁰²

С началом практической реализации норм ТС были введены единый Таможенный кодекс, единые таможенные тарифы и единый перечень запретительных и ограничительных мер в отношении третьих стран. Существенным достижением стало устранение таможенного контроля на границах между государствами-членами. Это способствовало активизации взаимной торговли: к 2013 году объём взаимной торговли между странами ТС достиг 65 млрд. долларов США, увеличившись почти на 40% по сравнению с уровнем 2009 года.⁴⁰³ Однако, несмотря на интеграционные успехи, практика функционирования ТС выявила и ряд проблем. Прежде всего, сохранялось несоответствие в уровне либерализации национальных рынков и различия в институциональной среде, особенно в вопросах технического регулирования, санитарных и фитосанитарных мер. Это приводило к возникновению внутренних барьеров, несмотря на формальный отказ от таможенного контроля.

⁴⁰¹ Сафранчук И. Российская политика в Центральной Азии: стратегический контекст. Записка Аналитического центра ОБСЕВРО, № 8. — Ноябрь 2014. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/iblock/d8b/d8be9a2679338e37315ca64bfdd064ad.pdf> (дата обращения: 30.07.2025).

⁴⁰² Там же.

⁴⁰³ Там же.

Кроме того, в процессе функционирования Таможенного союза наблюдалась тенденция к доминированию одной из сторон – Российской Федерации – в принятии решений, что порождало обеспокоенность среди остальных участников по вопросам равноправия в механизмах регулирования. В ответ на эти вызовы в 2012 году была учреждена Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) как наднациональный орган, уполномоченный обеспечивать исполнение единых правил и норм в рамках интеграционного объединения.

Положительный эффект от функционирования ТС особенно проявился в улучшении условий для перемещения товаров и унификации торгово-экономических правил. Вместе с тем, изначально декларируемая цель – создание равных условий хозяйствования и устранение всех барьеров – в полной мере достигнута не была. По мнению ряда исследователей, переход к более глубокой интеграции потребовал не только устранения формальных ограничений, но и выравнивания макроэкономических параметров, инвестиционной привлекательности и административных условий.

С 2015 года Таможенный союз трансформировался в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), что стало логичным продолжением интеграционного процесса. Однако многие принципы и механизмы, отработанные в рамках ТС, были сохранены и усовершенствованы.

Что касается государств Центральной Азии, оставшихся вне рамок Таможенного союза — в частности, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан, — их позиция формировалась под влиянием целого ряда политических, экономических и стратегических факторов. Таджикистан, несмотря на официальную поддержку интеграционных инициатив в рамках СНГ и ШОС, воздержался от активного сближения с ТС по причине уязвимой структуры экономики и недостаточной подготовленности таможенной системы к стандартам объединения. Кроме того, наблюдалась осторожная позиция в отношении возможного усиления зависимости от внешнеэкономической политики России.

Республика Узбекистан, в свою очередь, придерживалась курса экономического суверенитета и избрала стратегию селективной интеграции, сосредоточившись на двусторонних соглашениях и региональных инициативах вне формальных рамок ТС. Основными причинами отказа от вступления в союз стали стремление сохранить контроль над тарифной политикой, опасения по поводу влияния на аграрный сектор и экспортную независимость, а также политические разногласия с ключевыми участниками ТС на начальных этапах его формирования.

Таким образом, опыт функционирования Таможенного союза и его расширения демонстрирует как значимость интеграционных механизмов в постсоветском пространстве, так и наличие разнонаправленных стратегий стран региона. Для Узбекистана и Таджикистана ключевым фактором при принятии решений о сближении с ТС оставалась необходимость сохранения гибкости в национальной экономической политике и оценки выгод с точки зрения долгосрочного развития. При этом, несмотря на дистанцирование от формальных структур ТС, обе страны продолжали активно участвовать в других форматах регионального сотрудничества, включая Шанхайскую организацию сотрудничества, ОИК и ООН, что свидетельствует об их стремлении к диверсификации внешнеэкономических связей при сохранении стратегической автономии.

Согласно положениям «Обзора внешней политики Российской Федерации», регион Центральной Азии продолжал оставаться одной из немногих внешнеторговых зон, где российский экспорт был преимущественно представлен продукцией промышленного сектора.⁴⁰⁴ Это подтверждается статистикой товарооборота: в такие страны, как Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан, значительную часть поставок из России составляли машины, оборудование, автотранспорт в частности, 34,9% общего объема поставок в Узбекистан, а также металлоизделия, продукция химической промышленности и иные виды

⁴⁰⁴ Сафранчук И. Российская политика в Центральной Азии: стратегический контекст. Записка Аналитического центра ОБСЕВРО, № 8. — Ноябрь 2014. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/iblock/d8b/d8be9a2679338e37315ca64bfdd064ad.pdf> (дата обращения: 30.07.2025).

промышленной продукции. В случае с Туркменистаном также фиксировалось доминирование промышленного экспорта, а в Таджикистан на долю промышленных товаров приходилось около 16% всех российских поставок.⁴⁰⁵

Этот факт свидетельствует о сохранении конкурентных позиций российской высокообработанной продукции на рынках региона.

По итогам 2024 года государства Евразийского экономического союза продемонстрировали прирост совокупного ВВП на уровне 4,2%. Объём взаимной торговли превысил отметку в 90 млрд долларов США, а индекс промышленного производства в постоянных ценах увеличился на 4,5%. Наиболее существенная динамика была зафиксирована в секторе обрабатывающей промышленности, где рост составил 8,2%.⁴⁰⁶

В числе главных достижений Союза в 2024 году является подписание Соглашения о единой системе таможенного транзита ЕАЭС и третьей стороны (третьих сторон). Документ был утверждён лидерами стран «евразийской пятёрки» в декабре 2024 года на заседании Высшего Евразийского экономического совета. Данное соглашение нацелено на повышение безопасности трансграничных перевозок и создание условий для осуществления транзита товаров как через границу Союза, так и через границы третьих государств. Его применение позволит участникам ЕАЭС сократить вмешательство контролирующих органов и уменьшить издержки бизнеса.

Среди значимых процессов 2024 года запуск пилотного проекта по использованию электронных международных транспортных накладных e-SMR при автомобильных грузоперевозках. Переход на электронный формат, подчеркнул замминистра, даёт возможность существенно сократить расходы,

⁴⁰⁵ Eurasian Economic Union's GDP growth provisionally estimated at 4% [Электронный ресурс] // ТАСС. — Режим доступа: [https://tass.com/economy/190711/\(дата обращения: 30.07.2025\).](https://tass.com/economy/190711/(дата обращения: 30.07.2025).); Оверчук: ВВП ЕАЭС вырос на 4,2% по итогам 2024 года [Электронный ресурс] // «Российская газета». — 28.03.2025. — Режим доступа: <https://rg.ru/2025/03/28/overchuk-vvp-eaes-vyros-na-42-po-itogam-2024-goda.html> (дата обращения: 30.07.2025).

⁴⁰⁶ Минэкономразвития России. В 2025 году страны ЕАЭС продолжают работу над созданием общего финансового рынка и независимой платёжной инфраструктуры [Электронный ресурс]. — 21.03.2025. — Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rossii_v_2025_godu_strany_eaes_prodolzhat_rabotu_nad_sozdaniem_obshchego_finansovogo_rynka_i_nezavisimoy_platezhnoy_infrastruktury.html (дата обращения: 30.07.2025).

связанные с логистическими, таможенными и контрольными процедурами. Экономия на одном документе для стран Союза может достигать 13 евро.

С целью дальнейшей интеграции существует необходимость объединения систем таможенного и налогового контроля, механизмов прослеживаемости продукции, а также закрепления индикативных балансов в качестве постоянного инструмента торговой политики Союза. Планируется сформировать общее пространство кооперации и технологического развития, включая поддержку совместных проектов государств ЕАЭС в агропромышленной сфере. Приоритетными названы инициативы по созданию собственного племенного и семенного фонда для сельскохозяйственного производства Союза.

Особое внимание будет уделено развитию транспортной структуры евразийских коридоров, входящих в международные маршруты «Восток–Запад» и «Север–Юг». Реализация этих задач должна укрепить устойчивость внешнеторговых и транзитных потоков и усилить транзитный потенциал региона. Кроме того, планируется дальнейшая работа над формированием общего финансового рынка, независимой платежной системы и устойчивых расчётов между предприятиями ЕАЭС, а также развитие биржевой торговли товарами и создание собственных ценовых индикаторов по ключевой номенклатуре взаимной торговли в национальных валютах. К концу 2025 года предполагается утвердить План мероприятий по реализации «Декларации 2030», который станет основным стратегическим документом Союза на предстоящий пятилетний период⁴⁰⁷

Все это свидетельствует о продолжающейся диверсификации экономики ЕАЭС, укреплении промышленного потенциала и снижении зависимости от сырьевых ресурсов, что делает союз более устойчивым к внешнеэкономическим колебаниям.

⁴⁰⁷ Минэкономразвития России. В 2025 году страны ЕАЭС продолжат работу над созданием общего финансового рынка и независимой платежной инфраструктуры [Электронный ресурс]. — 21.03.2025. — Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rossii_v_2025_godu_strany_eaes_prodolzhat_rabotu_nad_sozdaniem_obshchego_finansovogo_rynka_i_nezavisimoy_platezhnoy_infrastruktury.html (дата обращения: 30.07.2025).

Таким образом, экономическая составляющая взаимодействия России со странами Центральной Азии сохраняет приоритетное значение. Реализация успешных экономических проектов способна задать импульс для укрепления политического диалога и расширения стратегического партнёрства.

Гуманитарное взаимодействие между Российской Федерацией и странами Центральной Азии остаётся важным направлением внешней политики России, формируя мягкую силу и поддерживая многовековые культурные и образовательные связи. Основными направлениями сотрудничества выступают образование, наука, культура, а также поддержка соотечественников и продвижение русского языка.

Одним из ключевых компонентов гуманитарной политики является образовательная экспансия. Россия ежегодно выделяет квоты на обучение граждан стран Центральной Азии в российских вузах в рамках государственной программы. Кроме того, Россия со странами Центральной Азии проводит масштабные совместные образовательные проекты. В открытых источниках указывается:

В регионе действуют два совместных славянских вуза, созданных на основе межгосударственных соглашений: Кыргызско-российский славянский университет (КРСУ) в Бишкеке, где обучается около 9 000 студентов, и Российско-таджикский (славянский) университет в Душанбе с контингентом порядка 5 500 человек. Помимо этого, в странах Центральной Азии функционируют 27 филиалов российских высших учебных заведений: 14 — на территории Узбекистана, 8 — в Казахстане, 3 — в Таджикистане и 2 — в Туркменистане. В 2025 году запланировано открытие филиала Казахского национального университета в Омске, который станет первым иностранным вузом, размещённым в России.⁴⁰⁸

Согласно данным Минобрнауки России, в 2024 году на бюджетных направлениях российских вузов обучалось 39 742 студента из государств

⁴⁰⁸ Россия и Центральная Азия: более 130 тысяч студентов и до 100 млрд рублей в год на образовательное сотрудничество [Электронный ресурс]. — 06.06.2025. — Режим доступа: <https://caravan-info.kg/ru/science/213078-rossiya-i-tsentralnaya-aziya-bolee-130-tysyach-studentov-i-do-100-mlrd-rubley-v-god-na-obrazovatelnoe-sotrudnichestvo.html> (дата обращения: 30.07.2025).

Центральной Азии. Если принять среднюю стоимость одного года обучения в российском вузе равной 200 тысячам рублей, суммарные расходы российского бюджета на подготовку граждан стран региона в 2024–2025 учебном году составят порядка 8 млрд рублей, что эквивалентно примерно 90 млн долларов США. Число студентов из Центральной Азии, обучающихся по договорам (на платной основе), достигает 92 465 человек; при той же условной средней стоимости обучения это означает совокупные затраты студентов и их семей в размере около 18,5 млрд рублей.⁴⁰⁹

В сфере школьного образования Россия участвует в финансировании инфраструктурных проектов. В Таджикистане уже открыто 5 школ при поддержке России и ведутся переговоры о строительстве ещё пяти. В Кыргызстане начато возведение 9 школ, каждая из которых оценивается в 450–500 млн рублей.⁴¹⁰

Сотрудничество в высшем образовании дополняется развитием сетевых форматов: действуют Евразийский сетевой университет, университеты СНГ и ШОС, российско-кыргызский консорциум технических вузов и другие объединения, связывающие университеты России и стран региона. Реализуются образовательные и просветительские инициативы, такие как проект «Российский учитель за рубежом», а также программы «Класс» и «Малыш» в Узбекистане. В дополнение к этому активно развиваются молодёжные и волонтёрские проекты, совместные научные исследования, программы академической мобильности и обменов.⁴¹¹

Культурное сотрудничество реализуется как через межгосударственные программы, так и через проекты неправительственных организаций. Проводятся дни российской культуры, гастроли театров и оркестров, кинофестивали и выставки. В рамках «Русского дома» в Ташкенте, Бишкеке и Душанбе проводятся культурные форумы, круглые столы, творческие мастерские, что

⁴⁰⁹ Россия и Центральная Азия: более 130 тысяч студентов и до 100 млрд рублей в год на образовательное сотрудничество [Электронный ресурс]. — 06.06.2025. — Режим доступа: <https://caravan-info.kg/ru/science/213078-rossiya-i-tsentrlnaya-aziya-bolee-130-tysyach-studentov-i-do-100-mlrd-rubley-v-god-na-obrazovatelnoe-sotrudnichestvo.html> (дата обращения: 30.07.2025).

⁴¹⁰ Там же.

⁴¹¹ Там же.

содействует укреплению культурного диалога. Россия также реализует инициативы по поддержке соотечественников. Через представительства Россотрудничества и при поддержке Фонда поддержки соотечественников проводятся образовательные, правовые и культурные программы, направленные на сохранение этнокультурной идентичности и вовлечение российских диаспор в процессы гуманитарного взаимодействия.

Таким образом, гуманитарный вектор остаётся ключевым элементом российской политики в Центральной Азии, укрепляя социальные и культурные связи, способствуя развитию диалога, формированию позитивного имиджа России и консолидации евразийского гуманитарного пространства.

Таким образом, с 1991 по 2025 год сотрудничество России и стран Центральной Азии прошло значительный путь — от восстановления диалога после распада СССР до формирования устойчивых и юридически оформленных механизмов доверия в военной сфере и в вопросах безопасности. Первоначальным этапом стало участие России и новых независимых государств региона в переговорах с Китаем, унаследованных от советско-китайской пограничной повестки. Подписание Минского соглашения 1992 года заложило основу коллективного переговорного процесса, нацеленного на обеспечение стабильности в приграничных районах.

В целом, за тридцать с лишним лет Россия и страны Центральной Азии смогли выстроить уникальную модель военно-политического взаимодействия, основанную на принципах равенства, взаимного уважения, недопущения вмешательства во внутренние дела и совместного реагирования на транснациональные угрозы. Эта эволюция сотрудничества стала важным вкладом в укрепление региональной стабильности и безопасности в Евразии.

4.2 Эволюция стратегического и многоуровневого сотрудничества между Китаем и государствами Центральной Азии (1991–2025 гг.): институционализация, вызовы и перспективы

За последние 30 лет с тех пор, как Китай установил дипломатические отношения со всеми странами Центральной Азии было сформировано три основных механизма сотрудничества: Шанхайская организация сотрудничества, «Экономический пояс Шелкового пути» и механизм «Китай + пять стран Центральной Азии».

Отношения между странами ЦА и Китаем строятся на принципах равноправия, доверия, миролюбия, взаимовыгодного сотрудничества и уважения. Интересы Китая в ЦА взаимоувязываются с угрозами и вызовами как регионального - резкие изменения режима в Афганистане, нестабильность политической обстановки в некоторых странах ЦА, так и глобального порядка - соперничество глобальных игроков, имеющих интересы в ЦА.

Официальное оформление интересов Китая в регионе началось с признания независимости бывших советских республик: уже 27 декабря 1991 года Пекин подтвердил признание суверенитета всех пяти государств Центральной Азии. В течение первых недель 1992 года были установлены дипломатические отношения с Узбекистаном, Казахстаном, Таджикистаном и Кыргызстаном, а несколько позже — с Туркменистаном, что положило начало активной двусторонней и многосторонней дипломатии.⁴¹²

С точки зрения официального Пекина, важным достижением дипломатии Китая в регионе стало создание ШОС, поскольку оно символизировало переход от доминирования двусторонних форматов к полноценному многостороннему сотрудничеству. Такой переход позволил не только расширить взаимодействие в политической и экономической сферах, но и укрепить коллективную

⁴¹² Sun Zhuangzhi. The Relationship between China and Central Asia [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no16_1_ses/03_zhuangzhi.pdf (дата обращения: 30.07.2025). Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. China Entered into Diplomatic Relations with Independent Former Soviet Republics [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zy/wjls/3604_665547/202405/t20240531_11367554.html (дата обращения: 30.07.2025).

региональную безопасность. Изначально отношения Китая с центральноазиатскими странами развивались в формате двустороннего дипломатического диалога. Путём регулярных визитов лидеров и заключения соглашений о сотрудничестве были зафиксированы базовые принципы взаимодействия, основанные на пяти фундаментальных постулатах: уважение суверенитета и территориальной целостности, отказ от агрессии, невмешательство во внутренние дела, равноправие и взаимная выгода, а также мирное сосуществование. Эти положения стали краеугольным камнем китайской дипломатии в регионе, обеспечив политико-правовую базу для налаживания устойчивых добрососедских связей.

Одновременно с этим, в 1990-х годах велась активная работа по разрешению пограничных вопросов между Китаем и странами Центральной Азии, что способствовало укреплению доверия и снижению напряжённости в приграничных зонах.

Китай последовательно выражал поддержку усилиям центральноазиатских республик в укреплении региональной безопасности и взаимодействии по международным вопросам, особенно когда речь шла о единстве региона. Важно отметить, что такая поддержка была обусловлена и ожиданиями со стороны Пекина относительно «понимания» чувствительных для Китая вопросов, связанных с Тайванем, Тибетом и Синьцзян-Уйгурским автономным районом.⁴¹³

Пекин выразил позитивное отношение к различным внешнеполитическим инициативам Центральной Азии. В частности, Китай поддержал создание Казахстаном Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), инициативу Узбекистана по организации Центральноазиатской конференции по безопасности, а также форум «Лейк-Лейк», проводимый Ташкентом и Бишкеком. Туркменистан, в свою очередь, получил поддержку со стороны Китая после

⁴¹³ Ван Цзюньтао. Политика Китайской Народной Республики в отношении стран Центральной Азии // Россия в глобальном мире. — 2021. — № 20 (43). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-kitayskoy-narodnoy-respubliki-v-otnoshenii-stran-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 19.07.2025).; Лян Чжэньпэн. Китайская дипломатия в Центральной Азии в 1990-е годы // Социально-политические науки. — 2017. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-diplomatiya-v-tsentralnoy-azii-v-1990-e-gody> (дата обращения: 19.07.2025).; Бао И., Сюлин У., Чен Чинсюнь, Свенстром Н., Зеб Р., Онг Р. Политика Китая в Центральной Азии // Центральная Азия в современном мире: внешнеполитические и геоэкономические аспекты развития. — 2007. — Вып. 2007. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-kitaya-v-tsentralnoy-azii-1> (дата обращения: 19.07.2025).

закрепления за ним статуса постоянного нейтралитета резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН.

К концу 1990-х годов диалог Китая и стран Центральной Азии приобрёл многоуровневый и структурированный характер. Важным этапом на пути расширения взаимодействия стало участие Узбекистана в качестве наблюдателя во встрече глав государств «Шанхайской пятёрки» в июле 2000 года, что ознаменовало начало постепенной трансформации формата в полноценную региональную организацию и подтвердило заинтересованность Ташкента в активном многостороннем сотрудничестве с Пекином и Москвой.

Параллельно с развитием многостороннего формата Китай значительно активизировал двусторонние контакты со странами Центральной Азии, особенно в сфере энергетики, которая к концу 1990-х годов стала стратегическим приоритетом в политике Пекина. В сентябре 1997 года Китай и Казахстан подписали долгосрочное соглашение о сотрудничестве в нефтяной сфере, известное как «Проект века». В рамках этого соглашения Китай получил доступ к разработке казахстанских месторождений Жанажол, Кенкияк и Узень, а также инициировал строительство трубопроводной инфраструктуры протяжённостью около 3000 километров.⁴¹⁴ Этот проект стал поворотным моментом в китайско-казахстанских отношениях и задал вектор на всестороннюю экономическую интеграцию.

К началу XXI века взаимодействие Китая со странами Центральной Азии вышло за рамки преимущественно политического сотрудничества и стало охватывать экономическую, торговую и особенно энергетическую сферы. Это создало предпосылки для формирования полноценного партнёрства по широкому кругу направлений.⁴¹⁵

⁴¹⁴ Kazakhstan, China Sign Multibillion Dollar Oil Deal [Электронный ресурс] // The Jamestown Foundation. — 25.09.1997. — Режим доступа: <https://jamestown.org/program/kazakhstan-china-sign-multibillion-dollar-oil-deal/> (дата обращения: 30.07.2025).; Bin H. Oil and gas cooperation between China and Central Asia [Электронный ресурс] // Petroleum Science. — 2014. — Vol. 11, No. 3. — Режим доступа: <https://www.cup.edu.cn/petroleumscience/docs/2019-08/20140415.pdf> (дата обращения: 30.07.2025).

⁴¹⁵ Мирзоев Н.М. Таджикистан – Шанхайская организация сотрудничества: векторы сотрудничества. – Душанбе, 2014. – С.89-90.; Майтдинова Г. М. Таджикистан во внешнеполитическом процессе России и Китая в условиях становления нового мироустройства // Постсоветские исследования. — 2024. — Т. 7, № 7. — С. 703–714.

Официальным институциональным оформлением этой модели регионального сотрудничества стало учреждение 15 июня 2001 года Шанхайской организации сотрудничества. Значимость создания ШОС для дипломатии Китая и стран Центральной Азии трудно переоценить. Во-первых, организация позволила закрепить региональный механизм взаимодействия, обеспечив стабильность и структурность сотрудничества. Во-вторых, участие КНР в многостороннем формате обеспечило политико-дипломатическую легитимность присутствия Китая в центральноазиатском пространстве. В-третьих, благодаря ШОС стало возможным эффективное согласование интересов между Китаем и Россией, предотвращая прямую конфронтацию и усиливая координацию действий в регионе.

Именно функционирование и институционализация Шанхайской организации сотрудничества стали прочной опорой для укрепления связей между Китаем и странами Центральной Азии во всех ключевых направлениях. В политическом аспекте к моменту выдвижения в 2013 году масштабной инициативы «Экономический пояс Шёлкового пути» отношения КНР со всеми пятью центральноазиатскими республиками достигли уровня стратегического партнёрства. Центральная Азия оказалась уникальным регионом мира, где каждая страна имела статус стратегического партнёра Китая.⁴¹⁶

Благодаря инициативе, Китай значительно расширил своё экономическое присутствие в Центральной Азии, став ключевым торговым и инвестиционным партнёром для государств региона.⁴¹⁷ По данным Главного таможенного управления КНР совокупный объём торговли стран Центральной Азии с Китаем в 2024 году достиг 94,8 млрд долларов США, что на 5,4 млрд долларов больше

⁴¹⁶ Иманалиев М. С., Джоробекова А. Э. Концептуальные основы взаимоотношений Кыргызстана и Китая в свете инициативы Си Цзиньпина о совместном строительстве «экономического пояса Шёлкового пути» // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-vzaimootnosheniy-kyrgyzstana-i-kitaya-v-svete-initsiativy-si-tszinpinga-o-sovmestnom-stroitelstve-ekonomicheskogo> (дата обращения: 12.07.2025).

⁴¹⁷ Цюй Сюэпин. Проблемы и перспективы торгово-экономического сотрудничества Китая и стран Центральной Азии на современном этапе // Общество: политика, экономика, право. — 2024. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-torgovo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-kitaya-i-stran-tsentralnoy-azii-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 19.07.2025).; Гуан Пан. Энергетическая политика Китая и обеспечение энергетической безопасности в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. — 2007. — № 6 (54). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskaya-politika-kitaya-i-obespechenie-energeticheskoy-bezopasnosti-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 07.12.2025).

показателя 2023 года. Крупнейшим торговым партнёром Китая в регионе остаётся Казахстан: на него приходится свыше 46% общего товарооборота — 43,8 млрд долларов. Остальной объём распределяется следующим образом: Кыргызстан — 22,7 млрд долларов (24%); Узбекистан — 13,7 млрд долларов (14,5%); Туркменистан — 10,6 млрд долларов (11%); Таджикистан — 3,8 млрд долларов (4%). По сравнению с 2023 годом товарооборот Китая с Казахстаном в 2024 году увеличился на 2,8 млрд долларов, с Кыргызстаном — на 2,9 млрд, с Туркменистаном — на 57 млн долларов. В то же время зафиксировано сокращение взаимной торговли с Таджикистаном на 65 млн долларов и с Узбекистаном на 260 млн долларов.⁴¹⁸

В области инвестиций также наблюдается устойчивый рост. По состоянию на 2024 год совокупный объём китайских прямых инвестиций и предоставленных кредитов странам Центральной Азии превысил 24 млрд долларов США. Наибольшие поступления пришлись на Казахстан, получивший 15,5 млрд долларов, и на Узбекистан, которому было направлено 7,2 млрд долларов. По результатам 2024 года в государствах региона функционируют свыше 9 тысяч компаний с участием китайского капитала, что свидетельствует о значительном масштабе присутствия китайского бизнеса в экономиках центральноазиатских стран⁴¹⁹

Одним из наиболее масштабных и символических проектов, реализованных в рамках энергетического сотрудничества, стало строительство магистрального газопровода Китай – Центральная Азия. Эта инфраструктура стала важнейшим связующим звеном между регионами, обеспечив устойчивое энергоснабжение китайской экономики и выведя страны Центральной Азии на глобальные энергетические рынки. Общая протяжённость трассы составляет около 1900 километров по территории Туркменистана, Узбекистана и Казахстана и порядка

⁴¹⁸ Чоршанбиев П. Китай увеличил товарооборот со странами Центральной Азии [Электронный ресурс]. — 03.02.2025. — Режим доступа: <https://asiaplustj.info/news/tajikistan/economic/20250203/kitai-uvlechil-tovarooborot-so-stranami-tsentralnoi-azii> (дата обращения: 30.07.2025).

⁴¹⁹ China Торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество стран Центральной Азии с Китаем: инфографика [Электронный ресурс]. — 17.06.2025. — Режим доступа: <https://yuz.uz/ru/news/torgovo-ekonomicheskoe-i-investitsionnoe-sotrudnichestvo-stran-tsentralnoy-azii-s-kitaem-infografika> (дата обращения: 30.07.2025).

4500 километров внутри Китая. На территории Казахстана магистраль получила название «газопровод Казахстан — Китай». Начальная точка трубопровода расположена на границе Туркменистана и Узбекистана, а конечная — в пограничной зоне Хоргос Синьцзян-Уйгурского автономного района. Время прохождения газа от начальной компрессорной станции до китайской границы составляет приблизительно 84 часа. Работа всей системы газоснабжения обеспечивается за счёт четырёх ключевых месторождений: двух в Туркменистане, одного в Узбекистане и одного в Казахстане. При этом на долю туркменских ресурсов приходится около 75% всего объёма поставок, что подчёркивает ключевую роль Ашхабада в обеспечении энергетической стабильности проекта. 14 декабря 2009 года главы государств Китая, Туркменистана, Узбекистана и Казахстана торжественно объявили о введении в эксплуатацию магистрального газопровода Китай — Центральная Азия. Учитывая, что часть маршрута трубопровода проходит параллельно древнему Великому шелковому пути, данный проект получил символическое наименование «новый энергетический Шёлковый путь». На китайской территории, в пункте Хоргос Синьцзян-Уйгурского автономного района, после дополнительной компрессии газ перенаправляется в восточные и южные районы страны. Инфраструктура проекта обеспечивает поставки до 160 млн. кубометров природного газа в сутки. Газопроводная система, построенная в рамках масштабной программы перекачки топлива с запада на восток КНР, соединяет Хоргос с такими крупными городами, как Шанхай, Фучжоу и Сянган.⁴²⁰

⁴²⁰ Russian.News.Cn. Газопровод Китай — Центральная Азия способствует общему будущему [Электронный ресурс]. — 2023.08.24. — Режим доступа: <https://russian.news.cn/20230824/bd591b278c8a4cb584538247b6586344/c.html> (дата обращения: 25.07.2025).; China Daily. China-Central Asia pipeline fosters shared future [Электронный ресурс]. — 2023.09.22 (обновлено 22.09.2023). — Режим доступа: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202309/22/WS650cffdaa310d2dce4bb739b.html> (дата обращения: 25.07.2025).; Википедия. Газопровод Туркменистан — Китай [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B4_%D0%A2%D1%83%D1%80%D0%BA%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD_%E2%80%94%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9 (дата обращения: 25.07.2025). Wikipedia. Central Asia–China gas pipeline [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Central_Asia%E2%80%93China_gas_pipeline (дата обращения: 25.07.2025).; China National Petroleum Corporation (CNPC). Central Asia–China Gas Pipeline [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.cnpc.com.cn/en/CentralAsia/CentralAsia_index.shtml (дата обращения: 25.07.2025).

Согласно статистике за 2022 год, объём поставок из Центральной Азии в Китай через Хоргос составил порядка 43 млрд. кубометров, что эквивалентно 11,8 % общего объёма потребления природного газа в КНР в том же году.⁴²¹

Географическая и геополитическая близость Китая и стран Центральной Азии способствовала не только экономической, но и культурной экспансии Пекина в регионе. В частности, по состоянию на 2024 год, в Казахстане функционируют пять Институтов Конфуция, в Кыргызстане — четыре, в Узбекистане и Таджикистане — по два. Помимо этого, в ряде городов действуют классы и культурные центры Конфуция, организующие образовательные программы по изучению китайского языка и культуры. Количество студентов, обучающихся китайскому языку в государственных университетах Центральной Азии, продолжает ежегодно увеличиваться.⁴²²

Предложение о создании «Экономического пояса Шёлкового пути», выдвинутое председателем КНР Си Цзиньпином во время визита в Казахстан в сентябре 2013 года, стало важнейшим этапом в стратегической трансформации китайско-центральноазиатских отношений. Данная инициатива предполагает развитие интеграционного формата, основанного на принципах открытости, взаимной выгоды и устойчивости. Главная задача «Экономического пояса» — формирование обширного евразийского рынка и создание сбалансированной архитектуры регионального взаимодействия.

Основными направлениями данной инициативы стали три сухопутных маршрута: северный — от Китая через Центральную Азию и Россию к странам Европы до Балтийского моря; центральный — через государства Центральной и Западной Азии к Персидскому заливу и Средиземному морю; южный — через Китай и Юго-Восточную Азию в направлении Индийского океана. Центральная Азия в данной архитектуре занимает особое положение, выступая связующим

⁴²¹ China-Central Asia gas pipeline transports over 400 bln cubic meters of natural gas [Электронный ресурс] // China Daily. — 16.06.2022. — Режим доступа: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202206/16/WS62aaf678a310fd2b29e63264.html> (дата обращения: 25.07.2025).

⁴²² Expanding China's Education Diplomacy in Central Asia [Электронный ресурс]. — February 2024. — Режим доступа: <https://www.eurasian-research.org/publication/expanding-chinas-education-diplomacy-in-central-asia/> (дата обращения: 25.07.2025).

сухопутным каналом между Востоком и Западом, что закрепляет за регионом стратегический статус трансконтинентального моста.

В июле 2020 года был официально запущен новый формат взаимодействия — механизм «Китай + пять стран Центральной Азии», который стал важным этапом в институционализации регионального сотрудничества. Задолго до его создания, начиная с регулярных консультаций министров иностранных дел, стороны добились первых результатов в рамках инициативы «Один пояс - один путь» и в частности, в совместной реализации проектов «Экономического пояса Шёлкового пути». Эти достижения создали прочную основу для последующего углубления интеграционных процессов.

С созданием формата «Китай + Центральная Азия» значительно расширился уровень стратегического взаимодействия. Был достигнут беспрецедентный уровень политического диалога и взаимного доверия, а институциональная основа сотрудничества была оформлена подписанием всеми пятью государствами Центральной Азии соглашений о совместной реализации уже упомянутой инициативы «Экономического пояса Шёлкового пути». Практическая реализация этой инициативы принесла конкретные плоды. В частности, проекты по модернизации и строительству инфраструктуры обеспечили значительное улучшение логистических условий в регионе. Активное развитие получили международные грузовые маршруты «Китай – Европа» и «Китай – Центральная Азия», в результате чего страны Центральной Азии получили прямой выход к портам через территорию прибрежных государств, тем самым приблизившись к морским коммуникациям и мировым рынкам.⁴²³

Особым примером результативности стало завершение в Узбекистане строительства электрифицированной железнодорожной линии «Ангрен – Пап», которая соединила Ферганскую долину с центральными регионами страны.

⁴²³ Aminjonov F., Abylkasymova A., Aimée A., Eshchanov B., Moldokanov D., Overland I., Vakulchuk R. BRI in Central Asia: Rail and Road Connectivity Projects [Электронный ресурс]. — OSCE Academy, CADGAT Paper No. 21. — Режим доступа: https://www.osce-academy.net/upload/file/CADGAT_21_BRI_Road_and_Rail.pdf (дата обращения: 25.07.2025).

Кроме того, строится международная автомагистраль «Китай – Кыргызстан – Узбекистан».⁴²⁴

Наряду с транспортной связностью активно развивались и энергетические проекты. Китайские инвестиции обеспечили реализацию масштабных программ по передаче и преобразованию высоковольтной электроэнергии в Кыргызстане и Таджикистане, что позволило повысить надёжность энергоснабжения и интеграцию энергетических систем этих стран с общерегиональной сетью.

На фоне инфраструктурной интеграции укрепилось и энергетическое партнёрство. По данным на 2024 год, по нефтепроводу «Китай – Казахстан» было поставлено свыше 1,1 миллионов тонн нефти, в то время как по магистральному газопроводу «Китай – Центральная Азия» транспортировано около 500 миллиардов кубометров газа.⁴²⁵

Торгово-экономическое сотрудничество между сторонами вышло на качественно новый уровень. Доля Китая во внешней торговле стран Центральной Азии в постпандемийный период стабильно варьировалась в пределах 40%, свидетельствуя о структурной зависимости национальных экономик от китайского рынка.⁴²⁶

Таким образом, формат «Китай + Центральная Азия» и связанная с ним реализация инициативы «Один пояс - один путь» превратились в системообразующие элементы регионального развития, способствующие формированию евразийского транспортного и энергетического каркаса.

Сформированный за последние годы портфель китайско-казахстанского производственно-инвестиционного сотрудничества, включающий 50+ приоритетных проектов совокупной стоимостью порядка 21–27 млрд. долл. США в зависимости от стадии и переоценки смет, стал одним из крупнейших

⁴²⁴ Alternative Route Via Central Asia: Uzbekistan's Vision [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.eurasian-research.org/publication/alternative-route-via-central-asia-uzbekistans-vision/> (дата обращения: 25.07.2025).

⁴²⁵ Pipe China West Pipeline Company. China Central Asia Gas Pipeline transports over 500 billion cubic meters of natural gas since 2009. — 19.11.2024.- URL: <https://english.news.cn/20241119/10da9cc59ea648a0a03fc0149fec33c8/c.html> (дата обращения: 18.07.2025).

⁴²⁶ Камалиева Д. Торговля между странами Центральной Азии и Китаем: динамика и ключевые направления [Электронный ресурс]. — URL: <https://ekonomist.kz/kamaliyeva/torgovlya-mezhdu-stranami-ca-i-kitaem-do/> (дата обращения: 25.07.2025).

программных пакетов Пекина в регионе и вывел Казахстан в число трёх ведущих направлений китайских вложений в Евразии. Реестр совместных проектов по наращиванию индустриальных мощностей, нефтегазовой, химической, металлургической и «зелёной» энергетической инфраструктуры формировался поэтапно с середины 2010-х; к 2024 г. введена в строй примерно половина позиций, остальные — в реализации либо подготовке. Рост присутствия китайских компаний CNPC (Китайская Национальная Нефтегазовая корпорация), Sinopec (Синопек), Universal Energy (Юниверсал Энерджи) и др. в добыче нефти и газа, переработке и возобновляемых источников энергии сопровождается активным участием казахстанских финансовых институтов и госхолдингов, что подтверждает устойчивость инвестиционной связки и объясняет переход от чисто ресурсной модели к углублённой индустриализации.⁴²⁷

В Кыргызской Республике КНР на протяжении последнего десятилетия выступает крупнейшим внешним инвестором и кредитором: в отдельные годы на китайские вложения приходилось до половины притока ПИИ и свыше 40% внешнего государственного долга в основном кредиты Эксимбанка КНР на энергетику и инфраструктуру, что подчёркнуто в аналитике деловых и экспертных площадок; вместе с тем свежие данные указывают на колебания долей около четверти–трети ПИИ в 2024 г., отражающие диверсификационные усилия Бишкека.⁴²⁸

В Таджикистане Пекин также закрепился как главный иностранный инвестор: по оценке президента Э. Рахмона, Китай обеспечивает порядка 40% иностранных вложений; независимые источники фиксируют диапазон примерно 30–60% в разные годы и доминирование китайских компаний в

⁴²⁷ См.: Xi Jinping. Build on the Past to Make Greater Strides in China–Kazakhstan Relations [Электронный ресурс]. – 13.09.2022. – Режим доступа: https://bn.china-embassy.gov.cn/eng/zgxw/202209/t20220913_10765710.htm (дата обращения: 25.07.2025)

Bekmurzaev N., Hioe B. Why is China investing in renewable energy in Kazakhstan? [Электронный ресурс] // Global Voices. – 10.04.2025. – Режим доступа: <https://globalvoices.org/2025/04/10/why-is-china-investing-in-renewable-energy-in-kazakhstan/> (дата обращения: 25.07.2025).

⁴²⁸ China Briefing Team. China and Kyrgyzstan: Bilateral Trade and Future Outlook [Электронный ресурс]. – 27.08.2021. – Режим доступа: <https://www.china-briefing.com/news/china-and-kyrgyzstan-bilateral-trade-and-future-outlook/> (дата обращения: 25.07.2025). Балтабаев Ж. Р. Место Кыргызстана в развитии сотрудничества в области безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Наука, техника и образование. 2020. № 9 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-kyrgyzstana-v-razviti-i-cotrudnichestva-v-oblasti-bezopasnosti-v-ramkakh-shanhayскоy-organizatsii-cotrudnichestva> (дата обращения: 12.07.2025).

горнодобывающем секторе золота, цветные металлы, при этом КНР остаётся крупнейшим кредитором Душанбе.⁴²⁹

Помимо рыночных инструментов, функционирует слой многосторонних и квазимногосторонних финансовых платформ, через которые КНР поддерживает инфраструктурные проекты в Центральной Азии: Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АИВ) финансирует транспорт, энергетику и городскую инфраструктуру; Фонд Шёлкового пути развёрнул линейки вложений в Узбекистан, Казахстан и ряд проектов малого и среднего бизнеса в Кыргызстане и других странах; действует Фонд экономического сотрудничества Китай–Евразия, а также кредитные линии Китайского банка развития и Эксимбанка КНР, задействуемые национальными холдингами вроде казахстанского «Байтерек». Комплексность этой архитектуры подчёркивается в официальных заявлениях и профильной прессе стран региона, где обращают внимание на сочетание капитала, экспертизы и долгосрочных горизонтов вложений.⁴³⁰

Человеческие контакты — важнейший «софт»-контур сотрудничества. Сеть институтов и классов Конфуция охватывает все пять государств Центральной Азии: по совокупности данных министерств образования и профильных исследований, к 2020-м годам действовало более десятка полноформатных Институтов и два десятка классов Конфуция; программа стипендий, языковые центры и академические обмены устойчиво расширяются.

⁴²⁹ China's Silk Road Fund is Ready to Invest in Kazakhstan. — 19.07.2023 // Invest.gov.kz. — URL: <https://invest.gov.kz/media-center/press-releases/fond-shyelkovogo-puti-kitaya-gotov-investirovat-v-kazakhstan/> (дата обращения: 30.07.2025).

Asian Infrastructure Investment Bank. Approved Projects in Kazakhstan. — URL: https://www.aiib.org/en/projects/list/year/All/member/Kazakhstan/sector/All/financing_type/All/status/Approved (дата обращения: 30.07.2025)

Asian Infrastructure Investments Bank's Central Asian Projects // Eurasian Research Institute. — URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/asian-infrastructure-investments-banks-central-asian-projects/> (дата обращения: 30.07.2025).

⁴³⁰ Asian Infrastructure Investment Bank's Central Asian Projects [Электронный ресурс] // Eurasian Research Institute. — URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/asian-infrastructure-investments-banks-central-asian-projects/> (дата обращения: 25.07.2025).; China's Silk Road Fund Is Ready to Invest in Kazakhstan [Электронный ресурс] // Invest.gov.kz. — 19.07.2023. — URL: <https://invest.gov.kz/media-center/press-releases/fond-shyelkovogo-puti-kitaya-gotov-investirovat-v-kazakhstan/> (дата обращения: 25.07.2025).; Kazakhstan and China Signed Documents Worth \$3.7 Billion [Электронный ресурс] // Invest.gov.kz. — URL: <https://invest.gov.kz/ru/media-center/press-releases/kazakhstan-i-kitay-podpisali-dokumenty-na-3-7-mlrd/> (дата обращения: 25.07.2025).

Сотрудничество в сфере туризма стало одним из новых направлений культурного взаимодействия между Китаем и странами Центральной Азии. В последние годы туристический обмен демонстрирует стабильную динамику роста. Так, Казахстан организовал «Год туризма Китая», а Узбекистан ввёл безвизовый режим для китайских туристов, что значительно повысило приток путешественников из КНР и способствовало укреплению гуманитарных связей⁴³¹.

Опыт тридцатилетнего сотрудничества между Китайской Народной Республикой и государствами Центральной Азии свидетельствует о том, что идея построения «сообщества единой судьбы человечества» приобретает конкретное содержание и актуальность в условиях современных международных реалий. Эта концепция, исходящая из китайской дипломатической философии, не является отвлечённой или абстрактной, напротив — она отражает объективную необходимость выстраивания систем устойчивого взаимодействия между странами, сталкивающимися с общими вызовами и стремящимися к равноправному развитию.

В условиях современной нестабильной международной обстановки вопросы коллективной безопасности приобретают особую актуальность как для Пекина, так и для государств Центральной Азии. Основой правового взаимодействия выступают соответствующие соглашения и международно-правовые акты. В частности, значимыми документами являются уже упоминавшиеся Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, принятая в рамках Шанхайской организации сотрудничества, а также механизм сотрудничества по линии Региональной антитеррористической структуры РАТС ШОС, обеспечивающей координацию оперативных мероприятий.

Сотрудничество по линии ШОС позволило участникам достичь устойчивого консенсуса по вопросам совместного реагирования на угрозы,

⁴³¹ Безвизовый режим между Китаем и Казахстаном открыл возможности для спонтанных путешествий // Russian.people.com.cn [Электронный ресурс]. — 17.06.2025. — URL: <https://russian.people.com.cn/n3/2025/0617/c31521-20329201.html> (дата обращения: 06.12.2025).

повышения оборонного потенциала и организации регулярных совместных учений. Основополагающими принципами данного взаимодействия остаются положения Устава ООН, Хартии ШОС и концепции неделимой безопасности. Совместные антикризисные мероприятия, в том числе в киберпространстве и по борьбе с биологическими угрозами, укрепляют коллективный иммунитет стран-участниц к внутренним и внешним вызовам. В рамках Шанхайской организации сотрудничества, были выстроены действенные и устойчивые механизмы координации: в частности, сформирована система специализированных форматов, включающая встречи секретарей Советов безопасности, председателей верховных судов, генеральных прокуроров, а также регулярные совещания министров обороны, внутренних дел, юстиции и по вопросам предупреждения чрезвычайных ситуаций. Эти структуры обеспечивают обмен информацией, выработку согласованных мер и укрепление координации в вопросах международной и региональной безопасности, а также в сфере правоохранительной деятельности.

Страны Центральной Азии, как и Китай, заинтересованы в укреплении устойчивой политической среды, информационной безопасности, а также в повышении качества государственного управления и устойчивости внутренней политики. В этих аспектах наблюдается высокий уровень совпадения стратегических интересов сторон.

Китай, в свою очередь, продвигает собственную концепцию глобальной безопасности, предложенную председателем Си Цзиньпином в 2022 году, как универсальный подход к решению транснациональных вызовов. Эта инициатива предполагает переход от конфронтационной логики к модели, основанной на диалоге, равноправии и сотрудничестве. Центральная Азия рассматривается в качестве одной из приоритетных площадок для реализации этой концепции.⁴³²

Историческое значение дипломатических усилий по обеспечению безопасности на постсоветском пространстве ярко проявилось в процессе

⁴³² Global Security Initiative: China's solution to security challenges / Eurasia Magazine [Электронный ресурс]. — 29.06.2025. — URL: <https://eurasiamagazine.com/global-security-initiative-chinas-solution-to-security-challenges> (дата обращения: 30.07.2025)

выработки соглашений по укреплению доверия между Китаем и государствами, образовавшимися после распада СССР. Ещё до формального прекращения существования Советского Союза, в ноябре 1989 года, между СССР и КНР начались переговоры, нацеленные на создание атмосферы добрососедства и снижение военной напряжённости вдоль общей границы. За два последующих года состоялись 22 раунда двусторонних встреч, результатом которых стало подписание 24 апреля 1990 года Соглашения между правительствами СССР и КНР о руководящих принципах взаимного сокращения вооружённых сил и укрепления доверия в военной области в районе советско-китайской границы.⁴³³

После распада Советского Союза в декабре 1991 года потребовалось переосмысление механизмов ответственности и обязательств. В соответствии с Минским соглашением от 8 сентября 1992 года, делегации новых независимых государств — Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана — признали юридическое значение соглашений, заключённых СССР, и выразили готовность продолжить переговорный процесс с КНР, исходя из ранее согласованных принципов. Это стало основой для создания единой переговорной платформы, в рамках которой «Совместная Сторона» представляла интересы государств-наследников СССР по отношению к вопросам безопасности и режима границ.

С 1992 по 1996 годы состоялось 17 раундов переговоров на различных уровнях, в ходе которых стороны обсуждали юридические и военно-дипломатические аспекты адаптации соглашения 1990 года к новой политической реальности. Переговоры охватывали интересы пяти государств, общая протяжённость границ которых с КНР составляет порядка 7,5 тысячи километров, и на чьих территориях проживает значительная часть населения Евразии. Итогом этой длительной и многоплановой работы стало подписание Соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией,

⁴³³ Алимжанов С. Д. Меры по укреплению доверия в районе государственных границ между государствами-членами СНГ и Китайской Народной Республикой // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2009. №1 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mery-po-ukreplenyu-doveriya-v-rayone-gosudarstvennyh-granits-mezhdu-gosudarstvami-chlenami-sng-i-kitayskoy-narodnoy-respublikoy> (дата обращения: 30.07.2025).

Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой, состоявшееся 26 апреля 1996 года в Шанхае.⁴³⁴

Указанный договор стал первым в своём роде военно-политическим соглашением в Азиатско-Тихоокеанском регионе, направленным на снижение риска вооружённого конфликта и укрепление взаимного доверия в зонах соприкосновения национальных границ. Документ предусматривает отказ от угрозы силой, ограничение военной деятельности в приграничных районах, обмен информацией о военных учениях, создание механизмов наблюдения и взаимных уведомлений. Его значение заключается не только в том, что он способствовал укреплению региональной безопасности, но и в том, что продемонстрировал возможность достижения договорённостей между странами с различными политическими системами и внешнеполитическими ориентирами.

Высокая международно-правовая значимость соглашения была признана самими участниками: по взаимному согласию сторон текст договора был распространён в качестве официального документа Организации Объединённых Наций. Это стало возможным благодаря совместным действиям постоянных представительств Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Китая при ООН, что подчеркнуло приверженность сторон многосторонним принципам международного права и подтверждению транспарентности своих действий в сфере безопасности.

Согласно текста Соглашения Стороны принимают на себя следующие обстоятельства: «1. вооруженные силы сторон, дислоцированные в районе границы, как составная часть вооруженных сил Сторон, не будут использоваться для нападения на другую сторону, вести какую-либо военную деятельность, угрожающую другой Стороне и нарушающую спокойствие и стабильность в районе границы ст. 1; 2. стороны уведомляют о временном вводе войск и вооружений в 100-километровую географическую зону по обе стороны от линии

⁴³⁴ Алимжанов С. Д. Меры по укреплению доверия в районе государственных границ между государствами-членами СНГ и Китайской Народной Республикой // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2009. №1 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mery-po-ukreplenyu-doveriya-v-rayone-gosudarstvennyh-granits-mezhdu-gosudarstvami-chlenami-sng-i-kitayskoy-narodnoy-respublikoy> (дата обращения: 30.07.2025).

границы между Казахстаном, Кыргызстаном, Россией, Таджикистаном, с другой стороны ст. 2; 3. стороны не проводят военные учения, направленные против другой стороны, а также в 100-километровой географической зоне по обе стороны от линии границы согласовывают численность войск так, на казахстанско-китайском участке в войсковых учениях не может быть занято более 4 тысячи человек ст. 4; а также вводят множество число военных ограничений, создают систему взаимного информирования, приглашения наблюдателей и предотвращения всех инцидентов».⁴³⁵ В последнем случае стороны оговаривают свои действия при возникновении «неясной ситуации в районе границы» и даже «инцидентов, вызванных опасной военной деятельностью».⁴³⁶ Как гласит ст.8 Соглашения, «в подобных случаях стороны должны принимать меры по прекращению такой деятельности, прояснению ситуации исключительно путем консультаций и возмещению ущерба. Возмещение ущерба, возникшего в результате опасной военной деятельности одного из государств, осуществляется этим государством в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права».⁴³⁷

Соглашение, подписанное 26 апреля 1996 года в Шанхае между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой, по своему политическому содержанию, географическому охвату и международно-правовому значению представляет собой уникальный документ. Его положения закладывают прочную основу для укрепления безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, одновременно отражая ключевые положения внешнеполитических доктрин государств Центральной Азии, основанных на уважении суверенитета, территориальной целостности и невмешательстве во внутренние дела друг друга.

⁴³⁵ Соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой, состоявшееся 26 апреля 1996 года в Шанхае https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1010795 (дата обращения: 30.07.2025)

⁴³⁶ Там же.

⁴³⁷ Там же.

В целях дальнейшего развития достигнутых договорённостей, спустя ровно год, 24 апреля 1997 года, в Москве было подписано новое пятистороннее соглашение: «Соглашение о взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой».⁴³⁸ Этот документ стал логическим продолжением Шанхайского соглашения 1996 года и конкретизировал положения по сокращению вооружённых сил вдоль общей границы. В соответствии с текстом соглашения, стороны подтвердили приверженность принципу взаимной и равной безопасности, выразив готовность сократить численность размещённых в приграничных районах войск до минимально необходимого уровня. При этом они обязались сохранять исключительно оборонительный характер оставшихся военных подразделений. Сфера применения документа ограничивается 100-километровой полосой по обе стороны границы между КНР и государствами Центральной Азии, включая Россию.

Особое внимание в соглашении уделено принципу асимметричного сокращения вооружений. Согласно данному подходу, та сторона, у которой имеется количественное превосходство в определённом виде вооружённых сил, обязуется сократить его в большей степени, чем другая сторона. Данный принцип был впервые закреплён ещё в двустороннем Соглашении между СССР и КНР о руководящих принципах взаимного сокращения вооружённых сил от 24 апреля 1990 года и в последующем нашёл развитие в региональной практике.⁴³⁹

Важным элементом соглашения от 1997 года стали меры контроля. Документ предусматривает проведение инспекций и проверок в зоне действия соглашения, как по линии регулярных вооружённых сил, так и по линии пограничных войск. Каждая сторона имеет право проводить такие инспекции и

⁴³⁸ Соглашение о взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой от 24 апреля 1997 года. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000243_ (дата обращения: 30.07.2025).

⁴³⁹ Алимжанов С. Д. Меры по укреплению доверия в районе государственных границ между государствами-членами СНГ и Китайской Народной Республикой // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2009. №1 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mery-po-ukrepleniyu-doveriya-v-rayone-gosudarstvennyh-granits-mezhdu-gosudarstvami-chlenami-sng-i-kitayskoy-narodnoy-respublikoy> (дата обращения: 30.07.2025).

обязуется принимать инспекционные группы другой стороны. Контроль осуществляется в соответствии с утверждённым Протоколом о контроле и проверках. Тем самым соглашение стало не только инструментом военного сдерживания, но и важным механизмом доверия и транспарентности, что особенно значимо для региона, где пересекаются интересы крупнейших мировых держав. В международно-правовом плане оно стало одним из первых примеров договорённости об асимметричном сокращении вооружений и инспекционном контроле на евразийском пространстве, положив начало выработке норм кооперативной безопасности, ориентированной на устойчивый мир и добрососедство.

25 августа 1999 года в Бишкеке, в ходе очередного саммита глав государств так называемой «Шанхайской пятёрки» — КНР, России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана — была принята Итоговая декларация, в которой стороны подчеркнули твёрдое намерение «не допускать использования территорий своих стран для осуществления деятельности, наносящей ущерб суверенитету, безопасности и общественному порядку любого из пяти государств».⁴⁴⁰

Таким образом, с середины 1990-х годов меры по укреплению доверия между Китаем и странами Центральной Азии переросли в комплексную систему взаимодействия, охватывающую не только пограничное и военное сотрудничество, но и политико-правовые, информационные и гуманитарные сферы. Шанхайская организация сотрудничества эволюционировала в одну из ведущих региональных структур по обеспечению стабильности и безопасности, формируя альтернативную модель многостороннего взаимодействия на евразийском пространстве.

В 2025 году сотрудничество Китая и стран Центральной Азии в сфере безопасности демонстрирует устойчивую динамику расширения и институционализации. Китай, будучи одним из ключевых участников

⁴⁴⁰ Бишкекская декларация глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. — 25.08.1999. — URL: http://russian.china.org.cn/russian/0527/ru_b6.gif (дата обращения: 30.07.2025).

Шанхайской организации сотрудничества ШОС, активно продвигает концепцию «шанхайского духа», основанного на доверии, равноправии и взаимной выгоде. В июле 2025 года министр иностранных дел Китая Ван И на встрече глав МИД государств-членов ШОС представил пятиточечный план по дальнейшему развитию организации, в котором подчеркивается необходимость углубления координации по вопросам региональной безопасности, совместного реагирования на вызовы и усиления многосторонних форматов взаимодействия.⁴⁴¹

Одним из ключевых направлений деятельности ШОС остаётся борьба с «тремя силами зла» – терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. Региональная антитеррористическая структура РАТС, базирующаяся в Ташкенте, продолжает выполнять центральную роль в этом процессе. В марте 2025 года состоялся 43-й Совет РАТС, на котором обсуждались вопросы усиления механизмов взаимодействия государств-членов, модернизации структуры и расширения её мандата. Обсуждается преобразование РАТС в Универсальный центр по противодействию угрозам безопасности, включающий в себя также проблематику киберугроз и международной информационной безопасности.

В июне 2025 года в Астане прошёл очередной саммит в формате «Китай – Центральная Азия», на котором были выработаны новые подходы к безопасности, включая модернизацию правоохранительных органов, противодействие транснациональной преступности и борьбу с наркотрафиком. В центре внимания оказался вопрос усиления координации пограничного контроля и проведения совместных операций⁴⁴²

На фоне обострения глобальной геополитической конкуренции и роста нестабильности вокруг Центральной Азии, включая ситуацию в Афганистане, страны региона и Китай приходят к консенсусу относительно необходимости стабильной и безопасной среды. Акцент делается на укрепление мер доверия,

⁴⁴¹ For future development: China's Wang Yi proposes 5-point plan for SCO // The Times of India. 2025. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/china/for-future-development-chinas-wang-yi-proposes-5-point-plan-for-sco-urges-member-states-to-carry-forward-shanghai-spirit/articleshow/122555818.cms> (дата обращения: 18.07.2025).

⁴⁴² Астанинская декларация второго саммита «Центральная Азия — Китай» [Электронный ресурс]. - 18.06.2025. - URL: <https://russian.news.cn/20250618/e9057e91c41a4c2f99c4c4b17a7a2b79/c.html> (дата обращения: 30.07.2025)..

наращивание потенциала силовых ведомств. Параллельно ШОС активизирует усилия по борьбе с незаконным оборотом наркотиков – активно действует Трёхуровневый механизм взаимодействия антинаркотических ведомств, созданный в 2009 году.

Таким образом, к 2025 году ШОС при активной поддержке Китая формирует все более целостную архитектуру безопасности, объединяющую правовые, оперативные, институциональные и многоформатные компоненты. Центральную роль в этом процессе играют такие инструменты, как РАТС, Советы министров обороны, совместные учения, а также двусторонние соглашения между КНР и странами Центральной Азии. Все эти меры свидетельствуют о наращивании коллективного потенциала в сфере обеспечения безопасности региона, в том числе с учётом новых вызовов XXI века.

Исследование вопроса отношений Китая и Центральной Азии за период 1991-2025 гг. позволяют зафиксировать следующие ключевые направления и результаты многопланового взаимодействия, прошедшего путь от осторожного сближения к устойчивому стратегическому партнерству:

Во-первых, с момента распада СССР сотрудничество Китая со странами Центральной Азии развивалось поэтапно и приобрело все более институциональный характер. В 1990-х годах основное внимание уделялось урегулированию пограничных вопросов и формированию взаимного доверия, что выразилось в подписании ряда исторических соглашений, в том числе Шанхайского соглашения 1996 года об укреплении доверия в военной сфере и Соглашения 1997 года о взаимном сокращении вооружённых сил в приграничной зоне. Эти меры стали прочной основой для последующего углубления взаимодействия.

Во-вторых, на рубеже 1990–2000-х годов Китай и страны Центральной Азии начали формировать региональную платформу сотрудничества в лице Шанхайской организации сотрудничества ШОС, ориентированную на сотрудничество в сферах социально-экономических, транспортных и культурных направлений до вопросов безопасности. Особое значение приобрела

Региональная антитеррористическая структура РАТС ШОС, играющая важную роль в борьбе с «тремя силами зла» — терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

В-третьих, в XXI веке сотрудничество Китая с Центральной Азией вышло за пределы исключительно формата ШОС. С 2020 года активно развивается механизм «Китай + пять стран Центральной Азии», который отражает новую фазу китайской внешней политики, ориентированной на двустороннюю и многостороннюю координацию в экономике, устойчивом развитии, здравоохранении и образовании. Формирование саммита глав государств в этом формате усилило политическую компоненту и символизировало признание Центральной Азии как значимой самостоятельной региональной единицы.

В-четвёртых, экономическое сотрудничество Китая со странами ЦА существенно расширилось в рамках инициативы «Один пояс — один путь». Китай стал одним из ведущих торговых партнёров и инвесторов в регионе, реализовав десятки инфраструктурных, энергетических и логистических проектов. Активное участие в развитии транспортных коридоров и цифровой взаимосвязанности позволило усилить взаимозависимость сторон и диверсифицировать внешнеэкономические связи стран региона.

В-пятых, важным элементом сотрудничества стали гуманитарные и культурные контакты, включая образовательные программы, открытие институтов Конфуция, обмен студентами и продвижение китайского языка и культуры. Это позволило Китаю укрепить «мягкую силу» в регионе, а странам Центральной Азии — расширить возможности в сфере образования и науки.

Таким образом, за период 1991–2025 гг. отношения Китая и стран Центральной Азии претерпели глубокую эволюцию — от прагматического взаимодействия к многоуровневому стратегическому партнёрству. Основными чертами этого сотрудничества являются комплексность, взаимная выгода, соблюдение принципа невмешательства, акцент на устойчивое развитие и признание значимости региона Центральной Азии как самостоятельного субъекта в международной системе.

Выводы по главе IV. Таким образом, внешнеполитические стратегии государств Центральной Азии демонстрируют устойчивую ориентацию на поддержание стратегического баланса в отношениях с двумя ключевыми внешними акторами — Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой.

Россия остаётся традиционным партнёром региона в сфере безопасности, военного сотрудничества и гуманитарных связей, что особенно проявляется в рамках ОДКБ, СНГ и двусторонних альянсов.

Китай, в свою очередь, занимает ведущие позиции в сфере экономики, инфраструктуры и инвестиций, продвигая инициативу «Один пояс — один путь» и формируя сеть транспортно-логистических и энергетических проектов в регионе.

Центральная Азия успешно использует взаимодействие с Москвой и Пекином как инструмент укрепления собственного суверенитета и экономической модернизации, избегая односторонней зависимости от любого из партнёров.

В условиях усиливающейся глобальной конкуренции страны региона стремятся к многоуровневой дипломатии, поддерживая конструктивный диалог с Россией и Китаем на фоне растущего интереса других внешних акторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях стремительного формирования полицентричного мирового порядка, Центральная Азия превратилась в один из ключевых регионов, чья геополитическая и геоэкономическая значимость существенно возросла. В ходе проведенного диссертационного исследования была осуществлена комплексная оценка роли и места Центральной Азии в системе современных международных отношений, выявлены основные векторы внешнеполитического курса государств региона, а также проанализированы внутренние и внешние факторы, формирующие характер политического взаимодействия между ними.

В первой главе работы было показано как понятие «Центральная Азия» эволюционировало от разнородных географических и политологических трактовок к пониманию региона как конструкта, чья «регионность» формируется сочетанием историко-культурных, экономических и институциональных факторов. Была осуществлена реконструкция исторических условий становления Центральной Азии как самостоятельной геополитической единицы. Раскрыты геоэкономические и политико-культурные основания внешнеполитического поведения стран региона: ресурсная база, транзитное положение, «нераздельность безопасности» и прагматичный, многовекторный курс формируют их стратегии в полицентричном мире.

Исследуя эволюцию терминологического и концептуального осмысления понятия региона «Центральная Азия» мы пришли к следующим выводам:

1. Категория «регион» в современной научной традиции является многозначной и контекстуально обусловленной. В зависимости от исследовательского подхода она приобретает административный, геополитический, культурно-цивилизационный, экономический или социальный смысл. Центральная Азия в этом контексте представляет собой яркий пример международно-политического региона, в формировании которого участвуют как внутренние историко-культурные процессы, так и внешние геополитические импульсы.

2. Понятие Центральной Азии как отдельного геополитического пространства имеет сложную генеалогию, берущую начало в трудах европейских географов XIX века и развивавшуюся под влиянием как колониальной, так и советской научной традиции. Различия в терминологии — «Средняя Азия», «Центральная Азия», «Внутренняя Азия» и др. — отражают не только академическую дискуссию, но и идеологические, стратегические и культурные установки разных периодов.

3. В условиях постсоветской трансформации пространство Центральной Азии было институционально закреплено как совокупность пяти независимых государств — Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана и Туркменистана. Несмотря на дискуссии о расширительном или суженном толковании границ региона, в политической практике именно это пятиреспубликанское ядро рассматривается как основа региональной идентичности.

4. Геополитическое значение региона Центральной Азии определяется его исторической функцией перекрёстка торговых и культурных потоков между Востоком и Западом, а также уникальным расположением в центре Евразии, что обусловило постоянное внимание со стороны внешних акторов и борьбу за влияние между крупными державами — начиная с «Большой игры» XIX века и заканчивая современными проектами, такими как китайская инициатива «Один пояс — один путь».

В совокупности указанные положения позволяют заключить, что Центральная Азия как международно-политический регион сформировалась не только благодаря географическим и этнокультурным общностям, но и в результате многовекового процесса исторического и инфраструктурного сближения народов. Терминологическое разнообразие, сопровождающее её изучение, отражает динамику научного и геополитического восприятия региона в контексте эволюции мировой системы.

Проведя анализ особенностей инфраструктурной специфики формирования региона Центральной Азии можно заключить, что:

1. Инфраструктурный подход к определению региона (в том числе анализ транспортных, водных и энергетических связей) позволяет рассматривать Центральную Азию не только как результат геополитических очертаний, но и как продукт технологической и экономической взаимозависимости. Такие понятия, как «скрытая интеграция» и «пространства потоков» дают ключ к пониманию исторической эволюции региона как целостной системы.

2. Региональная идентичность Центральной Азии формировалась под влиянием многочисленных факторов: природно-географических условий, историко-культурной общности, институциональной унификации в советский период, а также процессов постсоветского самоопределения. При этом важно учитывать, что региональность здесь не дана изначально, а постоянно конструируется в процессе исторического, политического и академического осмысления.

3. Постсоветский этап ознаменовался переориентацией инфраструктуры на национальные интересы при сохранении высокой степени взаимосвязанности. Новые трансграничные проекты, включая энергетические и транспортные коридоры, инициированные как внутри региона, так и при участии внешних акторов, способствуют формированию новой волны «скрытой интеграции» Центральной Азии в расширенном евразийском пространстве.

Таким образом, Центральная Азия предстает как исторически сложившаяся и концептуально многослойная региональная подсистема, которая в условиях полицентричного мира становится всё более значимой единицей анализа международных отношений, требующей особого внимания к её внутренним характеристикам и внешним взаимодействиям.

Проведя анализ геоэкономических и политико-культурных основ особенностей внешнеполитического поведения стран Центральной Азии мы пришли к выводам:

1. Внешнеполитическое поведение государств Центральной Азии является результатом сложного взаимодействия природно-ресурсных возможностей, исторического опыта, социокультурных традиций и особенностей

политического развития. Географическое положение региона в центре Евразии, богатые запасы нефти, газа и урана, а также стратегическое значение транспортных и энергетических маршрутов превращают Центральную Азию в ключевое звено евразийской геополитики. При этом борьба мировых держав за доступ к ресурсам и инфраструктуре региона формирует многоуровневое пространство конкуренции и сотрудничества, в котором государства региона вынуждены выстраивать гибкие стратегии балансирования.

2. Политико-культурная специфика, сформировавшаяся под воздействием многовековых традиций надэтничности, исламской духовности и «оазисного сознания», во многом определяет уникальный характер политических институтов и межгосударственных отношений. Эта культурная основа способствует поддержанию внутренней устойчивости, смягчению этнических противоречий и сохранению социальной гармонии. В то же время она предопределяет сдержанное отношение к радикальным формам политической модернизации и к попыткам прямого копирования западных моделей государственности.

3. Современные государства Центральной Азии, пережившие советский этап индустриализации и постсоветский период институционального становления, выработали собственные формы внешнеполитического поведения, основанные на принципах прагматизма, нейтралитета и многовекторности. Их стратегия заключается не в изоляции, а в гибком маневрировании между интересами крупных держав, что позволяет сохранять суверенитет и развивать внешнеэкономические связи без втягивания в блоковую конфронтацию. Концепция «отложенного нейтралитета», реализуемая в регионе, отражает стремление к сохранению стратегической автономии в условиях нестабильной международной среды и усиления трансграничных угроз.

Таким образом, внешнеполитическое поведение стран Центральной Азии формируется на пересечении геоэкономических реалий и политико-культурных традиций. Оно представляет собой уникальный синтез прагматизма и исторической преемственности, обеспечивающий баланс между необходимостью

модернизации и сохранением культурной самобытности. В перспективе данная модель поведения может стать устойчивым ориентиром для формирования региональной идентичности и развития Центральной Азии как самостоятельного и ответственного субъекта международных отношений в полицентричном мире.

Во второй главе посвященной изучению специфики региональных стратегий государств Центральной Азии проанализированы приоритеты и институциональные особенности внешней политики Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана и Туркменистана. Установлено, что, несмотря на различия в политических курсах, все страны демонстрируют общий интерес к укреплению регионального сотрудничества и развитию устойчивых каналов внешнеполитической коммуникации, включая форматы двустороннего и многостороннего взаимодействия.

Рассмотрев вопрос о региональной стратегии Республики Таджикистан и Республики Узбекистан, мы заключили:

1. Региональная стратегия Республики Таджикистан в постсоветский период выстраивалась с опорой на обеспечение государственной независимости, стабильности и экономического восстановления после гражданского конфликта. Центральное место в этой стратегии занимает укрепление добрососедских связей с государствами Центральной Азии, расширение транспортно-коммуникационных возможностей и привлечение инвестиций в критически важные отрасли.

2. Одним из устойчивых приоритетов Таджикистана является обеспечение энергетической безопасности за счёт развития гидроэнергетического потенциала. В этой связи особую значимость приобретают проекты по строительству и модернизации гидроэлектростанций, интеграция в региональные энергетические сети, а также координация усилий с соседними странами в сфере водно-энергетических ресурсов.

3. Таджикистан активно участвует в международных и региональных форматах, направленных на развитие сотрудничества в области инфраструктуры, торговли, безопасности и устойчивого развития. Важную роль в реализации этих

задач играет выстраивание взаимовыгодных отношений с Узбекистаном, Казахстаном, Кыргызстаном и Туркменистаном.

4. Стратегическая направленность Таджикистана заключается также в укреплении культурно-гуманитарных связей и формировании общего пространства доверия и взаимопонимания. Ведётся работа по активизации академического и молодёжного обмена, поддержке диалога на уровне гражданских обществ, а также расширению институционального взаимодействия в образовательной сфере.

5. С 2016 года внешнеполитический курс Республики Узбекистан приобрёл чёткую региональную ориентацию, основанную на открытости, диалоге и укреплении добрососедства. Одним из главных векторов стала нормализация и углубление отношений с Таджикистаном и Кыргызстаном, включая разрешение ранее существовавших пограничных и водных споров.

6. Важным элементом новой региональной стратегии Узбекистана является развитие трансграничной торговли, инвестиционного сотрудничества и участие в транспортно-логистических проектах. Узбекистан активно выступает за формирование эффективных и стабильных транспортных маршрутов, обеспечивающих выход на международные рынки через территорию стран Центральной Азии.

7. Большое внимание уделяется вопросам водного и энергетического взаимодействия. Республика демонстрирует готовность к совместному управлению трансграничными водными ресурсами, поддерживает проекты, направленные на повышение эффективности водопользования и создание устойчивых моделей энергоснабжения.

8. Узбекистан также придаёт значимость гуманитарной составляющей регионального сближения. Реализуются проекты по развитию образовательного обмена, расширяется межкультурное сотрудничество, создаются условия для укрепления связей между народами региона. Эти меры способствуют укреплению доверия и построению более устойчивого регионального порядка.

Далее, рассматривая особенности региональной политики Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Туркменистана, мы заключили:

1. Региональная стратегия Республики Казахстан характеризуется системным и институционально оформленным подходом, в основе которого лежат принципы взаимовыгодного сотрудничества, устойчивого развития и сбалансированной многовекторности. Казахстан стабильно выступает инициатором и активным участником региональных интеграционных и диалоговых форматов.

2. Страна проявляет особую активность в развитии транспортно-логистических коридоров, связывающих Центральную Азию с Европой, Китаем и странами Ближнего Востока. Казахстанская инициатива по формированию региональной взаимосвязанности нашла выражение в поддержке проектов «Транскаспийского маршрута», «Цифрового шелкового пути» и «Европа – Западный Китай».

3. Казахстан придаёт особое значение укреплению кооперации с соседними странами, включая развитие торгово-экономических связей, энергетическое партнёрство и водно-экологическое сотрудничество. Внешнеполитическая линия страны выстраивается на основе взаимного уважения, равноправия и соблюдения интересов всех участников регионального взаимодействия.

4. Особое внимание уделяется гуманитарному измерению: Казахстан активно продвигает идеи культурной и образовательной интеграции, расширяет академические контакты и реализует концепцию общей историко-культурной идентичности стран Центральной Азии.

5. Региональная стратегия Кыргызской Республики формируется с учётом особенностей географического положения, экономической структуры и социально-политических факторов. Кыргызская Республика последовательно поддерживает углубление интеграционных процессов и выступает за развитие добрососедских отношений со всеми странами Центральной Азии.

6. Кыргызстан уделяет приоритетное внимание транспортной связности, развитию трансграничной инфраструктуры и укреплению энергетического сотрудничества. В этом контексте страна проявляет заинтересованность в проектах, связанных с расширением доступа к региональным рынкам и улучшением логистики.

7. Особое значение в стратегии Кыргызстана имеют вопросы водно-энергетического взаимодействия, где республика активно участвует в региональных консультациях и инициативах, направленных на сбалансированное использование ресурсов с учётом интересов всех стран бассейна.

8. Кыргызская Республика также придаёт большое значение культурному сотрудничеству, гуманитарному обмену и расширению образовательных программ. Поддерживается курс на консолидацию усилий в области устойчивого развития, цифровизации и координации региональной политики в сфере безопасности.

9. Региональная стратегия Туркменистана выстраивается на основе концепции постоянного нейтралитета, при этом страна демонстрирует заинтересованность в конструктивном диалоге и реализации совместных экономических и инфраструктурных инициатив в регионе.

10. Туркменистан активно развивает транзитно-транспортный потенциал, поддерживая международные проекты, включая Транскаспийский маршрут, газопровод ТАПИ и направления, ориентированные на экспорт энергоресурсов в южном и западном направлениях. Это свидетельствует о стремлении страны стать связующим звеном между Центральной и Южной Азией, Персидским заливом и Китаем.

11. Важным направлением региональной политики Туркменистана является энергетическая дипломатия. Туркменская сторона делает акцент на диверсификации экспортных маршрутов природного газа и развитии сотрудничества в сфере устойчивой энергетики, включая возобновляемые источники.

12. Несмотря на нейтральный статус, Туркменистан участвует в многосторонних экономических форматах и активно продвигает гуманитарные, культурные и образовательные связи с соседними государствами, тем самым способствуя формированию атмосферы доверия и уважения в Центральной Азии.

В третьей главе рассмотрены актуальные угрозы безопасности и проблемы конфликтогенности, характерные для региона. В работе доказано, что Центральная Азия остаётся чувствительной к влиянию трансграничных вызовов, включая угрозу религиозного экстремизма, нестабильность в Афганистане, транснациональную преступность и дефицит водных ресурсов. Уделено внимание формированию механизмов коллективной и региональной безопасности, включая ОДКБ, ШОС и двусторонние соглашения, направленные на предотвращение и урегулирование кризисных ситуаций.

Рассматривая проблемы конфликтогенности региона Центральной Азии, современную трансформацию вызовов и угроз безопасности Центральной Азии и становление и развитие региональных механизмов безопасности в Центральной Азии мы пришли к выводам:

1. Анализ внутренней конфликтогенности в Центральной Азии показывает, что регион по-прежнему подвержен значительным угрозам, обусловленным исторически неурегулированными вопросами границ, водно-энергетическими противоречиями и асимметрией социально-экономического развития. Однако достигнутое соглашение между Таджикистаном и Кыргызстаном о полной демаркации и делимитации государственной границы в 2024–2025 годах демонстрирует потенциал для конструктивного решения даже самых сложных межгосударственных споров. Эта дипломатическая победа служит примером успешного перехода от вооружённого конфликта к устойчивому диалогу, основанному на взаимных уступках и международной поддержке.

2. Помимо урегулирования пограничного конфликта, государства региона начинают разрабатывать совместные трансграничные проекты, способствующие укреплению доверия и устойчивому развитию приграничных

территорий. Таким образом, кейс таджикско-кыргызского урегулирования не только демонстрирует зрелость политических институтов двух стран, но и открывает перспективы для более глубокой региональной интеграции на принципах добрососедства, взаимного уважения и учёта исторического контекста.

3. Вопрос распределения и совместного управления трансграничными водными ресурсами остаётся одним из ключевых факторов напряжённости в Центральной Азии. Несмотря на наличие рамочных соглашений, устаревшая ирригационная инфраструктура, климатические изменения и различия в экономических моделях стран региона усугубляют водный дефицит. Наиболее остро противоречия проявляются между государствами-источниками водных потоков (Таджикистан и Кыргызстан) и странами нижнего течения, зависимыми от ирригации (Узбекистан, Казахстан и Туркменистан).

4. Попытки модернизации системы водопользования, равно как и вовлечение внешнего актора в лице Афганистана с проектом канала Куштеппа, наглядно демонстрируют необходимость институционального обновления всей водной архитектуры региона. В качестве перспективного решения выдвигается идея создания регионального объединения по водно-энергетическому сотрудничеству, способного обеспечить баланс интересов на основе равноправного диалога, рыночных механизмов и обязательного внедрения водосберегающих технологий. Только переход от ситуативных соглашений к полноценной системе управления на основе юридически закреплённых норм позволит обеспечить устойчивость и безопасность в водной сфере Центральной Азии.

5. Центральная Азия остаётся важным транзитным коридором афганского наркотрафика, направляемого в Россию, Европу и Китай. Афганистан производит более двух третей мирового объёма опиатов, и значительная часть наркотиков проникает в страны региона через таджикско-афганскую границу. В ответ страны ОДКБ реализуют операцию «Канал» и расширяют механизмы региональной антинаркотической координации.

6. Анализ современных угроз безопасности Центральной Азии позволяет утверждать, что регион сталкивается с комплексом транснациональных и внутренних вызовов, имеющих как традиционную, так и качественно новую природу. Наиболее остро ощущаются последствия ухудшения ситуации в Афганистане, где приход к власти радикального движения «Талибан» в 2021 году спровоцировал рост нестабильности на южных рубежах региона. Крах прежнего афганского государства, гуманитарная катастрофа и разрушение институтов национальной безопасности существенно ослабили потенциал Кабула как надёжного партнёра в обеспечении регионального порядка. Это обстоятельство усилило тревогу стран Центральной Азии по поводу возможного проникновения радикальных идеологий, вооружённых формирований, наркотрафика и миграционного давления.

7. Особую обеспокоенность вызывает деятельность транснациональных террористических организаций, прежде всего ИГИЛ (вилайят Хорасан) и Аль-Каиды, чьи ячейки продолжают укреплять свои позиции в северных провинциях Афганистана. Сформировавшиеся логистические маршруты, финансовые источники, включая доходы от наркоторговли, а также поддержка извне превращают эти структуры в устойчивый фактор угрозы для всей Центральной Азии. При этом отличительной чертой новых экстремистских образований становится способность к быстрой адаптации, финансовой автономии и активному использованию цифровых технологий для вербовки и пропаганды.

8. На фоне ослабления традиционных институтов исламского просвещения и распространения радикальных интерпретаций религиозных учений особенно уязвимыми становятся молодёжные группы. Социальная маргинализация, высокая безработица и дефицит перспектив способствуют усилению этнорелигиозного экстремизма. Центральная Азия, располагающая богатыми исламскими традициями, оказалась мишенью для внешних пропагандистских и идеологических влияний, включая деятельность экстремистских группировок с базами в Афганистане и на Ближнем Востоке.

9. В совокупности перечисленные факторы свидетельствуют о нарастании системных рисков для региональной безопасности. В условиях глобальной нестабильности государства Центральной Азии вынуждены выстраивать новую архитектуру взаимодействия в сфере противодействия терроризму, экстремизму и организованной преступности. Это требует усиления координации как в рамках региональных структур (ШОС, ОДКБ), так и на двусторонней основе, а также модернизации механизмов безопасности с учётом современных вызовов и трансформации природы угроз.

10. Центральноеазиатские государства активизировали усилия по усилению пограничного контроля, оперативного обмена информацией и участию в региональных форматах (ОДКБ, ШОС). Особое внимание уделяется программам предупреждению насильственного экстремизма через социопрофилактику, информационную безопасность и работу с молодежью.

11. История становления региональных форматов безопасности в Центральной Азии свидетельствует о стремлении стран региона к институционализации многостороннего сотрудничества в ответ на общие вызовы. В этом контексте значимыми этапами стали функционирование Организации Центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС) и участие государств региона в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ).

12. Участие государств Центральной Азии в СНГ обеспечило им платформу для обсуждения и реализации совместных мер в сферах борьбы с терроризмом, трансграничной преступностью и наркотрафиком. Несмотря на то, что СНГ не стало полноценным военно-политическим союзом, его координационные механизмы, а также создание профильных органов в сфере безопасности, способствовали укреплению коллективного реагирования на региональные угрозы.

13. ОЦАС, выступавшая в качестве первой региональной структуры постсоветского пространства, сыграла важную роль в выработке основ взаимодействия между странами Центральной Азии. Её деятельность позволила сформировать традицию регулярных межгосударственных консультаций по

вопросам безопасности, приграничного сотрудничества и противодействия общим вызовам. Хотя впоследствии ОЦАС была интегрирована в структуры ЕврАзЭС, накопленный в рамках организации опыт послужил основой для последующего многостороннего сотрудничества.

14. Формирование таких структур, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), стало ответом на вызовы, связанные с трансграничным терроризмом, религиозным экстремизмом, наркотрафиком и уязвимостью внешних границ.

15. Особое значение в системе региональной безопасности приобрела ШОС, в рамках которой действует Региональная антитеррористическая структура (РАТС), обеспечивающая координацию усилий в борьбе с экстремизмом и терроризмом. Активизация деятельности РАТС в условиях нарастающей угрозы со стороны террористических группировок в Афганистане указывает на возрастающую роль институциональных форматов в реагировании на кризисные ситуации.

16. Важным элементом системы безопасности остаётся и участие государств Центральной Азии в ОДКБ, где формируются коллективные силы быстрого реагирования, отрабатываются совместные военные сценарии и укрепляется взаимодействие в сфере обороны. Проведение регулярных учений и обмен оперативной информацией позволяют поддерживать определённый уровень оперативной совместимости и сдерживать потенциальные дестабилизирующие факторы.

17. Таким образом, становление и развитие региональных механизмов безопасности свидетельствуют о постепенном формировании в Центральной Азии многоуровневой архитектуры, опирающейся как на многосторонние альянсы, так и на двусторонние форматы. Несмотря на сохраняющиеся проблемы координации и различие внешнеполитических приоритетов государств региона, данные структуры играют ключевую роль в адаптации Центральной Азии к современным вызовам в сфере безопасности.

Четвёртая глава была сфокусирована на вопросах интеграции региона в глобальную систему международных отношений. Установлено, что государства Центральной Азии стремятся к диверсификации внешнеполитических связей и укреплению партнёрства с ведущими центрами силы — Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Особое внимание уделено трансформации форматов стратегического партнёрства, институциональному оформлению сотрудничества, а также влиянию внешних акторов на внутреннюю и региональную стабильность.

На основе исследования межгосударственных взаимоотношений России и Центральной Азии мы пришли к выводам:

1. Российская Федерация неизменно рассматривала Центральную Азию как зону приоритетных внешнеполитических интересов, что нашло отражение в устойчивом политическом диалоге и укреплении институциональных основ сотрудничества с государствами региона.

2. На протяжении всего постсоветского периода отношения России с центральноазиатскими республиками развивались по восходящей траектории, охватывая стратегически важные сферы — от обороны и безопасности до энергетики, торговли и гуманитарного взаимодействия.

3. Создание и функционирование таких многосторонних структур, как СНГ, ОДКБ и ЕАЭС, при активной поддержке России, способствовало формированию устойчивого формата коллективного реагирования на вызовы безопасности и политической координации в регионе.

4. Одним из ключевых направлений стало военно-политическое партнёрство, в том числе организация совместных учений, функционирование военных баз и развитие механизмов коллективной обороны, что укрепило устойчивость региона к транснациональным угрозам.

5. Россия зарекомендовала себя как надёжный экономический партнёр, сохраняя лидирующие позиции в товарообороте и инвестициях, а также обеспечивая доступ стран Центральной Азии к российскому рынку и транспортно-логистической инфраструктуре.

6. В гуманитарной сфере активное сотрудничество в области образования, миграции, сохранения русского языка и культурного обмена способствовало формированию устойчивых общественных связей между народами России и Центральной Азии.

7. Центральнаоазиатские государства, в свою очередь, демонстрировали заинтересованность в развитии равноправного и взаимовыгодного партнёрства с Российской Федерацией, что позволяет говорить о наличии устойчивого фундамента для долгосрочного сотрудничества в условиях трансформации глобального и регионального порядка.

Что касается исследования эволюции стратегического и многоуровневого сотрудничества между Китаем и государствами Центральной Азии, то можно заключить:

1. Сотрудничество между Китайской Народной Республикой и государствами Центральной Азии с начала 1990-х годов приобрело устойчивый и стратегически значимый характер, охватывая все ключевые направления — от политики и экономики до инфраструктуры, энергетики, безопасности и гуманитарной сферы.

2. В рамках выстраивания институциональной базы взаимодействия была заложена основа политического диалога высокого уровня, включая формат «Китай – Центральная Азия», встречи министров иностранных дел, а также участие всех пяти стран региона в деятельности ШОС, где Китай играет ключевую роль.

3. Экономическое сотрудничество стало краеугольным камнем китайской стратегии в Центральной Азии. Китай последовательно укреплял своё присутствие через торговлю, прямые инвестиции и реализацию масштабных инфраструктурных проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь», включая развитие транспортных, энергетических и логистических коридоров.

4. В энергетическом секторе был достигнут значительный прогресс: строительство нефтепровода «Китай – Казахстан» и газопровода «Центральная Азия – Китай» продемонстрировало эффективность партнёрства и взаимную

заинтересованность сторон в обеспечении энергетической взаимозависимости и долгосрочной стабильности поставок.

5. Взаимодействие в сфере безопасности между КНР и странами региона постепенно выходит на новый уровень, включая совместные антитеррористические учения, борьбу с экстремизмом, транснациональной преступностью и наркотрафиком. При этом акцент делается на поддержке суверенитета и невмешательстве во внутренние дела.

6. Сохраняются вызовы, в том числе опасения отдельных стран относительно растущего китайского влияния, долговой зависимости и необходимости сбалансированного подхода в отношениях с другими внешними акторами, прежде всего с Россией и Западом. Тем не менее, механизм многоуровневого сотрудничества позволяет эффективно реагировать на возникающие риски.

7. В целом, китайско-центральноазиатское сотрудничество в период 1991–2025 гг. прошло путь от ограниченного прагматизма к устойчивому стратегическому партнёрству, базирующемуся на взаимной выгоде, институциональной гибкости и учёте региональной специфики. Это партнёрство, обладающее потенциалом дальнейшего расширения, становится важным фактором формирования нового регионального порядка в Евразии.

В результате проведённого исследования автор приходит к следующим обобщающим выводам:

- Центральная Азия сформировалась как самостоятельный и активный субъект международных отношений, обладающий устойчивым потенциалом к формированию собственных региональных инициатив и стратегий;

- политика государств региона приобретает всё более прагматичный и многовекторный характер, что отражается в стремлении к балансировке интересов между ведущими мировыми центрами силы;

- несмотря на сохраняющиеся разногласия и вызовы, регион демонстрирует возросшую готовность к углублению политического,

экономического и институционального взаимодействия, направленного на обеспечение коллективной устойчивости и безопасности;

– взаимодействие с Россией и Китаем остаётся краеугольным камнем внешней политики большинства стран Центральной Азии, при этом усиливается стремление к укреплению региональной самодостаточности и устойчивости.

Таким образом, проведённое исследование позволяет утверждать, что Центральная Азия, несмотря на сохраняющиеся сложности, обладает высоким потенциалом к развитию как самостоятельный, стратегически важный регион, способный активно участвовать в формировании новых правил и форматов международного взаимодействия в условиях глобального многоцентрия.

Для активизации развития региона Центральной Азии в перспективе необходима реализация комплекса стратегических мер, направленных на устойчивое социально-экономическое и политическое укрепление региона, таких как:

1. Углубление региональной координации. Странам Центральной Азии следует выстроить устойчивые механизмы политического взаимодействия на основе принципов равноправия, доверия и недопущения вмешательства извне. Регулярные встречи глав государств, развитие Совета глав правительств и профильных министерств позволят повысить согласованность решений в вопросах безопасности, экологии, торговли и водных ресурсов.

2. Формирование общего экономического пространства. Приоритетом должно стать устранение барьеров для свободного перемещения товаров, капиталов, услуг и рабочей силы внутри региона. Это требует синхронизации таможенных и технических стандартов, гармонизации налоговой и инвестиционной политики, а также создания зон совместного развития в приграничных районах.

3. Развитие совместной инфраструктуры. Центральная Азия нуждается в модернизации и расширении транспортно-логистических коридоров, энергетических магистралей и цифровых сетей. В этом контексте важно

совместно продвигать проекты, обеспечивающие транзитную связанность с рынками Европы, Китая, Южной Азии и Ближнего Востока.

4. Укрепление продовольственной и энергетической безопасности. Скоординированные усилия по устойчивому сельскому хозяйству, развитию «зелёной» энергетики и водосбережению станут основой для самодостаточности региона. Речь идёт как о трансграничных проектах по строительству ГЭС и ирригационных систем, так и о внедрении инновационных агротехнологий.

5. Расширение гуманитарного сотрудничества. Совместные программы в сфере образования, культуры, здравоохранения и молодежных обменов способствуют формированию общего регионального сознания. Поддержка академической мобильности, учреждение межгосударственных университетов и фондов науки укрепят интеллектуальный потенциал региона.

6. Продвижение регионального бренда на международной арене. Центральной Азии важно развивать собственную дипломатическую идентичность, выступая с согласованными инициативами на глобальных форумах. Создание единого информационного пространства и проведение масштабных международных мероприятий позволит повысить узнаваемость и инвестиционную привлекательность региона.

Таким образом, будущее Центральной Азии зависит от способности её государств объединить усилия, выйти за рамки изолированного развития и сформировать единое геоэкономическое и политическое пространство, способное эффективно отвечать на вызовы XXI века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативно-правовые акты и официальные документы

1. Алма-Атинская декларация. «Об образовании Содружества Независимых Государств». Алма-Ата, 21 декабря 1991 г. URL: <https://hrlibrary.umn.edu/russian/cis/Ralmatydecl.html> (дата обращения: 20.07.2025).
2. Астанинская декларация второго саммита «Центральная Азия — Китай» [Электронный ресурс]. - 18.06.2025. -URL: <https://russian.news.cn/20250618/e9057e91c41a4c2f99c4c4b17a7a2b79/c.html> (дата обращения: 30.07.2025)..
3. Бишкекская декларация глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. — 25.08.1999. — URL: http://russian.china.org.cn/russian/0527/ru_b6.gif (дата обращения: 30.07.2025).
4. Договор между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан об учреждении организации «Центрально-Азиатское сотрудничество», 28 февраля 2002 г. — Электронный ресурс. — Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=6973 (дата обращения: 20.07.2025).
5. Договор о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 года // Официальный сайт СНГ. – URL: <https://eccis.org/page/13922/> <https://eccis.org/page/13922/dogovor-o-zone-svobodnoj-torgovli-ot-18-oktabra-2011-goda> (дата обращения: 30.07.2025)
6. Договор о стратегическом партнёрстве между Республикой Казахстан и Республикой Таджикистан : международный договор; заключён 14 сент. 2015 г. в г. Душанбе;— Электронный ресурс. Режим доступа:

- https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38094235 (дата обращения: дата обращения: 20.07.2025)
7. Договор о стратегическом партнёрстве между Республикой Таджикистан и Туркменистаном от 02 ноября 2017 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhovview.php?showdetail=&asosi_id=20401 (дата обращения: 25.07.2025).
 8. Договор об основах отношений между Республикой Казахстан и Республикой Таджикистан от 13 января 1993 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1014726 (дата обращения: 05.04.2025).
 9. Концепция внешней политики Республики Таджикистан. — Душанбе, 27 января 2015 г. — Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 08.07.2025)
 10. Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Президентом РФ 31.03.2023 № 229 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. — URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 17.07.2025)
 11. Постановление Правительства Республики Казахстан от 9 сентября 1996 г. № 1097 «О Концепции региональной политики Республики Казахстан (утратило силу)» // Online.zakon.kz.URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006601 (дата обращения: 05.07.2025).
 12. Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Республики Таджикистана о порядке пребывания граждан Республики Казахстан на территории Республики Таджикистан и граждан Республики Таджикистана на территории Республики Казахстан : от 14 марта 2018 г. // Архив Министерства иностранных дел Республики Таджикистан.

13. Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Республики Узбекистан о поощрении и защите инвестиций от 09.03.2018 г. // Архив МИД РТ. – Душанбе, 2018. – Д. № 1312. – Л. 21–25.
14. Соглашение между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о создании Единой региональной системы противовоздушной обороны Республики Казахстан и Российской Федерации. 30.01.2013— [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31328800&utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 25.07.2025)
15. Соглашение о коллективных силах оперативного реагирования ОДКБ от 14 июня 2009 г. на основании решения СКБ от 4 февраля 2009 г. // Официальный сайт ОДКБ — Электронный ресурс. — Режим доступа: <https://jscsto.odkb-csto.org/voennaya-sostavlyauschaya-odkb/ksorodkb.php> (дата обращения: 25.07.2025)
16. Соглашение о создании Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК) — 18 февраля 1992 г. — Режим доступа: https://www.cawater-info.net/library/rus/mc_gl.htm (дата обращения: 10.07.2025).
17. Соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой, состоявшееся 26 апреля 1996 года в Шанхае https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1010795 (дата обращения: 30.07.2025)
18. Стратегический курс Российской Федерации с государствами — участниками Содружества Независимых Государств» // Официальный сайт МИД России. — URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1695744/ (дата обращения: 30.07.2025)

19. Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годы // Президент Республики Узбекистан. 2017. 7 февраля. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/231> (дата обращения: 05.07.2025).
20. Указ Президента Российской Федерации от 10.01.2000 N 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17186/ (дата обращения: 30.07.2025)
21. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 30.07.2025)
22. Global Security Initiative Concept Paper. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – Beijing: MFA of PRC, 2023. – 28 p.
23. Law of Turkmenistan “About religious liberty and the religious organizations” of 26 March 2016 [Электронный ресурс] // cis-legislation.com. — URL: <https://cis-legislation.com/document.fwx?rgn=84971> (дата обращения: 16.07.2025).

II. Научные книги и монографии

24. Гумбольдт А. Центральная Азия. Исследования о цепях гор и по сравнительной климатологии: в 2 т. Т. 1 / пер. с франц. П. И. Бородзича; под ред. проф. Д. Н. Анучина; вступ. ст. Д. Н. Анучина и В. А. Обручева. — Москва: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1915. — 618 с. — URL: <https://elibrary.orenlib.ru/index.php?dn=down&to=open&id=3417> (дата обращения: 11.07.2025).
25. Искандаров К. Афганистан в период правительства национального единства: политические процессы и проблемы безопасности : монография / К. Искандаров. – Душанбе : НАН РТ, 2022. – 352 с.

26. Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия / А. А. Казанцев. — Москва: МГИМО-Университет, 2008. — 382 с. — ISBN 978-5-9228-0447-9
27. Комилова Х.Г. Центральная Азия в условиях формирования нового мирового порядка / Х.Г. Комилова. Монография. — Душанбе: РТСУ, 2020. — 154 с.
28. Латифов Дж. Л. (общ. ред.) Республика Таджикистан в условиях геополитических вызовов XXI века: монографический сборник. — Душанбе, 2024. — 300 с.
29. Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: учебное пособие для вузов / А. Д. Богатуров, А. С. Дундич, В. Г. Коргун и др.; отв. ред. А. Д. Богатуров. — Москва: Аспект Пресс, 2011 - 549 с.
30. Мирзоев Н.М. Таджикистан – Шанхайская организация сотрудничества: векторы сотрудничества. – Душанбе, 2014. – 192 с.
31. Назарбаев Н. А. Казахстанский путь. — Астана: Елбасы, 2007. — 372 с.
32. Назаров Т. Н. Современная таджикская дипломатия : монография / Т. Н. Назаров, А. Сатторзода. – Душанбе, 2006. – 224 с.
33. Рахмон Э. О современном мире и основных аспектах внешней политики Республики Таджикистан / Э. Рахмон; сост.: З. Ш. Саидов (Сайидзода), М. Р. Камолова. – Душанбе : Контраст, 2022. – 226 с.
34. Сайидов З. Ш. Внешняя политика Республики Таджикистан (1991–2017 гг.) : учеб. пособие / З. Ш. Сайидов. – Душанбе : Контраст, 2017. – 142 с.
35. Современные международные отношения: учебник / под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. — Москва: Аспект Пресс, 2012. — 688 с. — URL:
https://psv4.userapi.com/s/v1/d/ZMx4JpMyRiw_BHTyhSZKTwUzAe7tTHhHO8IE6be7JXX3eo-dWYaWZzGZAPQd1NkW8VkleeteB58W0550t4VqGQmVHLgbghdgQWgg6wSPR_QHw66z8cWL3g/torkunov_a_mal_gin_a_sovremennye_mezhdunarodnye_otnosheniya.pdf (дата обращения: 10.07.2025).

36. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 603 с.
37. Шишкина О. В. Post-Soviet Foreign Policy Foundations: State Interests vs. Identities: монография / О. В. Шишкина. — Москва: МГИМО-Университет, 2015. — 216 с.
38. Akiner, S. The Formation of Kazakh Identity: From Tribe to Nation-State. — London: Royal Institute of International Affairs, 1998. — 83 p.
39. Anceschi, L. Turkmenistan's Foreign Policy: Positive Neutrality and the Consolidation of the Turkmen Regime — London: Routledge, 2008. — 240 p. — DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203892312> (дата обращения: 02.02.2025).
40. Börzel T. A., Risse T. (Eds.). The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. Oxford: Oxford University Press, 2016. 682 p. — Рец. на кн. // *Politique étrangère*. — 2016. — Winter (No. 4). — P. II–II. — DOI: 10.3917/pe.164.0182b. — URL: https://www.researchgate.net/publication/376914527_OXFORD_HANDBOOK_OF_COMPARATIVE_REGIONALISM_Tanja_A_Borzel_et_Thomas_Risse_Oxford_Oxford_University_Press_2016_682_pages (дата обращения: 10.07.2025).
41. Feshbach, M., Friendly, A. Ecocide in the USSR: Health and Nature Under Siege. — New York: Basic Books, 1992. — 283 p.
42. Hauner, M. What Is Asia to Us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. — London; New York: Routledge, 1992 (1st ed. Unwin Hyman, 1990). — 264p.
43. Högselius, P. Red Gas: Russia and the Origins of European Energy Dependence. — London: Palgrave Macmillan, 2013. — 279 p. — URL: <https://link.springer.com/book/10.1057/9781137286154> (дата обращения: 07.07.2025)
44. Högselius, P., Kaijser, A., van der Vleuten, E. Europe's Infrastructure Transition: Economy, War, Nature. — London: Palgrave Macmillan, 2016. — 454 p.

45. Imart, G. G. The Limits of Inner Asia: Some Soul-Searching on New Borders for an Old Frontier-Land. — Bloomington: Indiana University, 1987. — (Papers on Inner Asia; No. 1). — 81 p.
46. Lewis, M. W., Wigen, K. E. The Myth of Continents: A Critique of Metageography. — Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1997. — 344 p.
47. Mackinder, H. J. The Scope and Methods of Geography and The Geographical Pivot of History. — London: The Royal Geographical Society; The Curwen Press, 1969. — 35 p.
48. Matley, I. M. The Soviet Approach to Geography. — Ann Arbor: University of Michigan, 1961. — 221 p.
49. McCoy A. W. The Politics of Heroin: CIA Complicity in the Global Drug Trade / Alfred W. McCoy. — New York: Lawrence Hill Books, 2003. — 710 p
50. Obertreis, J. Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991. — Göttingen, Germany: V&R Unipress, 2017.— ISBN 978-3-8471-0786-6. — 536 p.
51. Peterson, M. K. Pipe Dreams: Water and Empire in Central Asia's Aral Sea Basin. — Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2019.— ISBN 978-1-108-67307-5. — 399 p.
52. Schot, J., Scranton, P. Technopolitics and the Making of Europe // Technopolitics and the Making of Europe / eds. N. Klimburg-Witjes, P. Trauttmansdorff. — London: Routledge, 2016. — DOI: 10.4324/9781003267409 — P. 208
53. Sinor, D. Inner Asia. History — Civilization — Languages: A Syllabus. — Bloomington: Indiana University; Indiana University Publications, 1969. — (Uralic and Altaic Series; vol. 96). — 261 p.

III. Статьи из научных журналов и сборников

54. Абдулло Р. Таджикистан и региональная интеграция в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2007. № 11. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/tadzhikistan-i-regionalnaya-integratsiya-v-tsentralnoy-azii-1> (дата обращения: 09.07.2025).
55. Алиева Р. Р. Формирование основополагающих принципов внешней политики Республики Таджикистан // Ученые записки Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2014. № 4 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-osnovopologayuschih-printsipov-vneshney-politiki-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 09.07.2025).
56. Алиева Р. Р., Раджабова Г. К. Военно-техническое сотрудничество Республики Таджикистан и Российской Федерации в обеспечении региональной безопасности государств Центральной Азии // Society and Security Insights. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-tehnicheskoe-sotrudnichestvo-respubliki-tadzhikistan-i-rossiyskoy-federatsii-v-obespechenii-regionalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 09.07.2025).
57. Алимжанов С. Д. Меры по укреплению доверия в районе государственных границ между государствами-членами СНГ и Китайской Народной Республикой // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2009. №1 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mery-po-ukrepleniyu-doveriya-v-rayone-gosudarstvennyh-granits-mezhdu-gosudarstvami-chlenami-sng-i-kitayskoy-narodnoy-respublikoy> (дата обращения: 30.07.2025).
58. Балтабаев Ж. Р. Место Кыргызстана в развитии сотрудничества в области безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Наука, техника и образование. 2020. № 9 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mecto-kyrgyzctana-v-razvitii-cotrudnichestva-v-oblasti-bezopasnosti-v-ramkah-shanhayckoy-organizatsii-cotrudnichestva> (дата обращения: 12.07.2025).
59. Бао И., Сюлин У., Чен Чинсюнь, Свенстром Н., Зеб Р., Онг Р. Политика Китая в Центральной Азии // Центральная Азия в современном мире: внешнеполитические и геоэкономические аспекты развития. — 2007. —

- Вып. 2007. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-kitaya-v-tsentralnoy-azii-1>(дата обращения: 19.07.2025).
60. Бахромзода М. З. Позиция Таджикистана по урегулированию ситуации в Афганистане // Русская политология. 2021. № 3 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsiya-tadzhikistana-po-uregulirovaniyu-situatsii-v-afganistane> (дата обращения: 09.07.2025).
61. Бостонкулова М. Т. Политическая ситуация в Центральной Азии и национальная безопасность Кыргызстана // Символ науки. 2015. № 9-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-situatsiya-v-tsentralnoy-azii-i-natsionalnaya-bezopasnost-kyrgyzstana> (дата обращения: 12.07.2025).
62. Ван Цзюньтао. Политика Китайской Народной Республики в отношении стран Центральной Азии // Россия в глобальном мире. — 2021. — № 20 (43). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-kitayskoy-narodnoy-respubliki-v-otnoshenii-stran-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 19.07.2025).
63. Весенцова Е.С. Исламистские организации Центральной Азии // КиберЛенинка [Электронный ресурс]. — 2016. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamistskie-organizatsii-tsentralnoy-azii>(дата обращения: 16.07.2025).
64. Воскресенский А. Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. — 2012. — № 2 (8). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-regionalizatsii-regionalnyh-podsistem-regionalnyh-kompleksov-i-regionalnyh-transformatsiy-v-sovremennyh-mezhdunarodnyh>(дата обращения: 01.12.2024).
65. Воскресенский, А. Д. Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений // Современные международные отношения и мировая политика: учебник для вузов / отв. ред. А. В. Торкунов; МГИМО(У) МИД России. — М.: Просвещение, 2004. — С. 494–500.

66. Гуан Пан. Энергетическая политика Китая и обеспечение энергетической безопасности в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. — 2007. — № 6 (54). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskaya-politika-kitaya-i-obespechenie-energeticheskoy-bezopasnosti-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 07.07.2025).
67. Дмитриева М. О. Эволюция российской внешней политики в Центральной Азии // Дискуссия. 2014. №2 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-rossiyskoy-vneshney-politiki-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 30.07.2025).
68. Егоров Е. Н. Исламский радикализм в Центральной Азии: Хизб ут-Тахрир и исламское движение Узбекистана // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. №3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-radikalizm-v-tsentralnoy-azii-hizb-ut-tahrir-i-islamskoe-dvizhenie-uzbekistana> (дата обращения: 05.07.2025).
69. Журакулов А. Ф. Внешняя политика Республики Узбекистан // Scientific Progress. — 2021. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-respubliki-uzbekistan-1> (дата обращения: 02.02.2025).
70. Иманалиев М. С., Джоробекова А. Э. Концептуальные основы взаимоотношений Кыргызстана и Китая в свете инициативы Си Цзиньпина о совместном строительстве «экономического пояса Шёлкового пути» // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-vzaimootnosheniy-kyrgyzstana-i-kitaya-v-svete-initsiativy-si-tszinpinga-o-sovmestnom-stroitelstve-ekonomicheskogo> (дата обращения: 12.07.2025).
71. Ионова Е. Развитие отношений Казахстана и Узбекистана как фактор регионализации в Центральной Азии // Россия и новая международная политика. 2018. № 4. С. 132–145. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-4-132-145. URL:

- https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2018_04/17.Ionova.pdf (дата обращения: 05.12.2025).
72. Искандаров К. «Гуманитарная ситуация и проблемы безопасности в Афганистане после прихода к власти движения «Талибан»: взгляд из Таджикистана». // Россия и мир: научный диалог. – 2023. – № 2(8). – С. 142-157.
73. Калиев И. А., Темиров А. О. Понятие региона и региональных подсистем в международных отношениях // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2021. №68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-regiona-i-regionalnyh-podsistem-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah> (дата обращения: 06.06.2025).
74. Карпович О. Г., Шангараев Р. С. Центральная Азия в контексте современной геополитики на евразийском пространстве // Социально-политические науки. — 2021. — № 6. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsentralnaya-aziya-v-kontekste-sovremennoy-geopolitiki-na-evraziyskom-prostranstve> (дата обращения: 02.07.2025).
75. Каюмов Н. К. К вопросу об обеспечении водноэнергетической безопасности Таджикистана в условиях глобализации мирового хозяйства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 2 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-obespechenii-vodnoenergeticheskoy-bezopasnosti-tadzhikistana-v-usloviyah-globalizatsii-mirovogo-hozyaystva> (дата обращения: 09.07.2025).
76. Коваленко Г. В., Хатамов Н. Б. Государства Центральной Азии во внешней политике Республики Таджикистан // Вестник Педагогического университета. 2020. № 5 (88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstva-tsentralnoy-azii-vo-vneshney-politike-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 09.07.2025).
77. Кудаяров К. А. Внутрирегиональные проблемы безопасности Центральной Азии: на примере Кыргызстана // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и

- африканистика. 2022. № 2. URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/vnutriregionalnye-problemy-bezopasnosti-tsentralnoy-azii-na-primere-kyrgyzstana> (дата обращения: 12.07.2025).
78. Кулуева Ф. Г. Национальная стратегия противодействия коррупции и национальный план противодействия коррупции // Наука, техника и образование. 2020. № 1 (65). URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-strategiya-protivodeystviya-korrupsii-i-natsionalnyy-plan-protivodeystviya-korrupsii> (дата обращения: 14.07.2025).
79. Ларюэль М. Внешняя политика и идентичность в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Pro et Contra. — 2013 (янв.–апр.). — С. 6–20. — Режим доступа: https://carnegie-production-assets.s3.amazonaws.com/static/files/ProEtContra_58_6-20.pdf (дата обращения: 02.02.2025).
80. Ма Ифэн. Казахстанский проект "Нурлы жол" и китайская инициатива "Один пояс и Один путь": точки сопряжения и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2022. №5. URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/kazahstanskiy-proekt-nurly-zhol-i-kitayskaya-initsiativa-odin-poyas-i-odin-put-tochki-sopryazheniya-i-perspektivym> (дата обращения: 04.12.2025).
81. Мамедов Дж., Мамедов Б. Дж. Концептуальные основы внешней политики Туркменистана как нейтрального государства // Символ науки. — 2024. — № 4-2-3. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-vneshney-politiki-turkmenistana-kak-neytralnogo-gosudarstva> (дата обращения: 17.07.2025).
82. Медушевский А. Н. Политические режимы Средней Азии: конституционные реформы в рамках авторитарной модернизации // Сравнительное конституционное обозрение. — 2012. — № 4 (89). — С. 45–60. — URL:

<https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/0fbxmms6jv/direct/67971293>
(дата обращения: 22.03.2021).

83. Мирзеханов В. С., Тюльпаков М. В. Доктрина позитивного нейтралитета и внешнеполитические приоритеты постсоветской Туркмении // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. – 2018. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-pozitivnogo-neytraliteta-i-vneshnepoliticheskie-prioritety-postsovetskoy-turkmenii> (дата обращения: 17.07.2025).
84. Мирзоев Н. М., Комилова Х. Обеспечение национальной безопасности Республики Таджикистан как гарант региональной стабильности в ЦА // Вестник Педагогического университета. 2019. № 6 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-natsionalnoy-bezopasnosti-respubliki-tadzhikistan-kak-garant-regionalnoy-stabilnosti-v-tsa> (дата обращения: 09.07.2025).
85. Мирзоев Н. М., Сангинов Д. Национальные интересы во внешней политике Республики Таджикистан // Вестник Педагогического университета. 2020. № 5 (88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-interesy-vo-vneshney-politike-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 09.07.2025).
86. Мирзоев С. Т. Афганистан во внешней политике Республики Узбекистан // Вестник Педагогического университета. 2019. № 2 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/afganistan-vo-vneshney-politike-respubliki-uzbekistan> (дата обращения: 14.07.2025).
87. Муродова Н. С. Проблемы политической модернизации в Республике Таджикистан // Научные исследования. — 2017. — № 4 (15). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-politicheskoy-modernizatsii-v-respublike-tadzhikistan> (дата обращения: 02.12.2025).
88. Ниязи А. Ш. Ворух – территория таджикско-киргизского раздора. К вопросу о размежевании предвоенного периода (1928–1941). Часть 2 // Россия и мусульманский мир. 2023. № 3 (329). URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/voruh-territoriya-tadzhiksko-kirgizskogo-razdora-k-voprosu-o-razmezhevanii-predvoennogo-perioda-1928-1941-chast-2> (дата обращения: 11.07.2025).
89. Обидов А. Внешняя политика Республики Узбекистан // Россия и мусульманский мир. 2019. №2 (312). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-respubliki-uzbekistan> (дата обращения: 04.07.2025).
90. Осмоналиев К., Карагулов А. Исламский фактор во внешней политике центрально-азиатских государств // Журнал центрально-азиатских и евразийских исследований. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-faktor-vo-vneshney-politike-tsentralno-aziatskih-gosudarstv-1> (дата обращения: 12.07.2025).
91. Погодин С. Н., Тараканова Т. С. Внешнеполитические интересы Российской Федерации в Центральной Азии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2021. — № 2. — С. 77–85. — DOI: 10.22394/2073-2929-2021-02-77-85. (дата обращения: 17.07.2025).
92. Рахимов Б. А. Реализация международных транспортных проектов в Кыргызстане: перспектива строительства железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-mezhdunarodnyh-transportnyh-proektov-v-kyrgyzstane-perspektiva-stroitelstva-zheleznoy-dorogi-kitay-kyrgyzstan> (дата обращения: 12.07.2025).
93. Рахимов К. Х. Международно-правовые основы сотрудничества Республики Таджикистан с ШОС в сфере обеспечения безопасности и стабильности в многополярном мире // Постсоветские исследования. 2019. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-osnovy-sotrudnichestva-respubliki-tadzhikistan-s-shos-v-sfere-obespecheniya-bezopasnosti-i-stabilnosti-v> (дата обращения: 09.07.2025).

94. Рахмонов А.С. Роль и место республики Таджикистан в системе безопасности и противодействия современным нетрадиционным угрозам в ЦАР // Вестник ТГУПБП. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-respubliki-tadjikistan-v-sisteme-bezopasnosti-i-protivodeystvie-sovremennym-netraditsionnym-ugrozam-v-tsar> (дата обращения: 05.04.2024)
95. Рязанцев С. В., Гарибова Ф. М. Демографическое развитие Ферганской долины как приграничного региона Центральной Азии // DEMIS. Демографические исследования. — 2022. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskoe-razvitie-ferganskoy-doliny-kak-prigranichnogo-regiona-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 02.02.2025).
96. Саидов Х. С. Как таджикская дипломатия развязала «гордиев узел» / Х. С. Саидов // Таджикистан и современный мир. – 2016. – № 7 (50). – С. 261–273.
97. Саидов Х. С., Наими И. Н. Республика Таджикистан: проблемы и факторы развития стратегического партнерства / Х. С. Саидов, И. Н. Наими // Ученые записки Российско-Таджикского (Славянского) университета. Серия: социально-гуманитарные науки. – 2024. – № 2 (4). – С. 47–60.
98. Саидов Ш. Ш. Исламский фактор в политических процессах Центральной Азии // Вестник ТГУПБП. 2013. № 1 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskiy-faktor-v-politicheskikh-protsessah-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 09.07.2025).
99. Сафаров С. С. Общие интересы Центральной Евразии как фактор противостояния новым угрозам безопасности: взгляд из Таджикистана // Постсоветский материк. 2014. № 3 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-interesy-tsentralnoy-evrazii-kak-faktor-protivostoyaniya-novym-ugrozam-bezopasnosti-vzglyad-iz-tadzhikistana> (дата обращения: 09.07.2025).
100. Суздальцев А. И., Куркова Д. В. Внешняя политика России в Центральной Азии // Россия и Китай в евразийской интеграции: сотрудничество или соперничество? / сост. М. В. Братерский. — М.: Нестор-История, 2015. —

- С. 116–134. — Режим доступа: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/mkvmlqqjgt/144789099.pdf> (дата обращения: 17.07.2025).
101. Токаев Т.К. Казахстан в условиях глобализации // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2009. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kazahstan-v-usloviyah-globalizatsii> (дата обращения: 06.07.2025).
102. Троицкий Е. Ф. Внешняя политика Туркменистана в 1992–2006 гг.: от нейтралитета к самоизоляции // Вестник Томского государственного университета. История. — 2014. — № 4 (30). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-turkmenistana-v-1992-2006-gg-ot-neytraliteta-k-samoizolyatsii-1> (дата обращения: 02.02.2025).
103. Тянь Е. Изучение Центральной Азии в Китае: история, современное состояние, основные исследовательские центры // Международные отношения. — 2019. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-tsentralnoy-azii-v-kitae-istoriya-sovremennoe-sostoyanie-osnovnye-issledovatel'skie-tsentry> (дата обращения: 02.07.2025).
104. Файзуллаев Ш. С. У., Суркова А. А., Хайитов Ж. С. У. Экономические интересы и перспективы интеграции Узбекистана в Евразийский экономический союз // Региональная и отраслевая экономика. 2025. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-interesy-i-perspektivy-integratsii-uzbekistana-v-evraziyskiy-ekonomicheskii-soyuz> (дата обращения: 14.07.2025).
105. Хабибов Ш. С. Российская военная база как гарант безопасности Таджикистана и мира в регионе // Клио. 2025. № 1 (217). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-voennaya-baza-kak-garant-bezopasnosti-tadzhikistana-i-mira-v-regione> (дата обращения: 09.07.2025).
106. Хамидов М.Б., Курныкин О.Ю. Национально-территориальное разграничение в Средней Азии в 1920-х гг.: зарождение пограничных

- споров // Известия АлтГУ. 2023. № 2 (130). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-territorialnoe-razgranichenie-v-sredney-azii-v-1920-h-gg-zarozhdenie-pogranichnyh-sporov> (дата обращения: 11.07.2025).
107. Хамидов М.Б., Курныкин О.Ю. Формирование кыргызско-таджикской границы в Ферганской долине: пограничные переговоры и конфликтный потенциал // Известия АлтГУ. 2024. № 3 (137). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kyrgyzsko-tadzhikskoy-granitsy-v-ferganskoy-doline-pogranichnye-peregovory-i-konfliktnyy-potentsial> (дата обращения: 11.07.2025)
108. Хошимов Ф. Д. Роль Республики Таджикистан в решении вопросов безопасности в Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2024. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-respubliki-tadzhikistan-v-reshenii-voprosov-bezopasnosti-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 09.07.2025).
109. Цюй Сюэпин. Проблемы и перспективы торгово-экономического сотрудничества Китая и стран Центральной Азии на современном этапе // Общество: политика, экономика, право. — 2024. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problem-y-i-perspektivy-torgovo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-kitaya-i-stran-tsentralnoy-azii-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 19.07.2025).; Ли Синь. Экономические интересы России и Китая в Центральной Азии: сравнительный анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. — 2012. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-interesy-rossii-i-kitaya-v-tsentralnoy-azii-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения: 07.07.2025).
110. Чижков Ю. В. Международные транспортные коридоры - коммуникационный каркас экономики // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. 2015. №5 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-transportnye-koridory-kommunikatsionnyy-karkas-ekonomiki> (дата обращения: 30.07.2025).

111. Шадманов А., Боклаге Е., Стороженко О., Янсен А. COVID-19 in Central Asia: Uzbekistan's new approach to international cooperation // *The Lancet Regional Health – Europe*. 2020. Vol. 1. Article No. 100007. DOI: 10.1016/j.lanepe.2020.100007. URL: https://www.researchgate.net/publication/347660038_COVID-19_in_Central_Asia_Uzbekistan's_new_approach_to_international_cooperation (дата обращения: 05.07.2025).
112. Шарипов А. Н., Назаров Б. Б. Роль водной дипломатии Республики Таджикистан в решении общих проблем современного мира // *Вестник науки*. 2025. № 5 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vodnoy-diplomatii-respubliki-tadzhikistan-v-reshenii-obshchih-problem-sovremennogo-mira> (дата обращения: 09.07.2025).
113. Шпринцин А. Г. Обозначение топонимов «Средняя Азия» и «Центральная Азия» в различных языках // *Страны и народы Востока*. Т. 18. — Москва: Наука; Издательство восточной литературы, 1976. — С. 281–287.
114. Юлдашева Г. Внешняя политика нового Узбекистана и его особенности // *ORIENSS*. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-novogo-uzbekistana-i-ego-osobennosti> (дата обращения: 04.07.2025).
115. Amin, M., Bernell, D. Power Sector Reform in Afghanistan: Barriers to Achieving Universal Access to Electricity // *Energy Policy*. — 2018. — Vol. 123. — DOI: 10.1016/j.enpol.2018.08.010.- P. 72–82.
116. Anceschi, L. Turkmenistan and the Virtual Politics of Eurasian Energy: The Case of the TAPI Pipeline Project // *Central Asian Survey*. — 2017. — Vol. 36, No. 4. — P. 409–429. — DOI: 10.1080/02634937.2017.1391747. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/02634937.2017.1391747> (дата обращения: 06.02.2025).
117. Badykova, N. Regional Cooperation in Central Asia: A View from Turkmenistan // *Problems of Economic Transition*. — 2005. — Vol. 48, No. 8. — P. 62–95. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/10611991.2005.11050006> (дата обращения: 05.01.2025).

118. Bernauer, T., Siegfried, T. Climate Change and International Water Conflict in Central Asia // *Journal of Peace Research*. — 2012. — Vol. 49, No. 1. — DOI: 10.1177/0022343311425843.— P. 227–239.
119. Christian, D. Inner Eurasia as a Unit of World History // *Journal of World History*. — 1994. — Vol. 5, No. 2. — P. 173–211.
120. Deutsch, K. On Nationalism, World Regions, and the Nature of the West // *Mobilization, Center–Periphery Structure and Nation-Building: A Volume in Commemoration of Stein Rokkan* / ed. by Per Torsvik. — Bergen; Oslo; Toronto: Universitetsforlaget, 1981. — P. 51–93.
121. Djalili, M. R., Kellner, T. Moyen-Orient, Caucase et Asie centrale: des concepts géopolitiques à construire et à reconstruire? // *Central Asian Survey*. — 2000. — Vol. 19, No. 1. — P. 117–140.
122. Fourniau, V. Qu'est-ce que l'Asie centrale? // *Outre-Terre*. — 2006. — No. 16, vol. 3. — P. 15–29.
123. Frank, A. G. The Centrality of Central Asia // *Bulletin of Concerned Asian Scholars*. — 1992. — Vol. 24, No. 2 (April–June). — P. 50–82.
124. Ganiyev A. The Role of Central Asian Scholars in Islamic Civilization // *The Light of Islam*. — 2022. — URL:https://www.researchgate.net/publication/366466411_THE_ROLE_OF_CENTRAL_ASIAN_SCHOLARS_IN_ISLAMIC_CIVILIZATION_Tarih_va_civilizacia_The_Light_of_Islam_3-son_2022_jil_GANIYEV_AVAZBEK_OYBEKOVICH (дата обращения: 16.07.2025).
125. Gleason, G. Russia and the Politics of the Central Asian Electricity Grid // *Problems of Post-Communism*. — 2003. — Vol. 50, No. 3. — DOI: 10.1080/10758216.2003.11656038.- P. 42–52.
126. Gunnarsson, M. Regionalism and Security – Two Concepts in the Wind of Change // *Risk and Nuclear Waste: Risk Perceptions and Societal Responses to Nuclear Waste in the Barents Region* / ed. by P. Axensten. — Umeå: Cerum, Umeå University, 2002. — Available at:

- http://www.umu.se/cerum/publikationer/pdfs/NSB_1_00_6_1.pdf (accessed: 15.01.2025).
127. Hettne, B., Söderbaum, F. Theorising the Rise of Regionness // *New Political Economy*. — 2000. — Vol. 5, No. 3. — P. 457–473. — DOI: 10.1080/713687778. — URL: https://www.researchgate.net/publication/233281294_Theorising_the_Rise_of_Rregionness (дата обращения: 01.12.2024).
128. Katoch, P. C. Security of Central Asian Region [Электронный ресурс] / Lt. Gen. (Retd.) P. C. Katoch. — SPS Land Forces, 2013. — Режим доступа: <https://www.spslandforces.com/story/?id=260> (дата обращения: 14.07.2025).
129. Miroshnikov, L. I. A Note on the Meaning of the Term “Central Asia” as Used in This Book // *History of Civilizations of Central Asia. Vol. I* / eds. A. N. Dani, V. M. Masson. — Paris: UNESCO, 1992. — P. 477–480.
130. Misa, T. J., Schot, J. Inventing Europe: Technology and the Hidden Integration of Europe // *History and Technology*. — 2006. — Vol. 22, No. 1. — P. 1–19. — DOI: 10.1080/07341510500037487. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/07341510500037487> (дата обращения: 02.04.2025).
131. Olcott, M. B. International Gas Trade in Central Asia: Turkmenistan, Iran, Russia and Afghanistan // *Natural Gas and Geopolitics: From 1970 to 2040* / eds. D. G. Victor, A. M. Jaffe, M. H. Hayes. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — URL: https://assets.cambridge.org/97805218/65036/frontmatter/9780521865036_frontmatter.pdf (дата обращения: 05.02.2025).
132. Racine, J.-B. Langues et représentation, identités et territoire. Thèmes critiques pour une nouvelle géographie culturelle // *Kulturen und Raum: theoretische Ansätze und empirische Kulturforschung in Indonesien. Festschrift für Professor Albert Leemann* / hrsg. von S. Walty, B. Werle. — Zürich: Verlag Rüegger, 1995. — P. 105–122.

133. Roberts, F. A Controversial Dam in Stalinist Central Asia: Rivalry and “Fraternal Cooperation” on the Syr Darya // *Ab Imperio*. — 2018. — No. 2. — P. 117–143. — DOI: 10.1353/imp.2018.0030. — URL: https://dspace.library.uu.nl/bitstream/handle/1874/432679/Roberts2018_ab_imperio_controversial_dam_Stalinist_Central_Asia.pdf?sequence=1 (дата обращения: 02.02.2025).
134. Sinaei, V. Hydropolitics and Human Security: Water Cooperation in Relations between Iran, Afghanistan and Turkmenistan // *Iranian Review of Foreign Affairs*. — 2011. — Vol. 2, No. 7. — P. 111–134. — URL: https://irfajournal.csr.ir/article_123395.html (дата обращения: 05.01.2025).
135. Sorg, A., Mosello, B., Shalpykova, G., Allan, A., Hill Clarvis, M., Stoffel, M. Coping with Changing Water Resources: The Case of the Syr Darya River Basin in Central Asia // *Environmental Science & Policy*. — 2014. — Vol. 43. — DOI: 10.1016/j.envsci.2013.11.003.- P. 68–77.
136. Starr, S. F. A Greater Central Asia Partnership for Afghanistan and Its Neighbors // *Foreign Affairs*. — 2005. — URL: https://www.files.ethz.ch/isn/30296/05_Greater_Central_Asia_Partnership.pdf (дата обращения: 12.07.2025)
137. Wegerich, K., Olsson, O., Froebrich, J. Reliving the Past in a Changed Environment: Hydropower Ambitions, Opportunities and Constraints in Tajikistan // *Energy Policy*. — 2007. — Vol. 35, No. 7. — P. 3815–3825. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0301421507000353> (дата обращения: 07.07.2025)
138. Xu, S., Klaiber, H. The Impact of New Natural Gas Pipelines on Emissions and Fuel Consumption in China // *Resource and Energy Economics*. — 2019. — Vol. 55.— DOI: 10.1016/j.reseneeco.2018.10.004. — P. 49–62.
139. Yemelianova G. Radical Islam in the Ferghana Valley // Springer. — URL: https://link.springer.com/content/pdf/10.1057/9781137377388_20.pdf (дата обращения: 16.07.2025).

V. Доклады, выступления, заявления

140. Бердымухамедов Г. Выступление Президента Туркменистана на Международной конференции высокого уровня «Политика нейтралитета: международное сотрудничество во имя мира, безопасности и развития» (Ашхабад, 12.12.2015 г.) [Электронный ресурс]. — 12.12.2015. — Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tm/en/articles/30> (дата обращения: 05.07.2025).
141. Вторая консультативная встреча глав государств Центральной Азии (Ташкент, 29 ноября 2019 г.) [Электронный ресурс]. — 2019. — Режим доступа: <https://www.cawater-info.net/library/rus/2-consult-meeting-2019.pdf> (дата обращения: 05.12.2025).
142. Выступление Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева на IV Консультативной встрече глав государств Центральной Азии, Чолпон-Ата, 21 июля 2022 г. // Акorda. 2022. 21 июля. URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-na-iv-konsultativnoy-vstreche-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-2163148>(дата обращения: 05.07.2025).
143. Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на 79-й сессии Ассамблеи ООН. — 25.11.2025. — URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/15801/vystuplenie-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-emomali-rakhmona-na-79-i-sessii-assamblei-onn> (дата обращения: 27.11.2025).
144. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности» // Президент Республики Узбекистан. 2021. 16 июля. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/4484> (дата обращения: 15.07.2025)
145. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности» // Президент Республики Узбекистан. 2021. 16 июля. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/4484> (дата обращения: 15.07.2025)

146. Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев выступил на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Президент Республики Узбекистан. 2017. 20 сентября. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/1063> (дата обращения: 04.07.2025).
147. Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев выступил на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Президент Республики Узбекистан. 2017. 20 сентября. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/1063> (дата обращения: 04.07.2025).
148. Рахмон Э. На замке: зачем Таджикистану пояс безопасности вокруг Афганистана // Iz.ru. — 13.01.2022. URL: <https://iz.ru/1276106/ekaterina-tiunina/na-zamke-zachem-tadzhikistanu-poi-as-bezopasnosti-vokrug-afganistana> (дата обращения: 20.07.2025)
149. Садыр Жапаров выступил на Консультативной встрече глав государств ЦА//https://24.kg/vlast/301639_sadyir_japarov_vyistupil_nakonsultativnoy_vstreche_glav_gosudarstvtsa/ (Дата обращения 22.10.2024)
150. Совместное Заявление по итогам Консультативной встречи Глав государств Центральной Азии 06.08.2021 г. // Архив МИД РТ. – Душанбе, 2021. – Д. № 176. – Л. 22–24.
151. Совместное заявление по итогам первого саммита «Россия – Центральная Азия», 14.10.2022 // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5935> (дата обращения: 17.07.2025).
152. Consultative Meeting of the Heads of States of Central Asia was held in Turkmenistan [Электронный ресурс]. — 06.08.2021. — Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tm/en/news/2732> (дата обращения: 05.12.2025).
153. For future development: China's Wang Yi proposes 5-point plan for SCO // The Times of India. 2025. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/china/for-future-development-chinas-wang-yi-proposes-5-point-plan-for-sco-urges-member-states-to-carry-forward-shanghai-spirit/articleshow/122555818.cms> (дата обращения: 18.07.2025).

154. Xi Jinping. Build on the Past to Make Greater Strides in China–Kazakhstan Relations [Электронный ресурс]. – 13.09.2022. – Режим доступа: https://bn.china-embassy.gov.cn/eng/zgxw/202209/t20220913_10765710.htm (дата обращения: 25.07.2025)

IV. Аналитические и статистические материалы, словари

155. Большой энциклопедический словарь/ под ред. А.М. Прохорова — М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1998. — 1456 с.
156. Дергачёв В. А. Геоэкономический словарь-справочник. — Одесса: ИПРЭЭИ НАН Украины, 2004. — 177 с. — URL: <https://dergachev.org/GeoE-dic.doc> (дата обращения: 10.07.2025).
157. Доклад Центра международных исследований МГИМО и Института Азии АН РТ «Угрозы исламского экстремизма в Афганистане и их влияние на Центральную Азию». – Москва–Душанбе, 2023. – С. 12–14.
158. Казанцев А. А. Кризис в Афганистане: проблемы безопасности России и стран Центральной Азии // Российский совет по международным делам (РСМД). 10.08.2021.URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/krizis-v-afganistane-problemy-bezopasnosti-rossii-i-stran-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 18.07.2025).
159. Мухаббатов, Х. М. Водные ресурсы Таджикистана и проблемы водопользования в Центральной Азии / Х. М. Мухаббатов, доктор географических наук, заведующий отделом географии при Президенте АН Республики Таджикистан. – Режим доступа: <https://ecogofond.kz/wp-content/uploads/2019/09/CA.D.250-Vodnye-resursy-Tadzhikistana-i-problemy-vodopolzovaniya-v-Centralnoj-Azii.pdf> (дата обращения: 10.07.2025).
160. Немцева Н. Истоки медресе Средней Азии. – URL: https://www.nemtseva.uz/publications/istoki_medrese_sredney_azii.pdf (дата обращения: 16.07.2025).

161. Политическая энциклопедия. В 2-х томах. Том 1. Под ред. Г.Ю. Семигина. - М., «Мысль», 1999. - 751 С.
162. Сафранчук И. Российская политика в Центральной Азии: стратегический контекст. Записка Аналитического центра ОБСЕРВО, № 8. — Ноябрь 2014. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/iblock/d8b/d8be9a2679338e37315ca64bfdd064ad.pdf> (дата обращения: 30.07.2025).
163. Словарь современных географических названий / под ред. В. М. Котлякова. — Екатеринбург: У-Фактория, 2006. — URL: <https://1657.slovaronline.com/5279-%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 10.07.2025).
164. Средняя Азия // Большая советская энциклопедия: в 51 т. / гл. ред. Б. А. Введенский. — 2-е изд. — Москва: Большая советская энциклопедия, 1956. — Т. 39: Сигизмунд — Смерч. — 608 с.
165. Статистический ежегодник Республики Таджикистан за 2024 год // Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. — Душанбе, 2025. - 453 с.
166. Управление ООН по наркотикам и преступности. Illicit Financial Flows resulting from Drug Trafficking and Other Transnational Organized Crimes – Вена : UNODC, 2011. – Режим доступа: <https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Studies/Illicit-financial-flows-15March.pdf> (дата обращения: 10.07.2025).
167. Управление ООН по наркотикам и преступности. Money Laundering and the Financing of Terrorism [Электронный ресурс]. – Вена : UNODC, 2020. – Режим доступа: <https://www.unodc.org/unodc/money-laundering/index.html> (дата обращения: 10.07.2025).

168. Центральная Азия // Большая советская энциклопедия: в 51 т. / гл. ред. Б. А. Введенский. — 2-е изд. — Москва: Большая советская энциклопедия, 1957. — Т. 46: Цуруга — Шершень. — 632 с.
169. A history of Islam in Central Asia // Islam Awareness. — URL: https://www.islamawareness.net/CentralAsia/centralasia_article0002.pdf (дата обращения: 16.07.2025).
170. Aminjonov F., Abylkasymova A., Aimée A., Eshchanov B., Moldokanov D., Overland I., Vakulchuk R. BRI in Central Asia: Rail and Road Connectivity Projects [Электронный ресурс]. — OSCE Academy, CADGAT Paper No. 21. — Режим доступа: https://www.osce-academy.net/upload/file/CADGAT_21_BRI_Road_and_Rail.pdf (дата обращения: 25.07.2025)
171. Asian Development Bank. “Republic of Tajikistan: Energy Sector Assessment, Strategy, and Road Map.” 2016/ Архив Минэкономразвития РТ.
172. Bohr A., Brauer B., Gould-Davies N., Kassenova N., Lillis J., Mallinson K., Nixey J., Satpayev D. Kazakhstan Tested by Transition. Chatham House Report. 2019. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2019-11-27-Kazakhstan-Tested-By-Transition.pdf> (дата обращения: 06.07.2025).
173. Cooley, A. The Emerging Political Economy of OBOR: The Challenges of Promoting Connectivity in Central Asia and Beyond. — URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/161021_Cooley_OBOR_Web.pdf (дата обращения: 01.05.2025).
174. Ehsan Ahrari Countering the Ideological Support for HT and IMU: The Case of the Ferghana Valley // George C. Marshall European Center for Security Studies. — URL: <https://www.marshallcenter.org/en/publications/occasional-papers/countering-ideological-support-ht-and-imu-case-ferghana-valley> (дата обращения: 16.07.2025).
175. Eric McGlinchey. The April 2021 Kyrgyz-Tajik border dispute: Historical and Causal Context. — Crossroads, 2021. — Режим доступа:

- https://www.crossroads-ca.org/wp-content/uploads/2021/07/McGlinchey_EN.pdf (дата обращения: 05.12.2025).
176. Farrell W. B., Burnashev R., Azizi R., Babadjanov B. Processes of Reintegrating Central Asian Returnees from Syria and Iraq [Электронный ресурс]. — Special Report No. 498. — United States Institute of Peace, 2021. — URL: https://www.usip.org/sites/default/files/2021-07/sr_498-processes_of_reintegrating_central_asian_returnees_from_syria_and_iraq.pdf (дата обращения: 16.07.2025).
 177. Horsnell, P. Caspian Oil and Gas: A Game, if not a Great Game. — Oxford: Oxford Institute for Energy Studies, 1999. — 18 p. — URL: <https://www.oxfordenergy.org/publications/caspian-oil-and-gas-a-game-if-not-a-great-game/> (дата обращения: 14.07.2025).
 178. Islamic Movement of Uzbekistan (IMU). Profile and Activities – Kabul : Center for Conflict and Peace Studies, 2014. – Режим доступа: <https://www.files.ethz.ch/isn/185258/0002.pdf> (дата обращения: 16.07.2025).
 179. Neifer, R. Islamic Republic of Afghanistan: Power Sector Master Plan. Technical Assistance Consultant's Report. — Stuttgart: Fichtner GmbH; Asian Development Bank, 2013. — 258 p. — P. 76.
 180. Qoraboyev, I. Around the Names of Regions: The Case of Central Asia. — UNU-CRIS Working Papers, No. W-2010/5. — 2010. — 35 p. — DOI: 10.2139/ssrn.1689110. — URL: https://www.researchgate.net/publication/228159527_Around_the_Names_of_Regions_The_Case_of_Central_Asia
 181. Taneja K. IS Khorasan, the US–Taliban Deal, and the Future of South Asian Security [Электронный ресурс] // Occasional Papers. — 15.12.2020. — Режим доступа: <https://www.orfonline.org/research/is-khorasan-the-us-taliban-deal-and-the-future-of-south-asian-security> (дата обращения: 30.07.2025).
 182. United Nations Security Council. Eleventh report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team concerning ISIL, Al-Qaida and associated

- individuals and entities. – URL: <https://undocs.org/S/2014/770> (дата обращения: 16.07.2025).
183. UNODC. World Drug Report 2023. – Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2023. – 81 p.
184. Weinthal, E. Water Conflict and Cooperation in Central Asia. — 36 p. -URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/weinthalrika.pdf> (дата обращения: 01.05.2025).

VII. Электронные ресурсы и интернет-источники

185. Агентство по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан. Обзор ситуации по наркотическим средствам в Республике Таджикистан в 2023 году [Электронный ресурс]. – Душанбе: АКН РТ, 2024. — Режим доступа: <https://akn.tj/wp-content/uploads/2024/03/REVIEW%20of%20the%20Situation%20on%20Narcotic%20Drugs%20in%20Tajikistan%20in%202023.pdf> (дата обращения: 15.07.2025).
186. Азаттык. Объём денежных переводов в Кыргызстан увеличился — 93% средств пришли из России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rus.azattyq.org/a/33536924.html> (дата обращения: 30.07.2025)
187. Алишеров Э. Евразийская экономическая интеграция обеспечивает заметный рост ключевых показателей развития стран ЕАЭС [Электронный ресурс]. — 13.03.2025. — Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/eldar-alisherov-evraziyskaya-ekonomicheskaya-integratsiya-obespechivaet-zametnyy-rost-klyuchevykh-po/>(дата обращения: 30.07.2025).
188. Антитеррористические учения «Мирная миссия-2007» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B8%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BC%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F_%E2%80%94_2007 (дата обращения: 25.07.2025).

189. Аслонова Н. В Таджикистане выделяют 170 квот на учебу за рубежом по президентской стипендии «Дурахшандагон» [Электронный ресурс] // Asia-Plus. — 17 января 2024. — Режим доступа: <https://asiaplustj.info/ru/node/34471> (дата обращения: 04.07.2025).
190. Безвизовый режим между Китаем и Казахстаном открыл возможности для спонтанных путешествий // Russian.people.com.cn [Электронный ресурс]. — 17.06.2025. — URL: <https://russian.people.com.cn/n3/2025/0617/c31521-20329201.html> (дата обращения: 06.12.2025).
191. Борьба с терроризмом и экстремизмом в Казахстане [Электронный ресурс]. — 16 октября 2019 г. — Министерство иностранных дел Республики Казахстан. — URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/589?lang=ru> (дата обращения: 16.07.2025).
192. В 2024 году взаимный товарооборот Казахстана и Кыргызстана достиг 1,7 млрд долларов США // KT.KZ — Новости Казахстана. — 11.11.2024. — Режим доступа: https://www.kt.kz/rus/ekonomika/v_2024_godu_vzaimnyy_tovarooborot_kazahstana_i_1377981306.html (дата обращения: 04.07.2025).
193. В Ашхабаде проведено очередное заседание Совместной туркмено-таджикской межправкомиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. — 17 октября 2024 г. // Экономика [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://eccis.org/news/28337/v_ashhabade_provedeno_ocherednoe_zasedanie_so_vmestnoj_turkmeno-tadzhikskoj_mezhpravkomissii_po_torgovo-ekonomicheskomu_i_nauchno-tehnicheskomu_sotrudnichestvu (дата обращения: 08.07.2025).
194. В Душанбе прошла Пятая консультативная встреча глав государств Центральной Азии. 15 сентября 2023 г. // ECCIS. URL: https://eccis.org/news/26058/v_dushanbe_proshla_pjataja_konsultativnaja_vstrecha_glav_gosudarstv_centralnoj_azii?utm(дата обращения: 04.07.2025).

195. В рядах боевиков «Исламского государства» в Кундузе действуют иностранцы // Afghanistan.ru. 11.05.2015.URL: <https://afghanistan.ru/doc/85057.html> (дата обращения: 18.07.2025).
196. Википедия. Газопровод Туркменистан — Китай [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B4_%D0%A2%D1%83%D1%80%D0%BA%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD_%E2%80%94%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9 (дата обращения: 25.07.2025).
197. Военные Узбекистана и Таджикистана провели совместные учения «Содружество-2020» // Экспертно-консультационный центр интеграционных исследований. – Душанбе, 25.11.2020. – URL: https://eccis.org/news/13318/voennye_uzbekistana_i_tadzhikistana_proveli_sovmestnye_uchenija_%C2%ABsodruzhestvo-2020%C2%BB (дата обращения: 20.07.2025).
198. Газопровод Центральная Азия – Китай введён в эксплуатацию 14 декабря 2009 года. Газовая отрасль Туркменистана [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Туркменистана. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tm/ru/articles/84> (дата обращения: 05.07.2025).
199. «Глава спецслужб Таджикистана заявил, что в стране более 15 тысяч афганских беженцев» — Current Time. URL: <https://www.currenttime.tv/a/glava-spetssluzhb-tadzhikistana-zayavil-15-tysyach-afganskih-bezhentsev/31511208.html>(дата обращения: 16.07.2025)
200. Государственный визит Президента Узбекистана в Таджикистан [Электронный ресурс]. eccis.org. 2018. 10 мар. URL: <https://eccis.org/news/8948/gosudarstvennyj-vizit-prezidenta-uzbekistana-v-tadzikistan> (дата обращения: 04.07.2025)

201. Дело таджикского генерала Назарзоды [Электронный ресурс]. — Радио Азаттык. — URL: <https://rus.azattyq.org/a/delo-tajikskogo-general-a-nazarzody/27236512.html> (дата обращения: 16.07.2025).
202. Джамаат Ансарулла — угроза стабильности Таджикистана? // ctc-rk.kz. URL: <https://ctc-rk.kz/%d0%b4%d0%b6%d0%b0%d0%bc%d0%b0%d0%b0%d1%82-%d0%b0%d0%bd%d1%81%d0%b0%d1%80%d1%83%d0%bb%d0%bb%d0%b0-%d1%83%d0%b3%d1%80%d0%be%d0%b7%d0%b0-%d1%81%d1%82%d0%b0%d0%b1%d0%b8%d0%bb%d1%8c%d0%bd%d0%be%d1%81.html> (дата обращения: 16.07.2025).
203. Досье: Авиационная база России в Канте // ТАСС [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/spravochная-informaciya/739744> (дата обращения: 25.07.2025).
204. Заместитель спикера Волуси Джирги обвинил Совет национальной безопасности в поддержке ИГ // Afghanistan.ru. 23.11.2015. URL: <https://afghanistan.ru/doc/92004.html> (дата обращения: 18.07.2025).
205. Из провинции Баглан поступают сообщения о появлении боевиков «Исламского государства» // Afghanistan.ru. 24.11.2015. URL: <https://afghanistan.ru/doc/92050.html> (дата обращения: 18.07.2025)..
206. Интернет-портал СНГ. Центральная Азия и Россия выстраивают уникальное партнёрство [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://e-cis.info/news/566/127393/> (дата обращения: 30.07.2025).
207. Исмаилов К. Отношение к таджикам в Казахстане лучше, чем в России [Электронный ресурс] // Радио Озоди. — 11 ноября 2022. — Режим доступа: <https://rus.ozodi.org/a/32127032.html> (дата обращения: 04.12.2024).
208. Источник Программа «Стипендия “Бошалак”. 100 образовательных грантов для казахстанцев выделили вузы Республики Таджикистан» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.instagram.com/p/DL6g8AuImfr/> (дата обращения: 04.07.2025).

209. Кабулов З. Деятельность ИГ в Афганистане финансируется из-за рубежа // Afghanistan.ru. 28.04.2016.URL: <https://afghanistan.ru/doc/97215.html> (дата обращения: 18.07.2025).
210. Кадырбаев А. Ш. Страны Центральной Азии в постсоветский период [Электронный ресурс] / А. Ш. Кадырбаев. — Режим доступа: <https://www.socionauki.ru/book/files/Monitoring/197-257.pdf> (дата обращения: 02.02.2025).
211. Казахстан и Туркменистан укрепляют стратегическое партнёрство [Электронный ресурс]. 28 ноя. 2025. URL: <https://e-cis.info/news/568/132366/> (дата обращения: 28.11.2025).
212. Казахстан и Узбекистан договорились построить нефтепровод // Forbes.kz. — 03.05.2017. — Режим доступа: https://forbes.kz/articles/kazahstan_i_uzbekistan_dogovorilis_postroit_nefteprovod/ (дата обращения: 04.12.2025).
213. Казахстан и Узбекистан сквозь призму экономики, транспорта, урбанизации и технологий // Zakon.kz. — 15.07.2025. — Режим доступа: <https://www.zakon.kz/ekonomika-biznes/6484306-kazakhstan-i-uzbekistan-skvoz-prizmu-ekonomiki-transporta-urbanizatsii-i-tekhnologiy.html> (дата обращения: 04.12.2025).
214. Камалиева Д. Торговля между странами Центральной Азии и Китаем: динамика и ключевые направления [Электронный ресурс]. — URL: <https://ekonomist.kz/kamaliyeva/torgovlya-mezhdu-stranami-ca-i-kitaem-do/>(дата обращения: 25.07.2025).
215. Караев С. Казахстан и Таджикистан вышли на новый уровень сотрудничества// Asia-Plus. — 11.12.2024. — URL: <https://rr.eastera.tj/news/tajikistan/politics/20241211/kazakhstan-i-tadzhikistan-vishli-na-novii-uroven-sotrudnichestva> (дата обращения: 15.04.2025).
216. Компания Таджикистана «ТАЛКО» и узбекский Krantas собрали первые самосвалы // Dialog.tj. 2019. 20 марта. URL: <https://dialog.tj/cat75/kompaniya->

- tadzhikistana-talko-i-uzbekskiy-krantas-sobrali-pervye-samosvaly (дата обращения: 04.07.2025).
217. Кудрявцева Т. Встреча глав Центральной Азии. Садыр Жапаров говорил о проблемах водных ресурсов // 24.kg. — 14.09.2023. — Режим доступа: https://24.kg/vlast/275093_vstrecha_glav_tsentralnoy_azii_sadyir_japarov_govoril_oproblemah_vodnyih_resursov/(дата обращения: 05.12.2025).
218. Кудрявцева Т. Подписана Дорожная карта для расширения сотрудничества Кыргызстана и Узбекистана // 24.kg. 2021. 6 марта. URL: https://24.kg/vlast/186676_podpisana_dorojnaya_karta_dlya_rasshireniya_sotrudnichestva_kyirgyizstana_i_uzbekistana (дата обращения: 05.07.2025).
219. Мавланов И. Стратегия внешнеэкономической политики Нового Узбекистана – трансформация экономической дипломатии. ResearchGate, January 2023. URL:https://www.researchgate.net/publication/390300165_Strategia_vnesneekonomiceskoj_politiki_Novogo_Uzbekistana_-_transformacia_ekonomiceskoj_diplomatii (дата обращения: 04.07.2025).
220. Маршрут газопровода (Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай) Газопровод Туркменистан — Китай [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Газопровод_Туркменистан_—_Китай (дата обращения: 05.07.2025).
221. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Страны Центральной Азии: актуальные аспекты сотрудничества с Российской Федерацией. — М., 2023. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/problematika-prostranstva-sng/rossia-i-problemy-central-noj-azii/ (дата обращения: 17.07.2025)
222. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Страны Центральной Азии: актуальные аспекты сотрудничества с Российской Федерацией. — М., 2023. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/problematika-prostranstva-sng/rossia-i-problemy-central-noj-azii/

- prostranstva-sng/rossia-i-problemy-central-noj-azii/ (дата обращения: 17.07.2025)
223. Минэкономразвития России. В 2025 году страны ЕАЭС продолжат работу над созданием общего финансового рынка и независимой платежной инфраструктуры [Электронный ресурс]. — 21.03.2025. — Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rossii_v_2025_godu_strany_eaes_prodolzhat_rabotu_nad_sozdaniem_obshchego_finansovogo_rynka_i_nezavisimoy_platezhnoy_infrastruktury.html (дата обращения: 30.07.2025).
224. Мирная миссия-2010 [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 13.09.2010. — Режим доступа: <https://ria.ru/20100913/275143168.html> (дата обращения: 25.07.2025).
225. Мирная миссия-2014 [Электронный ресурс] // ТАСС. — Режим доступа: <https://tass.ru/info/1393512> (дата обращения: 25.07.2025).
226. Мирная миссия-2018 [Электронный ресурс] // ТАСС. — Режим доступа: <https://tass.ru/armiya-i-opk/5477803> (дата обращения: 25.07.2025).
227. Мирная миссия-2021 [Электронный ресурс] // ШОС (Официальный портал). — Режим доступа: <https://rus.sectsco.org/20210929/782852.html> (дата обращения: 25.07.2025).
228. Михайлов В. «Рубеж» против террора // Независимое военное обозрение. — 26.03.2010 [Электронный ресурс]. — URL: https://nvo.ng.ru/forces/2010-03-26/16_rubezh.html (дата обращения: 25.07.2025).
229. Настоящее Время. Таджикистан официально озвучил число погибших в результате вооружённого конфликта на границе с Кыргызстаном — 19 граждан. — 6 мая 2021. — Режим доступа: <https://www.currenttime.tv/a/tajikistan-kyrgyzstan-border/31240764.html> (дата обращения: 05.12.2025).
230. Не как у соседей: евразийская интеграция и наднациональные суды [Электронный ресурс]. — 23.06.2020. — Режим доступа:

- <https://lacademy.ru/sphere/post/ne-kak-u-sosedei-evraziiskaya-integraciya-i-nadnacionalnye-sudy> (дата обращения: 30.07.2025)
231. Новая эра дружбы и сотрудничества между Казахстаном и Узбекистаном начала приносить пользу // Dialog.tj. — 25.05.2017. — Режим доступа: <https://dialog.tj/novaya-era-druzhby-i-sotrudnichestva-mezhdu-kazahstanom-i-uzbekistanom-nachala-prinosit-polzu/> (дата обращения: 04.07.2025).
232. О государственном визите Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева в Республику Таджикистан [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет СНГ. — 22 августа 2024. — Режим доступа: https://eccis.org/news/27932/o_gosudarstvennom_vizite_prezidenta_respubliki_kazahstan_kasym-zhomarta_tokaeva_v_respubliku_tadzhikistan (дата обращения: 20.07.2025)
233. Объём взаимной торговли между Казахстаном и Кыргызстаном в 2023 году достиг 1,5 млрд долларов США // Информационно-аналитический портал «e-cis.info». — 07.03.2024. — Режим доступа: <https://e-cis.info/news/568/118638/> (дата обращения: 04.07.2025).
234. Оверчук: ВВП ЕАЭС вырос на 4,2% по итогам 2024 года [Электронный ресурс] // «Российская газета». — 28.03.2025. — Режим доступа: <https://rg.ru/2025/03/28/overchuk-vvp-eaes-vyros-na-42-po-itogam-2024-goda.html> (дата обращения: 30.07.2025).
235. Отношения Республики Таджикистана с Туркменистаном / Министерство иностранных дел Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. — 11.04.2025. — Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/main/view/143/otnosheniya-tadzhikistana-s-turkmenistanom> (дата обращения: 06.07.2025)
236. Отношения Таджикистана с Узбекистаном / Министерство иностранных дел Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/main/view/145/otnosheniya-tadzhikistana-s-uzbekistanom> (дата обращения: 06.07.2025)
237. Проблемы распространения в Туркменистане идеологии радикальных исламских сообществ [Электронный ресурс]. — Turkmennotebooks.org, 14

- февраля 2021. — URL: <https://www.turkmennotebooks.org/analytics/problems-rasprostraneniya-v-turkmenistane-ideologii-radikalnyh-islamskih-soobshhestv/> (дата обращения: 16.07.2025).
238. Производство наркотиков в Афганистане при пребывании ISAF выросло в десятки раз [Электронный ресурс] // Диалог.tj. — Режим доступа: <https://dialog.tj/table/foundation/foundation/proizvodstvo-narkotikov-v-afganistane-pri-prebyvanii-isaf-vyroslo-v-desyatki-raz/> (дата обращения: 15.07.2025).
239. Раджабзода А. Н. Таджикско-кыргызский пограничный конфликт: история, предпосылки и проблемы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.facebook.com/groups/1469126009893987/posts/2304631573010089/> (дата обращения: 25.07.2025).
240. Реджепова О. Развитие газотранспортной системы Туркменистана за годы независимости [Электронный ресурс] // Официальный сайт Туркменистана. — Режим доступа: <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/55378/razvitie-gazotransportnoj-sistemy-turkmenistana-za-gody-nezavisimosti> (дата обращения: 05.07.2025).
241. Рахнамо А. Таджикско-кыргызские пограничные конфликты. Кто на самом деле агрессор? — 23 ноября 2022 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/security/20221123/tadzhiksko-kirgizskie-pogranichnie-konflikti-kto-na-samom-dele-agressor> (дата обращения: 25.07.2025).
242. РИА Новости. На границе Кыргызстана и Таджикистана произошёл конфликт, есть погибший. — 22 июля 2019. — Режим доступа: <https://ria.ru/20190722/1556775468.html> (дата обращения: 10.07.2025).
243. Россия и Центральная Азия: более 130 тысяч студентов и до 100 млрд рублей в год на образовательное сотрудничество [Электронный ресурс]. — 06.06.2025. — Режим доступа: <https://caravan-info.kg/ru/science/213078-rossiya-i-tsentralnaya-aziya-bolee-130-tysyach-studentov-i-do-100-mlrd-rublej-v-god-na-obrazovatelnoe-sotrudnichestvo.html> (дата обращения: 30.07.2025).

244. Россия поможет Таджикистану в случае угрозы безопасности, заявил Шойгу // РИА Новости. 28.07.2021. URL: <https://ria.ru/20210728/pomosch-1743224455.html> (дата обращения: 16.07.2025).
245. Силы и средства системы коллективной безопасности ОДКБ — «Региональная (объединённая) группировка войск (сил)» // Официальный сайт ОДКБ — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://jscsto.odkb-csto.org/voennaya-sostavlyauschaya-odkb/forces.php> (дата обращения: 25.07.2025)
246. Состоялся государственный визит Президента Туркменистана в Республику Казахстан // Министерство иностранных дел Туркменистана. — 17.10.2022. — Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tm/ru/news/3389> (дата обращения: 05.12.2025).
247. «Спецслужбы Таджикистана: в стране более 15 тысяч афганских беженцев» — Radio Свобода / Озоди. URL: <https://rus.azattyq.org/a/31511381.html> (дата обращения: 16.07.2025)
248. Список террористических и экстремистских организаций, деятельность которых запрещена на территории Республики Таджикистан [Электронный ресурс] // Секретариат по реализации Стратегии противодействия экстремизму и терроризму Республики Таджикистан. — URL: <https://ct-secretariat.tj/ru/background-information/spisok-terroristicheskikh-i-ekstremistskikh-organizatsij-deyatelnost-kotorykh-zapreshchena-na-territorii-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 05.12.2025).
249. Список экстремистских организаций, деятельность которых запрещена в Кыргызской Республике [Электронный ресурс] // Институт Омбудсмана КР. — URL: <https://ombudsman.kg/ru/publications/spisok-20-ekstremistskikh-organizatsiy-deyatelnost-kotorykh-zapreshchena-na-territorii> (дата обращения: 16.07.2025).
250. Таджикистан и Узбекистан будут сотрудничать в сфере военной разведки // UZTAG. — 14.02.2020. — URL: <https://uztag.info/ru/news/tadzhikistan-i->

- uzbekistan-budut-sotrudnichat-v-sfere-voennoy-razvedki (дата обращения: 20.07.2025).
251. Таджикистан и Узбекистан проведут совместные военные учения // Большая Азия. – 04.07.2019. – URL: <https://bigasia.ru/tadzhikistan-i-uzbekistan-provedut-sovmestnye-voennye-ucheniya> (дата обращения: 20.07.2025).
252. Таджикистан и Узбекистан проводят разминирование границы // TJinform. — 09.10.2018. — Режим доступа: <https://tjinform.com/ru/news/20181009/17330.html> (дата обращения: 04.07.2025).
253. Таджикистан: провал государственного переворота [Электронный ресурс]. — Парламентская газета. — URL: <https://www.pnp.ru/in-world/2015/09/10/tadzhikistan-proval-gosudarstvennogo-perevorota.html> (дата обращения: 16.07.2025).
254. Таджикско-кыргызские двусторонние отношения [Электронный ресурс] // Посольство Республики Таджикистан в Кыргызской Республике. – 14.06.2025. – Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/bishkek/otnosheniya/dvustoronnie-otnosheniya> (дата обращения: 04.07.2025).
255. Тажибаев А. Транспорт, энергетика и образование: ключевые направления казахско-туркменского сотрудничества // ЕА-Monitor. — 2023. — Режим доступа: <https://ea-monitor.kz/novosti-evraziyskogo-soyuza/transport-energetika-i-obrazovanie-klyuchevye-napravleniya-kazahsko-turkmenskogo-sotrudnichestva/> (дата обращения: 05.12.2025).
256. Талибы направят на север Афганистана 10 тысяч боевиков. Внутренние распри или «бряцание оружием»? // Радио Озоди (RFE/RL). 18.02.2022. URL: <https://rus.ozodi.org/a/31702943.html> (дата обращения: 16.07.2025).
257. ТАСС. Доля нацвалют во взаиморасчетах России и Таджикистана достигла 97% [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tass.ru/politika/24142639> (дата обращения: 30.07.2025).

258. Татар-информ. Товарооборот России и стран Центральной Азии составил более 44 млрд долларов в 2023-м [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.tatar-inform.ru/news/tovarooborot-rossii-i-stran-centralnoi-azii-sostavil-bolee-44-mlrd-dollarov-v-2023-m-5946230> (дата обращения: 30.07.2025).
259. Ташкент и Бишкек договорились по Камбаратинской ГЭС-1 // AsiaPlus. 2017. 6 октября. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20171006/tashkent-i-bishkek-dogovorilis-po-kambaratinskoi-ges-1> (дата обращения: 06.07.2025).
260. Темиров Ш. Узбекистан–Казахстан: стратегический вектор добрососедства // Central Asian Light. 2023. URL: <https://centralasianlight.org/news/trade-turnover-between-uzbekistan-and-kazakhstan-increased/> (дата обращения: 15.07.2025).
261. Торговля Узбекистана с Казахстаном за 2023 год: инфографика // Sputnik Казахстан. — 05.04.2024. — Режим доступа: <https://ru.sputnik.kz/20251114/tovarooborot-mezhdu-kazakhstanom-i-uzbekistanom-dostig-3-mlrd---infografika-58755108.html> (дата обращения: 04.12.2025).
262. Торгово-экономическое сотрудничество Таджикистана и Туркменистана [Электронный ресурс] // Народная. — 07.08.2025. — Режим доступа: <https://narodnaya.tj/2025/08/07/torgovo-jekonomicheskoe-sotrudnichestvo-tadzhikistana-i-turkmenistana/> (дата обращения: 04.07.2025).
263. Три компании «ТАЛКО Ресурс», «ТАЛКО Голд» и «Глобал Лизинг» подписали контракт // ХОВАР. 2019. 20 марта, 11:10. URL: <https://khovar.tj/rus/2019/03/20/tri-kompanii-talko-resurs-talko-gold-i-global-lizing-podpisali-kontrakt> (дата обращения: 04.07.2025)
264. Трудовая миграция из Таджикистана в 2023 году сократилась на 16 % [Электронный ресурс]. — Интерфакс.Ру. — URL: <https://www.interfax.ru/world/945780> (дата обращения: 15.07.2025).

265. Туркменистан как ключевой логистический узел Евразии [Электронный ресурс] // News Central Asia. — Режим доступа: <https://www.newscentralasia.net/2025/03/27/turkmenistan-kak-klyuchevoyy-logisticheskiy-uzel-yevrazii> (дата обращения: 10.07.2025).
266. Туркменистан продвигает экологические и водные инициативы [Электронный ресурс] // Terra-News. — Режим доступа: <https://terra-news.ru/news/6310/turkmenistan-prodvigaet-ekologicheskie-i-vodnye-iniciativy> (дата обращения: 10.07.2025).
267. Укрепляются союзнические отношения Узбекистана и Казахстана // Официальный сайт Президента Республики Узбекистан. — 22.12.2022. — Режим доступа: <https://president.uz/ru/lists/view/5782> (дата обращения: 04.07.2025).
268. «Узбекистанская модель реабилитации и реинтеграции граждан из зон конфликтов в Сирии и Ираке» [Электронный ресурс] / М. Иванова. — SABAR.asia, 11 апреля 2022. — URL: <https://cabar.asia/ru/uzbekistanskaya-model-reabilitatsii-i-reintegratsii-grazhdan-iz-zon-konfliktov-v-sirii-i-irake> (дата обращения: 16.07.2025).
269. ХОВАР. Объем товарооборота между Таджикистаном и Узбекистаном за 9 месяцев текущего года достиг более 440 миллионов долларов // ХОВАР, 17 нояб. 2025. URL: <https://khovar.tj/rus/2025/11/17/obyom-tovarooborota-mezhdu-tadzhikistanom-i-uzbekistanom-za-9-mesyatsev-tekushhego-goda-dostig-bolee-440-millionov-dollarov> (дата обращения: 04.07.2025).
270. Центральная Азия в меняющемся мире [Электронный ресурс]. — 19 июня 2023 г. — Режим доступа: https://odkb-csto.org/analytics/?ELEMENT_ID=22100 (дата обращения: 02.02.2025).
271. Эмомали Рахмон и Касым-Жомарт Токаев обсудили ситуацию в Афганистане [Электронный ресурс] // МИР 24. — 15 сентября 2021 г. — Режим доступа: <https://tj.mir24.tv/news/16474967/emomali-rahmon-obsudil-s-kasym-zhomartom-tokaevym-situaciyu-v-afganistane> (дата обращения: 03.12.2024.).

272. Эргашева З. Бесстрашный «Казбат»: история казахстанских миротворцев в Таджикистане // Asia-Plus. — 08.05.2015. — Режим доступа: <https://asiaplustj.info/ru/news/life/person/20150508/besstrashnyi-kazbat-istoriya-kazakhstanskikh-mirotvortsev-v-tadzhikistane> (дата обращения: 03.12.2024).
273. Юлдашев А.. Эмомали Рахмон поехал в Казахстан с официальным визитом [Электронный ресурс] // Asia-Plus. — 14 марта 2018 г. — Режим доступа: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20180314/emomali-rahmon-otbil-v-kazahstan-s-ofitsialnim-vizitom> (дата обращения: 03.12.2024)
274. 20 documents signed following Tokayev's visit to Turkmenistan // Kabar News Agency. — 26.10.2021. — Режим доступа: <https://en.archive.kabar.kg/news/20-documents-were-signed-following-tokayevs-visit-to-turkmenistan/> (дата обращения: 14.07.2025).
275. Ahron P., Milton D. IS-Khorasan: Organizational Structure, Ideological Convergence with the Taliban, and Future Prospects [Электронный ресурс] // International Centre for Counter-Terrorism (ICCT). — 2023. — URL: https://pt.icct.nl/sites/default/files/2023-04/Article%201_2.pdf (дата обращения: 25.07.2025).
276. Asian Infrastructure Investment Bank's Central Asian Projects [Электронный ресурс] // Eurasian Research Institute. — URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/asian-infrastructure-investments-banks-central-asian-projects/> (дата обращения: 25.07.2025).
277. AKIpress. Tajikistan put forward conditions that did not meet interests of Kyrgyzstan: Tashiev on border talks. — 25 April 2021. — Режим доступа: https://akipress.com/news%3A657310%3ATajikistan_put_forward_conditions_that_did_not_meet_interests_of_Kyrgyzstan__Tashiev_on_border_talks/ (дата обращения: 10.07.2025)..
278. Alternative Route Via Central Asia: Uzbekistan's Vision [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.eurasian->

- research.org/publication/alternative-route-via-central-asia-uzbekistans-vision/(дата обращения: 25.07.2025).
279. Asian Infrastructure Investment Bank. Approved Projects in Kazakhstan. – URL:https://www.aiib.org/en/projects/list/year/All/member/Kazakhstan/sector/All/financing_type/All/status/Approved (дата обращения: 30.07.2025)
280. Asian Infrastructure Investments Bank's Central Asian Projects // Eurasian Research Institute. – URL:<https://www.eurasian-research.org/publication/asian-infrastructure-investments-banks-central-asian-projects/> (дата обращения: 30.07.2025).
281. Asia-Plus. Tajik business expands presence in Uzbekistan with 357 active enterprises // Asia-Plus. 15.07.2025 - URL: <https://asiaplustj.info/ru/node/350825> (дата обращения: 18.07.2025).
282. Asia-Plus. МФЦ «Астана»: рынок в 1 млрд человек и принципы английского права. — 20.07.2018. — Режим доступа: <https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20180720/mfts-astana-rinok-1-milliard-chelovek-polveka-bez-nalogov-i-printsipi-angliiskogo-prava> (дата обращения: 04.07.2025).
283. Avesta.tj. Президенты Таджикистана и Кыргызстана договорились о прекращении огня и отводе сил. — 16 сентября 2022. — Режим доступа: <https://avesta.tj/2022/09/16/prezidenty-tadzhikistana-i-kirgizii-dogovorilis-o-prekrashhenii-ognya-i-otvode-sil/> (дата обращения: 10.07.2025).
284. Агентство по контролю за наркотиками при Президенте РТ. Обзор ситуации за 2023 год. URL: <https://akn.tj/wp-content/uploads/2024/03/REVIEW%20of%20the%20Situation%20on%20Narcotic%20Drugs%20in%20Tajikistan%20in%202023.pdf> (дата обращения: 15.07.2025).
285. BBC. Who is who in the Taliban leadership // BBC News. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-58235639>(дата обращения: 16.07.2025).
286. Bekmurzaev N., Hioe B. Why is China investing in renewable energy in Kazakhstan? [Электронный ресурс] // Global Voices. – 10.04.2025. – Режим

- доступа: <https://globalvoices.org/2025/04/10/why-is-china-investing-in-renewable-energy-in-kazakhstan/> (дата обращения: 25.07.2025).
287. Bin H. Oil and gas cooperation between China and Central Asia [Электронный ресурс] // Petroleum Science. — 2014. — Vol. 11, No. 3. — Режим доступа: <https://www.cup.edu.cn/petroleumscience/docs/2019-08/20140415.pdf> (дата обращения: 30.07.2025).
 288. Business Turkmenistan. Turkmenistan-Kazakhstan Trade Exceeds \$563M in 2023 // Business.com.tm. — 09.01.2024. — URL: <https://business.com.tm/post/11438/turkmenistankazakhstan-trade-exceeds-563m-in-2023>(дата обращения: 15.07.2025)
 289. CABAR.asia. The road of contention: the authorities of Kyrgyzstan and Tajikistan begin negotiations after a border conflict. — 24.07.2019. — Режим доступа: <https://cabar.asia/en/the-road-of-contention-the-authorities-of-kyrgyzstan-and-tajikistan-begin-negotiations-after-a-border-conflict> (дата обращения: 10.07.2025).
 290. Central Asia's Growing Population and Youthful Workforce are Signs of Economic Vitality, Says Latest Study // The Astana Times. — 21.01.2025. — Режим доступа: <https://astanatimes.com/2025/01/central-asias-growing-population-and-youthful-workforce-are-signs-of-economic-vitality-says-latest-study/> (дата обращения: 04.12.2025).
 291. Central Asia–China Gas Pipeline [Электронный ресурс] // Global Energy Monitor. — Режим доступа: https://www.gem.wiki/Central_Asia%E2%80%93China_Gas_Pipeline (дата обращения: 10.07.2025).
 292. Central Asian Economic Forum held in Tashkent // PrimeMinister.kz. — 15 March 2019. — Режим доступа: <https://primeminister.kz/en/news/central-asian-economic-forum-held-in-tashkent-17969> (дата обращения: 04.07.2025).
 293. Central Asian Militants Return To Northern Afghanistan // Radio Free Europe/Radio Liberty 2015. — Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/qishloq->

- ovozi-central-asian-militants-north-afghanistan/27011640.html (дата обращения: 16.07.2025).
294. China Briefing Team. China and Kyrgyzstan: Bilateral Trade and Future Outlook [Электронный ресурс]. – 27.08.2021. – Режим доступа: <https://www.china-briefing.com/news/china-and-kyrgyzstan-bilateral-trade-and-future-outlook/>(дата обращения: 25.07.2025).
295. China Daily. China-Central Asia pipeline fosters shared future [Электронный ресурс]. — 2023.09.22 (обновлено 22.09.2023). — Режим доступа: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202309/22/WS650cffdaa310d2dce4bb739b.html>(дата обращения: 25.07.2025).
296. China Is Reshaping Central Asia's Energy Sector as Russian Influence Fades [Электронный ресурс] // SOAS China Institute Blog. — Режим доступа: <https://blogs.soas.ac.uk/china-institute/2025/05/20/china-is-reshaping-central-asias-energy-sector-as-russian-influence-fades> (дата обращения: 10.07.2025).
297. China National Petroleum Corporation (CNPC). Central Asia–China Gas Pipeline [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.cnpc.com.cn/en/CentralAsia/CentralAsia_index.shtml(дата обращения: 25.07.2025).
298. China's Silk Road Fund is Ready to Invest in Kazakhstan. – 19.07.2023 // Invest.gov.kz. – URL:<https://invest.gov.kz/media-center/press-releases/fond-shyelkovogo-puti-kitaya-gotov-investirovat-v-kazakhstan/>(дата обращения: 30.07.2025).
299. China-Central Asia gas pipeline transports over 400 bln cubic meters of natural gas [Электронный ресурс] // China Daily. – 16.06.2022. – Режим доступа: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202206/16/WS62aaf678a310fd2b29e63264.html> (дата обращения: 25.07.2025).
300. Esenov M. Turkmenistan and Central Asian Regional Security [Электронный ресурс] // SIPRI. — 2001. — Режим доступа: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/books/SIPRI01Chufrin/SIPRI01Chufrin14.pdf>(дата обращения: 02.02.2025).

301. Eurasian Economic Union's GDP growth provisionally estimated at 4% [Электронный ресурс] // ТАСС. — Режим доступа: <https://tass.com/economy/190711/> (дата обращения: 30.07.2025).
302. Expanding China's Education Diplomacy in Central Asia [Электронный ресурс]. — February 2024. — Режим доступа: <https://www.eurasian-research.org/publication/expanding-chinas-education-diplomacy-in-central-asia/> (дата обращения: 25.07.2025).
303. Felbab-Brown V. Pakistan, Taliban and the Afghan Quagmire [Электронный ресурс] // Brookings Institution. — URL: <https://www.brookings.edu/articles/pakistan-taliban-and-the-afghan-quagmire/> (дата обращения: 25.07.2025).
304. Felbab-Brown V. Blood and Faith in Afghanistan [Электронный ресурс]. — Washington, D.C.: Brookings Institution, 2016. — URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/2016-Felbab-Brown-Paper-BLOOD-AND-FAITH-VFB.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).
305. Felbab-Brown V. Drugs, security, and counternarcotics policies in Afghanistan [Электронный ресурс] // Brookings Institution. — 29.10.2020. — Режим доступа: <https://www.brookings.edu/articles/drugs-security-and-counternarcotics-policies-in-afghanistan/> (дата обращения: 15.07.2025).
306. Fergana.agency. СМИ: Президенты Кыргызстана и Таджикистана на полях саммита ШОС договорились о прекращении огня. — 16 сентября 2022. — Режим доступа: <https://fergana.agency/news/127790/> (дата обращения: 10.07.2025).
307. First summit of the Central Asian countries and Russia held in Astana [Электронный ресурс]. — 16.10.2022. — Режим доступа: <https://www.newscentralasia.net/2022/10/16/first-summit-of-the-central-asian-countries-and-russia-held-in-astana/> (дата обращения: 30.07.2025)
308. Forbes Kazakhstan. В Казахстане появится лаборатория для опасных штаммов [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

- https://forbes.kz/articles/v_kazahstane_poyavitsya_laboratoriya_dlya_opasnyih_shtammov (дата обращения: 30.07.2025).
309. Global Security Initiative: China's solution to security challenges / Eurasia Magazine [Электронный ресурс]. — 29.06.2025. — URL: <https://eurasiamagazine.com/global-security-initiative-chinas-solution-to-security-challenges>(дата обращения:30.07.2025)
310. GM Uzbekistan запустили производство Ravon Nexia R3 в Казахстане // Sputnik Таджикистан. 2017. 31 мая.URL: <https://tj.sputniknews.ru/20170531/uzbekskiye-ravon-nexia-proizvodit-zavod-kazakhstan-1022455867.html>(дата обращения: 04.07.2025)
311. Human Rights Watch. “Bullets Were Falling Like Rain”: The Andijan Massacre — May 13, 2005 [Электронный ресурс]. – New York : HRW, 2005. – Режим доступа: <https://www.hrw.org/report/2005/06/06/bullets-were-falling-rain/andijan-massacre-may-13-2005> (дата обращения: 16.07.2025).
312. Jamaat Ansarullah // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Jamaat_Ansarullah (дата обращения: 16.07.2025).
313. Kazakhstan and China Signed Documents Worth \$3.7 Billion [Электронный ресурс] // Invest.gov.kz. — URL: <https://invest.gov.kz/ru/media-center/press-releases/kazakhstan-i-kitay-podpisali-dokumenty-na-3-7-mlrd/> (дата обращения: 25.07.2025).
314. Kazakhstan to build 5 border trade and logistics hubs by 2025 // Orient.tm. 2023. 11 February.URL: <https://orient.tm/en/post/46567/kazakhstan-build-5-border-trade-and-logistics-hubs-2025> (дата обращения: 05.07.2025).
315. Kazakhstan, China Sign Multibillion Dollar Oil Deal [Электронный ресурс] // The Jamestown Foundation. — 25.09.1997. — Режим доступа: <https://jamestown.org/program/kazakhstan-china-sign-multibillion-dollar-oil-deal/> (дата обращения: 30.07.2025).
316. Kazakhstan, Iran, Turkmenistan and Russia to Develop North–South Transport Corridor [Электронный ресурс] // The Times of Central Asia. — Режим

- доступа: <https://timesca.com/kazakhstan-iran-turkmenistan-and-russia-to-develop-north-south-transport-corridor> (дата обращения: 10.07.2025).
317. Kazakhstan, Uzbekistan to Double Mutual Trade to \$10 Billion // The Astana Times. 2024. URL: <https://astanatimes.com/2024/07/kazakhstan-uzbekistan-to-double-mutual-trade-to-10-billion/> (дата обращения: 15.07.2025).
 318. Kyrgyzstan Attracts Record-High Investment from Kazakhstan // The Times of Central Asia. — 06.08.2025. — Режим доступа: <https://timesca.com/kyrgyzstan-attracts-record-high-investment-from-kazakhstan/> (дата обращения: 04.07.2025).
 319. Kyrgyzstan, Tajikistan: Put Rights at Center of Border Deal. — News Release, 28 March 2025, 03:32 AM EDT [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.hrw.org/news/2025/03/28/kyrgyzstan-tajikistan-put-rights-center-border-deal> (дата обращения: 25.07.2025).
 320. Landmark megaproject: Kazakhstan and Uzbekistan to be connected via new railroad // PrimeMinister.kz. 2023. 27 November. URL: <https://primeminister.kz/en/news/landmark-megaproject-kazakhstan-and-uzbekistan-to-be-connected-via-new-railroad-26408> (дата обращения: 05.07.2025).
 321. Mansfield D. A State Built on Sand: How Opium Undermined Afghanistan [Электронный ресурс]. — Oxford University Press, 2016. — Режим доступа: <https://www.davidmansfield.org/home/index.html> (дата обращения: 15.07.2025).
 322. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. China Entered into Diplomatic Relations with Independent Former Soviet Republics [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zy/wjls/3604_665547/202405/t20240531_11367554.html (дата обращения: 30.07.2025).
 323. Ministry of Foreign Affairs of Uzbekistan. CRRF should be used only to repulse aggression — Uzbek Foreign Ministry. UzDaily, 2009.- [Электронный

- ресурс].-URL: <https://www.uzdaily.com/en/crrf-should-be-used-only-to-repulse-aggression-uzbek-foreign-ministry/> (дата обращения: 25.07.2025).
324. Minzarari D., Schmitz A. Escalation in the Kyrgyz-Tajik Borderlands [Электронный ресурс]. – Point of View. – 07.05.2021. – Режим доступа: <https://www.swp-berlin.org/publikation/escalation-in-the-kyrgyz-tajik-borderlands> (дата обращения: 04.07.2025).
325. Modernizing Irrigation in Central Asia [Электронный ресурс]. — CAWater-Info. — Режим доступа:<https://www.cawater-info.net/library/eng/modernizing-irrigation-central-asia.pdf> (дата обращения: 10.07.2025).
326. Nazarbaev Floats Renaming Kazakhstan // Radio Free Europe / Radio Liberty. 2014. 7 February. URL: <https://www.rferl.org/a/kazakhstan-name-change-nazarbaev/25256403.html> (дата обращения: 06.12.2025).
327. Number of bilateral documents signed following official visit of Kazakh President to Kyrgyzstan // Kabar News Agency. — 26.05.2022. — Режим доступа: <https://en.kabar.kg/news/number-of-bilateral-documents-signed-following-official-visit-of-kazakh-president-to-kyrgyzstan/> (дата обращения: 04.12.2025).
328. Omirgazy D. Kazakhstan Overhauls Railway Infrastructure to Cement Role as Global Transit Hub // The Astana Times. 2025. 19 August. URL: <https://astanatimes.com/2025/08/kazakhstan-overhauls-railway-infrastructure-to-cement-role-as-global-transit-hub/> (дата обращения: 05.07.2025).
329. Pipe China West Pipeline Company. China Central Asia Gas Pipeline transports over 500 billion cubic meters of natural gas since 2009. – 19.11.2024.- URL: <https://english.news.cn/20241119/10da9cc59ea648a0a03fc0149fec33c8/c.html> (дата обращения: 18.07.2025).
330. Prosecutor General's Office publishes list of extremist groups banned in the Kyrgyz Republic [Электронный ресурс]. — 24.kg, 2024. — URL: https://24.kg/english/303860_Prosecutor_Generals_Office_publishes_list_of_extremist_groups_banned_in_KR/(дата обращения: 16.07.2025).

331. Qazinform. В Казахстане построят лабораторию для особо опасных вирусных штаммов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://qazinform.com/news/kazakhstan-to-build-highly-dangerous-virus-strains-lab_a3865831 (дата обращения: 30.07.2025).
332. Radio Free Europe/Radio Liberty. Central Asian Militants in the Batken Region [Электронный ресурс]. — 2019. — Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/qishloq-ovozi-central-asian-militants-north-afghanistan/27011640.html> (дата обращения: 16.07.2025).
333. Radio Free Europe/Radio Liberty. The Summer of 1999 and the IMU in Kyrgyzstan [Электронный ресурс]. — 2019. — Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/the-summer-of-1999-and-the-imu-in-kyrgyzstan/30180837.html> (дата обращения: 16.07.2025).
334. Rahmanov, A. Turkmenistan's Neutral Foreign Policy: Peace, Security and Sustainable Development [Электронный ресурс] / A. Rahmanov. — 2022. — Режим доступа: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/2559576> (дата обращения: 02.12.2025).
335. Repatriation and Reintegration of Children from Uzbekistan Affected by Armed Conflict in Syria and Iraq [Электронный ресурс]. — UNICEF & Правительство Узбекистана, 2019. — URL: https://www.unicef.org/eca/media/36436/file/Repatriation%20and%20reintegration%20of%20children%20from%20Uzbekistan%20affected%20by%20conflict%20in%20Syria%20and%20Iraq_updated%20ENG.pdf (дата обращения: 16.07.2025)..
336. Reuters. Haqqani vs Kandahar clash inside Taliban // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/haqqani-network-taliban-rivalry-2022-03-06> (дата обращения: 16.07.2025).
337. Review.uz. На границе Узбекистана и Казахстана построят центр торгово-экономического сотрудничества «Центральная Азия». — 15.04.2019. — Режим доступа: <https://review.uz/post/na-granitse-uzbekistana-i-kazahstana->

- postroyat-tsentr-torgovo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-tsentralnaya-aziya (дата обращения: 04.07.2025).
338. RFE/RL. Why Deadly Fighting Broke Out Between Kyrgyzstan And Tajikistan. — 03.05.2021. — Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/kyrgyzstan-tajikistan-deadly-border-fighting-analysis/31231165.html> (дата обращения: 10.07.2025).
339. Russia's Supreme Court Bans Islamic Renaissance Party of Tajikistan [Электронный ресурс]. — Radio Free Europe/Radio Liberty. — URL: <https://www.rferl.org/a/russia-supreme-court-bans-islamic-renaissance-tajikistan/32033648.html> (дата обращения: 16.07.2025).
340. Russian.News.Cn. Газопровод Китай — Центральная Азия способствует общему будущему [Электронный ресурс]. — 2023.08.24. — Режим доступа: <https://russian.news.cn/20230824/bd591b278c8a4cb584538247b6586344/c.html> (дата обращения: 25.07.2025).
341. Satellite images indicate serious accident at Qosh Tepa Canal under construction in Afghanistan [Электронный ресурс] // Asia-Plus. — 18 декабря 2023 г. — Режим доступа:<https://asiaplustj.info/en/news/world/20231218/satellite-images-indicate-serious-accident-at-qosh-tepa-canal-under-construction-in-afghanistan> (дата обращения: 10.07.2025).
342. Sinor D. Inner Asia and Central Asia: Are They Different? // H-Asia Forum Archives. — 1997. — March 12. — URL: <https://h-net.org/~asia/> (дата обращения: 16.04.2025).
343. Spot.uz. На казахско-узбекской границе планируется создать центр торгово-экономического сотрудничества. — 15.04.2019. — Режим доступа: <https://www.spot.uz/ru/2019/04/15/horgos/> (дата обращения: 04.07.2025).
344. Sputnik Таджикистан. Таджикистан и Узбекистан достигли договоренностей по визовым отношениям и самому спорному участку госграницы – плотине Фархадской ГЭС // Sputnik Таджикистан. 2018. 11 янв. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20180111/tadzhikistan-uzbekistan-dostigli->

- dogovorennostey-samym-spornym-voprosam-1024387950.html (дата обращения: 04.12.2025)
345. StanRadar. Зачем Пентагон трясёт пробирками в СНГ? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://stanradar.com/news/full/51072-zachem-pentagon-trjaset-probirkami-v-sng.html> (дата обращения: 30.07.2025).
346. Sun Zhuangzhi. The Relationship between China and Central Asia [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no16_1_ses/03_zhuangzhi.pdf (дата обращения: 30.07.2025).
347. Tajikistan and Kazakhstan vow to boost bilateral cooperation // Asia-Plus. — 04.05.2023. — URL: <https://old.asiaplustj.info/en/news/tajikistan/politics/20230504/tajikistan-kazakhstan-vow-to-boost-bilateral-cooperation> (дата обращения: 27.07.2025).
348. Testimony before the U.S. Congress on Foreign Fighters from Central Asia [Электронный ресурс] // U.S. Government Publishing Office. — URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-114jhr95333/html/CHRG-114jhr95333.htm> (дата обращения: 16.07.2025).
349. The capital of “Uzbekistan–Kyrgyzstan Development Fund” is planned to increase to 200 million dollars // TURKSAM – Manas University. 2022. 14 April. URL: <https://turksam.manas.edu.kg/index.php/en/kirgizistan-2/5610-the-capital-of-the-uzbekistan-kyrgyzstan-development-fund-is-planned-to-increased-to-200-million-dollars> (дата обращения: 05.07.2025).
350. The Current State of the Electric Power Industry in Turkmenistan [Электронный ресурс] // News Central Asia. — Режим доступа: <https://www.newscentralasia.net/2022/09/05/the-current-state-of-the-electric-power-industry-in-turkmenistan> (дата обращения: 10.07.2025).
351. The Return of Foreign Fighters to Central Asia: Implications for U.S. Counterterrorism Policy [Электронный ресурс] // INSS, National Defense University. — URL: <https://inss.ndu.edu/Media/News/Article/990914/the-return>

- of-foreign-fighters-to-central-asia-implications-for-us-counterterro/ (дата обращения: 16.07.2025).
352. Transport [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Туркменистана. — Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tm/ru/transport> (дата обращения: 10.07.2025).
 353. Turkmenistan Making Moves to Integrate Into Middle Corridor Trade Routes [Электронный ресурс] // Eurasianet. — Режим доступа: <https://eurasianet.org/turkmenistan-making-moves-to-integrate-into-middle-corridor-trade-routes> (дата обращения: 10.07.2025).
 354. TV BRICS. Kazakhstan–Russia trade reaches 95% settlement in national currencies [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tvbrics.com/en/news/kazakhstan-russia-trade-reaches-95-settlement-in-national-currencies> (дата обращения: 30.07.2025).
 355. Uzbekistan – Kazakhstan: a new stage of cooperation based on historical friendship and strategic partnership // Official Website of the Government of the Republic of Uzbekistan. — 23.03.2017. — Режим доступа: <https://old.gov.uz/en/news/view/9831> (дата обращения: 04.07.2025).
 356. Uzbekistan and Turkmenistan Are Forming a Transport and Transit Tandem [Электронный ресурс] // The Diplomat. — Режим доступа: <https://thediplomat.com/2025/11/uzbekistan-and-turkmenistan-are-forming-a-transport-and-transit-tandem> (дата обращения: 10.07.2025).
 357. \$5 Billion // BuzB. 2024. 28 October. URL: <https://buzb.uz/en/news/uzbekistans-foreign-trade-volume-with-central-asian-countries-reaches-dollar5-billion>(дата обращения: 04.07.2025).
 358. Vinokurov E., Ahunbaev A., Chuyev S., Adakhayev A., et al. Efficient Irrigation and Water Conservation in Central Asia// Eurasian Development Bank, 2023. — Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/375757599_Efficient_Irrigation_and_Water_Conservation_in_Central_Asia (дата обращения: 10.07.2025).

359. VPO Analytics. Казахстан вновь отрицает наличие в республике «американских фабрик смерти» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vpoanalytics.com/point-of-view/kazakhstan-vnov-otritsaet-nalichie-v-respublike-amerikanskikh-fabrik-smerti> (дата обращения: 30.07.2025).
360. Wikipedia. Central Asia–China gas pipeline [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Central_Asia%E2%80%93China_gas_pipeline (дата обращения: 25.07.2025).